

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
АДМИНИСТРАЦИИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

ДОКУМЕНТ
В ПАРАДИГМЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО
ПОДХОДА

*Материалы Второй Всероссийской
научно-практической конференции
(г. Томск, 27–28 октября 2005 г.)*

Томск
2006

**УДК 002
ББК70
Д63**

- Д63 Документ в парадигме междисциплинарного подхода:**
Материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. проф. О.А. Харусь. – Томск: Томский государственный университет, 2006. – 400 с.

ISBN 5-94621-163-3

Сборник содержит доклады и выступления, подготовленные к Всероссийской научно-практической конференции «Документ в парадигме междисциплинарного подхода» (Томск, 27–28 октября 2005 г.).

**УДК 002
ББК70**

Редакционная коллегия:
профессор Ю.В. Куперт,
профессор Н.С. Ларьков,
профессор С.Ф. Фоминых,
профессор О.А. Харусь (отв. ред.)

Техническая работа с материалами:
И.Е. Косых, Е.А. Казакова

Конференция подготовлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект 05-01-64180 г/Т)

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Н.П. Лукина

ДОКУМЕНТ КАК СПОСОБ КОДИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

Основной задачей данной статьи является попытка показать, насколько эффективно электронный документ выполняет свои кодификационные функции в условиях информационного общества.

Регулярность повседневного воспроизведения социальной жизни и постижение ее постоянных пульсаций являются основой исторического оптимизма. Современный французский философ М. Фуко полагал, что социальное может существовать только как некоторая упорядоченность, а говорить о социальном порядке – значит, говорить о том, как мы можем мыслить социальный порядок. Социальный универсум представляется местом борьбы за знания о том, чем является социальный мир, и документу в этом принадлежит значительная роль.

Упорядочивающим началом социального мира выступает процедура кодификации. По мнению современного французского социолога П. Бурдье, кодификация есть одновременно сила логическая, лингвистическая и социальная [1]. Понятие кода широко используется в лингвистике, семиотике, социосемантике. Лингвистический код, по определению Соссюра, есть то, что позволяет передатчику и приемнику связывать один и тот же звук с одним и тем же значением, одно и то же значение с одним и тем же звуком.

С точки зрения семиотики, код – знаковая структура, правила сочетания, упорядочения символов, способ структурирования. Область интересов социосемантики распространяется на исследование социокодов как механизмов социальной памяти и культурной трансляции социальных образцов, норм, правил.

Согласно П. Бурдье, кодифицировать означает одновременно придавать форму и соблюдать формальность. Культурное освоение социальной реальности всегда есть освоение формы. С кодификацией ассоциируется эффект формализации как установление четких границ. Формализация, таким образом, позволяет придавать социальным практикам ту стабильность, которая обеспечивает прогнозируемость и калькулируемость со-

циальной жизни через массу индивидуальных вариаций и временных флуктуаций. Кодификация выступает заодно с дисциплиной и нормативизацией социальных практик, оставаясь в пределах понятных, общепринятых правил. Кодификация также является основополагающим актом социальной жизни, поскольку она обеспечивает возможность для минимальной коммуникации. Кодификация делает вещи простыми и ясными, коммуникабельными или контактабельными. Она делает возможным контролируемый консенсус над значением и устанавливает гомологичность, другими словами, кодификация придает словам единый смысл.

Кодификация, таким образом, предстает своего рода канонизацией, решающей проблему всеобщности, интерсубъективности условий социальной деятельности [1].

Кодификация легитимизирует социальный порядок через процедуру категоризации. Аристотель называл категориями акты наименования, номинации, которые претендуют на универсальность, а значит на власть над социальным миром. Политические деятели присваивают себе категории, используют их в качестве принципов структурирования социальной реальности и влияют, тем самым, на консенсус по поводу его понимания, то есть они владеют кодами, схемами классификации, необходимыми для уяснения их социального смысла. Тот, кто располагает хорошо структурированным формальным языком, может положиться на него и освободиться от частностей.

Кодификация как рационализация дает возможность символического эффекта, то есть выступает в обличии универсальности, всем подходящей, легитимной, одобряемой формы. Кодифицировать – значит, объективировать, делать публичным, видимым, обнародованным, известным.

Эффекты кодификации социального мира реализуются, во-первых, в диагностике реальности (узнавании), во-вторых, в администрировании, то есть указаний на то, что должен делать тот, будучи тем, кто он есть, в-третьих, в официальных отчетах о том, что сделано.

Эффекты социальной кодификации опираются на авторитет юридической, политической, экономической науки.

Основным содержанием современного этапа в развитии человечества в общественно-историческом, научно-техническом, технологическом планах является переход от углубленного изучения и всестороннего овладения объектами обычной информационной емкости, которые тысячи лет окружали человека, формировали его миропонимание, к объектам принципиально новым, к объектам большой, а ныне огромной информационной емкости. Открытие математикой и естествознанием таких объектов произош-

ло в середине XX в., а термин «объекты огромной информационной емкости» первыми использовали К. Шенон и А.Н. Колмогоров.

Важнейшей потребностью человека информационного общества стала потребность в быстром и качественном получении интересующей его достоверной информации.

Современный тип социальных связей и отношений totally опосредован созданием и массовым потреблением информационных технологий. Если источником жизненного опыта человека «письменной цивилизации» служил структурированный текст, подчиненный определенной логике (религиозной или научной), то современный человек пребывает в мире образов, созданных компьютерными технологиями, в мире экранной культуры. Пространство образов лишено логики, оно подчиняется не выраженным явно закономерностям. Тем самым разрушается привычный каркас социальной онтологии и ментальности. Сознание человека, сформированное пестрой картиной информационного потока, теряет осмысленность, причастность к всеобщему. Связи людей, их общение, состояние сознания приобретают фрагментарный, клиповый характер.

Информация, являясь основным ресурсом деятельности высокотехнологичного общества, требует эффективных методов и алгоритмов обработки, хранения, контроля и экспертизы. Информационные ресурсы могут быть представлены в качестве документного пространства, куда входят научные публикации, учебники, выступления политических и общественных деятелей, деятелей культуры, программные документы, религиозные проповеди и многое другое из того, что определяет существование и эволюцию общества. Современная информационно-коммуникационная культура способствует небывалой диверсификации и мультиплексии источников.

Информационной единицей таких ресурсов является электронный документ. Разработка новых методов, направленных на работу с электронным документом, с его текстовым и цифровым содержанием, осложняется рядом обстоятельств. Интернет позволяет его пользователям получать доступ к огромному количеству всевозможной информации. В сети можно найти разного рода документы, она является отражением результата познания всего человечества, хранищем коллективного знания. Но эти знания неупорядочены, хаотичны. Возникает парадокс, когда информация, согласно определению, призвана уменьшить степень неопределенности, однако ее количество так велико и так неструктурированно, что общая энтропия от этого только увеличивается. Возникает проблема различия достоверной и недостоверной и даже социально опасной информации.

Нельзя не согласиться с О. Тоффлером в том, что информационные технологии возникли как средства обеспечения максимального качества, доступности, оптимальности, полноты информации. Однако постоянно увеличивающийся объем информации, предоставляемой человеку компьютерными технологиями, входит в противоречие и с уровнем образованности огромной части населения планеты, и с социальными возможностями контроля и экспертизы над использованием информации в асоциальных целях, и с психологическими возможностями и масштабами социальной адаптации, переработки и использования этой информации отдельной личностью. В противоречие входят также большие объемы информации, транслируемые с помощью электронных технологий, и заметное снижение рефлексивности, критической избирательности, необходимых для присутствия в информационном пространстве.

Одним из признаков современности является кажущаяся прозрачность политической власти с ее доступностью сайтов известных политиков. Однако существует мнение, согласно которому нынешняя эпоха – одна из самых закрытых за всю историю цивилизации. Признаками информационного общества в литературе называют анонимность, безличность, виртуальность [2]. В социальном аспекте это свидетельствует о таком состоянии общества, в котором отношения людей носят опосредованный характер. Безличен установленный в обществе формально-рациональный порядок, предполагающий, что жизнедеятельность социума организуется посредством закона как общепризнанного и безличного права по определению В. Соловьева. Социально значимые решения исходят из анонимных структур. Абстрактно государственное начало сосредоточено в некой безличной структуре и в компьютерах, осуществляющих анонимную власть. Идет формирование такой информационной реальности, в которой человек присутствует только идеально, наблюдая смоделированные компьютером визуальные модели. Конструирование реальности с помощью знаково-символических форм влияет на выстраивание системно-структурных связей и отношений и приводит к тому, что мы отвлекаемся от непосредственных вещей и событий, заменяя качественный подход к миру количественным.

Современные кибернетические технологии предоставляют мощные средства по созданию желаемых образов действительности, формируя виртуальную реальность, вполне эффективно заменяющую реальность истинную. Создание интерактивных виртуальных моделей централизованного управления и программирования социальных процессов (виртуальные институты, электронные правительства, рынки, корпорации, политические партии) приводит к тому, что социальная реальность становится реально-

стью виртуальной. Эффект следования институциональным нормам достигается за счет симуляции реальных объектов и поступков. События в обществе и культуре виртуализируются, и глубина проникновения виртуальности в социальную и индивидуальную жизнь человека оказывает большее воздействие, чем события в реальном мире. Размышляя по поводу сложившихся реалий информационной эпохи, французский философ Ж. Бодрийяр в эссе под названием «Войны в заливе не было», приходит к выводу, что в современном обществе не существует ни свободы, ни выбора, ни возможности принятия окончательного решения, поскольку любое решение, связанное с сетью, экраном, информацией и коммуникацией, всегда будет серийным, частичным, фрагментарным, нецелостным [3].

Перечисленные обстоятельства проблематизируют формирование социокультурного электроннодокументного пространства. Под социокультурным электроннодокументным пространством следует понимать сферу электронного документооборота, его культурных норм, образцов, эталонов. Актуальной представляется выработка общей идеологии развития электроннодокументного пространства, под которой понимается система взглядов на порядок и процедуру отбора документов, наполняющих данное пространство, и принципы взаимодействия его сегментов. Если суммировать факторы, осложняющие процесс формирования электроннодокументного пространства и уменьшающие его кодификационную легитимность в условиях информационного общества, то необходимо отметить следующее:

1. Существует проблема терминологической размытости или неопределенности сферы применения термина «электронный документ». Его четкое определение играет ключевую роль для детальной проработки когнитивных, семиотических, социальных и правовых процессов информационного взаимодействия, в которых с электронными документами связаны юридические права и обязанности участников взаимодействия.

2. Обострился вопрос подлинности бумажных и электронных документов, связанный, в частности, с процедурой подписания, заверения документа. Бумажный вариант документа с точки зрения содержания информации и подписи представлен единым носителем – подписью страницей, неразрывно связанной с другими страницами. В электронном документе как продукте обмена между людьми с использованием цифровой среды подпись неразрывно связана только с последовательностью цифр, а не с информацией, представленной в знаковой форме. В данном случае требуется выполнить переход от цифрового плана выражения к информационному, при соблюдении юридической чистоты этого перехода [4. С. 33–34].

3. Отсутствие единой идеологии построения электронно-документного пространства затрудняет консолидированное влияние на выработку единой государственной политики и гармонизирование законодательства в сфере электронных ресурсов.

4. Проблематичной представляется выработка конвенциональных стандартов на электронные форматы и публикации. Примером могут служить научные публикации в Интернете, индекс цитирования которых достаточно высокий, но их не включают в списки научных трудов, например, для предоставления в ВАК.

5. Дискутируется вопрос о недолговечности виртуальных публикаций, поскольку виртуальный текст готов к физической деформации вплоть до уничтожения. Это аргумент в пользу того, что не следует питать иллюзий, связанных с полным вытеснением электронными документами документов бумажных.

6. Назрела необходимость в создании профессионального сообщества, заинтересованного в выработке решений и стандартов, удовлетворяющих требованиям основных групп генераторов и потребителей электронных документов. Речь идет о получении легитимных информационных ресурсов, легитимных изданий, создании электронных коллекций документов, стандартизации их качества, отслеживании распространения контрафактных электронных документов.

7. Электронные документы необходимо производить в формате, пригодном для каталогизации и автоматизации. Это должен быть конвертируемый формат, который позволит использовать электронные документы в разных компьютерах и при помощи различных программ.

Примечания

1. Бурдье П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994.
2. Бодрийяр Ж. Войны в Заливе не было // Художественный журнал. 1994. № 3.
3. Быченков В.М. Анонимность, безличность, виртуальность // Общество и книга: от Гутенberга до Интернета. М.: Традиция, 2001.
4. Зацман И.М. Семиотические и когнитивные аспекты проблемы электронного взаимодействия в информационном обществе // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество. СПб.: Изд-во филол. фак-та СПбГУ, 2003.

В.А. Савин

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДОКУМЕНТА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ: ОБЪЕКТНО-ПРЕДМЕТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

1. Состояние современного документоведения даже в части определения базовых понятий оставляет желать лучшего. Трудно не согласиться с Н.С. Ларьковым, что нерешённость вопроса о предмете и объекте документоведения, слабая изученность многих его теоретических вопросов стали причиной ряда дискуссий, вспыхнувших в последнее время среди специалистов в области архивоведения, дипломатики, источниковедения, археографии [1]. Преодолеть затянувшееся замешательство можно, на наш взгляд, лишь поднявшись над рутиной многочисленных научных дисциплин, занимающихся проблемами документа утилитарно, с целью решения узкоспециальных задач.

Дискуссионной, в частности, является проблема трансформации документа в исторический источник. Она находится в поле зрения ряда гуманистических наук и дисциплин, рассматривающих документ-источник то в качестве объекта, то, как предмет изучения. Среди них скромное, но определенное место занимает феноменология документа, изначально выбравшая междисциплинарность в качестве фундаментального принципа [2. С. 168–174].

В данном сообщении попытаемся рассмотреть объектно-предметные отношения феноменологии документа и недавно заявившей о себе исторической феноменологии [3].

2. Обе дисциплины опираются на методологические достижения современной философии, разработавшей учение о феномене. Феномен в феноменологической философии – это непосредственно самообнаруживающаяся данность первичного опыта, или, как определяет М. Хайдеггер, «само-по-себе-себя-показывающее» [4]. Феномен в этом смысле есть не видимость вещи, но ее самоданность, он не предполагает позади себя существование «вещи самой по себе». Феноменологически вещи суть то, что они суть как вещи опыта. В феноменологии Э. Гуссерля феномен разумеется как непосредственная данность сознания, обнаруживающая себя путем «искажения» естественной установки в феноменологической рефлексии, когда мы обращаем внимание от вещи на свое сознание вещи.

Специфика феноменологии состоит в том, что по своей сути она есть не теоретическая конструкция, но практика особого рода, направленная

на раскрытие и осмысление первичного опыта. Согласно феноменологии, только самоочевидный опыт, то есть опыт непосредственной самоданности «вещей», свидетельствует об истине и является законным источником познания. Таким образом, феноменология, по замыслу своего создателя, претендует на статус универсально и аподиктически обосновывающей науки, науки о «первоистоках» знания, выступающей в роли научоучения по отношению ко всем частным наукам [5. С. 24].

3. Согласно Э. Гуссерлю, феноменологический метод осуществляется исключительно в рефлексии сознания на свою собственную «жизнь». Овладение такой рефлексией предполагает переход к особой теоретической «позиции», которая получила название феноменологической установки – самонаправленности сознания в процессе феноменологического исследования.

Феноменологический метод находит свое применение не только в философии, но и в психологии, психиатрии, социологии, других дисциплинах. Нашел он свое отражение и в современной методологии отечественной истории в качестве одного из научных направлений, получившего название «историческая феноменология». Для исторической феноменологии объектом является источник как интерсубъективная реальность. Задача историка-феноменолога – дать «чужой одушевленности» право на монолог. В этом смысле источник – самоцель познания [6. С. 49].

4. Феноменология документа как научная дисциплина только зарождается. Ее проблематика, имеющая высокую степень актуальности, пока лишь поставлена перед научным сообществом. Однако исследования показывают, что в феноменологической системе «активный документ – хранимый документ (архивный, библиотечный, музейный) – исторический источник – памятник истории и культуры» источник понимается как продукт целенаправленной человеческой деятельности, как историческое (социальное) явление [7. С. 69]. Согласно феноменологии документа этот продукт должен быть переработан интенциально. А интенциональность, по Э. Гуссерлю, выражает предметную направленность переживаний сознания, его соотнесенность с предметами опыта. Эта соотнесенность сознания и предмета понимается как смыслообразующая, сознание есть не что иное, как смыслообразование [8. С. 8].

Основу такого понимания источника заложил А.С. Лаппо-Данилевский, который полагал, что «лишь тот исторический материал, который уже подвергнут предварительному исследованию и после такого исследования оказывается пригодным для познания одного или нескольких фактов с историческим значением, становится историческим источником» [9. С. 375].

Очевидно, что в действительности подобного рода оценка достигается не сразу, а только посредством достижения непосредственной самоданности «вещей» через интенциональность. «Пока историк не подверг данный исторический материал предварительному исследованию, он не может признать его историческим источником» [10. С. 46]. Под историческим материалом имелись в виду, прежде всего, архивные документы. В связи с этим важно вспомнить, что введённое и применяемое Лаппо-Данилевским понятие «исторический материал» в 1920-е гг. было трансформировано его учениками и последователями в один из базовых терминов архивоведения «архивные материалы», который через сорок лет был модернизирован (без изменения содержания) в понятие «архивные документы».

5. Вывод очевиден: историческая феноменология и феноменология документа находятся в гармоничной связи, определяемой объектно-предметными отношениями. Для этих научных дисциплин огромное значение имеет исторический источник, выступающий не только в роли ключевого понятия, но и в качестве объекта/предмета изучения.

Для исторической феноменологии исторический источник является объектом анализа.

Для феноменологии документа документальный источник – предмет анализа в качестве неотъемлемого элемента интенционального ряда проявлений документа. Объектом же для этой дисциплины выступает документ во всех его проявлениях.

Здесь мы видим диалектическое сходство научных дисциплин на объективно-предметном уровне, определяющее перспективы их взаимодополнения (при наличии четких definicij) на поле теоретического и методологического выявления неограниченных свойств единого объекта и предмета изучения – документального исторического источника как единственной реальности, несущей в себе собственные и исчерпанные (то есть самодостаточные) смыслы [6. С. 49].

Примечания

1. Ларьков Н.С. Актуальные проблемы документоведения на современном этапе // Документ в меняющемся мире: Материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции (27–28 нояб. 2003 г.) / Под. ред. проф. Н.С. Ларькова. Томск: Томский государственный университет, 2004. С. 3–13.

2. Савин В.А. Феноменология документа: постановка проблемы // Вестник архивиста. 2001. №. 1. С. 168–174.

3. Опыт исторической феноменологии: Трудный путь к очевидности / А.В. Каравашкин, А.Л. Юрганов. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2003; Кром М.М. Герменевтика, феноменология и загадки русского средневекового сознания

[О книге А.Л. Юрганова «Категории русской средневековой культуры». М., 1998] // Отечественная история. 2000. №. 6. С. 94–102; Кудрявцев О.Ф. Философия человека как проблема исторической феноменологии культуры: христианская патристика и ренессансный гуманизм // Проблемы исторического познания. М.: Наука, 1999. С. 225–237; Пушкирева Н.Л. От «his-story» к «her-story»: рождение исторической феноменологии // Адам & Ева: Альманах гендерной истории. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 20–45; Фадеева И.Е. Теория и культурно-историческая феноменология символа: Дис. ... д-ра культурологических наук: 24.00.01: СПб., 2004. 413 с. РГБ ОД, 71:05-24/3; Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.

4. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.
5. Гуссерль Э. Феноменология // Зарубежная феноменология и экзистенциализм: Тексты и коммент. Ч. 1. Киев, 1989.
6. Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии // Вопросы истории. 2001. № 9.
7. Медушевская О.М. История источниковедения в XIX–XX вв. М., 1988.
8. Гуссерль Э. Формальная и трансцендентальная логика // Зарубежная феноменология и экзистенциализм. Ч. 2.
9. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. 2. Пособие к лекциям, читанным студентам С.-Петербургского университета в 1910/11 году. СПб., 1913.
10. Лаппо-Данилевский А.С. Пособие к лекциям по теоретической методологии истории, читанным студентам ПБ Университета А.С. Лаппо-Данилевским в 1906/1907 уч. году. Ч. 2. [б. м.], [б. г.].

О.И. Рысков

**ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ.
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

В настоящее время очевидна тенденция увеличения количества документированной информации, проходящей по электронным каналам связи. Федеральная целевая программа «Электронная Россия» [1] предусматривает еще большее увеличение числа пользователей компьютерных сетей и объемов передаваемой информации в целях обеспечения открытости в деятельности органов власти, общедоступности информационных ресурсов и других. В частности долю электронного документооборота в органах государственной власти предполагается довести до 65% внутри ведомств и до 40% в межведомственном документообороте. В Российской Федерации, как и во многих других странах мира, предпринимаются попытки реорганизации деятельности органов власти в соответствии с концепциями «электронного правительства» [2], внедрения электронных административных регламентов, объединения государственных информационных ресурсов [3].

Применение новых информационно-коммуникационных технологий в сфере управленческой деятельности привело к появлению комплекса электронных документов – документов, в которых информация представлена в электронно-цифровой форме [4].

Работа по формированию нормативных основ управления электронными документами ведется во многих странах мира одновременно и особенно активизировалась в последнее десятилетие в связи с принятием в большинстве стран законодательных актов об электронном документе, электронной подписи и электронном правительстве. Некоторые проблемы решаются на международном уровне, другие – на государственном, общеотраслевом или ведомственном.

Российский опыт. Анализ современных нормативных актов, регламентирующих работу с электронными документами в нашей стране, позволяет выделить некоторые особенности современной нормативной базы по управлению документацией:

Во-первых, эта база состоит из нормативных актов различных уровней: международных актов, действующих в России, законодательных актов РФ,

указов и распоряжений Президента РФ, постановлений и распоряжений Правительства РФ, общеотраслевых нормативных документов некоторых федеральных органов исполнительной власти (Росархива, Госстандарта России и др.). На основе перечисленных актов федеральные органы исполнительной власти принимают внутриведомственные нормативные документы по вопросам ДОУ, отраслевые стандарты на документацию.

Во-вторых, правовые нормы, касающиеся ДОУ, «пронизывают» законодательство России как по вертикали (по видам нормативных правовых актов), так и по горизонтали (по отраслям законодательства). «Горизонталь» весьма широка: нормы, касающиеся электронной документации, содержатся в разнообразных отраслях законодательства РФ.

В-третьих, нормативная база по управлению документацией включает акты различной формы и представляет собой совокупность законодательных и иных правовых актов, нормативно-технических и методических документов.

Зарубежный опыт. Анализ международной и зарубежной (США, Великобритании, Австралии, стран СНГ) практики нормативного регулирования вопросов управления электронными документами показывает, что:

- 1) нормативная правовая база применения электронных документов в странах с федеративным государственным устройством развивается по направлению от регионального законодательства к федеральному;
- 2) особое внимание вопросы управления документацией получили в рамках развития и внедрения концепции «электронного правительства»;
- 3) основные принципы работы с электронными документами могут являться предметом тех же нормативных положений по управлению документацией, что и традиционные документы (при этом в нормативные акты вносятся дополнения, уточняющие отдельные аспекты работы с электронными документами);
- 4) в ряде стран мира проведены работы по созданию на основе ИСО 15489 национальных стандартов по управлению документацией;
- 5) архивные органы стремятся принимать участие в управлении электронными документами уже на стадии делопроизводства;
- 6) национальные общественные организации в области управления документацией и архивного дела оказывают значительное влияние на формирование и развитие нормативной базы по управлению документацией (особенно Американская ассоциация управляющих документацией (American Records Management Association), получившая статус международной организации);

7) термины и категории, используемые в нормативных актах ряда стран, могут различаться. Кроме того, в некоторых случаях они плохо соотносятся с терминами и категориями российского документоведения.

Международный опыт. Проблемы построения информационного общества в настоящее время являются предметом пристального внимания международных межправительственных и неправительственных организаций.

Лидирующую роль в сфере выработки интернациональной информационной политики играет одна из международных организаций системы ООН–ЮНЕСКО – Всемирная Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (United Nations Educational Scientific and Cultural Organisation). ЮНЕСКО стремится к выработке международной информационной политики, ориентированной на человека, развитие его потенциала, навыков и знаний.

Созданный в 1948 г. в рамках ЮНЕСКО Международный совет архивов (International Council on Archives) – МСА – это неправительственная организация, имеющая более 1700 членов в 174 странах и регионах. Как профессиональная организация мирового архивного сообщества, МСА способствует сохранению, развитию и использованию всемирного архивного наследия.

МСА объединяет в своих рядах национальные архивные управления, профессиональные ассоциации архивистов, региональные и местные архивы, архивы других организаций и отдельных архивистов. Задачей его региональных отделений, секций и комитетов является развитие архивного дела на международном уровне.

Самостоятельным направлением совершенствования управления документацией является международная стандартизация. Международная организация по стандартизации (ИСО) представляет собой всемирную федерацию национальных органов стандартизации (комитетов, являющихся членами ИСО). В 2001 году подкомитетом № 11 был впервые разработан международный стандарт по управлению деловой документацией ИСО 15489 «Информация и документация – Управление документами» (ISO 15489-2001, Information and documentation – Records management). Во многих странах мира ИСО 15489 явился основой для принятия соответствующего национального стандарта.

В целом, говоря о практике применения электронных документов в управленческой деятельности, следует отметить, что пока не удается организовать «безбумажный офис», идея создания которого, как оказалось в 1980-х гг., могла бы получить реальное воплощение одновременно с началом широкомасштабного перевода информационной индустрии на

цифровые технологии. Бумажные носители, постепенно утрачивая ранее свойственные только им функции средства архивного хранения и передачи информации, возлагаемые теперь на компьютерные системы, по нашему мнению, останутся в течение длительного срока самым универсальным средством представления информации. В настоящее время следует говорить о конвергенции цифровых электронных и бумажных технологий как ключевом факторе оптимизации документооборота в управлении.

Примечания

1. Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)».
2. Концепция электронного правительства в самой упрощенной интерпретации представляет собой внедрение информационно-коммуникационных технологий (в частности, технологии Интернет) во взаимодействие органов власти разных уровней друг с другом, населением и бизнесом.
3. Приветствие первого заместителя Министра экономического развития и торговли Российской Федерации // Электронное правительство: Рекомендации по внедрению в Российской Федерации / Под. ред. В.И. Дрожжинова, Е.З. Зиндера. М.: Эко-Трендз, 2004. С. XII–XIII.
4. Определение термина «электронный документ» нормативно закреплено в Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 1–ФЗ «Об электронной цифровой подписи».

Н.С. Ларьков

О ПРЕДМЕТЕ И ОБЪЕКТЕ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

В последнее время в документоведческой литературе активно обсуждаются вопросы о предмете документоведения, его объекте, базовых терминах, понятиях, дефинициях, о месте документоведения в системе наук. Высказываются различные, порой прямо противоположные суждения. На остроту полемики указывают даже названия некоторых публикаций: «Традиционное и нетрадиционное документоведение: о чистоте идей, а может быть, и рядов», «Параллельные миры документоведения» [1]. Всё это свидетельствует о том, что наука о документе вышла на такую стадию своего развития, когда становится очевидной узость прежних подходов, требуется более высокий уровень теоретических изысканий. Особенно актуализировался вопрос, связанный с необходимостью расширения предмета документоведения.

Как известно, в развитии науки достаточно отчётливо прослеживаются две тенденции: дифференциация, отпочкование отдельных научных дисциплин и интеграция дисциплин, имеющих схожие объекты исследования. Наглядным примером может служить информатика, с которой документоведение связано самым тесным образом. За четыре последних десятилетия представления о предмете информатики изменились коренным образом. По наблюдению К.К. Колина, на первых порах, в 1960-е гг. информатика зачастую рассматривалась в качестве одной из областей гуманитарного знания. Спустя два десятилетия она стала уже в качестве технической дисциплины о средствах и методах обработки данных с помощью ЭВТ. В настоящее время информатика превратилась в одно из важнейших междисциплинарных научных направлений, стремительно расширив, таким образом, свою предметную область всего лишь за четыре десятилетия [2]. Причём этот процесс развивался на фоне постоянных, не прекращающихся до сих пор дискуссий.

Нечто подобное происходит и с документоведением. Сам термин «документоведение» появился в советской научной литературе в 1943 г. В 1960-е гг. документоведение обрело в нашей стране официальный статус самостоятельной научной дисциплины, будучи включено в номенклатуру специальностей научных работников. Тогда же увидели свет первые спе-

циальные теоретические работы, посвященные выяснению объекта документоведения и его задач [3].

Однако на протяжении всей второй половины XX столетия предмет документоведения в отечественной литературе рассматривался достаточно узко и ограничивался обычно сферой управленческой, делопроизводственной документации да ещё, пожалуй, техническими документами. Своеобразный парадокс заключался в том, что нередко учёные, соглашаясь с широким толкованием понятия документа, тем не менее, не стремились расширять предмет документоведения, вопреки, казалось бы, логике развития научной мысли. Весьма примечательно суждение одного из авторов первого отечественного учебного пособия по документоведению М.П. Илющенко, писавшей в 1986 г.: «Принимая широкое толкование понятия «документ», документоведение соответственно своим задачам ограничивает предмет своего изучения документами, функционирующими в процессе управления» [4. С. 31]. Можно лишь предположить, что упомянутые задачи ставились тогда документоведению прежде всего административно-командной системой.

Однако и спустя два десятка лет едва ли не большинство учёных и преподавателей-документоведов ориентируется главным образом на управленческую документацию, действует с оглядкой на терминологические стандарты, предназначенные прежде всего для практической деятельности в отдельных отраслях и сферах работы с документами. Наблюдается смешение определений понятия документа в прикладном и теоретическом документоведении, научная терминосистема нередко укладывается в прокрустово ложе тех или иных стандартов. Отраслевыми рамками делопроизводства, архивоведения, книговедения и т.п., как правило, ограничиваются и теоретические исследования.

Подобные ограничения и самоограничения, помогая более-менее успешно решать прикладные задачи, отнюдь не стимулируют выход на широкие научные обобщения. В результате теоретическое документоведение по-прежнему остаётся, по образному выражению Ю.Н. Столярова, «непаханым полем» [5. С. 72]. Между тем информационный, системный и другие методы, всё активнее использующиеся в гуманитарии, равно как и стремительное развитие наук об информации, создают благоприятные предпосылки не только для всестороннего изучения документированной информации, но и для развития обобщающей науки о документе с соответствующей широкой предметной областью.

Первые попытки создания такой науки были предприняты ещё на рубеже XIX–XX столетий бельгийским учёным П. Отле. К тому времени был

накоплен обширный эмпирический материал, достигнуты существенные успехи в изучении отдельных видов документов и систем документации; зародились такие научные и прикладные дисциплины, объектом которых являлся документ, как дипломатика, историческое источниковедение, книговедение, архивоведение, делопроизводство и другие. Именно из отдельных зарождавшихся дисциплин документоведческой направленности стала постепенно формироваться общая теория документа и документной деятельности, наподобие мощного потока, постепенно вырастающего из отдельных ручейков.

Таким образом, рождение документоведения (хотя и под другим названием – «документации», «документологии») нужно связывать не с научной разработкой его управленческой составляющей и уж, конечно, не с официальным признанием его в Советском государстве, т.е. не со второй половиной XX столетия, а с рубежом XIX–XX вв., как это и делают сторонники новых подходов в науке о документе (Ю.Н. Столяров, С.Г. Кулешов, Н.Н. Кушнаренко и др.) [6].

Новая наука, по мысли П. Отле, была призвана изучать не только печатную продукцию, не только делопроизводственную документацию, но также и все остальные документальные источники информации. «Административная документация, – писал он, – представляет собою лишь одну из ветвей «всебобщей документации» [7. С. 19].

Документационная наука на первых порах решала достаточно скромные задачи, занимаясь главным образом проблемами документных технологий и документной деятельности. Научные изыскания того периода ещё не содержали целостного представления о документе. Лишь во второй половине XX в. появились возможности для более глубокого проникновения в социальную и информационную сущность документа, что обусловило активизацию теоретических исследований.

Существенные изменения претерпел и сам базовый объект документоведения – документ, представ к настоящему времени во многом в новом качестве. Однако попытки исследователей уловить и отразить в definicции документа его важнейшие, глубинные, сущностные черты так пока и не привели к какому-либо однозначному определению. Definicции документа продолжают множиться. Наиболее удачным представляется определение документа как социальной информации, зафиксированной на материальном носителе созданным человеком способом в стабильной знаковой форме с целью её передачи в пространстве и времени. Под это определение подпадает вся документированная информация – административно-управленческая, библиотечная, научная, техническая,

личная и т.п. В этом определении документ выступает как системный объект, представляющий двуединство информации и материального носителя. Подчёркивается его обусловленность системой документирования, а также включение в процесс социальной коммуникации. Вместе с тем такое определение не включает в себя скульптуры, трёхмерные экспонаты музеев и т.п., которые рассматриваются некоторыми авторами также в качестве документов.

Будучи сложным системным объектом, документ изучается многими научными дисциплинами, которые в совокупности образуют широкую предметную область, т.е. фактически особое междисциплинарное научное направление с объединяющим теоретическим ядром. Этую нишу и призвано занять документоведение. Такое широкое толкование предмета документоведения сопряжено с решением вопроса о его структуре. В первом русскоязычном учебнике по документоведению Н.Н. Кушнаренко эта структура представлена в виде двух подсистем: общего и особенного документоведения. В общее документоведение включены «общетеоретические, исторические и организационно-методические проблемы науки о документе и документоведении», а в особенное – изучение «особенностей, характерных для отдельных типов и видов документов..., отдельных процессов документоведения» [8. С. 153–155].

Подобный подход, реализуемый некоторыми российскими и украинскими учёными, представляется достаточно плодотворным и перспективным. Вместе с тем предложенная структура предмета документоведения нуждается, на наш взгляд, в дальнейшем совершенствовании. В этой структуре необходимо более чётко выделить основные составляющие объекта документоведения (блоки изучаемых объектов), включающие не только базовый элемент – документированную информацию, но также системы документирования, системы документации и комплексы документов, а также документные коммуникации и документные технологии. Кроме того, необходимо более чётко обозначить, наряду с теоретическим, прикладное документоведение, а также, в зависимости от информационной среды бытования документа, – оперативное и ретроспективное документоведение, поскольку такая среда обуславливает определённую специфику проявления общих закономерностей, изучаемых теоретическим документоведением.

В результате структура предметной области документоведения может быть представлена в виде следующей таблицы:

Структура предметной области документоведения

Основные блоки изучаемых объектов	Теоретические и исторические аспекты	Прикладные аспекты, особенности бытования документа		Дисциплины, изучающие документную проблематику
		в оперативной информационной среде	в ретроспективной информационной среде	
1	2	3	4	5
1. Документ (документированная информация)	Происхождение документа, его эволюция, социальная сущность, свойства, функции, структура, информационные уровни, количественные характеристики	Целевое назначение, реквизиты, формуляр документа; выходные сведения, метаданные и т.п.	Специфика ретроспективного документа – архивного документа, документного памятника (артефакта) и др.	Делопроизводство, книговедение, библиографование, архивоведение, источниковедение, дипломатика, картоведение, патентоведение, терминоведение, сфрагистика, бонистика и др.
2. Системы документирования	Закономерности развития традиционных и техногенных систем и подсистем документирования, способов, средств, материальных носителей документированной информации, знаков и знаковых систем; социокультурные особенности документирования	Взаимообусловленность способов, средств фиксации информации, материальных носителей документированной информации, их видов и разновидностей с оперативными документами; особенности использования семиотических и семантических средств, унификация и стандартизация текстов, гипертекст и др.	Взаимосвязь исторически сменяющихся способов, средств документирования, материальных носителей документированной информации с ретроспективными документами; особенности языка и стиля ретроспективных документов	История письма, филигранология, палеография, полиграфия, аэрофотограмметрия, текстология, теория редактирования, документная лингвистика, криптография и др.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
3. Системы документации и комплексы документов	Классификация документов; принципы построения, складывание и историческое развитие систем документации и документных комплексов, их социальная обусловленность	Состав, особенности функциональных и унифицированных систем документации; первичные и сложные комплексы документов; документальные фонды организаций, учреждений, предприятий; ресурсы библиотек, информационных центров; персональные, распределённые документные ресурсы и т.д.	Архивные фонды, архивные комплексы; документные ресурсы музеев; архивные ресурсы (отделы рукописей) библиотек и т.п.	Делопроизводство, архивоведение, библиотековедение, библиографоведение, музееоведение и др.
4. Документные коммуникации	Системный характер документной коммуникации, её место в социальной коммуникации; эволюция документных коммуникаций; документные потоки, каналы, коммуникационные барьеры	Документпотоки научной, технической, управленческой и др. документированной информации; документооборот; современные каналы передачи документированной информации, электронная коммуникация	Актуализация ретроспективной документированной информации, передача документированной информации в социальном времени; каналы передачи ретроспективной информации	Библиотековедение, делопроизводство, источниковедение, музееоведение, рекламное дело, библиополистика и др.
5. Документные технологии	Теоретические основы, исторические этапы, тенденции развития документных технологий	Технологии производства, обработки, поиска, использования, экспертизы ценности документов; текущее хранение документов; управление документацией и др.	Комплектование и экспертиза ценности документов; организация учёта, хранения, поиска архивных документов; создание научно-справочного аппарата и т.п.	Организация и технология ДОУ, организация архивного дела, библиотековедение, документное фондоведение, архивная эвристика и др.

Окончание таблицы

1	2	3	4	5
Совокупность блоков, изучаемых комплексными дисциплинами:	Общее (теоретическое) документоведение	Отраслевое, функциональное документоведение (депроизводство): административное, кадровое, бухгалтерское, медицинское, судебное и др.; книговедение	Архивоведение	Документоведение как междисциплинарное научное направление

Как явствует из приведённой таблицы, предметная область документоведения охватывает весьма широкий спектр проблем, которые изучаются целым рядом дисциплин документоведческой ориентации, в разное время сформировавшихся и развивающихся во многом самостоятельно. Однако каждая из этих дисциплин занимается лишь определённым кругом проблем (отдельными видами документов, отдельными системами документации и комплексами документов, отдельными технологиями, либо проявлениями документных процессов в той или иной информационной среде и т.д.). Ситуацию принципиально не меняет тот факт, что некоторые из указанных дисциплин, в свою очередь, также носят комплексный характер. В частности, в архивоведении выделяют теорию и методику архивоведения, историю и организацию архивного дела, архивное право, архивоведческое терминоведение, архивный менеджмент, архивную статистику, автоматизированные архивные технологии [9. С. 3]. Книговедение, по мнению некоторых авторов (А.А. Гречихин), включает библиографоведение, автороведение, теорию и практику редактирования, художественное конструирование книги, библиополистику, библиотековедение, читателеведение.

Таблица позволяет, помимо прочего, обнаружить отдельные «белые пятна» в исследовании документоведческой проблематики. Нуждается в изучении, в частности, теория документной коммуникации.

Между различными дисциплинами, исследующими документ и обладающими известной самостоятельностью, не только не существует некой китайской стены, но, напротив, имеет место взаимосвязь и нередко глубокое взаимопроникновение. Связано это с тем, что, во-первых, эти дисциплины имеют общий базовый объект изучения – документ, документированную информацию. Во-вторых, все они так или иначе опираются на общие теоретические построения, исследуя лишь особенности их пре-

ломления в конкретной информационной среде, в той или иной отрасли или прикладной сфере. В-третьих, тесная взаимосвязь многих дисциплин обусловлена трансформацией оперативных документов в ретроспективные, миграцией документов из одной среды бытования в другую. В связи с этим сам процесс, в частности, оперативного бытования документа может состоять из двух фаз – собственно оперативной фазы и архивной фазы [10. С. 98].

В конечном итоге можно говорить о том, что управленческое документоведение, архивоведение, книговедение, равно как и другие дисциплины, изучающие документную проблематику, представляют собой ответвления от общего документоведческого ствола, являясь составной частью предметной области документоведения. Таким образом, документоведение выступает в качестве междисциплинарного научного направления или, по другой терминологии, – метадисциплины [8. С. 153]. В этом смысле документоведение может быть поставлено в один ряд, к примеру, с информатикой. Кроме того, оно не может быть отнесено ни к историческим, ни к управленческим наукам, как утверждают отдельные авторы. В то же время документоведение активно взаимодействует со многими смежными науками, как фундаментальными, так и прикладными – с историей, семиотикой, информатикой и другими.

Признание факта существования комплексной науки о документе ставит вопрос о её названии, поскольку термин «документоведение» в нашей стране изначально оказался привязанным к управленческой документации. Выход из этой ситуации намечен Ю.Н. Столяровым, предлагающим назвать собирательную науку о документе документоведением, а всем «частным документоведениям» «дать ограничивающие определения либо собственные наименования» [11. С. 2] (управленческое документоведение, архивоведение, книговедение и т.д.). Одновременно теоретико-методологическую часть документоведения предлагается назвать *документологией* либо *общим документоведением*. Второе название представляется более удачным, вдобавок, имеющим аналогии, например, в физике, где наряду с общей физикой есть ядерная физика, физика твёрдого тела, физика плазмы и т.п.

Продолжающиеся споры в рядах документоведов, неприятие многими из них расширенной трактовки предмета документоведения приводят к тому, что документоведение пока далеко не в полной мере выполняет присущие любой науке объяснительную, описательную и предсказательную функции. Различие подходов не лучшим образом сказывается также и в практической сфере работы с документами, в управлении документа-

цией, где по существу отсутствует в России единая политика. Наконец, споры вокруг предметной области документоведения отрицательно сказываются в учебном процессе, находя своё проявление в несовершенных учебных программах, дефиците учебно-методических пособий, в отсутствии российского учебника по документоведению. Поэтому начавшееся развитие документоведения как междисциплинарного научного направления не только способствует интеграции научных сил, занимающихся проблемами документа и документной деятельности, но и открывает новые горизонты для дальнейшего развития каждой из дисциплин документоведческого цикла, а также стимулирует исследования на стыке документоведения с другими науками.

Примечания

1. Плешкевич Е.А. Традиционное и нетрадиционное документоведение: о чистоте идей, а может быть, и рядов // Научные и технические библиотеки. 2005. № 6. С. 65–70; Столяров Ю.Н. Параллельные миры документоведения // Там же. С. 70–74.
2. См.: Колин К.К. Эволюция информатики // Информационные технологии. 2005. № 1. С. 2–16.
3. Митяев К.Г. Документоведение, его задачи и перспективы развития // Вопросы архивоведения. 1964. № 2. С. 27–37.
4. Илощенко М.П. К понятию «документ» (эволюция термина и предмет документоведения) // Советские архивы. 1986. № 1.
5. Столяров Ю.Н. Параллельные миры документоведения // Научные и технические библиотеки. 2005. № 6.
6. Есть и другая точка зрения. Так, по мнению Е.А. Плешкевича, в научных подходах П. Отле наблюдается «смешение» ряда научных дисциплин и «попытка создания искусственной документационной науки». См.: Плешкевич Е.А. Основы общей теории документа. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2005. С. 83. Известный специалист в области информатики Р.С. Гиляревский, напротив, считает белгийского социолога даже «родоначальником», «пионером информатики». См.: Предисловие составителя // Отле Поль. Библиотека, библиография, документация: Избранные труды пionера информатики / Предисл., сост., коммент. Р.С. Гиляревского. М.: ФАИР-ПРЕСС; Пашков дом, 2004. С. 8.
7. Отле Поль. Руководство к администрированию. М.; Л.: Техника управления, 1931.
8. См.: Кушнаренко Н.Н. Документоведение. Киев: Знания, 2000.
9. Алексеева Е.В. и др. Архивоведение. М., 2002.
10. См.: Козлов В.П. Документ в состоянии покоя: архивный, источниковедческий, археографический аспект // Теоретические основы археографии с позиций современности: Материалы дискуссии. М., 2003.
11. Столяров Ю.Н. О месте документоведения в системе наук // Научно-техническая информация. Сер. 1. Организация и методика информационной работы. 2004. № 6.

О.Е. Хмельницкая

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ

Не хотелось бы сразу делать распространенную ошибку и углубляться в терминологические дебри. Но придется, поскольку собравшиеся здесь представляют весьма широкий спектр дисциплин и подходов, к тому же по роду своей деятельности работают, возможно, с совершенно иными категориями документов, чем сотрудники архивов. Под персональными данными понимаются такие сведения о фактах, событиях и обстоятельствах жизни человека, которые позволяют идентифицировать его личность.

Очевидно, что эта дефиниция значима далеко не для всех пользователей. В конце концов, если ученый собирает по метрическим книгам сведения статистического характера, он может даже не просматривать документ полностью – достаточно обратиться к сводным таблицам, помещенным в конце каждой книги. И только при специфическом использовании документа (например, при исполнении запроса социально-правового характера, когда значима каждая буква актовой записи) возникает не озвучивавшаяся ранее проблема идентификации личности на основании заведомо неверных данных.

Известно, что столь важные документы, как метрические книги, обязательно дублировались. В процессе работы с такими заверенными копиями приходится констатировать, что далеко не всегда переписчики обладали необходимой квалификацией. Так, один из подобных документов характеризовался неустойчивым неровным почерком, если так можно выразиться, школьника средних классов, массой помарок, пропусков, вставок, ошибок – типа написания «Василисса», «Перасковия», «Архиппов». Это еще полбеды. Если поиск представителей какой-нибудь фамилии по метрическим книгам продолжается достаточно долго, глаз сам выхватывает из текста ставшие уже привычными буквосочетания. Количество фамилий, если речь идет о конкретных сельских населенных пунктах губерний и периоде до начала 1990-х гг. XIX в., ограничено. Чужим родственникам начинаешь радоваться, как своим. Но радость моментально исчезает, когда вместо достоверно известного «Думова» раз за разом встречаешь то «Думкова», то «Дулесова», вместо «Войцеховского» – «Отцеховского». У «Гофанова» в кумовьях «Барановы». Один из

искомых «Селезневых» скрылся под псевдонимом «Оглезнев». Вопиющий глас интуиции историка для органов ЗАГС не довод, и в чем-то они правы. По существу, единственная возможность разрешения данной проблемы – сопоставление двух и более документов, являющихся дубликатными, однако в реальности задача становится неосуществимой, поскольку по большей части в распоряжении архива находится в лучшем случае по одной годовой метрической книге от каждого церковного прихода.

Если не совпадает один из идентификационных признаков, в научной среде можно высказать предположение о совпадении с той или иной степенью вероятности. Наши современники, далекие от исторической проблематики, такой подход отвергают и считают документ аутентичным только при стопроцентном совпадении приводимой в нем информации с собственными данными. Критичность в отношении этих «достоверных» данных воспринимается как оскорблениe. Автор одного письма, направленного в Государственный архив Томской области, запрашивал все имеющиеся в наличии сведения о Франце Б., отчество предположительно «Иосифович», сосланном в Боготол, по мнению его потомков, за участие в польском восстании... приблизительно в 1888–1889 гг.! В «Списке политических ссыльных, проживающих в Боготольской волости на 1881 г.» обнаружен Франц Б., отчество «Фаддеевич», имеются данные о его возрасте, сословном происхождении, сведения о его жене и детях. Дата высылки (действительно, в связи с участием в польском восстании 1863–1864 гг.) несколько отличалась от указанной в письме... Но даже совокупными усилиями нескольких архивистов не удалось убедить автора запроса сделать допущение, что в семейное предание закралась неточность.

Приведенный выше пример – показатель крайней степени непонимания специфики архивных документов рядовыми гражданами. В большинстве случаев противостояние «двух миров, двух идеологий» не простирается так далеко, и сотрудничество оказывается более плодотворным. Так, в ходе работы по одному из запросов была документально опровергнута семейная информация о старшинстве одного из детей, что позволило найти запись о бракосочетании отца, а затем выявить данные о деде, чья история украсила бы иной роман: еще один ссыльный, немедленно по прибытии в губернию женившийся на местной крестьянке, затем уехавший от нее и двух детей в Томск, но торжественно водворенный в семью после вмешательства губернатора. Это та ситуация, когда подавляющему большинству сограждан (включая научное сообщество) персональные данные неинтересны, ибо генеалогия крестьянских семейств – тема достаточно узкая. Но хотелось бы напомнить, что именно подобные понача-

лу разрозненные атомы, превращаемые в соединенные между собой элементы, и составляют основу персональной истории. Здесь проблема – в отсутствии полнотекстовой базы данных. В самом деле, простая логика подсказывает, что многие на первый взгляд разрозненные документы любого архива можно было бы упорядочить, связать друг с другом, выстроив цепочки подобных связей. Однако с учетом современных ресурсов, не только людских, но и технических, на данный момент проблема не может быть решена.

Важнейшая, но также вряд ли удостоенная пристального внимания со стороны большинства участников конференции проблема – вопрос о доступе к документам, содержащим персональные данные конфиденциального характера. К сожалению, и здесь в настоящее время существует терминологическая неопределенность, не решенная даже на законодательном уровне. При классификации тех или иных сведений сотрудники архивов на практике руководствуются принципом, наиболее точно сформулированным И.А. Курниковой (Дегтяревой): «Основным критерием, почти безошибочно определяющим конфиденциальность персональных данных, является возможность нанесения ущерба человеку «здесь и сейчас» [1. С. 67]. Это «здесь и сейчас» принципиально, поскольку, например, факт участия в партизанском движении на стороне Красной армии во время Второй мировой войны в ряде постсоветских стран рассматривается как порочащий, и в случае обнародования информации последствия могут оказаться неприятными. В России далеко не каждый сегодня с радостью сообщит, что его предок был следователем НКВД. Следует отметить, что понятие ущерба в отечественном законодательстве не проработано, а защите подлежит не только субъект персональных данных, но также его чада и домочадцы. Сотрудники архива вынуждены самостоятельно просчитывать все возможные последствия, которые может принести обнародование информации. Именно поэтому все более широкое распространение принимает практика отбора у исследователей-ученых обязательной подписки в том, что они обязуются использовать персональные данные, содержащие сведения конфиденциального характера, только в обезличенном виде. В ряде стран практикуется даже обязательное предоставление монографий в архивы для проверки – не нарушено ли данное обязательство.

Законодательно установленный период ограничения доступа к подобным сведениям – 75 лет со дня создания документа. На практике это может выглядеть следующим образом. Для составления биографического словаря потребовалась информация о ныне покойном преподавателе

Томского государственного университета (ТГУ) из его личного дела, хранящегося в Государственно архиве Томской области (ГАТО). После просмотра документов конфиденциальными были сочтены сведения о тяжелой (возможно, передающейся по наследству) болезни одного из родителей этого человека, о том, что во время Великой Отечественной войны он проходил службу офицером в подразделениях военной юстиции, о том, что аспирантуру закончил без защиты диссертации, защитившись спустя три месяца, о датах рождения его детей. Понятно, что при подобном подходе может возникнуть – и возникает – немало вопросов, наиболее очевидный связан с периодом ограничения доступа (дело завершено в 1957 г., следовательно, период продлится до 2032 г. Возможно, более логичным было бы ведение отсчета от времени смерти субъекта персональных данных, однако эта дата сотрудникам архива неизвестна). Перечень сведений конфиденциального характера также не вызовет безоговорочной поддержки. Можно назвать ряд изданий справочно-биографического характера, созданных при участии томских историков, где приводятся сведения об именах, датах рождения, местах работы ныне здравствующих потомков героев исследований или подчас весьма своеобразных чертах характера (личных характеристиках) последних. Задача усложняется, если принять во внимание вероятность того, что в деле могут содержаться сведения, нейтральные для субъекта документа, но конфиденциальные в отношении иных упоминаемых лиц. Наконец, документ в первом приближении может быть сочен абсолютно безопасным, поскольку не содержит никаких биографических сведений, и представляется, что идентификация упомянутых в нем лиц невозможна. В то же время в практике многих архивов известны случаи, когда, например, личность доносчика идентифицировалась очевидцами, жертвами политических репрессий либо исследователями по почерку, характерным приметам, прозвищу и т.п., и эти данные были оглашены.

Наконец, последний момент, на котором следует остановиться, рассуждая об использовании документов, содержащих персональные данные, – это техническое обеспечение возможно более широкого доступа к общедоступной части информации, содержащейся в них, при закрытии конфиденциальной информации. К сожалению, невозможно, применительно ни к одному документу, созданному позднее 1930 г., на основании одного только заголовка заявить утвердительно о его «безопасности». Таким образом, едва ли не каждый современный документ перед выдачей исследователю в читальный зал необходимо полистно просмотреть на этот предмет и либо конвертировать часть документа, либо отказать в его

выдаче, предложив альтернативный вариант – копирование с изъятием части сведений, составление архивной справки, составление ответа на перечень вопросов и так далее. Другими словами, необходимо существенно увеличить сроки выдачи дел, пересмотреть штатные расписания архивов в сторону увеличения, провести техническое переоснащение читальных залов... Упоминавшаяся подписка позволяет хотя бы отчасти приблизить проекты к сурою реальности.

Таковы вкратце основные проблемы использования документов, содержащих персональные данные. В настоящее время Федеральный Закон Российской Федерации «О персональных данных» существует только в виде проекта. Главной движущей силой, заставляющей сотрудников архивов в существующих условиях, при недостаточно разработанной нормативной базе и все большей востребованности архивного фонда, искать решения почти неразрешимых вопросов, является то обстоятельство, что именно персональные данные, на наш взгляд, являются наиболее интересной, ценной и значимой составляющей любого документа.

Примечания

1. Курникова И.А. Доступ к персональным данным: законодательство и практика (отечественный и зарубежный опыт). М., 2004.

Часть I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ

Ю.В. Нестерович

О ТРАКТОВКЕ ДОКУМЕНТА КАК ИНФОРМАЦИИ

В соответствии с принятыми теоретическими схемами культурологии, документ приемлемо рассматривать как форму культуры, относимую к такой области, как управление. Вместе с тем, учитывая распространённую сегодня как в теории документоведения, так и в практике делопроизводства трактовку документа как информации и выделение, наряду с управлением, таких областей (страт, этапов) духовной культуры как средства счисления, информатика [1. С. 52, 113–115], представляется небесполезным для разработки темы – документ как социокультурный феномен – дать компонентный анализ трактовки документа как информации.

В научной литературе по документоведению и в ГОСТ сегодня широко распространены дефиниции документа как информации. В ГОСТ Р 51141–98 документ приравнивается к документированной информации и определяется как «запись, зафиксированная на материальном носителе информации с реквизитами, позволяющими её идентифицировать» [2. С. 1]. В нём же определяются внешние признаки документа, в частности, признаки, отражающие форму и размер информации. В соответствии с определением документа как информации следует рассуждать о форме и размере зафиксированной информации, что если не абсурдно, то во всяком случае, неадекватно.

При определениях документоведческого понятия документа как информации не учитывается компонентный состав документа, наличествует элиминация либо игнорирование таких компонентов документа, как носитель и текст документа.

При разработке понятия документа в рамках документоведения в соответствии с его объектом – делопроизводством (отличным от объекта документоведения – документа) специфиацию его оптимально производить посредством признаков – являться элементом делопроизводства и

иметь реквизиты. Тем самым документ, рассматривая документоведчески, – это предмет деятельности людей, служащий элементом делопроизводства и имеющий реквизиты. Но разве информация является элементом делопроизводства? Элементом её являются документы и их комплексы – дела. Разве информация имеет реквизиты? Реквизитами снабжён текст документа, но не информация и не носитель её.

В научно-популярной литературе либо в разработках прикладного характера допустимо утверждать, что документ является собой информацию. В научной литературе следует обосновывать документ как триединство носителя, текста и информации. Хотя заметим, что при разъяснении понятия документа возможно обходиться без понятия информации, рассуждая тем не менее строго и непротиворечиво. Такое рассуждение (теоретическое построение) мы приводим ниже; оно показывает несостоительность трактовки документа как информации. Документ состоит из носителя и текста (содержащего реквизиты). Текст – совокупность языковых знаков (берём наиболее простое определение понятия текста). Знаки имеют значения. Значения текста – это ещё не информация. Как информацию следует характеризовать лишь те значения текстов документа, которые передаются различным способом. В качестве эквивалента значения текста документа следует рассматривать не информацию, а сведения о событиях и явлениях. Для обозначения понятия сведений о явлениях и событиях, содержащихся в тексте документа, не нашли ничего лучшего, как использовать термин «информация».

Трактуя текст как совокупность языковых знаков, мы рассматриваем его как применение, разворачивание языковой знаковой системы, придерживаясь при этом типологии знаковых систем, при которой выделяются естественные знаковые системы, языковые знаковые системы, образные знаковые системы, системы записи и кодовые системы. Единицей языковой знаковой системы при этом принято брать слово [3].

Продолжая рассуждение, будем исходить из простой типологии документов, когда в её основу кладётся различие выражаемых посредством текстов общественных образований. Текст документа выражает некоторый общественный статус либо некоторые права, не закрепляемые юридически (в документах-удостоверениях), либо выражает принятые государственные, законодательные решения, сделки и т.д. (в документах-оповещениях). Не случайно такого рода документы характеризуются как «актовые». Это вторичные (вербальные) акты, фиксирующие посредством текстов результаты первичных актов деятельности (точнее – дел, совершаемых индивидами и коллективами). Характеристика документа как

акта может быть положена в основу разработки документалистского (вариант – документософского) понятия документа.

Белорусский историк и документовед В.Л. Носевич поясняет, что: «С появлением электронных документов различие между материальным носителем и информацией стало ещё более очевидным... Не совсем ясно стало в этой ситуации, что считать документом. Старое понимание – »носитель с зафиксированной на ней информацией« – явно перестало быть адекватным. Новые определения, предлагаемые специалистами в области информационных технологий, несколько смещают акцент: под документом они понимают прежде всего информацию, зафиксированную на материальном носителе» [4. С. 76].

Характеристика (и определение в соответствии с ней) документа как информации несостоятельна. Термин (термин рассматриваем как специальный языковый знак, взятый вместе с его значением) «информация» используется в исторических дисциплинах, документоведении и архивоведении в значении различного рода сведений о событиях и явлениях общественной жизни. В таком значении этот термин, в отличие от терминов «документ» и «текст» (которые в соответствии с логико-эпистемологической классификацией Войшвилло-Дегтярёва [5. С. 158–162]) следует относить к обозначениям реальным теоретическим либо даже к эмпирическим объектам познания), а также в отличие от этого термина (либо сходных с ним, например, термина «энергоинформация»), при тех значениях, в которых он употребляется в эниологии (биоэнергоинформатике), следует классифицировать как обозначение абстрактного теоретического объекта познания. Логико-эпистемологически получается, что при характеристике (и дефиниции) понятия документа, как информации, понятие документа, являясь обобщением реальных теоретических либо даже эмпирических объектов познания, редуцируется к абстрактному теоретическому объекту – информации, отождествляется с ним. Рассуждая о трактовке документа как информации теоретически, документ сводится к содержимому текста, которым он снабжён (вариант – к значениям элементов текста).

В дефинициях, в которых документ определяется как информация, нальчествует подмена понятий. Документ приемлемо характеризовать лишь как источник информации (о событиях и явлениях жизни общества, в том числе и в прошлом). Подобная характеристика документа широко используется и документоведами, и источниковедами. Например, украинский документовед С.Г. Кулешов, солидаризируясь с российской источниковедом О.М. Медушевской, отмечает, что: «Собственно любой документ может стать источником информации о прошлом...» [6. С. 96; 7. С. 20].

При создании дефиниции понятия документа следует исходить из различения понятий текста документа и информации документа; целесообразно исходить также из различения понятий документа-удостоверения и документа-оповещения. Последние понятия возможно образовывать как в соответствии с критерием выражаемого в тексте документа результата общественной деятельности, так и в соответствии с критерием целевого предназначения документа.

Создание документов-удостоверений имеет целью наделения отдельных лиц документом, который бы удостоверял их личность либо некоторые неюридические права. Создание документов-оповещений имеет целью доведение до определённого круга лиц либо широких слоёв населения некоторых прав, договоров, либо их закрепление, конfirmацию.

Документы-удостоверения иногда, а их копии нередко (при оформлении личных дел – обязательно) служат элементом делопроизводства. Копии документов-удостоверений являются заменителями такого рода документов (дубликатами). Копии документов-оповещений являются их размножениями (тиражекатами).

Документ – это прежде всего элемент сферы управления и процесса делопроизводства – государственного, частного и общественного. Текст документа содержит информацию (сведения) об актуальных, значимых для общественной деятельности явлениях, событиях, решениях и т.д. Документ следует определять не как информацию, а как элемент управления и делопроизводства, компонентами которого являются носитель текста, текст с реквизитами и общественно значимая информация (сведения).

Примечания

1. Рождественский Ю.В. Введение в культурологию М., 2000.
2. ГОСТ Р 51141–98. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. М., 1998.
3. См.: Соломоник А. Философия знаковых систем. Минск, 2002.
4. Носевич В.Д. Документ и информация в век компьютеров и множительной техники // Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего. Межд. научн. конф. 26–27 ноября 1997 г. Доклады и тезисы научных сообщений. М., 1997.
5. См.: Войшвилю Е.К., Дегтярёв М.Г. Логика. Учебник. М., 2001.
6. Кулешов С.Г. Документ как исторический источник: свойство, состояние, статус Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: Доклады и тезисы выступлений на третьей Всероссийской конференции. 25–26 февраля 1999 г. М., 1999;
7. Медушевская О.М. Источниковедение: теория, история, метод. М., 1996.

В.С. Боброва

К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ «ДОКУМЕНТ»

Существует много вариантов в определении понятия «документ». Традиционно оперирование термином «документ» в юридической практике, отразившееся на его употреблении в массовом сознании. Латинское «*documentum*» является ключевым словом в римском праве, которое лежит в основе современной западной цивилизации и подразумевает неизменно письменное свидетельство, призванное служить доказательством в том или ином деле. Изначально письменный характер документа предопределил то обстоятельство, что в массовом сознании вплоть до настоящего времени коррелируются понятия «документ» и «бумага». Вместе с тем, не всякая «бумага» является документом. Отличительным свойством документа является достоверность, которая подтверждается в результате атрибутирования письменного свидетельства. Исходя из вышеуказанного прямого смысла, под документом чаще всего подразумевают достоверную информацию, зафиксированную на бумаге условленным способом.

Вопрос о достоверности является одним из наиболее важных в процессе идентификации документа. Ранее – в доинформационную эпоху – образованных людей, которые могли быть причастны к составлению документов, было не так много. Такого рода интеллектуалы либо сами являлись представителями властующей элиты, либо были профессиональными клерками, находящимися на службе у последних. Документ, как правило, являлся результатом деятельности людей, связанных с управлением государством. Отсюда традиционное отношение к процессу создания документов как к сфере деятельности административных служб и до последнего времени практически безусловное доверие любой официальной бумаге. Сам факт причастности автора документа к управленческим структурам служил залогом достоверности документа.

В дальнейшем, по мере распространения грамотности и накопления информации, расширяется круг создателей письменных свидетельств и закономерно увеличивается количество требований, предъявляемых к документу. Создаются целые системы документирования, основная задача которых – кодирование информации с целью распознавания и подтверждения ее достоверности. Возникает целая наука – документоведе-

ние, которая занимается изучением проблем документирования информации. Вместе с тем появляется такое понятие как «официальный документ», подразумевая возможность существования «неофициальных». Если официальный документ, т.е. документ, исходящий из «официальных» структур – административных органов любого уровня, в массовом сознании традиционно вызывает доверие, то неофициальный документ считается вторичным по отношению к официальному и, как правило, требует дополнительной проверки. Однако что из неофициальных письменных свидетельств можно считать документом?

В настоящее время в научном пространстве дискутируется вопрос о возникновении «общего», «теоретического» документоведения или «документологии», объектом изучения которой является «вся документированная информация, т.е. информация, зафиксированная на материальном носителе созданным человеком способом с целью ее передачи в социальном пространстве и времени» [1. С. 7]. С данной точки зрения, все, а не только письменные свидетельства, являются документами. Более того, в данном определении фактически поставлен знак равенства между любой «захфиксированной на материальном носителе» информацией и документом. Насколько правомерна такая широта определения? Думается, что уточнению подлежит термин «документированная информация».

В современную эпоху существенно увеличилось количество способов фиксации и передачи информации. Действительно, помимо традиционного графического широкое распространение получают механические, электромагнитные, фотографические и др. формы материальных носителей информации. Современный документ утрачивает исключительно письменный характер. Появляются такие понятия, как фонодокумент, фотодокументы, кинодокументы и т.п. Таким образом, документ в настоящее время – это не обязательно «бумага», а действительно «информация, зафиксированная на материальном носителе». Однако, как не всякая «бумага» является документом, так и не любая зафиксированная информация может быть таковым. Информация становится документом тогда, когда она призвана выполнить определенную функцию: освидетельствовать, подтвердить или доказать что-либо. Вместе с тем в информационную эпоху эволюционирует и другой важный признак документа – достоверность. Документом может являться не обязательно достоверная информация. В свою очередь, и недостоверная информация может быть также свидетельством или доказательством чего-либо и в этом смысле при определенных обстоятельствах может стать документом. Достоверность в данном случае понимается не как истинность содержащихся в

свидетельстве сведений, а как аутентичность, подлинность. Подлинность – это главный признак, который отличает документ от всякой другой зафиксированной информации.

Подлинность, как и прежде, устанавливается в результате атрибутирования информации. Именно в этом и должна заключаться главная задача документоведения и «документологии». Информация является документом лишь после того, как она распознана как таковая. Если обратиться к дискуссии между документоведами и историками, то можно заметить, что всякий документ является историческим источником, но не всякий исторический источник является документом. Исторический источник может стать историческим документом после того, как он пройдет археографическую обработку и будет атрибутирован специалистами. То же можно сказать и об архивных документах: документ становится архивным лишь после того, как он будет описан, получит соответствующую «легенду», инвентарный номер и место на архивной полке. Вместе с тем среди архивных документов не все свидетельства являются документами в строгом смысле этого слова.

Возвращаясь к проблеме дефиниции понятия «документ», думается, что необходимо различать понятия «документ», «документированная информация» и «информация, зафиксированная человеком на материальном носителе».

Документ – это специфический вид зафиксированной человеком на материальном носителе информации. Специфика такого вида информации заключается в ее изначальном назначении, характере и форме. Главным условием распознавания документа, его отличия от любого другого вида информации должно быть единство функции и формы.

Документированная информация – это информация, которая при ее фиксировании на материальном носителе, не призвана была служить документом и стала таковым после ее обработки, атрибутирования, систематизации либо классификации.

В этом смысле незаверенная ксерокопия документа не является документом в полном смысле этого слова, но при соответствующей обработке она может стать документированной информацией, эволюционировав в юридический, исторический или архивный документ. То же можно сказать и об электронном документе, который является документом лишь в том случае, если он включен в электронную документационную систему и имеет соответствующие атрибуты, подтверждающие его статус.

Подводя итог, следует отметить, что понятие «документ» претерпело существенную эволюцию, связанную с изменением социокультурной си-

туации. С развитием информационной эпохи, обусловившим количественный рост информационных потоков, который не всегда позитивно отражался на их качестве, значение документа не только не уменьшается, но еще более возрастаёт. В связи с этим совершенно правомерно и даже необходимо развитие более широкой в сравнении с документоведением научной дисциплины «документологии», целью которой было бы изучение различных информационных потоков, претендующих на статус документов. Объектом исследования документологии должны быть разные виды документированной информации, а основной задачей – систематизация полученных данных, создание определенной классификации видов документационных систем и разработка методов работы с ними.

Примечания

1. Ларьков Н.С. Актуальные проблемы документоведения на современном этапе // Документ в меняющемся мире: Материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции. Томск, 2004.

Е.А. Плешкевич

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДОКУМЕНТНОЙ ПАРАДИГМЫ

Одним из новых подходов в изучении многообразия форм информации, зафиксированных на материальном носителе, выступает документная парадигма, которая активно используется в документоведении, в теории информации, архивоведении, книговедческих дисциплинах, научно-информационной деятельности и т.д. Предпринимаются попытки использовать её в музееологии.

Предпосылки документного подхода были заложены в конце XIX – начале XX вв. Полем Отле. Он поддержал терминологическое разделение исторически сложившегося понятия документ на документ в «широком и узком смысле» [1] и развил широкое, теоретическое толкование термина «документ». Документ в широком смысле должен был использоваться для обозначения разных форм материализованной информации, в том числе и книги.

Документный подход, как один из разделов кибернетики, зародился в 1960-е гг. в информатике. Одним из первых к нему обратился Г.Г. Воробьев, который выделил в науке об информации два основных направления. Первое направление, более широкое, которое он предложил назвать информатика, должно было заниматься всеми сферами информационной деятельности, в том числе и недокументальными процессами. Второе направление, более узкое, он назвал «документальный подход», ограничивая его рассмотрением только документованных форм информации, где понятие «документ» трактовал в самом широком смысле [2. С. 11]. Второй подход впоследствии получил название документалистики. Предметом его рассмотрения стали документированные сигналы в кибернетических системах и оптимизация документальных систем.

В рамках этих направлений сформировались свои подходы к пониманию документа. При всем многообразии следует отметить, что сущностью всех предложенных вариантов остается дуализм природы документа, включающий информацию и материальный носитель. Отсутствие материальной основы превращает документ в просто не документную информацию (устную речь), отсутствие информации превращает документ в вещь. Из генетической связи информационного и документного подходов вытекает, что в качестве центрального аспекта документного подхода выступает информационная природа документа.

Таким, каким документный подход сформировался в документалистике, где понятие документа отождествлялось с определением сигнала кибернетики, использовать его в дисциплинах, занимающихся исторически сложившимися формами документированной информации и анализирующими не только количественные, но и социальные аспекты документальных коммуникаций, было затруднительно.

В рамках архивоведения В.Н. Автократовым была предпринята попытка синтеза информационного и источниковедческого подходов [3]. Опираясь на атрибутистский подход, он разделил информацию на связанную и свободную. Связанная информация связана со структурой системы, в которой она функционирует, а свободная – как отношение, или воздействие одного (объекта, процесса) на другой, благодаря чему второй из них становится носителем информации о первом. Свободная информация выступает не только как процесс информирования, но и как «сообщение», «знание».

Мы полагаем, что понятие структурной информации гораздо шире и включает не только структуру организации свободной информации, но и структуру носителя информации. Структурная информация системы, в которой функционирует документированная информация, это информация об информации. Она получила название метаинформации [4. С. 3–10].

Свободная информация содержится в тексте сообщения, который может иметь самую различную знаковую природу. Её основной признак – это наличие семантической составляющей, подлежащей передаче во времени и пространстве. Единственным признаком «текста» при таком подходе оказывается наличие какого-либо значения. Свободная информация не связана жестко со структурой носителя, подобно структурной информации, т.е. изменение структуры носителя, например, изменение формата бумаги не влечет изменения смысла сообщения. Именно свободная информация составляет сущность сообщения и впоследствии трансформируется в документальную информацию. Исходя из этого, можно сделать вывод, что документный статус имеют только те носители информации, где присутствует свободная информация. Проблема передачи структурной информации остается до сих пор практически не изученной.

Одно из базовых положений документного подхода – определение документа как результата документирования – было разработано Б.С. Илизаровым. Он отмечал, что все знаковые системы, как письменные, так и иные, можно определить через понятие «документ» – результат целенаправленного запечатления (документирования) информации для передачи ее во времени и пространстве [5. С. 82]. Само документирование определялось как особая форма информационной деятельности.

Подход к документированию как сложному системному информационному процессу включает несколько этапов. Во-первых, это вычленение из потока отраженной социально значимой информации её представления и формирование сообщения. Под представлением информации мы понимаем её определенным образом символическое выражение в знаковой системе. Во-вторых, это фиксация сообщения с помощью системы кодирования на материальном носителе. Технология записи сообщения может быть самой различной и включать различные системы фиксации информации. И, в-третьих, это включение сообщения в информационно-документационную систему.

Наличие третьего этапа показывает, что документирование не тождественно процессу фиксации или записи информации. Фиксация/запись информации подразумевает её закрепление на материальном носителе или в его структуре с помощью любой технологии фиксации, будь то письменность или технический способ записи. Документирование подразумевает не только запись информации, но также и включение сообщения в информационно-документационную систему, т.е. обязательную предназначенноть документа для его использования в опосредованной сложной системной коммуникации.

Таким образом, определяющим этапом документирования, отличающим его от записи информации, выступает включение сообщения, зафиксированного на носителе, в конкретную информационно-документационную систему. Технологией включения сообщения в информационно-документационную систему выступает присоединение к сообщению информации о структуре самой системы. Эта информация содержится в реквизитах, которые присваиваются документу, как в момент его создания, так и в ходе выполнения им его функций [6]. Результатом процесса документирования выступает документ.

Подводя итоги, следует отметить, что документная парадигма является составной частью информационного подхода. Её сущностью выступает рассмотрение разнообразных форм информации, зафиксированных на материальном носителе, через модель документа.

В рамках документного подхода под термином «документ» понимается сообщение, зафиксированное на материальном носителе, включенное в информационно-документационную систему и содержащее об этом информацию в виде реквизитов. В научных дисциплинах, возникших для изучения исторически сложившихся социальных институтов документированной информации, предлагается ввести новые сложные по составу термины: оперативный, ретроспективный и диахронный документ. Это позво-

ляет отойти от неэффективного и малоперспективного, на наш взгляд, разделения общего понятия документа на документ в «узком и широком» смысле. Если документ в «узком» смысле трактовался как документ в правовом аспекте, то под документом в «широком» смысле понималось все, что содержит в себе информацию и может использоваться для её передачи, вплоть до скульптуры, минералогических и ботанических коллекций.

Базовыми пунктами документного подхода выступают следующие положения:

1. Основным содержанием документного подхода выступает документ, как носитель социальной семантической информации, зафиксированной на материальном носителе.

2. Дуализм природы документа, при котором доминантой выступает информация. Документ представляет собой материально и знаково зафиксированный самостоятельный информационный объект. Это позволяет рассматривать конкретные исторически сложившиеся документы вне особенности их материальных форм, а исходя из их информационной природы. Основой для классификации и типологизации документальных форм выступает не только внешняя форма, но и классификация свойств социальной информации и формы её записи.

3. Наличие в документе трех видов информации: свободной, содержащейся в сообщении (тексте); структурной, содержащейся в структуре материального носителя; метаинформации – информации о структуре информационно-документационной системы. Из свободной информации формируется сообщение.

4. Документ это системный объект. Информация о системе содержится в реквизитах. Наличие реквизитов превращает сообщение в документ. Документ, в отличие от сообщения, переназначается для комплексного, системного использования.

5. Информационная природа документа позволяет рассматривать его создание и движение как движение документированной информации.

Вне рамок документного подхода использование термина «документ» как обобщающего понятия для всех форм фиксированной информации не эффективно. Примером этого выступает источниковедение, где, по мнению С.М. Каштанова, складываются тенденции подмены термина «источник» термином «документ» [7. С. 130–134]. Мы согласны с данной позицией и полагаем, что использование термина «документ», как обобщающего понятия, возможно только в контексте документационного процесса. Если данный процесс не имеет места, то терминологическая подмена является научно необоснованной.

В заключение хотим подчеркнуть, что документный подход не является чем-то застывшим. Он может быть правильно понят и глубоко осознан лишь в динамике его непрерывного развития, изменения, постоянно-го обновления.

Примечания

1. Разделение понятия «документ» на понятия в «узком и широком смысле» возникло еще в XIX в. Это было отмечено уже в работах М. Бруна и А.А. Жижиленко. См.: Брун М. Документ // Энциклопедический словарь Ефроня и Брокгауза. СПб., 1893. Т. 10а. С. 898–899; Жижиленко А.А. Подлог документов: историко-догматическое исследование. СПб., 1900. С. 551.
2. Воробьев Г.Г. Документ: информационный анализ. М.: Наука, 1973.
3. Автократов В.Н. К проблеме вовлечения информационных категорий в архивоведение // Труды ВНИИДАД. М., 1973. Т. 3. С. 251–263; Он же. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М.: РГГУ, 2001 и другие.
4. Шрейдер Ю.А. Информация и метаинформация // НТИ. Сер. 2. 1974. № 4.
5. Илизаров Б.С. Источникометрические проблемы архивоведения: Методы измерения объемов письменной информации: Учеб. пособие. М., 1981.
6. См.: Плешкевич Е.А. Основы общей теории документа. Саратов: Научная книга, 2005.
7. Каштанов С.М. С.О. Шмидт и проблема определения исторического источника // Источниковедение. Проблемные лекции: Учебно-методический модуль / Сост.: Р.Б. Казаков, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 2005.

О.И. Рысков

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ВСЕРОССИЙСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ И АРХИВНОГО ДЕЛА

Использование электронных документов (ЭД) в документационном обеспечении управления поставило перед документоведением ряд проблем. Среди них можно выделить проблемы определения документоведческого понятия «ЭД», классификации ЭД, установления специфики ЭД, исследования вопросов подлинности ЭД и признания им юридической силы, изучения опыта работы с ЭД в различных организациях, а также выработки и нормативного закрепления требований и методических рекомендаций по работе с ЭД, основанных на изучении лучшего отечественного, зарубежного и международного опыта.

Решение теоретических и прикладных проблем использования ЭД в управлении нашло отражение в научно-исследовательских работах Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД).

С конца 1990-х гг. и до сегодняшнего момента институтом подготовлен целый ряд работ, позволяющий решить основные теоретические и практические проблемы применения ЭД в документационном обеспечении управления.

Во всех исследованиях, предпринятых ВНИИДАД в области электронного документооборота, очевидны их преемственность, взаимосвязь и комплексный научный подход к решению проблемы; основа которого заложена в принципе единого и не делимого на традиционный и электронный документооборот; то есть принципа единого взаимопроникающего и взаимозависимого сосуществования традиционной и электронной систем ДОУ.

Электронный документ, как объект управленческой деятельности, воспринимается специалистами в качестве равноправного с традиционным документом участника управленческого процесса. Вместе с тем электронные документы имеют определенную специфику, потребовавшую от ВНИИДАД решения как теоретических, так и прикладных проблем использования электронных документов в управлении.

В 1999 г. ВНИИДАД подготовил аналитический обзор «Документо-ведческие и архивоведческие проблемы электронных документов» [1], в котором установлена специфика ЭД и определены главные проблемы их применения в делопроизводстве и архивном деле. Обзор показал, что степень изученности разных проблем ЭД неодинакова, и послужил импульсом к составлению Росархивом (ВНИИДАД) программы научных исследований на 2001–2010 гг. «Электронные документы» [2], включающей примерный перечень направлений научных исследований, нормативно-методических и экспериментальных разработок в области ЭД.

«Перечень типовых управлеченческих документов, образующихся в деятельности организаций, с указанием сроков хранения» (утвержден Руководителем Росархива 6 октября 2000 г.) включает документы, образующиеся при документировании однотипных (общих для всех) управлеченческих функций, выполняемых учреждениями, организациями и предприятиями, независимо от функционально-целевого назначения, уровня и масштаба деятельности, форм собственности. Перечень устанавливает, что срок хранения документов на нетрадиционных носителях соответствует сроку хранения аналогичных видов документов на традиционных носителях.

Правила приема и обработки документов, поступающих по каналам электронной почты, установила Типовая инструкция по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти (разработана ВНИИДАД и утверждена приказом Росархива от 27 ноября 2000 г. № 68). В 2005 г. Инструкция переработана, а позиция института по отношению к работе с электронными документами заключается в том, что правила приема, обработки и исполнения электронных документов совпадают с традиционными документами, но должны учитывать особенности функционирующих в федеральном органе исполнительной власти технических и программных средств.

В 2000–2001 гг. ВНИИДАД был подготовлен Аналитический обзор «Нормативно-методическая база управления документацией в организациях с применением информационных технологий», в котором было проведено исследование организационно-правовых и технических аспектов документирования управлеченческой деятельности в России в целом, а также рассмотрен вопрос правового статуса электронного документа. Результатом исследования стали предложения по совершенствованию правовой и нормативно-методической базы ДОУ.

Вопросы приема на хранение, обеспечения сохранности, учета и описания как традиционных, так и электронных документов рассматриваются в «Основных правилах работы архивов организаций» (одобрены решением коллегии Росархива от 6 февраля 2002 г.).

Аналитический обзор «Исследование практики работы с электронными документами в делопроизводстве федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации» (2003 г.) представляет собой комплексное исследование проблем практической работы с электронной документацией в федеральных органах исполнительной власти. В ходе научно-исследовательских работ проанализировано нормативно-правовое, организационно-методическое и организационно-техническое обеспечение работы с электронными документами в федеральных органах исполнительной власти, а также изучен опыт создания, обработки, исполнения, использования и хранения электронных документов в федеральных органах исполнительной власти.

Электронные документы в управлеченческой деятельности, как правило, используются в рамках автоматизированных систем. В 2003 г. ВНИИДАД, изучив и проанализировав рынок автоматизированных систем документационного обеспечения управления в России, подготовил «Рекомендации по выбору автоматизированных систем документационного обеспечения управления (АС ДОУ) в организациях» [4], в которых классифицировал существовавшие на тот момент в России системы АС ДОУ, разработал методологию выбора автоматизированной системы ДОУ для организации в зависимости от ее потребностей, а также принципы выбора и критерии оценки компаний, занимающейся разработкой и внедрением этих систем в деятельность организаций.

Целью научного доклада «Нормативно-правовое и методическое обеспечение электронного документооборота на основе зарубежного и отечественного опыта» являлось представление опыта Российской Федерации и ряда передовых зарубежных стран в области нормативного регулирования работы с электронными документами. Одной из основных задач работы является анализ и сопоставление, прежде всего, федерального законодательства Российской Федерации и ряда зарубежных стран, регламентирующего вопросы электронного документооборота. Большинство источников составляют публикации на иностранных языках. Их перевод на русский язык вводится в научный оборот впервые.

В настоящее время ВНИИДАД продолжает разработку названной проблемы по следующим темам:

«Рекомендации о порядке учета, оперативного хранения и отбора на постоянное хранение электронных документов» (2004–2005) предназначены для применения в условиях широкого внедрения систем работы с электронными документами в организациях, при переходе на электронный документооборот, электронную обработку информации. Планируе-

мыми результатами разработки является разработка рекомендаций, направленных на внедрение единых правил по организации учета, обеспечения сохранности электронных документов в документационном обеспечении управления и подготовке их к постоянному хранению для различных организаций, независимо от их организационно-правовой формы, функций и сферы деятельности.

«Примерный перечень типовых управленческих документов, образующихся в деятельности федеральных органов исполнительной власти, которые могут вестись в электронном виде» (2004–2005) предназначен для организации электронных документов в составе документального фонда федерального органа исполнительной власти, их учета, отбора на хранение. Примерный перечень определяет состав документов, которые могут создаваться, обрабатываться и храниться в федеральных органах исполнительной власти в электронном виде.

В 2005 г. институт готовит научный доклад «Исследование опыта регламентации управления документацией в зарубежных и международных стандартах и оценка возможности его использования в Российской Федерации», что вызвано интеграционными процессами России в мировое экономическое пространство. По мнению специалистов института, именно применение международных стандартов по управлению документами (в том числе и электронными) в качестве национальных является перспективной совершенствования нормативной базы работы с документами в РФ.

Подводя итог анализу разработок ВНИИДАД по проблеме работы с электронными документами в управлении, можно отметить в работах Института преемственность, взаимосвязь и комплексный научный подход к решению проблемы. Работы выполняются как в рамках отраслевых тем НИР, так и в рамках различных федеральных целевых программ (ФЦП «Культура России», ФЦП «Электронная Россия»); Институт соблюдает последовательность при решении вопросов работы с электронными документами, что вызвано как наличием соответствующих долгосрочных программ исследований, так и реальной оценкой современных потребностей организации в решении наиболее актуальных вопросов ДОУ с использованием электронных документов.

Примечания

1. Документоведческие и архивоведческие проблемы электронных документов: Аналитический обзор / Росархив, ВНИИДАД. М., 1999. 212 с. СИФ ОЦНТИ ВНИИДАД, № 10438.
2. Электронные документы: Программа научных исследований (2001–2010 гг.) / Росархив, ВНИИДАД. М., 2000. 35 с. СИФ ОЦНТИ ВНИИДАД, № 10595.

3. ФАС России. ВНИИДАД. Нормативно-методическая база управления документацией в организациях с применением новых информационных технологий: Аналитический обзор. М., 2001. 320 с.

4. ФАС России. ВНИИДАД. Рекомендации по выбору автоматизированных систем документационного обеспечения управления (АС ДОУ) в организациях / Рук. Темы М.В. Ларин. М., 2003. 84 с.

Г.С. Иваненко

АДЕКВАТНОЕ ПРОЧТЕНИЕ ДОКУМЕНТА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

При всем своем разнообразии, документы призваны отражать реалии действительности, фактически имевшие место или моделируемые как должные. Документы относятся к официально-деловому функциональному стилю речи и на этом основании в идеальной модели воплощают такие его основные черты, как объективность, точность, неличностный характер.

Точность прежде всего предполагает однозначность понимания сообщенной в документе информации, адекватную декодировку. Социальная и экономическая значимость многих документов столь велика, что неточность формулировки неизбежно приводит к неоднозначному пониманию и различным трактовкам, вызванным либо искренним заблуждением, либо намеренной спекуляцией лингвистически дефектным текстом.

Опыт участия в качестве лингвиста-эксперта в судебных разбирательствах показал, что причина значительной части правовых конфликтов имеет лингвистический корень. К сожалению, правоустанавливающие документы нередко дают почву для различных толкований. Неоднозначность прочтения связана с несколькими типичными упущениями.

Во-первых, смысл локального отрезка текста может не совпадать со смыслом, выраженным в более широком контексте. Так, суды разных районов г. Челябинска вынесли противоречащие друг другу решения по вопросу о распространении льгот по оплате коммунальных услуг не только на лиц, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС, но и на членов их семей. Суд, отказавший в льготе, руководствовался п. 3 ст. 14 «Закона о социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», формальное прочтение которого действительно дает основания для такого решения. Суд, предоставивший льготу, руководствовался ст. 15, уточняющей и конкретизирующей ст. 14. Однако для адекватного прочтения документа только по обозначенному вопросу необходимо привлечение сведений из 13-ой и 15-ой статей, создающих необходимый полный контекст для разрешения проблемы, обоими судами решенной необъективно, без учета всех текстовых факторов. Тексты законов перегружены ссылками, осложненными уточнениями, часто не дополняющими, а кардинально меняющими смысл текста, к которому апеллируют, что создает правовые конфликты.

Вторая распространенная причина разнотений – языковая амфиболия (двусмысленность), вызываемая различными грамматическими причинами, например, употреблением зависимых элементов, отнесенных к членам предложения, связанным сочинительной связью. Так, двояко может быть истолкована следующая фраза: «*Под акцизными товарами признаются: автомобили легковые и мотоциклы с мощностью двигателя свыше 112,5 кВт (150 л.с.)*» Постпозитивное определение «*с мощностью двигателем свыше 112,5 кВт*» может относиться как к автомобилям легковым и мотоциклам вместе взятым, так и только к мотоциклам.

Третья причина неадекватного декодирования правового текста – формально грамотная, но чрезвычайно синтаксически загруженная структура, разобраться в которой носителю языка, не обладающему специальными лингвистическими познаниями, сложно.

Еще одна причина двусмысленности – создание противоречия. В некоторых случаях противоречивость текста – результат чьего-то злого умысла. Избежать серьезных правовых проблем можно лишь при максимально лингвистически точном оформлении документа, в чем заинтересованы все, кто имеет к этому документу хоть какое-то отношение. Приведем пример намеренного введения в заблуждение противоречивой формулировкой. Гражданка А доверила гражданину Б распоряжаться своей квартирой, предполагая возможный ее залог. Квартира была продана на основании доверенности: «*Доверяю Б заключать все разрешенные законом сделки, в частности: с правом залога, определяя во всех случаях сроки, суммы и другие условия по своему усмотрению; быть моим представителем во всех учреждениях и организациях, включая органы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним; ...*».

В анализируемом тексте одна часть предложения вступает в противоречие с другой: до присоединительной конструкции обобщающая часть имеет более широкий смысловой объем, чем раскрывающая часть. Местоимение «все» в русском языке предполагает обычно указание на полный перечень элементов. Начало предложения формирует мысль о том, что доверенное лицо получает право «заключать все разрешенные законом сделки», и без присоединительного оборота из текста логично вытекал бы вывод о праве доверенного лица на осуществление сделки «купли-продажи». Однако поскольку уж конкретизирующий ряд был открыт в тексте, в соответствии с законом построения однородного ряда в официальном документе на первом месте должен стоять самый значимый элемент. Но указание на право доверенного лица осуществлять сделку купли–продажи отсутствует, обозначено только право залога, в связи с чем меняется декодировка текста. Местоиме-

ние «все» воспринимается как «все следующие», «все, которые ниже будут перечислены» (просторечное употребление). Оборот «в частности» имеет два значения: иллюстративное (синоним «например») и конкретизирующее, раскрывающее (синоним «а именно»). Значения единицы «в частности», как и основной массы многозначных единиц русского языка, стилистически дифференцированы. В первом значении слово употребляется в разговорном, художественном и публицистическом стилях. В научном же и официально-деловом стилях оно реализуется во втором значении, то есть предваряет четкий и полный перечень того, что является частным проявлением того общего, что было названо перед «в частности». Перечень этот составляется по принципу убывающей значимости элементов ряда. Следовательно, в нашем случае обособленный присоединительный оборот, вводимый единицей «в частности», должен содержать конкретный, полный и четкий перечень прав доверенного лица.

Обозначенные противоречия вылились в правовой конфликт, избежать которого можно было бы при большем внимании всех участников ситуации к языковому оформлению документа.

Документы, представляющие собой законодательную, правоустанавливающую норму, должны содержать все необходимые элементы для адекватной декодировки. К сожалению, нередко текст закона имеет варианты осмысления, обусловленные использованием слов с очень неконкретной семантикой. Так, в соответствии со ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), порочащими считаются *«не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно – хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию и т.п.)*, которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица». При рассмотрении дел по этой статье возникает целый ряд вопросов: что считать нечестным поступком и неправильным поведением? что считать утверждением? любое ли сообщение может быть проверено на предмет соответствия действительности?

Итак, анализ конкретного материала – текстов документов, вызвавших правовой конфликт – позволяет говорить о приоритетности такого качества документа, как однозначность. Адекватное выполнение документом своей функции зависит в значительной мере от лингвистически грамотного оформления текста документа и столь же грамотного его прочтения.

В.А. Есипова

БУМАГА КАК МАТЕРИАЛЬНЫЙ НОСИТЕЛЬ ДОКУМЕНТА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Общеизвестно, что любой документ представляет собой единство информации и материального носителя, на котором она зафиксирована. В изучении этих двух сторон документа традиционно наблюдается некоторый дисбаланс: если информационной стороной занимается целый ряд дисциплин, существует масса классификаций и определений (правда, далеко не все они являются общепринятыми), то материальный носитель информации, каким бы он ни был, привлекает к себе гораздо меньше внимания. Действительно, если информационной стороной интересуются и документоведение, и источниковедение, и архивоведение, и библиография и т.д., то на материальную сторону документа специально обращают внимание такие экзотические дисциплины, как филигранология, история бумаги, берестология, папирология, частично – сфрагистика и нумизматика. Нет необходимости комментировать, какие из этих дисциплин более широко распространены и активнее развиваются.

Между тем исследование материального носителя документа способно дать не менее интересные и нужные результаты, чем изучение его информационной составляющей. Рассмотрим это на примере изучения бумаги – одного из самых распространенных материальных носителей документа в последние несколько столетий.

Изучением бумаги в настоящее время занимается ряд дисциплин. Это изучение, исторически зародившееся в рамках палеографии, в России продолжает оставаться одной из ее составных частей. В то же время появились такие дисциплины, как филиграноведение, история бумаги.

Обзоры современного состояния в рассматриваемых областях были даны П. Чудиным [1] и А.П. Богдановым [2]. Существуют организации, занимающиеся изучением истории бумаги: Международная ассоциация историков бумаги (IPN, создана в 1959 г.) и ее национальные подразделения [3]. С ее работой можно ознакомиться по материалам конгрессов, проходящих раз в два года [4]. Российская ассоциация, аналогичная IPN, была создана в 2004 г. [5].

Основные направления развития в настоящий момент:

– развитие традиционного филиграноведения, т.е. изучение филиграней как датирующего признака документа и систематизация всех сведений, которые могут помочь решению этой задачи. Все чаще проводится не путем сбора традиционных картотек, а посредством создания баз данных, крупнейшей из которых является база ИРН. Одна из главных тенденций здесь – введение стандартизации, в частности – составление Стандарта ИРН. Пока этот процесс не завершен, но не из-за технических проблем (они как раз решаемы, несмотря на их сложность). Главная проблема заключается в отсутствии единого и строгого терминологического аппарата, который пока не выработан окончательно не только на международном уровне, но и в каждой отдельной стране;

– активное развитие, наряду с традиционным филиграноведением, истории бумаги и истории бумажных мануфактур. В настоящее время это довольно обширные области исследований, в которые начинает включаться уже не только изучение бумаги как таковой, но и материалов, ей предшествовавших (например, тапа для Тихоокеанского региона);

– изучение физико-химических свойств бумаги и филиграни. Фактически является логическим развитием традиционного филиграноведения, но с применением многочисленных и разнообразных технических средств. Здесь можно выделить такие направления, как:

А) воспроизведение рисунка филиграни с помощью различных технических средств, желательно с дальнейшей оцифровкой;

Б) идентификация рисунка филиграни (желательно методами точных наук) и сравнение его с уже известными и датированными образцами. Здесь неизбежно встает вопрос о степенях сравнения филиграней и о соотношении их с технологическим процессом изготовления бумажного листа – именно решение этого вопроса позволило бы ввести электронную идентификацию филиграней, что могло бы существенно уточнить датировку многих документов;

В) изучение химического состава бумаги и ее свойств как физического объекта, а также их изменений с течением времени. За рубежом это направление исследований бывает связано с заводскими лабораториями на бумажных комбинатах, где изучаются свойства современной бумаги для улучшения производственных показателей или создания бумаги определенного качества;

– направление, связанное с реконструкцией и реставрацией. Является, по большей части, логическим продолжением направления, изучающего историю бумажных мануфактур. В данном случае реконструкция понимается в самом широком смысле: реконструируется как средневековый

технологический процесс производства бумаги, вместе со средой, в которой он происходил, так и отдельные, самые выдающиеся книги (например, «Библия» Гутенберга). Этот процесс имеет не только исторический интерес; случается, что забытые технологические находки находят применение в современном производстве, а для отдельных роскошных современных изданий бумага изготавливается по спецзаказу и до тонкостей похожа на самую качественную бумагу, выработанную, например, в XVII веке. Многие находки в этой области берут на вооружение современные реставраторы.

Нерешенные проблемы и перспективы (организационные и научные):

– главной проблемой, которую предстоит решить, представляется более тесное сотрудничество с учеными других специальностей: историками, документоведами, источникovedами, филологами, а также физиками, химиками, программистами и математиками. Конечно, данные филиграноведения традиционно используются в источниковедческом анализе, но сейчас это представляется недостаточным. Вообще, существует известный разрыв между изучением содержания документа (исторического источника) и его материальной формой. Необходимо преодолевать этот разрыв, поскольку сопоставление разных точек зрения способно дать качественно новую информацию. В настоящее же время исследования в области филиграноведения и истории бумаги основной массой специалистов (в том числе – историков и источникovedов) мыслятся как нечто экзотическое и довольно далекое от насущных нужд более близких им областей знания – и эта проблема актуальна не только для нашей страны;

– вопрос о выработке общей терминологии и понятийного аппарата. Необходимо разрабатывать его даже в тех странах, где на национальном уровне он в принципе решен. Это связано, в первую очередь, с активным внедрением компьютерных технологий, что требует уточнения и стандартизации ряда терминов – причем, желательно, на международном уровне;

– вопрос о координации работы как на национальном, так и на международном уровне. Россия, например, довольно долго находилась в научной изоляции в данной области; единичные примеры (вроде публикации работы З.В. Участкиной в серии *Monumenta*) лишь подчеркивают это правило;

– вопрос о подготовке специалистов в области филиграноведения и истории бумаги, а также вопрос о повышении «филигранологической грамотности» отечественных гуманитариев. Достаточно сказать, что курс славяно-русской палеографии читается на настоящий момент в единичных вузах страны, а филиграноведение составляет лишь одну из его частей.

Как видно, часть этих проблем полностью совпадает с общими проблемами отечественной гуманитаристики, часть была озвучена еще на Всесоюзном совещании по филиграноведению в 1990 г. в Ленинграде [6], но до сих пор не претворена в жизнь. Но, поскольку проблемы осознаны, теперь необходимо совместно искать их решение.

Примечания

1. Tschudin P. Metodik der papierdatierung // IPH Congressbook, 1996. Vol. 11. IPH edition. P. 29–35.
2. Богданов А.П. Основы филиграноведения. Теория. Методика. Практика. М., 1998. 336 с.
3. www.paperhistory.org
4. Paper as a medium of cultural heritage. Archaeology and conservation. 26th Congress of IPH. Rome-Verona. August 30th – September 6th 2002. Roma, 2004. 423 pp.
5. Актуальные вопросы истории бумаги и бумажного производства. СПб., 2003. 98 с.
6. Филигранологические исследования. Теория, методика, практика. Л., 1990.

Е.В. Мартынова, Г.И. Сбитнева

**ИЗУЧЕНИЕ ТЕКСТОВ КАК ИНФОРМАЦИОННОЙ
СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ДОКУМЕНТОВ
(по материалам специальной печати)**

В настоящее время текст как объект изучения привлекает к себе особое внимание ученых самых различных направлений. Вопросы и проблемы, связанные с исследованием текста, обширны и многообразны. Текст является объектом изучения лингвистов, редакторов, литературоведов, филологов и так далее. В документоведческих исследованиях текст также является ключевой категорией, так как любой документ имеет свой текст, который несет информацию, сообщение, смысл.

Была проанализирована информация о текстах, которая привлекает внимание специалистов библиотечно-информационной сферы. Изучение документального потока о текстах в специальной печати проведено на основе реферативного журнала «Информатика». Рассмотрены ведущие издательства, публикующие материалы о текстах; межпредметные связи с другими науками; аспекты изучения текста в библиотечной предметной области. На базе реферативного журнала серии «Информатика» за 2001–2004 гг. был изучен документальный поток «Информация о текстах». Было выявлено 200 источников.

Исследование осуществлялось в несколько этапов.

Этап 1. Изучение динамики документопотока.

Документопоток был упорядочен по признаку «Год выхода документа». Было подсчитано количество документов в год. Был сделан вывод о том, что наибольшее количество документов приходится на 2003 г. – 80 документов (39,2%).

Анализ показал, что документопоток по текстам с начала XXI в. развивается неравномерно: количество документов то увеличивается, то уменьшается.

Исследования динамики роста за период с 2001 по 2004 г. показало, что поток литературы по теме вырос в 1,3 раза. В 2001 г. – 40 документов, в 2004 г. – 54 документа, но это меньше, чем в 2003 г. Если сравнивать 2001–2003 гг., в 2003 г. документопоток возрос в 2 раза (80 документов).

Незначительный рост потока литературы вызван тем, что сведения о ней отражаются по большей части в научных изданиях, немного меньше

этую тему затрагивают периодические издания. Причиной этому может быть большой информационный интервал между выходом в свет РЖ и отраженных в нем источников.

Этап 2. Изучение видовой структуры документопотока «Информации о текстах».

Поток документов был упорядочен по признаку «Вид документа». Была определена количественная характеристика видового признака.

Книжные издания являются одним из основных видов, которые формируют документопоток. Анализ показал, что большое количество отечественных публикаций приходится на материалы конференций – 35,7% от общего количества; 28,9% занимают сборники статей; 17,9% – авторефераты диссертаций; 14,1% – учебные пособия. Исходя из этих данных мы видим, уровень развития – научно-исследовательский. Исследовательская литература составляет 102 документа – это 96,6% от общего количества документов, а практическая всего 4 – это 3,8% от общего количества документов.

Этап 3. Изучение языковой структуры документопотока «Информации о текстах».

Документопоток был упорядочен по признаку «Язык документа». Была определена количественная характеристика данного признака в документопотоке. В зависимости от частоты встречаемости языков были выделены русский, английский, китайский и немецкий языки.

Ведущим языком публикаций является русский – 77,8%, на втором месте английский – 19,3%, затем китайский – 2,4%. Меньше всего публикаций на немецком языке – 0,5%.

Доминирующее количество документов на русском языке объясняется развитием документоведческой науки в стране, интересом к данному направлению в России.

Большое количество публикаций на английском языке объясняется тем, что этот язык является международным, на нем общается значительная часть ученых всего мира.

Этап 4. Изучение географической структуры документопотока «Информации о текстах».

Документ был упорядочен по признаку «страна/регион». Была определена количественная характеристика признака в документопотоке.

Анализ географической структуры документопотока показал неравномерность распределения издательств по городам России – 76,4%. Конечно, основная часть издательств (54,8%) располагается в Москве и Санкт-Петербурге (51,9% и 2,9% соответственно). Однако наряду с цен-

тральными издательствами были выявлены издательства в других регионах (21,6%). Это и крупные административные центры, и небольшие города на периферии России: Самара, Волгоград, Уфа, Новосибирск, Челябинск, Барнаул, Саратов и другие.

В ряду зарубежных издательств на первом месте США – 23%, на втором – Великобритания – 8%, на третьем месте Китай – 6%.

Этап 5. Изучение издательской структуры документопотока «Информации о текстах».

Документ был упорядочен по признаку «издательство». Была определена количественная характеристика признака в документопотоке.

Изучение издательского состава документопотока позволило выявить 43 издательства (59,7% публикаций от общего числа), выпускающих литературу по теме «Информация о текстах» на территории России. В формировании документопотока по теме «Информация о текстах» участвуют различные организации: государственные учреждения, издательства научно-исследовательских институтов, высшие учебные заведения, научные библиотеки, общественные организации.

Основными издательствами, выпускающими литературу по теме «Информация о текстах», являются издательства: ВИНТИ – 28 публикаций, далее издательство «Наука» – 13 публикаций.

Публикации выпускаются не только издательствами вузов в центре, но и на периферии. Выявлены работы Башкирского государственного университета, Хабаровского государственного технического университета, это свидетельствует о том, что проблемами по теме «Информация о текстах» интересуются не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в других регионах.

Этап 6. Изучение содержательной структуры документопотока «Информации о текстах».

Микропоток был упорядочен по рубрикам ББК или по предметным рубрикам. Был составлен ранжированный ряд распределения межпредметных направлений.

Самой наполненной оказалась рубрика «Прикладное языкознание» (66 публикаций). Больше всего публикаций данной рубрики находится в таких разделах, как: автоматический анализ текста (16 публикаций); языкознание (10 публикаций); базы знаний (4 публикации); обработка текста (4 публикации).

Следующее место по количеству публикаций занимает рубрика «Аналитико-синтетическая обработка и преобразование информации» (34 публикации). Основная масса документов содержится в таких разде-

лах, как: автоматическая классификация (6 публикаций); научно-технический перевод (4 публикации). Здесь же на 2 месте находится рубрика «Компьютерные системы и сети» (18 публикаций).

Анализ показывает, что все рассматриваемые в нашем исследовании темы имеют тенденции к росту числа публикаций. Но какие-то в большей, какие-то в меньшей степени, в зависимости от потребности в изучении этой темы в данный период. Все публикации являются очень актуальными как в России, так и за рубежом.

Этап 7. Изучение информационного поля документов.

В заглавиях документов о текстах были выявлены аспекты содержания. Выделенные аспекты информационного поля документального потока по изучению текста соответствуют нашей профессиональной предметной области. Внимание исследователей привлекают: разновидности текста, методы изучения текста, стили текста, обработка текста, восприятие текста, свойства текста.

Проанализировав документальный поток по проблемам текстологии в специальной печати за последнее время, можно утверждать, что данное направление развивается. Изучение текста в наши дни тесно связано с информационной деятельностью. Межпредметные связи прослеживаются с аналитико-синтетической переработкой информации, поиском информации, типами информационного поиска, типами ИПЯ, хранением информации. Такие дисциплины, как библиотечное дело, библиографоведение, прикладное языкознание, активно изучают текст как информационную составляющую документа.

А.Д. Лобанова

БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ КАК ДОКУМЕНТ

Деньги – это огромное достижение человеческой культуры в ее самом широком понимании. Человек пытается познать сущность денег на протяжении многих столетий. В последнее десятилетие в связи с изменением экономических отношений в России интерес к проблеме значительно возрос. Изучение темы денег предполагает использование методологии и методики междисциплинарного подхода.

Вопросам, связанным с изучением данной темы, в отечественной и зарубежной науке посвящено немалое количество работ. Рассмотрены исторический (А.И. Малышев, В.И. Таранков, А.С. Мельникова), экономический (Ю.В. Пашкус, Р.М. Энтов, А.П. Бунич, Пол Р. Кругман), социологический (К. Маркс, М. Вебер, Ю.А. Васильчук, С.Б. Абрамова), психологический (С.В. Малахов, Е.В. Шедрина) аспекты проблемы. Гораздо в меньшей степени деньги рассматриваются как объект документо-ведения. Между тем бумажные деньги представляют собой определенную систему документации, которая является важной подсистемой в общей информационно-документационной системе той или иной страны.

С точки зрения economics, деньги являются всеобщим эквивалентом стоимости. Бумажные деньги представляют собой одну из форм денег, которая пришла к нам в процессе развития товарно-денежных отношений, и относятся к неполноценным деньгам. Неполноценными являются те, покупательная способность которых превышает внутреннюю стоимость товара.

Первые бумажные банкноты появились на территории Китая в I в до н.э. Более широкое распространение бумажных денег началось с конца XVII в. Впервые они появились в британских колониях Северной Америки в 1680 г. (Массачусетс) и во Франции. В России бумажные деньги (ассигнации) появились в 1769 г. Они имели примитивный вид, что объяснялось несовершенством производства, ограниченными возможностями государственного и административного аппарата.

Бумажные деньги – это документ. Документ, как известно, – зафиксированная на материальном носителе информация в виде текста, звукозаписи или изображения с реквизитами, позволяющими ее идентифициро-

вать, и предназначенная для передачи во времени и пространстве в целях хранения, использования, в том числе и в качестве доказательства.

Сам по себе документ, в том числе и бумажные деньги как документ, не является самоцелью. Он всегда был и остается элементом сложившейся общественно-правовой, общественно-экономической системы общества, в котором он является важным, но далеко не единственным элементом. Государственное управление, исполнение полномочий, обязательства при этом, как правило, сопровождается документами, которые связаны с определенным событием или фактом.

При системной характеристике документа как объекта права необходимо определить признаки его выделения из совокупности информации и способов фиксирования информации. Очевидно, что документированная информация, или документ, обладает как общими свойствами информации, так и специфическими характеристиками и признаками в зависимости от целевого назначения документа и области его применения [1].

Каждый документ имеет признаки. Обычно выделяют следующие основные признаки документа, характеризующие его общее понятие:

1. Форма документа. Представляет собой единое сочетание физической формы материального носителя, способов фиксации и представления информационных данных или атрибутов (внешняя форма) и организационной формы структуры представления зафиксированной на материальном носителе информации (внутренняя форма).

2. Содержание документа заключает в себе выделенную по определенной цели и/или назначению информацию с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать и отождествлять с определенными субъектами, с наличием которой связаны определенные отношения или юридические последствия.

3. Волевой характер документа.

Помимо признаков, свойственных общему понятию документа, следует выделить признаки, выявляющие особенности их применения в общественных отношениях и отдельных отраслях права: 1) целевое назначение; 2) характер правоотношений; 3) субъективность; 4) содержание; 5) стадии изготовления; 6) сроки действия; 7) доказательное значение.

Таким образом, бумажные деньги представляют собой документ на бумажном носителе с реквизитами (наименование вида документа, дата, серийный номер, степени защиты и другие) [2], позволяющими идентифицировать информацию, закрепленную в них и предназначенную для передачи во времени и пространстве в целях хранения, использования, в том числе в качестве доказательства. Это многофункциональный доку-

мент многостороннего действия, имеющий не только функции оперативного характера, но и постоянно действующие (например, функция исторического источника), которые обеспечивают историческую и социокультурную преемственность [3].

Создание денежных билетов – сложный, длительный и подчас противоречивый процесс совместного творчества ряда специалистов. Бумажные деньги, наряду с развитием электронных денег, продолжают играть важную роль в жизни общества. К денежным банкнотам, как, пожалуй, ни к одной печатной продукции предъявляются особые требования: большое внимание уделяется долговечности; учитывается пригодность к автоматизированной обработке; защищенность от подделки.

В начале процесса разработки новых банкнот утверждается ряд номиналов, определяется тема, стиль изображения. Это сложно, так как изображение должно олицетворять ценности страны, народа, времени. После определения темы и выработки изображения приступают к разработке эскиза. Затем эскизы новых банкнот выносятся на обсуждение специалистов в области производства банкнот, их защиты от подделки.

К основным элементам защиты денежных знаков относятся следующие. **Бумага** – денежные знаки печатаются на высококачественной бумаге, специально предназначеннной для печати банкнот. К такой бумаге предъявляются особые требования, так как она содержит двух- или многотоновый водяной знак. В качестве сырья используют обрезки хлопчатобумажных и льняных тканей. **Водяной знак** – неотъемлемая часть защиты денежных знаков, в которые добавляют также защитные волокна различных цветов (конфетти). **Защитная нить**. В бумагу денежных банкнот вводят пластиковые, металлические нити, содержащие повторяющийся микротекст. **Краска**. Используемые краски более устойчивы к взаимодействию химических веществ и не изменяют свой цвет. Магнитными красками печатаются серийные номера. Очень распространено использование пигментов, люминесцирующих под воздействием ультрафиолета. **Способы печати**. Для изготовления денежных знаков используют следующие виды печати: 1) высокая печать; 2) глубокая металлографическая печать; 3) офсетная печать; 4) орловская печать; 5) ирисовая печать.

Сегодня защита денежных знаков от подделки – задача, в первую очередь, государства, которая решается при помощи новейших технологий, научно-технических разработок.

Таким образом, бумажные деньги, будучи всеобщим эквивалентом стоимости, в то же время представляют собой документ с определенным

составом реквизитов, спецификой способов и средств документирования, который занимает свое место в информационно-документационной системе той или иной страны.

Примечания

1. Ларин М.В. Развитие понятия «документ» // Делопроизводство. 2000. № 1.
2. На сегодняшний день подлинные банкноты имеют более 20 элементов защиты, некоторые из них имеют секретный характер.
3. Илюшенко М.П.. Функциональный анализ документа // Делопроизводство. 1999. № 2.

О.А. Харусь

МЕЖФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ПРОЕКТИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИОННО-ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и активное использование их возможностей в управленческом процессе вызвали существенные изменения в функционировании системы информационно-документационного обеспечения управления (ИДОУ) организаций различных форм собственности, профиля и сфер деятельности. В числе наиболее значимых специфических характеристик современного этапа корпоративного регулирования ИДОУ специалисты отмечают повышение уровня системности в решении вопросов информационно-документационного обеспечения [1].

Инфраструктура организации, задействованная в управлении всеми информационно-документационными потоками, рассматривается как информационная система (ИС). В состав ИС в качестве взаимосвязанных, взаимозависимых и взаимодействующих компонентов входят документированная информация, программный комплекс, аппаратно-техническая база, информационный персонал и нормативно-методическая база, определяющая порядок формирования и использования информационных ресурсов. Вместе с тем системный подход предполагает рассмотрение ИС как подсистемы общей организационной системы. Оценка информационного потенциала отдельных сотрудников, структурных звеньев и организаций в целом, анализ и удовлетворение организационных потребностей в информации, обеспечение информационно-документационного взаимодействия внутри и вне организации во многом определяют функциональное назначение ИС. Поэтому решение проблемы ее совершенствования невозможно без учета состояния и динамики основных внутренних переменных организации (целей, организационной структуры, технологии производственных и управленческих процессов, системы управления, кадрового, финансового и материального потенциала и пр.)

Традиционные технологии и методики проектирования систем ДОУ, связанные с детальным обследованием и анализом существующей в организации системы, выявлением ее несоответствия требованиям некоей

эталонной модели и разработкой мер по устранению обнаруженных дефектов [2], фактически редуцируют организационное проектирование до организационного конструирования. Безусловно, такой рационализаторский подход сохраняет свое значение и является вполне продуктивным при оптимизации делопроизводства, поскольку позволяет использовать практический опыт функционирования эффективных ИС и обеспечивает необходимую унификацию и стандартизацию с учетом общепринятых нормативов. Однако методы организационного конструирования имеют ограниченный потенциал для проектирования системы ИДОУ на современном этапе, так как, во-первых, не позволяют в полной мере учитывать специфику проблем конкретной организации, а во-вторых, не создают возможностей для решения новаторских задач. Последнее обстоятельство особенно важно в условиях чрезвычайной динаминости инновационных процессов в сфере ИКТ.

При расширении рамок оргпроектировочного процесса, предполагающего не только рационализацию делопроизводства, но и создание комплексной эффективной системы ИДОУ, наиболее перспективным представляется использование деятельностного подхода, основы которого были разработаны группой советских методологов во главе с Г.П. Щедровицким [3]. Этот подход имеет четко выраженную проблемную ориентацию и рассчитан на поиск решений сложных, слабоструктурированных задач, к классу которых и относится формирование ИС организации в условиях стремительного прогресса ИКТ.

Одним из ключевых требований технологии деятельностного подхода является соблюдение принципа равенства возможностей. Его реализация предусматривает участие в проектировании всех сотрудников организации, деятельность которых прямо или косвенно зависит от результатов разрешения проблемы. Специфические требования или предложения представителей различных функциональных подсистем подлежат обязательному учету, а их согласование достигается разработкой новых представлений об объекте проектирования и новых, нестандартных вариантов организационных решений. Применительно к сфере ИДОУ данный принцип может найти практическое воплощение в создании межфункциональной проектной группы из специалистов различных структурных подразделений. Работа межфункциональной команды позволяет обеспечить обмен знаниями и мнениями, в ходе которого выявляются актуальные и потенциальные потребности участников в информационном обеспечении их деятельности. При этом воспроизводится организационная реальность, что создает условия для принятия решений, максимально

учитывающих специфику данной организации. Вместе с тем в значительной мере снимается острота проблемы внедрения организационных новшеств, т.к. сотрудникам предстоит осуществлять проект, в разработке которого они принимали непосредственное участие.

При создании или рационализации действующей системы ИДОУ участие руководителей и специалистов различных функциональных подразделений необходимо прежде всего:

- для определения назначения системы (для решения каких управленческих/производственных задач она нужна) и ее функций;
- для маршрутизации информационных потоков с учетом организационной структуры и алгоритма взаимодействия структурных подразделений и должностных лиц;
- для формирования информационно-документационного портала организации как средства взаимодействия персонала, а также коммуникации с внешними организациями и лицами;
- для формулирования требований к информационным ресурсам (в частности, к классификации документов организации, составу и структуре информации о документах в компьютерной базе данных, оперативному и архивному хранению документов и т.д.).

Комплексность коллектива участников проектировочных работ, сформированного на основе принципа презентативности интересов профессионалов различных функциональных сфер организации, обеспечивает существенные преимущества деятельностного подхода в сравнении с традиционным. В рамках традиционного подхода основной объем работ по оптимизации системы ДОУ возлагается, как правило, на сотрудников самой службы ДОУ, а роль сотрудников других структурных подразделений сводится в лучшем случае к оказанию содействия в сборе необходимых сведений для анализа существующего порядка работы с документами.

Перспективы использования методологии деятельностного подхода особенно расширяются при решении столь актуальной в настоящее время для многих организаций проблемы формирования автоматизированной информационной системы (АИС). Именно работа межфункциональной проектной группы создает важные предпосылки для реализации таких основополагающих принципов эффективного функционирования АИС, как **функциональная полнота** (способность системы обеспечить автоматизацию всех существенных функций управления), **интегрированность** (наличие общих информационных баз и единой системы электронного документооборота в рамках всей организации, физическая связанность

отдельных элементов системы единой компьютерной сетью, возможность взаимодействия различных функциональных подсистем как по данным, так и по процедурам их обработки и пр.), **информационная адаптируемость** (возможность независимого изменения структур данных и прикладных программ с учетом специфики функциональных задач структурных подразделений), **масштабируемость** (адекватность АИС текущему положению дел в конкретной функциональной области и соответствие масштабам организации – количеству пользователей, объему хранимых данных, интенсивности обмена данными, скорости их обработки) и др.

Перспективность межфункционального подхода в проектировании ИДОУ в значительной мере обусловлена широтой его процедурно-методической основы, которая позволяет интегрировать в проектировочный процесс самые различные методы и технологии, имеющие более частный характер и используемые в различных сферах организационной деятельности. Существенно расширяя за счет этого рамки проектировочного пространства, данный подход обеспечивает высокое качество проектных решений.

Примечания

1. Бобылева М.П. На пути к информационному менеджменту // Делопроизводство. 1999. № 2; Она же. Корпоративное регулирование документационного обеспечения управления // Делопроизводство. 2002. № 4; Верников В.Г. Корпоративные информационные системы: не повторяйте пройденных ошибок // Менеджмент в России и за рубежом. 2003. № 2.
2. См., например: Качалина Л.Н. Научная организация управленческого труда. М., 1973; Шаталова Т.С., Чикалова С.Ф., Яковенко В.Я. Проектирование документационного обеспечения управления. Киев, 1988; Кузнецова Т.В., Подольская М.А. Методы предпроектного обследования при рационализации делопроизводства // Делопроизводство. 2004. № 3; Они же. Методы анализа результатов обследования организации делопроизводства // Делопроизводство. 2004. № 4.
3. Щедровицкий Г.П., Котельников С.И. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности // Нововведения в организациях. М., 1983; Казарновский А.С. Организационное проектирование на предприятиях. (Игровой подход). Киев, 1990.

Е.А. Круглыхина

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО КОМПЛЕКСА ТОМСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ И МЕРЫ ПО ЕГО РАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Детальное рабочее обследование системы ДОУ представляет собой сбор и подробное изучение всех данных, которые характеризуют существующее положение дел в организации. Цель – выявить возможности максимального сокращения документооборота, трудоемкости обработки документации и ускорения её движения в аппарате управления. Для этого было выяснено, какие недостатки существуют в системе документирования. Для количественной характеристики документов необходима их группировка. В современной литературе существует достаточно много критериев классификации документов (по содержанию, по срокам исполнения, по средствам фиксации, по происхождению). На мой взгляд, наиболее оптимальным является критерий классификации по признаку направленности движения документов, так как его использование позволяет охватить весь документационный комплекс, а не отдельную его часть.

Количественная характеристика осуществлена на основе данных учётно-справочного аппарата. Для получения информации использовались методы анализа журналов входящей и исходящей документации, опроса сотрудников.

Количественный состав документации Томской городской Думы в 2001–2004 гг.

Группа документов	Год			
	2001	2002	2003	2004
Входящие в том числе жалобы, заявления	752 –	3447 312	4612 423	3812 503
Исходящие	–	1655	2597	2140
Итог	752	5282	7632	6455

При подсчете не учитывались копии представленных групп документов. Можно предположить, что число исходящих документов увеличится, как минимум, в два раза, так как делаются их копии, которые в дальнейшем подшиваются в дело. В целом наблюдается тенденция увеличения

документооборота за счет роста входящей и исходящей документации, который объясняется внутренними изменениями (фактически со второй половины 2002 г. начинается централизованная регистрация) и влиянием внешней среды (активное взаимодействие с органами местного самоуправления, с общественными организациями и так далее).

Полученные данные о количественном составе документационных потоков могут быть также отображены в виде ленточного графика, который позволяет определить количественное соотношение между группами документов и их динамику за время обследования. Снижение документопотоков входящей и исходящей документации в марте объясняется принятием бюджета, а в мае начинается новая волна переписки для обсуждения бюджета на следующий год. По внутренним документам ситуация достаточно стабильная в течение всего года.

Весь комплекс документов Думы можно классифицировать по направленности движения. В соответствии с этим выделяются следующие группы: входящая, исходящая, внутренняя документация.

Входящие документы включают законодательные, нормативные акты, постановления, распоряжения, заявления, письма и так далее. Наиболее активную переписку Дума ведет с администрацией города, прокуратурой. Характер этой группы документов самый разнообразный. В основном отражены вопросы жилищно-коммунального хозяйства, градостроительства и так далее.

В особую группу выделяется депутатская корреспонденция, то есть письма, предложения, жалобы, которые поступают на имя депутатов от избирателей, являются немаловажным источником информации о нуждах и заботах населения и одновременно инструментом, посредством которого можно оценивать эффективность работы Думы и принимаемых ею решений.

К исходящим документам относятся ответы на обращения, информационные письма, письма-запросы, справки, выписки из протокола собрания, отчеты, уведомления и так далее. В числе адресатов преобладают администрация в лице мэра г. Томска, а также департамент недвижимости, департамент финансов, департамент ЖКХ, прокуратура.

Внутренняя документация представлена решениями, протоколами, стенограммами, распоряжениями Председателя и руководителя аппарата. В связи со спецификой деятельности особое внимание в этих потоках уделяется решениям Думы и сопровождающим их документам, которые непосредственно влияют на жизнь и деятельность города.

Анализ движения основных и наиболее массовых групп документов показал, что существующие маршруты не соответствуют инструкции по

делопроизводству. Предлагается оптимизировать маршруты и внести корректировки в инструкцию. Например, имеет место необоснованное дублирование операции рассмотрения документов для Председателя. Для устранения выявленного недостатка рекомендуется возложить функцию передачи документации для Председателя на руководителя аппарата Думы, который в пределах своей компетенции, часть документов будет направлять исполнителям.

Следующим немаловажным этапом было изучение форм документов Думы, которое показало несоответствие требованиям ГОСТ Р 6.30–2003 (не учтены новые реквизиты, не соблюдаются интервалы между реквизитами, расшифровка подписи осуществляется по ГОСТ Р 6.30–97).

Поскольку наиболее массовыми документами являются решения, распоряжения, обращения депутата, то целесообразно создать шаблоны, унифицированные не только по форме, но и по содержанию. Для решения этой проблемы использовался метод лексикологического синтеза, предполагающий выделение четырех типов информационных потоков:

- унифицированная информация, подготовленная заранее, хранимая в БД и вводимая в формируемый документ программными средствами. Например, вид документа, адресные данные организации и т.п.;

- унифицированная информация, содержащая стандартные и формализованные данные, хранимые в БД, и вводимая в документ путем выбора необходимых формулировок, например, использование клише: «ПРИНЯТЬ», «контроль исполнения возлагаю», «прошу предоставить очередной отпуск»;

- неунифицированная информация, содержащая свободные формулировки и вводимая набором с клавиатуры. Например, основание распоряжения;

- переменная информация – дата, номер, сроки исполнения и т.д.

Например, в шаблон обращения депутата рекомендуется включить поля, относящиеся к первому типу информационных потоков – изображение герба города, наименование организации, наименование документа «ОБРАЩЕНИЕ ДЕПУТАТА», адрес отправителя, ОГРН, ИНН/КПП, а также поля, предусматривающие второй тип информационных потоков – адрес получателя, поля для даты и номера, текст, подпись.

Полученные результаты обследования могут использоваться для обоснования управлеченческих решений по рационализации схем движения и форм документов, для определения оптимальной численности сотрудников отдела. Нормативно-методическое закрепление рекомендаций определяется необходимостью, во-первых, обеспечить правовую поддержку

принятых решений; а во-вторых, закрепить в инструкции по делопроизводству маршруты движения основных и наиболее массовых документов в Думе.

Использование предложенных рекомендаций облегчит работу сотрудников организационного отдела и повысит качество документов.

Н.Л. Ерёмина

ПРОБЛЕМЫ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ

Право гражданина Российской Федерации избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления – одно из основных прав граждан, закрепленных Конституцией Российской Федерации [1].

Реализацию и защиту избирательных прав граждан обеспечивают избирательные комиссии. Согласно действующему законодательству, они осуществляют подготовку и проведение выборов в Российской Федерации. Полномочия и порядок деятельности избирательных комиссий устанавливаются Федеральным законом № 124-ФЗ [2].

Избирательные комиссии образуют многоуровневую иерархическую структуру, первичным звеном которой являются участковые избирательные комиссии (УИК). В отличие от вышестоящих комиссий, действующих на постоянной основе, УИК формируются на время избирательной кампании на основе предложений избирательных блоков и объединений, общественных организаций, собраний избирателей по месту работы и жительства.

Таким образом, УИК формируются на непрофессиональной, временной основе. Члены УИК имеют различный уровень подготовки и опыт организационной деятельности. Как следствие этого, возникает проблема обучения членов УИК избирательным технологиям, в том числе технологиям документационного обеспечения деятельности комиссий. Эта проблема решается путем издания нормативных и методических материалов в помощь организаторам выборов, а также проведением семинаров для председателей и секретарей УИК.

Опыт участия в избирательных кампаниях 1990–2005 гг. показывает, что при их организации и проведении документационному обеспечению деятельности уделялось значительное внимание. По нашему мнению, наиболее полно этот аспект работы был проработан во время выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ четвертого созыва в декабре 2003 г. Российским центром обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии РФ был

разработан Рабочий блокнот члена УИК [3], положения которого включают в себя правила делопроизводства в УИК, формы регистрационных журналов, образцы документов и примерную номенклатуру дел УИК.

Ответственность за организацию делопроизводства, обеспечение сохранности документов и передачу их в архив возлагается на председателя УИК. Делопроизводство в участковой избирательной комиссии ведется, как правило, секретарем. Инструкция по делопроизводству в УИК разрабатывается вышестоящей избирательной комиссией и утверждается на одном из первых заседаний УИК. Как правило, в УИК принята журнальная форма регистрации документов. Порядок рассмотрения жалоб, заявлений и предложений граждан основан на положениях Федерального закона № 124-ФЗ. Требования к подготовке и оформлению документов в основном совпадают с ГОСТ Р 6.30-2003. Особые требования предъявляются к оформлению наиболее важных документов, создаваемых УИК, в частности, к протоколам об итогах голосования на избирательном участке.

Анализ примерной номенклатуры дел УИК показывает, что такие документы, как протоколы заседаний УИК, в том числе протоколы об итогах голосования, список членов УИК и лиц, присутствовавших при установлении итогов голосования, жалобы и заявления на нарушение избирательного законодательства, а также принятые по ним решения, имеют постоянный срок хранения. По истечении срока полномочий УИК они передаются в вышестоящую территориальную избирательную комиссию, а затем в архив. Финансовые документы хранятся в течение пяти лет. Прочие документы УИК, имеющие временный срок хранения, в том числе избирательные бюллетени, хранятся в течение одного года со дня официального опубликования результатов выборов, после чего уничтожаются в установленном порядке.

Протокол об итогах голосования оформляется путем заполнения типографского бланка вручную, шариковой либо гелевой ручкой с синими чернилами. Исправления в протоколе не допускаются. Бланк представляет собой табличную форму, в каждой строке которой предусмотрена графа для числового показателя, а также текстовая расшифровка этого показателя. При заполнении бланка числовые показатели в обязательном порядке вносятся двумя способами: цифровым и словесным. Протокол подписывается всеми членами УИК с указанием даты и времени подписания и заверяется печатью.

Постоянный срок хранения протокола диктует необходимость использования при его оформлении чернил, выдерживающих длительное хранение в условиях архива. Как известно, не все имеющиеся в продаже

ручки обладают такими свойствами. К сожалению, в настоящее время отсутствуют рекомендации о том, какой вид письменных принадлежностей может быть использован при оформлении протокола.

Возможности применения новых информационных технологий (ИТ) в документационном обеспечении деятельности УИК в настоящее время ограничены. Де-юре участковые избирательные комиссии не обладают современной офисной техникой, но де-факто подавляющее большинство УИК в своей работе использует компьютеры, предоставляемые администрацией предприятий, организаций и учреждений, где находятся помещения УИК, а также принадлежащие членам УИК.

На сегодня существуют две стратегии использования современных ИТ в управленческой деятельности. Стратегия комплексного внедрения ИТ в управлении предполагает создание единого информационного пространства, использование специализированных ИТ. Такой подход является наиболее эффективным решением проблемы автоматизации управления, но требует значительных финансовых, кадровых и временных ресурсов. На этих принципах строится государственная автоматизированная информационная система «ГАС-Выборы», используемая для наблюдения за ходом и итогами голосования.

Другой подход к использованию современных ИТ заключается в применении универсальных информационных технологий при выполнении отдельных видов работ, что дает возможность путем небольших затрат получить быстрый эффект от внедрения. По нашему мнению, такой подход может быть успешно применен в автоматизации деятельности УИК. На сегодняшний день разработка автоматизированного рабочего места (АРМ) председателя УИК представляется оптимальным средством совершенствования документационного обеспечения деятельности УИК. АРМ председателя УИК должен содержать банк необходимых нормативно-методических документов и бланков для создания документации УИК, в том числе протоколов и решений заседаний УИК, блок для составления финансовой документации, включающей унифицированные формы документов по учету труда и заработной платы членов УИК. Созданный в широко используемой среде MS Office и распространяемый на компакт-диске, такой продукт обладает рядом преимуществ: он прост в использовании, может быть без труда установлен на компьютер пользователя, а в случае необходимости перенесен с одного компьютера на другой.

Универсальные ИТ в течение ряда лет используются в работе УИК № 21 Советского округа г. Томска. Так, автоматизирован учет отработанных часов и расчета заработной платы члена УИК.

Примечания

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. М.: ЦИК РФ, 2003. 62 с.
2. Федеральный закон от 19 сентября 1997 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», с изменениями и дополнениями. 160 с.
3. Рабочий блокнот члена участковой избирательной комиссии. М., 2003. 185 с.

А.Е. Черемнов

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЗЕРВА КАДРОВ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К РЫНКУ

Зависимость эффективности работы промышленных предприятий от качественного состава их руководителей является очевидной, а потому при любых макроэкономических параметрах и условиях хозяйствования, обеспечению профессионализма управленческих кадров уделяется значительное внимание. Однако при этом могут наблюдаться существенные различия как в критериях оценки качеств, необходимых для осуществления профессиональной управленческой деятельности, так и, соответственно, в механизмах подготовки и отбора кадров руководителей. Формирование рыночной модели экономики, пришедшей на смену административно-командной системе, наглядно продемонстрировало корреляцию кадровой политики в промышленном производстве с общей концепцией и стратегией экономического развития страны.

В условиях административно-командной экономики работа с кадрами системы управления общественным производством рассматривалась как одна из важнейших форм партийного руководства развитием народного хозяйства. Стратегические установки по подготовке резерва руководящих кадров исходили из высших партийных инстанций. В 1970–1980-е гг. был принят ряд постановлений ЦК КПСС, содержащих рекомендации по организации планомерной работы с резервом кадров, выдвижено на руководящие должности специалистов и рабочих [1].

Явственно проявлявшаяся в этот период тенденция к подмене хозяйственных органов партийными нашла свое отражение и на оперативном уровне решения кадровых проблем. Партийные комитеты промышленных предприятий пользовались прерогативой утверждения списочного состава резерва, а также утверждения в руководящей должности начальников цехов, отделов, их заместителей и мастеров, которые были включены в номенклатуру парткомов [2]. Документационное сопровождение формирования кадрового резерва в обязательном порядке включало протоколы заседаний и постановления парткомов. Именно парткомы предприятий выступали в качестве главных организаторов оперативного пла-

нирования в этой сфере. В разрабатываемых при их активном участии планах по повышению технического и политического уровня специалистов показатели общественно-политической активности в целом ряде случаев выглядели приоритетными по отношению к уровню деловой и профессиональной квалификации [3. Л. 70]. Итоги работы по формированию резерва руководящих кадров подводились в отчетной документации партийных органов промышленных предприятий, поступавшей в областные, городские и районные комитеты КПСС, которые осуществляли общий контроль в этой сфере [4].

Переход к рыночным условиям хозяйствования для многих промышленных предприятий был сопряжен с кризисным состоянием. Его преодоление предполагало отказ от устоявшихся управленческих стереотипов и, в частности, радикальные перемены в кадровой политике. Статус экономически самостоятельных хозяйствующих субъектов необходимо было закрепить созданием адекватной нормативно-правовой базы. Одним из направлений в решении этой задачи стала разработка на уровне предприятий нормативных актов, регламентирующих управление кадрами.

Основные тенденции, связанные с изменениями в документационном обеспечении этой функциональной подсистемы, наглядно демонстрирует пример ОАО «Новокузнецкий металлургический комбинат» (НКМК). Созданная на межфункциональной основе комиссия, в состав которой вошли руководители кадровой службы, юридического управления, структурных подразделений, а также специалисты различного профиля в зависимости от темы проекта, провела ревизию имевшихся нормативных актов предприятия и разработала новые Положения. Общие принципы и основные стратегические направления работы по формированию резерва руководящих кадров нашли свое отражение в таких документах, как Положения «О конкурсном отборе претендентов на замещение вакантных должностей руководителей и специалистов Общества», «О подготовке персонала», «О формировании и подготовке резерва», «О ротации кадров», «Концепция проведения оценки и аттестации персонала».

Основным ориентиром при разработке нормативно-правовых документов являлись требования международного стандарта ИСО 9001 версии 2000 г. по совершенствованию системы менеджмента качества, а также разработанных на его основе национальных и корпоративных стандартов: ГОСТ Р ИСО 9000-2001 (ИСО 9000:2000) Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь; ГОСТ Р ИСО 9001-2001 (ИСО 9001:2000) Системы менеджмента качества. Требования; ГОСТ Р ИСО 9004-2001 (ИСО 9004:2000) Системы менеджмента качества. Ре-

комендации по улучшению деятельности; СТО СМК 6.01-2003 Система менеджмента качества. Менеджмент ресурсов. Управление персоналом; СТО СМК 6.02-2003 Система менеджмента качества. Менеджмент ресурсов. Подготовка персонала; КП УП2-2004 Система менеджмента качества. Карта процесса. Управление персоналом.

В соответствии с требованиями стандартов была определена политика ОАО «НКМК», зафиксированная в утвержденном Генеральным директором предприятия В.В. Павловым документе. Главной целью политики провозглашено производство продукции, удовлетворяющей ожиданиям потребителя. Для обеспечения ее реализации предусматривается вовлечение всего персонала в управление качеством на основе целенаправленного профессионального обучения, создания условий для высококачественного труда, популяризации политики в области качества на всех уровнях, формирования ответственности каждого работника за качество своего труда. Таким образом, стратегические ориентиры кадровой политики на новом этапе демонстрируют маркетинговый подход, связывающий повышение квалификации руководителей и всех работников с созданием инновационной среды в соответствии с требованиями рынка. Вместе с тем в качестве одного из основополагающих принципов организации трудовой деятельности был провозглашен принцип внепартийности (в Обществе не создаются структуры политических партий и движений, работники при исполнении должностных обязанностей не руководствуются решениями партий, политический движений и иных общественных объединений, в которых они могут состоять) [5. С. 8–9].

Разработанная с учетом принципов политики ОАО программа развития руководителей и специалистов предусматривает комплекс мер по повышению квалификации, переподготовке, работе с кадровым резервом и молодыми специалистами, ротации и адаптации персонала, организации производственной стажировки и внешнего обучения для руководителей высшего звена. Все эти меры рассчитаны на рост профессионализма персонала и повышение конкурентоспособности Общества [5. С. 43, 45, 47]. Ежегодно руководство структурных подразделений разрабатывает планы-заявки по всем видам обучения кадров, которые поступают в отдел подготовки кадров. На их основе составляется «Комплексный план подготовки и повышения квалификации руководителей, специалистов, служащих и рабочих». В разработке плана участвуют руководители технической, экономической, кадровой служб, службы промышленной безопасности и охраны труда, руководители структурных подразделений. Такой межфункциональный подход в планировании развития кадровых ресурсов обеспечивает учет реаль-

ных потребностей и возможностей предприятия в этой сфере. Качество комплексного плана обеспечивается также его согласованностью с программами экономического и социального развития ОАО, управления качеством продукции, с планами разработки, проектирования и изготовления новых образцов техники, внедрения нового оборудования и технологических процессов, с требованиями нормативных документов по периодичности обучения и аттестации работников ОАО «НКМК». Комплексный план отличается гибкостью, проявляющейся в возможности его корректировки в связи с введением новых форм и направлений обучения кадров, изменением сроков обучения, вызванных приобретением нового оборудования и внедрением новых технологий. По результатам выполнения плана ежегодно проводится анализ функционирования системы управления персоналом, целью которого является не отчет перед вышестоящими инстанциями, а выявление проблем и их устранение [5. С. 57].

В целом сравнительный анализ системы документационного обеспечения формирования резерва руководителей в условиях рыночной экономики и системы, сложившейся в рамках административно-командного управления промышленным производством, позволяет выявить следующие наиболее существенные отличия:

1. Основные принципы и направления кадровой политики промышленных предприятий в настоящее время определяются не постановлениями органов партийного руководства, а международными стандартами системы менеджмента качества и их российскими аналогами.
2. Стратегическое планирование должностного развития и карьеры осуществляется на уровне высшего руководства организации и является важной составной частью общего планирования, интегрированной с политикой предприятия.
3. Целевые ориентиры, отраженные в перспективных и текущих планах по формированию резерва руководящих кадров, связаны с их способностью обеспечить эффективную деятельность предприятия в условиях рыночной конкуренции, а не с проявлениями общественно-политической активности.

Таким образом, отмеченные изменения в документационном обеспечении работы по формированию резерва руководителей отражают принципиально новые подходы к развитию управленческого потенциала предприятия, позволяющие учитывать специфику конкретной организации и вместе с тем обеспечивающие адаптацию к новым условиям на основе использования международных и отечественных стандартов системы менеджмента качества.

Примечания

1. См., например: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1978. Т. 11. С. 350–355.; Т. 12. С. 446–450.
2. ЦДНИ ОО. Ф. 5484. Оп. 5. Д. 3. Л. 130; Д. 6. Л. 196; Д. 12. Л. 5; Станкостроитель. Новосибирск, 1975. 11 нояб.; Алтайская правда. Барнаул, 1975. 5 марта.
3. ГААК. Ф. 8383. Оп. 5. Д. 10.
4. ГАКО. Ф. 15. Оп. 11. Д. 212. Л. 5–8; Оп. 13. Д. 4. Л. 25; ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4212. Л. 208.
5. Анисимов Г.Я., Ботnev К.Е. и др. Система управления персоналом: Справочник руководителя. Новокузнецк, 2003.

В.В. Степанова

ДОКУМЕНТ В ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Сегодня можно говорить о сформировавшемся пакете нормативно-методических документов по управлению труду и работе с документами в мировой практике.

Анализ источникового поля в новое время позволяет констатировать только формирование практики создания универсальных документов (биллей, конституций), позволяющих осуществлять управлочные функции на территории целых государств.

Такие документы, как Петиция о праве 1628 г., Хабиас корпус акт 1679 г., Билль о правах 1689 г., Американская конституция 1787 г., Поправки к американской конституции 1791 г., Французская декларация 1789 г., Французская конституция 1791 г., конституции XIX в., выявляют тенденции формирования практики создания документов и их применения.

В литературе достаточно серьезно исследованы темы, связанные с изучением формирования конституционных основ европейских государств. Отсутствует анализ работ по подготовке этих документов, согласованию, обретению ими юридической силы, вводу их в действие и влиянию на судьбы людей государства. Вне поля зрения аналитиков остается оперативная ценность данных документов на протяжении нового времени.

Круг конкретно-исторических работ, проливающих свет на подготовку и принятие основных документов в Англии, может быть обозначен сочинениями Дж. Макинтоша, Дж. Смолетта, Т.Б. Маколея, работами Н.А. Ерофеева и М.И. Левиной и других.

Американская историография содержит большое количество интерпретаций основных конституционных актов, однако документоведческого анализа недостаточно в работах Дж. Бэнкрофта, Ч. Бирда и других.

В немецкой историографии вопросы конституционного права стали подробно изучаться в связи с образованием Германской империи (Г. Трейчке, Г. Зибель), однако в немецкой литературе трудно найти исследования, посвященные проблемам создания, функционирования того или иного важнейшего документа.

Думается, что в настоящее время назрела необходимость разработки тем, связанных с документоведческим анализом важнейших актов, договоров как в отдельных государствах, так и на международном уровне, что

позволит выйти за пределы исторического поля исследования и осуществить междисциплинарный диалог в исследовании проблем модернизации Европы в новое время.

Особенно это касается истории Англии, задававшей тон во многих сферах общественной жизни, в том числе и в документоведческой деятельности. Парламентские процедуры, правила и практика парламентской жизни определяли порядок создания документов. Это была система писаных и неписаных норм. Переход от петиций к биллям ознаменовал отказ нижней палаты от просьб (жанра документа) и переход к созданию законопроектов нижней палаты. В середине XV в. были приняты процедуры обсуждения, прохождения и принятия биллей, установившие и закрепившие практику трех чтений, которая была продиктована тем, что окончательный вариант билля должен быть записан на пергаменте – очень дорогом материале, после записи нельзя было вносить изменения. Закрепившаяся практика трех чтений была скорее обычаем, чем универсальной формой рассмотрения биллей. К началу нового времени эта практика принятия законопроектов считалась вполне устоявшейся.

Лица, заинтересованные в продвижении билля, представляли его в начале сессии спикеру или клерку, который становился ответственным за представление билля палате общин. Предполагалось, что билль должен быть внесен в календарный план законодательных работ, но часто на практике сделать это было невозможно. Судьба билля зависела от тех, кто в нем был заинтересован. Иногда билль мог застрять вследствие отсутствия обязательной уплаты клерку определенной суммы.

Спикер за каждый частный билль, прошедший через обе палаты, одобренный королем и введенный в действие, получал по пять фунтов [1. С. 24].

В XVII–XVIII вв. шел процесс частичной кодификации парламентских процедур прохождения. В середине XIX в. кабинет министров создал условия для ускоренного прохождения законов. Английский вариант принятия документа, его распространения, сохранения был во многом заимствован практикой европейских государств.

Однако в отечественной исторической науке отсутствует анализ трансляции наиболее важных документов, не изучены барьеры в распространении этих документов. В работах М.А. Барга, Н.А. Ерофеева, В.И. Лавровского, посвященных истории Англии, дается констатация фактов принятия важнейших законов, определяется их значение, но вне поля зрения историков остаются важнейшие аспекты управленческой деятельности Англии.

Анализ отечественной литературы по истории США также свидетельствует о том, что на фоне подробного анализа конституционных документов происходит простая констатация факта принятия таких документов, как «Декларация независимости» [2. С. 141].

Одна из глав работы М.А. Филимоновой посвящена конституционному конвенту, принявшему конституцию США. Большая источниковая база позволяет автору проанализировать содержание дебатов по вопросам организационного устройства государства, парламента, формам правления, полномочиям органов верховной власти. Рассматривается важный элемент управления США – ратификация конституции, анализируются трудности как организационного, так и идеологического плана,дается анализ общественного мнения, что позволяет выявить коммуникативную функцию документа, определить параметры передачи информации на все уровни социальной системы [3].

Широкие возможности для анализа управления по истории Германии предоставляют стенографические отчеты о заседаниях прусского ландтага, рейхстага в новое время [4].

Важное место среди документов занимают приложения к стенографическим отчетам, включающие проекты предлагаемых документов, выступления по отдельным вопросам [5]. Заседания верхней палаты отражены в стенографических отчетах, однако представлены они не в полном объеме и не обо всех сессиях [6].

Параллельно с работой прусского ландтага с 24 февраля 1867 г. заседал Северо-Германский рейхstag, который старался не дублировать работу прусского ландтага и разграничить круг вопросов и полномочий прусского ландтага и рейхстага [7].

Определенное место среди документов германской империи занимают документы Таможенного парламента, во время заседаний которого шло обсуждение экономических проблем. Эти заседания резко отличались от обсуждений в ландтаге и рейхстаге меньшей конфликтностью, стремлением найти компромиссный вариант при обсуждении проблем экономического объединения страны.

Обширный материал о деятельности прусского правительства предлагает сборник документов, издававшихся прусским правительством [8]. Сборник документов, подготовленный историками под руководством Г. Зельбера и Г. Вольтера, позволяет проанализировать новые аспекты формирования общественного мнения, позиций политических лидеров по основным законам [9].

Анализ деятельности прусского правительства во всех сферах общественной жизни содержит многотомный сборник, включающий документы прусского правительства, изданные в течение XIX в. В 1860-е гг. основное внимание прусское правительство уделяло строительству железных дорог, станций, соединяющих различные части немецкой земли. Поэтому представлено много указов о развитии почты, о создании систем местного управления в новых присоединенных территориях. Публикуется большое количество указов о привилегиях, дарованных прусским правительством отдельным отраслям промышленности. Ряд указов посвящен урегулированию правовых проблем в управлении и взаимодействию объединяющихся территорий [10].

В исследовании вопросов о способах создания документов, становлении и развитии системы документации в новое время сделан только первый шаг. Вне поля зрения остаются вопросы, связанные с анализом документооборота в отдельных странах, формированием служб, создающих эти документы, выявлением закономерностей в создании документов в новое время.

Примечания

1. Левина М.И. Парламентское право Великобритании XVI – начала XIX века. М., 2000.
2. Севостьянов Г.Н. Война за независимость и образования США. М., 1976.
3. Филимонова М.А. Александр Гамильтон и создание конституции США. М., 2004.
4. Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Landtages. Haus der Abgeordneten.
5. Preussen. Haus der Abgeordneten. Anlagen zu den Stenographischen Berichte über die Verhandlungen des Haus der Abgeordneten.
6. Preussen. Landtag. Herrenhaus.
7. Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages des Norddeutschen Bundes.
8. Die Innere Politik der Preußischen Regierung von 1862 bis 1866. Sammlung der amtlichen Rundgebungen und halbamtl. Neuüberungen. Berlin, 1866.
9. Bismarck und die Revolution. Dokumente. Ausgewählt und kommentiert. G. Selber und H. Wolter. Berlin, 1989.
10. Preussen. Gesetze und Verordnungen. Gesetz-Sammlung für die Königlichen.

М.В. Угрюмова

**РОЛЬ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ НОВОГО ВРЕМЕНИ
В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН**

Накопление информации с целью дальнейшего использования всегда являлось важным обстоятельством для человечества. Сегодня стали возможными использование опыта прошлого, аккумулированного в документном массиве и, одновременно, реализация перспективных линий воздействия развитию передовой науки и практики в области документоведения. Период нового времени характеризуется расширением государственных аппаратов, бюрократической системы делопроизводства, увеличением количества документов. Среди разнообразных исторических документов этого периода особняком стоят материалы статистического характера. Роль статистических документов прошлых лет сегодня нельзя недооценивать, полезнее изучить опыт подобной документации, проанализировать ее место в системе государственного управления.

Возникновение статистики было связано с потребностями государственного управления. Уже ранние государства – Китай, Египет, Древняя Греция – нуждались в данных о населении и его составе, имущественном положении граждан, количестве скота, земельных угодий, положивших начало статистической практике. Потребности в статистических данных многократно возросли в период становления и развития новых общественных отношений в средние века и новое время, что стимулировало формирование статистики как науки. Как самостоятельная наука, статистика определилась во второй половине XVII в., когда в Европе сложились две основные статистические школы: математическая (У. Петти, 1623–1687 гг.) и описательная (Г. Конринг, 1606–1681 гг. и Г. Ахенваль, 1719–1772 гг.).

С помощью количественных показателей характеризовались потребности и запросы населения, уровень жизни, демографическая ситуация, социальный состав определенных событий, состояние земель, электорат и прочее. Система организации статистического документооборота европейских стран начала складываться в XVII–XVIII вв. Исторические традиции прослеживаются в существующей ныне организации статистического документооборота многих государств. *Сбор статистических све-*

дений и их публикация стали функцией специальных государственных органов (статистических отделов, комитетов, комиссий, конгрессов). Все это сопровождалось ростом объемов соответствующей документации официального происхождения (анкеты, бланки опросов, вопросы, таблицы различных показателей, наблюдательные описания массовых явлений, мероприятий, переписи, книга регистраций и пр.).

Данные статистических исследований уже в новое время заносились в специальные документы: формуляры наблюдений (переписные листы, анкеты, формы отчетности), переписи населения, книги регистрации. Информация оформлялась на бумажных носителях карандашом или чернилами (до появления печатной машинки).

Собранные различными способами, материалы оформлялись в документы, которые позднее проверялись, систематизировались, группировались по какому-либо признаку статистических единиц. Статистические документы составлялись в самых различных областях жизнедеятельности: аграрной, демографической, военной, ведомственной, медицинской. Результаты исследования и прогнозы выражались в новых статистических документах: таблицах, графиках, иллюстрациях. Конечно, документы обрабатывались и публиковались гораздо медленнее, чем в последующий период, но уже в конце XVIII–XIX вв. они принесли колossalную пользу в области планирования развития различных сфер государственного управления.

Публикация статистических данных находила место в специальных статистических сборниках (Городские книги, Поземельные книги, Ипотечные книги в Германии; Регистры ремесел и торговли во Франции; Счетные книги, кадастры в Швеции и др.) и периодической печати. Например, французская газета «*Gazette de France*» публиковала приложение, где содержались известия и статистические документы за целый месяц, к которым давалось нечто вроде комментариев. Также статистические данные оформлялись в отдельные документы.

Пример 1. В Швеции (начало XVIII в.) в ходе опросов был произведен учет прав собственности. Результатом стал «Кадастр или матрикула земельных наделов Шведского Королевского герцогства Передняя Померания и графства Рюген».

Пример 2. После создания в Германской Империи и принятия действующего и на сегодняшний день Положения о поземельных книгах от 1897 г. все различные записи оформлений собственности на землю были сведены в единую систему поземельных книг. Поземельная книга получила единообразную структуру, сохраняющуюся и сегодня. Она состоит

из следующих частей: заглавие, инвентарный список, раздел 1 (собственники), раздел 2 (обременения), раздел 3 (ипотеки, грундшульды).

Со второй половины XIX в. начинает развиваться международная статистика (Международные статистические конгрессы – 1853–1875 гг., создание международного Статистического института – 1885 г.). Международные статистические конгрессы, инициатором которых был А. Кетле, сыграли большую роль в организации переписей населения. На конгрессах вырабатывались важнейшие правила проведения переписей, формулировались основные принципы переписи населения, решался вопрос о периодичности переписей, определялись категории учитываемого населения, наконец, делались попытки унифицировать программы переписей и разрабатывались единые документы учета с целью получения сопоставимых данных.

Документы, явившиеся носителями статистической информации, уже в новое время стали важнейшей частью формирующейся информационной системы государства. Статистические данные были призваны обеспечить анализ количественной стороны массовых явлений, служить основой для принятия соответствующих решений.

О.А. Уварова

ОСОБЕННОСТИ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ БЕЛОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Формирование органов власти и управления повсеместно сопровождалось и сопровождается процессом создания документов. Управленческий фактор во многих случаях компенсирует общую роль властной вертикали в системе документационного обеспечения управления.

Влияние чрезвычайных факторов на процесс группировки руководства и создания властной структуры белых правительства на территории Сибири в годы Гражданской войны подчеркивается многими исследователями как определяющая характеристика [1]. Важно помнить, что любое управленческое действие сопровождается созданием документации и определяет её характерные особенности. Данный аспект, свою очередь, меняет представление о процессе документационного обеспечения органов власти и управления Белой Сибири.

Документы обеспечивали взаимосвязь между структурами управления, исполнение приказов и распоряжений руководства и т.д. Они являлись одним из факторов, поддерживавших существование властной вертикали на территории Белой Сибири в годы Гражданской войны.

Кризисные проявления в системе органов власти и управления на территории Белой Сибири влияли на характер и качество документационного обеспечения. В первую очередь изменились приоритеты в системе делопроизводства правительственные учреждений.

Основные особенности документационного обеспечения органов власти и управления Белой Сибири в годы Гражданской войны можно сгруппировать по следующим направлениям:

Первое направление характеризует особенности организационных документов властных структур Белой Сибири. Общих нормативных документов по вопросу организации системы документационного обеспечения управления в структуре органов власти Белой Сибири не было создано. Однако по вопросу организации органов власти и делопроизводства из Омска на места рассыпались инструкции, временные положения и штатные расписания. Все они опирались на дореволюционные положения, но с учетом сложившихся чрезвычайных обстоятельств.

Второе направление отражает принципы легализации власти на территории Белой Сибири в годы Гражданской войны. Они обязательно сопровождались изданием нормативных документов, игравших первостепенную роль в закреплении властных полномочий. К таким документам можно отнести Положение о временных органах управления Сибири [2. С. 7]; постановление «О передаче власти на территории Сибири Временному Всероссийскому правительству» [3. С. 11]; акт об образовании Всероссийской власти [4. С. 46]; Постановление Совета Министров от 18 ноября 1918 г. [5. С. 19].

Третьим направлением можно обозначить смешение военной власти правительства А.В. Колчака (в аппарате управления) с гражданскими исполнителями (в системе органов власти). Этот процесс повлиял на сращивание специфики военного делопроизводства с дореволюционным опытом ведения документации в гражданских ведомствах.

Ярким примером подобной компиляции становится переписка между различными ведомствами. Характерно насыщение гражданской документации чрезвычайной и военной лексикой («мобилизация сил сотрудников отдела», «развертывание военных действий по взаимоотношению к городскому отделу» [6. Л. 17]), замещение и активное использование наименований видов документов, закрепленных в дореволюционном «Положении о письмоводстве и делопроизводстве в военном ведомстве» 1911 г. (рапорты, отношения и переписка [7. Л. 32, 45]).

Четвертое направление характеризует серию кадровых перестановок и организационных мероприятий в истории государственного строительства органов власти и управления на территории Белой Сибири в период Гражданской войны, оказавших специфическое влияние на систему документационного обеспечения управления.

Кризисные проявления в системе документационного обеспечения управления проявились и в нехватке подготовленного делопроизводственного персонала, призванного наладить бесперебойное движение документов в структуре органов власти. Политическая благонадежность кандидата на должность учитывалась в первую очередь, а потом – профессиональные и личные качества [8. Л. 17].

Пятое направление иллюстрирует попытки изменения дореволюционного опыта делопроизводственных операций со снижением фактора дублирования маршрута движения документации в системе органов власти Белой Сибири. В результате стали появляться циркуляры для точной рассылки документов. Так, в мае 1919 г. Земским отделом Министерства Внутренних Дел был издан циркуляр для Управляющих губерниями, об-

ластями и уездами, рекомендовавший на конвертах документов, поддававших непосредственному рассмотрению в Земском отделе для скорейшего решения вопроса, делать надпись «Омск. Земский отдел Министерства Внутренних Дел» [9. Л. 90].

В структуре органов власти на территории Белой Сибири в годы Гражданской войны постепенно начинают складываться обособленные характеристики процесса документационного обеспечения управления. Делопроизводственные традиции в системе управления проходят процедуру трансформации в условиях чрезвычайной обстановки и милитаризации власти. В связи с этим меняется основной характер издаваемых на территории Белой Сибири распорядительных и информационно-справочных документов.

Таким образом, трансформация специфики выполнения делопроизводственных операций позволила органам власти и управления осуществлять процесс документационного руководства и взаимосвязи в условиях Гражданской войны. Система документационного обеспечения управления в совокупности со многими факторами обеспечивала жизнеспособность структуры антибольшевистской власти на территории Белой Сибири в годы Гражданской войны. Фактор приспособления управленческой документации к чрезвычайным нуждам Гражданской войны играл определяющую роль в системе документационного обеспечения управления.

Данный метод приспособления документации к потребностям органов власти и управления Белой Сибири приводил к изменению восприятия системы документационного обеспечения управления: документы, призванные регулировать управленческие процессы, были переведены в категорию организационных.

В свою очередь, органы власти и управления Белой Сибири в сложившихся условиях продолжали функционировать. Был накоплен опыт формирования и внедрения в систему документационного обеспечения управления нового кадрового состава. Новые специалисты использовали в своей работе традиции дореволюционного делопроизводства России, но культура управленческого труда претерпевала изменения в соответствии с чрезвычайной обстановкой Гражданской войны.

Примечания

1. Журавлев В.В. Рождение Временного Сибирского Правительства: из истории политической борьбы в лагере контрреволюции [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.zaimka.ru/01_2003/zhuravlev_polit/; Никитин А.Н. Органы государственной власти «белой» России: борьба с должностными преступлениями: Учеб. пособие. М., 1997 и др.

2. История «белой» Сибири. Тезисы научной конференции. Кемерово, 1995.
3. Никитин А.Н. Органы государственной власти «белой» России: борьба с должностными преступлениями: Учеб. пособие. М., 1997.
4. Болдырев В.Г. Директория. Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1925.
5. Колчак А.В. – последние дни жизни / Сост. Г.В. Егоров. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1991.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 147. Оп. 8. Д. 2 «Д».
7. ГАРФ. Ф. 147. П. 7. Д. 12.
8. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 201.
9. Там же. Д. 322.

В.Ю. Соколов

МЕСТО АВТОДОКУМЕНТОВ В ПОРТФОЛИО УЧЕНИКА

В современном отечественном школьном образовании все более заметной становится тенденция насыщения образовательного пространства различного рода документами. Причем, в данный процесс активно вовлекаются не только педагоги и управленцы, но также родители и их дети. Этому явлению может быть дано много объяснений. Но главным, на наш взгляд, является стремление с помощью разного рода документов представить основных субъектов образовательного процесса, закрепить их правовой статус и придать взаимоотношениям этих субъектов упорядоченный характер.

Построение с помощью документов подобных отношений может выполнять не только правоформирующую, но и образовательную функцию. Особенно это относится к образовательной деятельности учащихся. Документ может стать средством самоактуализации ребенка, самоидентификации и превращения в полноценного субъекта образовательного процесса. Освещению этой функции документа и посвящена данная публикация.

В современных образовательных практиках, ориентированных на рыночную культуру, большое внимание уделяется обучению педагога и детей проявлению собственной позиции и выражению ее в определенных вещественных результатах. Речь идет не просто о повышении их активности в образовательном процессе, но о стратегии создания определенных продуктов образовательной деятельности, которые могли бы материально засвидетельствовать эту активность.

Одним из ярких выражений этой ориентации на «продуктность» образовательной деятельности является использование технологии портфолио. Понятие портфолио пришло в образование из мира бизнеса и моды, где оно используется для презентации достижений человека, качества его работы в виде вещественно выраженных образцов его деятельности. В образовании портфолио используются не только как средство выявления качества учебной деятельности учащихся, но в большей степени для формирования у них умения анализировать и оценивать процесс собственного развития. Портфолио используется в качестве своеобразного инструмента объективации различных компетентностей ученика, внешней

оценки и самооценки их качества, целенаправленной коррекции этого качества.

Внешне портфолио выглядит как комплекс различного рода работ учащихся – папка с продуктами их учебной деятельности: тексты докладов, проекты работы над определенной темой, рецензии на работы других учащихся, рефлексии своей деятельности, рисунки, отзывы педагога и одноклассников, дневники отдельных фрагментов учебы и т.д. Если в mode и бизнесе портфолио создается для внешней оценки, то в образовании ориентируется больше на самооценку. Акцент, который делается в образовательном портфолио на саморазвитие, делает особенно ценным продуктом автодокументы.

Под автодокументами мы понимаем продукты собственной деятельности человека, которые выступают средством самоудостоверения, само-предъявления человека обществу, в противоположность документам, которыми общество удостоверяет человека (паспорт, водительские права, служебный пропуск и т.д.). Автодокументами в образовательном портфолио мы считаем не просто рефлексивные тексты, а те произведения, в которых ученик пытается оценить свое место в работе класса, группы, обратить внимание на свои качества и возможности, предъявить себя на фоне других. Как правило, это продукты групповой рефлексии.

Нет смысла говорить о том, что создание такого рода автодокументов формирует крайне востребованную сегодня на рынке культуру само-предъявления, умение четко выделить свои деловые и человеческие качества, способность указать на возможные формы их применения. Прагматическая заостренность образовательных возможностей предопределяет особое место автодокументов в портфолио ученика. Автодокументы придают целостность обычно разрозненным материалам портфолио, указывают направление интересов его владельца, помогают превратить портфолио в инструмент для профессиональной ориентации учащихся. Работа над автодокументами подготавливает ученика к грамотному составлению так называемых резюме – самохарактеристик, используемых в последнее время при приеме на работу.

Портфолио на предметных уроках могут создаваться в течение учебной темы, четверти, учебного года и служат средством фиксации процесса овладения учеником различными компетентностями, включая умения самопредъявления и самооценки. Для развития указанных компетентностей используются автодокументы разной сложности, в которых по мере развития у их создателей навыков самопредъявления и самооценки авторское начало усиливается.

В качестве примера автодокументов, создание которых предусматривает такое развитие, приведем две формы рефлексий. Работа по составлению рефлексивной карты применяется на ранних этапах развития культуры самопредъявления и строится в рамках предлагаемого алгоритма, в котором ученик вынужден уделять внимание своим достижениям и способам их фиксации. Работа над рефлексивным сочинением предполагает уже сформированные навыки самопрезентации и самоанализа, которые проявляются как привычный элемент учебной деятельности.

Разработка технологии составления портфолио может вестись совместно педагогом и учащимся, развивая различные формы партнерства. При этом автодокументы особенно точно фиксируют степень усложнения этих отношений, рост самостоятельности учащихся. В виду того, что эта деятельность носит продуктный характер, она становится понятной как педагогу и учащимся, так и их родителям. Последние получают возможность не только судить об успехах своего ребенка в школе, но и принять участие в их обсуждении и развитии.

Ниже привожу примеры рефлексной карты Юли Банниковой и рефлексивного сочинения Лены Кондратьевой по теме «Отечественная война в России 1812 года» (Школа № 49 г. Томска, 8 «б» класс, 2004 г.).

Рефлексивная карта Ю. Банниковой

Моё движение в пространстве совместной деятельности	Какие знания я получила о проектной деятельности	Какие знания я получила по предметному материалу	Что мне удалось и не удалось
С учителем	Я теперь знаю точно, как составлять проектный замысел. Научилась выявлять проблему, выдвигать гипотезу, ставить задачи, намечать шаги в проекте	Учитель мне помог разобраться в сложной личности Александра I	Я научилась составлять замысел проекта и делать рефлексию. Трудности все-таки остаются с выявлением проблемы.
В группе	Я поняла, что в группе работать не так-то просто: нужно иметь общий интерес, общность взглядов, уметь общаться и обсуждать	Я работала над темой о декабристах, и поэтому больше всех в классе узнала о ней; почему появились тайные организации, какие цели они ставили и почему их конституции оказались не реализованы. Много прочитала о личностях декабристов	Мне удалось слажено работать в группе и сопоставлять собранный материал, чтобы не было повторов

Самостоятельно	Я поняла логику построения замысла, и так как я представляла проект группы, я училась на ошибках своих одноклассников и поэтому совершенствовала и корректировала свой текст	Я начитывала материал по организациям декабристов, это было темой моего выступления в классе и частью работы в группе. Помимо этого я самостоятельно подбирала материал по Отечественной войне	Улучшила свои навыки по анализу литературы и написанию стройного текста. Но проблемой остается все-таки творческий текст
С классом	Я научилась обсуждать деятельность проектантов, задавать вопросы, точнее их формулировать	Я узнала причину заговора, отношение между Александром I и Павлом. Как Александр правил и чего добился, а так же о таких личностях, как Сперанский, Аракчеев. Всё это было разобрано нами в классе, я принимала участие в обсуждении	У меня получилось то, что я смогла объективно оценить работу нашей группы в классе

Фрагмент письменной рефлексии Е. Кондратьевой.

«В работе над темой я занималась самым интересным видом деятельности – проектированием. Я выбрала этот вид деятельности, так как он позволяет выйти за рамки учебника, рассмотреть тему, которая тебе интересна, и проявить в ней собственное мнение. Очень важно, что здесь можно выбирать работу в группах или работать одной. Мне интересно работать. В теме «Отечественная война 1812 года» я работала в группе, которая готовила проект «Наполеон и Россия». Сначала мы подготовили замысел: выявили проблему, выдвинули гипотезу, определили задачи. На мою долю выпало составление плана нашей работы. Мы представили результат в виде творческого текста.

За время проделанной работы удалось поработать в группе в роли руководителя. Считаю, что мне удалось построить работу в группе, так как я сразу поняла, как тема может быть поделена между нами. Каждое выступление в нашей группе дополняло друг друга. Я думаю, что мне удалось удачно провести представление проекта, так как я ответила на все вопросы и получила хорошие рецензии от других групп. На обсуждении в группе ребята сказали, что я лучше всех справляюсь с ролью руководителя.

Но не все мне еще удается. Мне ещё надо поработать над умением выступать, заинтересовывать других, а также над умением анализировать литературный текст, обращать исторические факты на свой замысел».

И.Л. Скипор

ДИСЦИПЛИНЫ ДОКУМЕНТОВЕДЧЕСКОГО ЦИКЛА В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ИНФОРМАТИКОВ

Непрерывное накапливание массы документов во всем мире, расширение функций, выполняемых ими, применение документов во всех сферах деятельности (управленческой, хозяйственной, производственной, научной, учебной и т.п.), автоматизация хранения и поиска информации, а также использование новых способов получения документов делают необходимым изучение состава и структуры документов, правил их подготовки, путей рациональной организации и использования систем документации. Особое место знания в области документоведения занимают в структуре профессиональной подготовки студентов, обучающихся по специальности «Прикладная информатика». Это обусловлено видами профессиональной деятельности информатиков, к числу которых относятся организационно-управленческая, проектно-технологическая, маркетинговая, экспериментально-исследовательская, консалтинговая, аналитическая, эксплуатационная деятельность. Среди требований к уровню подготовки выпускника данной специальности, предусмотренных Государственным образовательным стандартом, следует отметить умение разрабатывать проектную документацию на информационные системы и сети и пользоваться ею, документировать программное обеспечение, результаты анализа предметных областей, мониторинга информационных ресурсов и т.п.

В Кемеровском государственном университете культуры и искусств осуществляется подготовка информатиков-аналитиков в рамках специальности «Прикладная информатика (в информационной сфере)», специализации «Информационные сети и системы». Анализ содержания учебных дисциплин федерального компонента ГОС ВПО («Проектирование информационных систем», «Мировые информационные ресурсы», «Информатизация общества», «Информационные ресурсы общества», «Управление информационными ресурсами» и др.) свидетельствует о том, что при освоении большинства из них документы являются предметом изучения. Кроме того, в условиях создания и функционирования автоматизированных информационных систем и сетей системы документа-

ции являются одним из важнейших компонентов подсистемы информационного обеспечения.

Все это обуславливает необходимость введения в учебный план специальности «Прикладная информатика (в информационной сфере)» дисциплин, направленных на формирование знаний и умений в области документоведения. В частности, в составе национально-регионального компонента блока общепрофессиональных дисциплин студенты изучают курс «Документоведение». Далее в рамках спецкурса «Электронные документы» осуществляется формирование знаний и умений в сфере технологии подготовки и использования электронных документов. Блоком «Дисциплины специализации в области» предусмотрено изучение курсов «Информационный анализ и синтез», «Лингвистическое обеспечение АИС», «Технологическое обеспечение АИС», «Системы документации АИС», которые направлены на формирование знаний, умений и навыков по созданию и использованию различных видов документов при проектировании, эксплуатации и модернизации информационных сетей и систем, а также при подготовке информационных продуктов и услуг.

В рамках настоящей статьи отражен опыт преподавания учебной дисциплины «Системы документации АИС», целью которой является углубленное изучение систем документации, используемых при создании и функционировании автоматизированных информационных систем. Достижение поставленной цели предполагает изучение теоретических основ создания систем документации, состава, структуры, типологических особенностей отдельных систем документации, функционирующих в условиях АИС, приобретение практических умений и навыков по формализованному анализу структуры документов, входящих в системы документации, проектированию унифицированных систем документации АИС в целом и отдельных документов, в частности.

В структуре курса выделяются четыре взаимосвязанных раздела. Первоначально студент изучает теоретические основы создания систем документации, в частности, унифицированных систем документации; далее знакомится с системами документации межотраслевого и отраслевого уровней. В самостоятельный раздел выделены системы документации на автоматизированные системы. В результате освоения курса студент должен знать основные понятия, принципы, методы, этапы построения систем документации, состав и структуру существующих систем документации, нормативные документы в сфере создания и использования систем документации, особенности проектирования унифицированных форм документов АИС; уметь анализировать структуру документов, используя

формализованные методы анализа, а также самостоятельно разрабатывать отдельные документы и унифицированные системы документации АИС.

Отличительными особенностями курса является стремление уйти от описательности. Выполнение практических, контрольных работ ориентировано на решение студентом конкретных проектных задач в рамках курсового и дипломного проектирования.

Курс «Системы документации АИС» общим объемом 168 часов изучается в течение шестого семестра. Изучение курса завершается экзаменом. Программой курса предусмотрено чтение лекций, проведение практических и семинарских занятий. Освоение курса предполагает, помимо посещения аудиторных занятий, выполнение индивидуальных заданий. Контроль за результатами самостоятельной работы студентов осуществляется в виде тестов, контрольных работ.

Опыт преподавания данной учебной дисциплины в течение семи лет, с одной стороны, подтвердил необходимость формирования у студентов углубленных знаний в сфере систем документации (главным образом, унифицированных систем документации), а с другой стороны, позволил откорректировать структуру и наполнение курса, обеспечить его прикладную направленность, обусловленную особенностями получаемой выпускниками квалификации – «информатик-аналитик».

Так, например, обязательным элементом курсового и дипломного проектов является проведение предпроектного обследования объекта автоматизации, в частности, анализ информационных потоков, функционирующих в учреждении, организации, на предприятии. При этом необходимо дать как количественную, так и качественную оценку входных и выходных документов, сформулировать выводы об их состоянии, определить уровень унификации используемых документов и т.п. Также должны быть оценены технология и качество хранения, контроля документов, их жизненный цикл. Далее эти результаты используются при проектировании обеспечивающих подсистем АИС, а также документировании проектных решений. Такие требования к курсовым и дипломным проектам студентов обусловили необходимость выделения в составе учебной дисциплины специального раздела, направленного на углубленное изучение направлений использования различных унифицированных систем документации при проектировании АИС, особенностей создания документации на автоматизированные системы, правил документирования программного обеспечения, порядка подготовки и представления документов для регистрации программ и баз данных.

Таким образом, изучение дисциплин документоведческого цикла при подготовке информатиков не только направлено на формирование профессиональных знаний в сфере проектной и эксплуатационной деятельности, но и позволяет обеспечить мобильность выпускника, возможность быстрого освоения им новой предметной области путем изучения различных видов документов, технологий их создания, хранения и поиска на основе использования информационно-коммуникационных технологий.

Ю.А. Акимова

**ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА
«ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ» В АЛТАЙСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

«Документоведение» относится к циклу общепрофессиональных дисциплин специальности 350800 «Документоведение и документационное обеспечение управления», и играет важную роль в формировании у студентов представления о будущей профессии. Курс читается на протяжении всего первого года обучения, помимо научных, образовательных задач, он дополняется педагогической задачей – развитием общих навыков, предъявляемых современному специалисту. А именно: умения принятия эффективных и самостоятельных решений в области документирования информации, ответственности за выполняемую работу; уважения к специальности, оперативности действий и т.д.

В связи с поставленными задачами преподаватель сталкивается с рядом проблем, которые условно можно разделить на две группы: проблемы, относящиеся к содержательной части курса, и проблемы методики его преподавания.

Сложности в определении содержательной части курса обусловлены различными подходами к определению его цели. В рамках действующего образовательного стандарта по специальности «Документоведение и документационное обеспечение управления» преподаватели учебного курса «Документоведение» делают акцент на рассмотрение отдельных модульных блоков – либо анализа способов документирования и тиражирования информации, либо истории становления отечественного документа, либо специфики создания современного документа, правил его оформления. Таким образом, нет унифицированного подхода к содержательной части читаемого курса.

Перед преподавателем встает проблема самостоятельного выбора целевой направленности курса. Ситуация осложняется отсутствием учебной литературы по рассматриваемой дисциплине, ориентированной на подготовку студентов-документоведов. Доступные в Алтайском крае учебные издания ориентированы на студентов библиотечных факультетов, или издаются вузами, ведущими подготовку специалистов в сфере «Документоведения и документационного обеспечения управления», ограниченным тиражом.

На факультете политических наук Алтайского государственного университета учебный курс «Документоведение» рассматривается как составная часть подготовки профессиональных документоведов, востребованных на рынке труда. Основными целями курса являются, во-первых, практическая подготовка студентов, способных грамотно осуществлять экспертизу ценности документов, выявлять подложные документы, во-вторых, развитие у них навыков по составлению и оформлению служебной документации. Таким образом, определены приоритеты в изучении теории и истории отечественной документно-коммуникационной деятельности.

Для достижения поставленных целей, занятия строятся по принципу проблемного обучения с привлечением практических материалов из опыта работы сотрудников служб документационного обеспечения управления государственных учреждений и организаций негосударственных форм собственности. Преподавателем подчеркивается практическая ценность рассматриваемого материала.

Более эффективно проблема определения содержательной части курса может быть решена совместной выработкой концепции рассматриваемой учебной дисциплины на уровне кафедр, вузов Западной и Восточной Сибири, осуществляющих подготовку специалистов в области документационного обеспечения управления.

Преподавание курса «Документоведение» осложняется рядом проблем методического характера, среди которых особо выделяется ограниченный доступ к необходимым для визуального изучения материалам до-советского делопроизводства. В указанной ситуации преподавателем используются оцифрованные версии редких документов, предоставленных учреждениями хранения информации.

Привлечение современных технических средств, при помощи программы PowerPoint, встроенной в пакет Microsoft Office, позволяет сократить время изложения теоретического материала, развить у студентов навыки систематизации информации, наглядно демонстрирует распространенную в сфере бизнеса технологию трансляции докладов выступлений, активирует познавательную деятельность студентов.

Не менее остро стоит проблема развития у обучающихся профессиональных качеств и навыков, отвечающих требованиям, предъявляемым к современным специалистам в сфере управления.

Эта проблема решается посредством построения учебного процесса с учетом методов активизации познавательной деятельности студентов, в частности, деловых игр. Наиболее эффективны, при освоении учебной

дисциплины «Документоведение», ситуационные и ролевые игры, которые являются не только формами активизации познавательной деятельности. Посредством игры студент включается в сходные с реальными условия, в которых оказывается специалист службы ДОУ государственных, муниципальных, а также коммерческих и некоммерческих учреждений, предприятий, организаций.

Ролевые и ситуационные игры помогают, с одной стороны, сформировать у студентов общее представление о характере работы по составлению и оформлению документов, с другой – выработать ответственность, аккуратность действий, точность, оперативность выполняемых операций, грамотность принимаемых решений.

Так, в общем виде, решаются проблемы преподавания курса «Документоведение» в Алтайском государственном университете.

Повышение качества преподавания рассматриваемого курса, а также развитие «Документоведения» как науки должны сопровождаться обменом научными исследованиями и инновационными образовательными технологиями. Для этого необходимо укрепление межвузовских связей и совместная выработка концепции дисциплин общепрофессионального цикла с учетом специфики развития экономики Западной и Восточной Сибири.

Т.А. Быкова

ИЗ ОПЫТА ПРОВЕДЕНИЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ-ДОКУМЕНТОВЕДОВ

Практика является составной частью учебного процесса, она проводится с целью углубления и закрепления теоретических знаний и приобретения практических навыков работы. Уже в течение семи лет на кафедре истории и документоведения Томского государственного университета (ТГУ), где готовят специалистов документоведов, организована для студентов ознакомительная делопроизводственная практика. Целью данной практики является приобретение опыта профессиональной деятельности, интеграция в профессиональную сферу, выработка знаний, умений и навыков в работе с различного рода документами. Программа практики студентов включает в себя основные проблемные вопросы курсов «Документоведение», «Технология и организация документационного обеспечения управления», «Архивное дело», «Секретарское дело», «Компьютерные технологии в документационном обеспечении управления».

Изначально была поставлена задача использовать для прохождения практики учреждения и предприятия, где имеется большой опыт работы с документами, применяются современные информационные технологии. Первые два года наиболее перспективными, на наш взгляд, являлись областная, городская и районные администрации. Постепенно количество предприятий, где студенты могли пройти практику, увеличивалось. На многих промышленных предприятиях, в академических учреждениях, открытых акционерных обществах ведется серьезная работа по созданию современного документооборота и совершенствованию документационного обеспечения управления. Расширение количества мест для прохождения практики позволило закрепить и продолжить сотрудничество с теми предприятиями, где студенты действительно получают реальные практические знания и опыт, и прекратить контакты с учреждениями, недостаточно, на наш взгляд, решающими проблемы практики. Серьезное внимание студентам уделяют в областной и городской администрации, в администрации Томско-сельского района, Томской аграрной компании, Томском фармацевтическом заводе и других организациях.

В помощь студентам разработана программа практики, которая позволяет сориентироваться в проблемах и проанализировать систему рабо-

ты с документами на конкретном предприятии. В зависимости от особенностей и условий работы учреждения может меняться последовательность выполнения разделов программы и отдельных видов работы. Программой предусматривается выполнение работ различного характера, в связи с чем студенты-практиканты могут работать в разных структурных подразделениях организации и архиве. Для изучения организации делопроизводства практиканты используют методы: интервьюирования, личного наблюдения, метод сравнения и сопоставления существующего положения и рекомендованного основными нормативными документами государственного уровня и документами организации, а в необходимых случаях – графические и анкетные методы.

Перед началом практики со студентами проводится собрание, где формулируются цель и задачи практики, раздаются дневники и направления на практику.

В период прохождения практики студенты в первую очередь знакомятся с нормативно-методической базой, созданной на данном предприятии, с «Положением о службе делопроизводства», «Инструкцией по делопроизводству», «Должностными инструкциями», «Номенклатурой дел», «Положением об экспертной комиссии и ведении архива», «Штатным расписанием» и т.д. Анализ этих документов позволяет практикантам высказать собственное мнение, предложить свои услуги по их разработке. Практика показывает, что все чаще студентов привлекают к подготовке проектов данного вида документов.

Важным направлением в ходе практики является знакомство с системами документации, особенностями и единым порядком составления документов. Студенты изучают и анализируют бланки документов организации и их соответствие ГОСТу. Сотрудники прислушиваются к предложениям студентов и предлагают им разработать бланки приказов, писем и т.д.

С особым вниманием студенты-практиканты относятся к изучению документооборота в организации. Они подробно анализируют регистрацию документов, выясняя, какая форма регистрации применяется в организации. Прослеживают контроль за исполнением документов, выявляя преимущества и недостатки этого этапа документооборота. Студенты являются не просто пассивными наблюдателями, но и стараются оказать посильную помощь сотрудникам (набирают текст необходимых документов, отвечают на телефонные звонки, выполняют обязанности курьера и т.д.).

Часто на предприятиях, в силу загруженности сотрудников текущей работой, не уделяется должного внимания подготовке документов для передачи в архив на хранение. Сотрудники с удовольствием поручают

этую работу студентам, предлагая им проверить правильность отбора документов по номенклатуре дел, сверить заголовки дел, составить внутреннюю опись и т.д. В ряде случаев студенты проходят практику в кадровой службе, в архивах организации, и здесь полученные теоретические знания позволяют им соответствовать предъявляемым требованиям и выполнять различные поручения.

Однако следует отметить, что не всегда предложения студентов, их замечания принимаются к сведению. Привыкшие работать по-старинке, опираясь на собственный опыт и сложившиеся традиции, сотрудники не хотят ничего менять.

По окончании практики студенты должны подготовить пакет документов – характеристику, подписанную руководителем практики от предприятия, дневник с подробным перечнем проделанной работы и отчет с визой руководителя. В отчете студенты отмечают особенности постановки делопроизводства в организации и высказывают критические замечания о состоянии той или иной работы в учреждении, делают выводы и вносят конкретные предложения по рационализации приемов и методов работы. В отчете студенты приводят также конкретные факты, примеры, количественные показатели выполненной работы.

По итогам практики проходит собрание, на котором студенты отчитываются о прохождении практики, делятся своими впечатлениями, полученным опытом и получают соответствующую оценку.

Студенты первых выпусков после прохождения практики отмечали, что им не хватает знаний по компьютерному делопроизводству, юридическим дисциплинам и умения работать с разными программами. Они предлагали ввести в программу обучения курсы лекций, которые позволили бы им приобрести знания в вышеназванных сферах. Предложения студентов позволили откорректировать программу обучения, расширить количество часов по отдельным предметам и ввести новые лекционные курсы и спецкурсы (в частности, увеличено количество часов на изучение трудового и гражданского права, введены новые спецкурсы «Документирование деятельности негосударственных предприятий», студентов обучают «слепому» методу набора текста и т.д.). В настоящее время теоретический уровень студентов (об этом они говорят сами) соответствует требованиям, предъявляемым к сотрудникам делопроизводственных и других служб, а во многом они превосходят практиков, становясь их явными конкурентами. Радует то, что многим студентам после окончания практики предлагают поработать во время отпуска сотрудников или трудоустраивают в той или иной должности.

Таким образом, анализируя проведение делопроизводственной практики студентов-документоведов, следует отметить, что накоплен значительный опыт, сложились и окрепли связи с конкретными предприятиями. Все чаще уже наши выпускники принимают студентов на практику. Практика действительно играет важную роль в подготовке профессиональных специалистов и частично решает проблему трудоустройства.

Говоря о перспективах и совершенствовании делопроизводственной практики, необходимо указать и на имеющиеся проблемы. Во-первых, отсутствие оплаты труда руководителей практики (от предприятия) со стороны университета или факультета, что в ряде случаев оказывается на отношении к практикантам, не все сотрудники стремятся уделять достаточное внимание студентам, отдавать им свое время и знания. Во-вторых, не всегда студенты, в силу разных обстоятельств, знакомятся с широким спектром практическим навыков. Положительное решение данных проблем позволит, на наш взгляд, повысить эффективность практики студентов.

В.В. Степанова, О.А. Уварова

ОПЫТ ПОГРУЖЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ДОКУМЕНТОВЕДОВ В ПРОЦЕСС СБОРА ИНФОРМАЦИИ

Организация процесса управления в рамках предприятий любой формы собственности зависит от её информационного обеспечения. Сбор информации и умение её анализировать являются важными факторами в работе специалиста-документоведа.

Актуализация проблемы качественной подготовки персонала по работе с документацией в настоящее время формирует новые квалификационные аспекты. Умение адаптироваться в информационно-документационной среде разных сфер производства и управления становится вос требованной характеристикой специалиста-документоведа.

При подготовке документоведов в Нижневартовском государственном гуманитарном университете (НГГУ) апробирована и используется практика «изначального погружения в специальность» для студентов-первокурсников. Учебный курс «Введение в специальность», согласно нормативным документам по специальности 350800 «Документоведение и документационное обеспечение управления» (первый семестр обучения), дает студентам первоначальное представление о выбранной ими специализации. Однако данный теоретический курс не раскрывает всей специфики профессии документоведа.

Закрепление общих характеристик представляется возможным через систему самостоятельной работы студентов. Для этого преподавателями кафедры «Документоведения и всеобщей истории» гуманитарного факультета НГГУ были разработаны методические рекомендации по освоению практики сбора и обработки информации в сфере ДОУ.

В качестве объектов обследования студентам-первокурсникам предлагаются жилые микрорайоны города Нижневартовска и находящиеся на их территории Жилищно-эксплуатационные управлении (ЖЭУ).

Выбор предприятий ЖКХ обусловлен тем, что в повседневной жизни каждый из студентов сталкивался с данным учреждением и психологический фактор восприятия информации будет дополнен личным интересом к структуре и документации ЖЭУ.

Для выполнения задания студенты должны собрать и проанализировать информацию по следующим направлениям:

- 1) история обследуемого микрорайона;
- 2) сведения о ЖЭУ (направление деятельности; график работы; штатный состав; квалификация специалистов, работающих с документами; должностные обязанности);
- 3) характеристика документации, создаваемой в процессе работы ЖЭУ, и анализ качества работы с ней;
- 4) выводы по соответствию кадрового состава ЖЭУ (документоведов, если они есть, или специалистов, работающих с документацией) современным квалификационным требованиям.

Данная работа позволяет наглядно проследить необходимость документации ЖЭУ, проанализировать её качество и роль в жизни рядовых потребителей. Маршрут движения документов в структуре учреждений ЖКХ формирует первичное представление о системе документационного обеспечения управления. Студенты «в полевых условиях» знакомятся с информационными барьерами, возникающими при работе ЖЭУ с гражданами.

В процессе сбора информации студенты приобретают опыт интервьюирования и общения с сотрудниками «бумажной сферы».

Очень часто студенты сталкиваются с нежеланием сотрудничества со стороны специалистов предприятий ЖКХ. Негативное впечатление компенсируется перспективой аргументировано убедить работников ЖЭУ в важности анализа документационной базы их предприятия для образовательного процесса специалистов-документоведов.

Таким образом, студенты приобретают навык представления и характеристики специальности, по которой они обучаются для неосведомленных собеседников.

Практика анализа состояния ДОУ низовых предприятий ЖКХ позволяет сделать вывод о недостаточном использовании технологий делопроизводства.

Положительный опыт данного вида самостоятельной работы заключается в формировании у студентов понимания важности процессов документационного обеспечения управления в структуре организаций.

Данный вид самостоятельной работы у студентов на I курсе позволяет изначально адаптироваться к требованиям специальности документоведа и соизмерить для себя правильность выбора профиля обучения.

Участие студентов призвано показать эффективность научного обоснования современной практики документационного обеспечения управления.

Л.Н. Мазур

СПЕЦИАЛИСТЫ–ДОКУМЕНТОВЕДЫ НА РЫНКЕ ТРУДА

Подготовка студентов по специальности «Документоведение и документационное обеспечение управления» проводится на историческом факультете УрГУ с 1993 г. В настоящее время учебный процесс курирует и организует кафедра документационного и информационного обеспечения управления (заведующий кафедрой к.и.н., доцент Д.В. Бугров). В 2003/2004 уч. году факультет отметил десятилетие специальности. И, как обычно, юбилей послужил поводом для подведения некоторых итогов, в том числе, определения того, насколько «успешны» документоведы на рынке труда? К настоящему моменту прошло уже 8 выпусксов – это 161 человек очной формы обучения и несколько сотен – заочной. Их дальнейшая судьба – предмет пристального внимания и преподавателей кафедры, и руководства факультета, так как «успешность» специальности определяется не только конкурсом при поступлении (а он достаточно высок, достигая 8–11 человек на место), сколько востребованностью выпускников работодателями и качеством их трудоустройства. Эти критерии сегодня закладываются в основу эффективности работы высшей школы. Причем здесь необходимо учесть целый комплекс показателей, в том числе процент работающих по специальности, уровень оплаты их труда, соответствие требованиям работодателя, динамика карьерного роста и другие. Конечно, абсолютно полную статистику по этому вопросу привести сложно, так как определенная часть выпускников неизбежно выпадает из поля зрения, но общую картину составить можно.

Наиболее показательным в этом отношении был круглый стол, проведенный с выпускниками в рамках юбилея специальности в 2004 г. Его темой были проблемы трудоустройства документоведов, обсуждение которых позволило сформулировать следующие выводы:

– документовед – универсальная специальность, ориентированная на фундаментальную комплексную подготовку студентов как специалистов по работе с информацией в самых различных ее формах. Именно этот «универсалитет» является необходимым атрибутом современного менеджера и позволяет реализоваться выпускникам в разных качествах. Все варианты трудоустройства документоведов так или иначе связаны с информационной деятельностью;

– немаловажную роль в поиске работы играют личностные качества выпускников, их навыки самопрезентации, инициативность, мобильность. Развитие этих качеств также можно рассматривать как одну из задач университетского образования;

– принципиально важную роль в дальнейшем трудоустройстве документоведов играют правильно подобранные площадки для учебно-производственной практики.

Проведенный среди выпускников социологический опрос позволил уточнить некоторые моменты, связанные с их трудовой деятельностью. Опрос был проведен студенткой третьего курса Ю.В. Шестаковой [1. С. 3–14] и охватил около трети выпускников. В задачи исследования входил сбор и анализ информации о процессе трудоустройства, характеристика мест работы, а также в анкете был выделен блок вопросов, направленный на оценку качества образования, полученного в университете. Как показал опрос, подавляющее большинство выпускников, даже сталкиваясь с определенными трудностями при устройстве на работу, вполне успешно их преодолели. Респонденты подчеркнули, что для успешного трудоустройства соискателю необходимы два основных качества – личностный потенциал (коммуникативные, деловые качества, креативность) и опыт работы по специальности. Больше половины респондентов отдали приоритет личностным характеристикам, причем практически все они, за редким исключением, нашли работу по специальности (частично или полностью). Опыт работы по специальности также важен для работодателя (около половины опрошенных считают именного его самым важным). Таким образом, наличие двух названных качеств у соискателей в комплексе гарантирует успех в трудоустройстве.

Отдельный блок вопросов анкеты был направлен на выявление информации о компаниях, в которых работают выпускники. Это один из стратегических моментов, так как до недавнего времени специальность «документовед» у большинства работодателей ассоциировалась с понятием «секретарь-референт». Четких представлений у руководителей о потенциале специалистов данного профиля нет до сих пор, а штатные расписания подавляющего большинства организаций не имеют документоведов в перечне должностей. То есть выпускнику приходится демонстрировать перед работодателем не только свои личностные качества, но и, по сути, рекламировать специальность, доказывать, что документовед – это не просто секретарь, умеющий составлять и подшивать документы. На наш взгляд, изменение стереотипов восприятия специальности «документоведение» – это наиболее сложная и важная задача, решить которую

возможно только при целенаправленных усилиях вуза. Необходим маркетинг специальности, реализуемый через такие формы, как конференции, семинары, ярмарки специалистов и т.д.

По результатам проведенного опроса, 70% выпускников работают в коммерческих структурах, 19% – в государственных структурах, 5% – на предприятиях, организациях муниципальной формы собственности. Таким образом, наибольшую часть выпускников поглощают негосударственные структуры. Причем проведенный дополнительно телефонный опрос компаний показал, что наиболее заинтересованными в специалистах подобного рода являются активно развивающиеся компании, ориентированные на современные технологии – рекламные и издательские фирмы, кадровые агентства, компании, связанные с компьютерными продуктами, средствами связи, информационными услугами и т.д. Крупные организации: банки, промышленные предприятия, госструктуры, имеющие сложившиеся документационные службы, в большинстве случаев воспринимают документоведов «линейно», предлагая им должности, ориентированные на традиционные технологии работы с документами. Хотя и здесь в связи с широким внедрением электронного документооборота потребность в специалистах, совмещающих знание ДОУ с новейшими технологиями, возрастает. Существенное значение имеет и то, что коммерческий сектор в большей степени оснащен современной техникой, более широко внедряет корпоративные системы и, как следствие, нуждается в специалистах в данной сфере. С другой стороны, более высокая заработная плата, современное техническое и программное обеспечение, перспективы роста привлекательны и для выпускников, которые нередко ориентируются именно на коммерческий сектор экономики.

Не менее важно уточнить, в каком качестве работают выпускники специальности, какова сфера непосредственного приложения их труда? Самыми популярными сферами среди выпускников оказались финансы, бухгалтерия, банк и торговля – 43,3%. В сфере образования, науки, культуры занято 10,8%, столько же трудится в возрождающейся сфере производства. По 16,2% респондентов связали свою деятельность с информационными технологиями, рекламой, маркетингом, PR. В развивающемся строительстве занято 8,1% анкетируемых, 5,4% предпочли государственное управление и менеджмент. Столько же работают в сфере связи и дизайна. Причем по признанию респондентов, работа половины из них связана с полученной специальностью частично или косвенно. 41% респондентов ответили, что их работа напрямую связана со специальностью. Лишь трое работают не по специальности. Пожалуй, такое распределение

- наиболее очевидно подтверждение актуальности специальности и ее востребованности рынком труда.

Таким образом, требования, предъявляемые работодателем к специалисту-документоведу, необходимо учитывать при разработке концепции специальности. В современных условиях общество требует от документоведа широкого круга знаний и умений. Он должен обладать навыками системного анализа ситуации и постановки проблемы, определения основных направлений и методов сбора информации, выявления круга наиболее информативных источников и их проверки на полноту и достоверность, использования современных методик извлечения и обработки данных, в том числе компьютерных, представления собранной информации в удобной для потребителя форме.

Учебный план специальности определяется действующим стандартом, однако у вуза есть возможность реализовать свое видение процесса обучения. В основу подготовки документоведа, по нашему мнению, должны быть положены курсы и предметы, которые обеспечивают возможность реализации специалистов в условиях информационного общества. Учебный план, по которому проводится подготовка документоведов на историческом факультете УрГУ, состоит из трех блоков: общеобразовательные дисциплины (философия, экономика, культурология, политология, исторические дисциплины) – всего 3876 ч (42,7%); блок математических и естественно-научных дисциплин (информатика, компьютерные технологии, основы математического анализа, основы алгебры и геометрии, теория вероятностей и математическая статистика, математическое моделирование, теория баз данных, программное обеспечение информационно-аналитической деятельности, защита информации) – всего 1439 ч (15,9%); дисциплины профессиональной подготовки (документоведение, история государственных учреждений, кадровое обеспечение управления, информационные системы в управлении, социология и культура управления, теория и практика государственного управления, управление информационными ресурсами, основы архивоведения, трудовое, административное право и др.) – всего 2384 ч (26,3%); спецкурсы, дисциплины по решению ученого совета – 1360 (15%). Итого общая часовая нагрузка по учебному плану специальности составляет 9059 ч. Учебным планом предусмотрено выполнение 4 курсовых работ, проведение 3 учебно-производственных практик (всего 13 недель).

Важнейшей предпосылкой подготовки специалистов является необходимая техническая база. Для обеспечения эффективного обучения на факультете с 1997 г. функционирует компьютерный класс (15 рабочих мест), оснащенный современным программным обеспечением, позво-

ляющим осуществлять как учебный процесс, так и самостоятельную работу студентов. Дважды, в 2000 и 2003 г., производилась замена компьютеров класса на более совершенные. В 1997 г. создана также Лаборатория офисной оргтехники, используемая как в учебных целях, так и для обеспечения студентов учебно-методическими материалами на базе собственного полиграфического комплекса. В 2004 г. на факультете был открыт второй компьютерный класс, оборудованный новейшими моделями компьютерной техники. По уровню технического оснащения (мощные системные блоки, жидкокристаллические мониторы, широкополосный доступ в Интернет) оба компьютерных класса отделения являются лучшими в Уральском госуниверситете.

Нельзя сказать, что сегодня все проблемы специальности решены: достаточно болезненно стоит вопрос о создании постоянных площадок для организации практики студентов, внедрении новых средств и методов преподавания в учебный процесс, в том числе проведение тренингов. До сих пор актуальной остается проблема продвижения специальности «документоведение» на рынок труда. Время работает на нас, и наши выпускники сами, трудясь в разных структурах, постепенно формируют новое представление о себе и своей профессии.

Одной из важных задач остается позиционирование факультета и кафедры документационного и информационного обеспечения управления как одного из научных центров в данной области, что связано с подготовкой и изданием научных трудов, проведений конференций и семинаров для специалистов, созданием структур повышения квалификации и т.д. За 2000–2005 гг. на факультете издано пять выпусков сборника научных трудов «Документ. Архив. История. Современность», в которых регулярно публикуются статьи по проблемам ДОУ.

Оглядываясь на пройденный путь, подводя некоторые итоги, мы, вместе с тем, осознаем, какая большая работа предстоит в дальнейшем для того, чтобы специальность «документоведение» стабильно развивалась, соответствуя требованиям времени. И эта работа требует сосредоточения усилий кафедры документационного и информационного обеспечения, отделения архивоведения, документоведения и информационно-правового обеспечения управления и всего факультета в целом. Такая ситуация диктуется правилами конкурентной борьбы, в которой мы вольно или невольно участвуем, соревнуясь с другими вузами, да и самим духом времени. Лучше всего, наверное, об этом сказал Льюис Кэрролл: «...У нас приходится бежать во весь дух, чтобы остаться на месте. А если нужно попасть куда-то еще, приходится бежать чуть ли не в два раза быстрее».

Примечания

1. См., подробнее: Шестакова Ю.В. Выпускники специальности «Документоведение и ДОУ» на рынке труда (По материалам социологического исследования) // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 5. Екатеринбург, 2005.

Часть II

ДОКУМЕНТНЫЕ РЕСУРСЫ, КОММУНИКАЦИИ, ТЕХНОЛОГИИ

К.А. Чернов

ПРИНЯТИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ АРХИВНОМ ДЕЛЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» И РАБОТА ИНСПЕКЦИИ АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В октябре исполнился год со дня принятия Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации» (22.10.2004 г. № 135 ФЗ). Закон приводит архивное законодательство в соответствие со сложившейся структурой исполнительной власти в России, направлен на создание законодательной базы в целях сохранения культурно-исторического наследия народов нашей страны. Окончательный вариант закона существенно отличается от законопроекта, впервые увидевшего свет в июне 2002 г. [1. С. 3–18]. По словам заместителя председателя Комитета Государственной Думы Российской Федерации по культуре, где была сформирована рабочая группа по доработке законопроекта, З.М. Степановой, в процессе работы «от субъектов права законодательной инициативы поступило 154 поправки», из которых 91 было рекомендовано принять и 63 – отклонить [2 С. 5]. Такой большой объем поправок говорит о высокой степени заинтересованности как органов власти в центре и на местах, так и общества в целом в принятии закона.

Как положено основополагающему юридическому документу, Закон дает четкие определения основным терминам и понятиям, применяемым в сфере архивного дела. Понятийный аппарат существенно уточнен и дополнен. Введены понятия «экспертиза ценности документов», «упорядочение архивных документов», «временное хранение документов Архивного фонда РФ» и т.д.

Значительно расширена сфера действия архивного законодательства. Если «Основы законодательства Российской Федерации об архивном фонде Российской Федерации и архивах» [3] регулировали вопросы, воз-

никающие в работе с документами постоянного (или, как сейчас модно говорить, вечному хранению), то новый закон включает в сферу своего действия документы с временными сроками хранения, в том числе документы по личному составу (п. 3 ст. 3). Отнесение данного вида документов к архивным свидетельствует о четко выраженной социальной направленности Закона. По данным Росархива, на основе документом по личному составу в 2004 г. было исполнено около 2 миллионов запросов социально-правового характера [4]. В архивные учреждения Томской области в этом же году поступило свыше 40 тысяч запросов.

Как известно, в соответствии с Указом Президента РФ от 09.03.2004 г. № 314 «О системе и структуре Федеральных органов исполнительной власти» ликвидировано 24 министерства и ведомства. На момент ликвидации на хранении этих структур находилось более 2 миллионов единиц хранения архивных документов, среди которых – 586 тыс. дел по личному составу. На проведение работ по упорядочению этих документов Федеральному правительству необходимо дополнительно изыскать свыше 100 миллионов рублей [4].

О социальной направленности закона «Об архивном деле в РФ» говорит ст. 26, где определяется порядок пользования архивными документами, гарантируется право граждан на бесплатное получение архивных справок или копий архивных документов. Это особенно важно при получении гражданами сведений, необходимых для подтверждения льгот и компенсаций, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

В настоящее время представляется необходимым скорейшее принятие подзаконных нормативно-правовых актов, обеспечивающих практическую реализацию закона: законов субъектов федерации об архивном деле, правил работы государственных, муниципальных и ведомственных архивов в новой редакции и т.д. В сентябре 2005 г. Государственной думой Томской области принят в первом чтении областной закон «Об архивном деле в Томской области».

Важнейшим условием эффективной работы законодательного акта является контроль за его соблюдением. Статья 16 Федерального закона возлагает контроль за соблюдением Законодательства об архивном деле, в том числе на «органы государственной власти субъектов Российской Федерации в области архивного дела, в пределах своей компетенции, определенной законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации». На территории Томской области управление архивным делом возложено на Администрацию Томской области, а конкретно на Архивное управление. В 2002 г. в составе управле-

ния создано структурное подразделение – инспекция, в составе трех человек, которое осуществляет контрольные функции.

Контроль за соблюдением законодательства об архивном деле включает: выявление нарушений в сфере архивного законодательства, понуждение нарушителя к устраниению выявленных нарушений, проведение анализа причин, приведших или способствовавших совершению правонарушений, осуществление мер по предупреждению правонарушителя к устраниению правонарушений.

Факты нарушений архивного законодательства выявляются, как правило, в ходе проверок организаций – источников комплектования государственных и муниципальных архивов и организаций, ликвидируемых в ходе банкротства. На 01.10.2005 г. инспекцией проведены проверки учета, комплектования, хранения и использования архивных документов в 345 организациях. Нарушения выявлены практически во всех проверенных организациях, выписаны предписания по 1300 пунктам, с указанием конкретных сроков на устранение нарушений. По фактам утраты документов, неисполнения в установленные сроки предписаний инспекции [5] к административной ответственности было привлечено 13 должностных, 2 юридических и 1 физическое лицо. Материалы в отношении 3 руководителей организаций были направлены в органы прокуратуры.

За время работ по инспекции в Архивном управлении разработана и постоянно совершенствуется методика проведения проверок. Ведется анализ, обобщаются статистические данные наиболее часто встречающихся нарушений, проводятся мероприятия, направленные на снижение уровня правонарушений. Создана база данных по проверяемым организациям, а также по ликвидируемым организациям (ликвидируемым как в ходе банкротства, так и в соответствии со ст. 61 ГК РФ). В ликвидируемых организациях (если они не являются источниками комплектования областных или муниципальных архивов) проверяются документы по личному составу: приказы по личному составу, личные дела работников, лицевые счета, ведомости по заработной плате и так далее. Включение, по новому закону, данного вида документов в состав архивных позволяет уверенно работать с ликвидаторами и арбитражными (конкурсными) управляющими по вопросам их сохранности.

Кроме государственных областных архивов, документы постоянного хранения, относящиеся к собственности субъекта Российской Федерации, имеют право хранить музеи, библиотеки, государственные органы и организации субъекта РФ [6]. Поскольку архивные документы, независимо от места их хранения, подлежат государственному учету [6], специалистами

инспекции Архивного управления в 2005 году была проведена проверка состояния учета архивных документов в Томской областной библиотеке им. А.С. Пушкина, Томском областном краеведческом и Томском областном художественном музеях [7]. В библиотеке им. А.С. Пушкина, например, проверка выявила, что кроме управленческой документации и документов по личному составу имеется значительный объем документов, собранных по личной инициативе сотрудниками отдела редких книг, в неупорядоченном состоянии. Ввиду значительной исторической ценности собранных документов (рукописей и черновиков томских писателей и т.д.), Экспертно-проверочной комиссией (ЭПК) Архивного управления было рекомендовано провести экспертизу ценности указанных документов на предмет их включения в состав Архивного фонда РФ [8]. При этом работникам библиотеки будет оказана методическая помощь со стороны Государственного архива Томской области.

Примечания

1. Проект Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации» // Отечественные архивы. 2002. № 3.
2. Отечественные архивы. 2004. № 6.
3. Основы законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах от 07.07.1993 г. № 5341-1.
4. Письмо Росархива от 17.02.2005 г. № 4/337-К.
5. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 196-ФЗ. Введен в действие с 01.07.2002 г. Ст. 13.20: «Нарушение правил хранения, комплектования, учета или использования архивных документов»; Ч. 1. Ст. 19.5: «Невыполнение в срок законного предписания (...) органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль)».
6. Федеральный закон от 22.10.2004 г. № 124-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации». Ч. 2. Ст. 7; Ст. 19.
7. Полное название организаций: Томская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина; Томский областной краеведческий музей; Томский областной художественный музей.
8. Решение ЭПК Архивного управления Администрации Томской области от 30.06.2005 г.

**А.Г. Караваева, А.Г. Марчук, В.А. Привезенцев,
О.Б. Родимова, А.З. Фазлиев**

ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО АРХИВА НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ КОМПЛЕКСНОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Около тысячи исследователей посвятило Тунгусскому явлению годы своей жизни. Тем не менее обоснованного научного понимания того, что произошло над сибирской тайгой 30 июня 1908 г., до сих пор нет. Сложившаяся ситуация вокруг этого явления создает широкое поле для псевдонаучных спекуляций, большая часть которых не возникла бы в случае доступности результатов экспедиций, прежде всего, конца 1920-х гг. (Л. Кулик) и 45 комплексных самодеятельных экспедиций (КСЭ) (Н.А. Васильев, Г.Ф. Плеханов). Изучение этой проблемы требует создания фактографической электронного архива.

Тунгусский феномен индуцировал разные формы исследования данной проблемы. От фантастических гипотез до тщательного многолетнего изучения физико-химических свойств окрестностей горы Стойкович, рядом с которой отмечен гигантский вывал леса, произошедший в 1908 г. Само по себе существование столь широкого спектра мнений является необычным и представляет собой социологическую проблему, требующую решения.

С другой стороны, в течение более 45 лет существование комплексной самодеятельной экспедиции тридцать лет в СССР и уже 15 лет в Российской Федерации, является социальным феноменом. Наряду с научными результатами экспедиции, опубликованными в научных журналах, существует широкий пласт материалов, который можно отнести к самодеятельному творчеству, созидательному интеллигентному фольклору, начиная с конца пятидесятых вплоть до середины 90-х гг. ХХ в. Среди них, например, несколько десятков альбомов, относящихся к проведенной или подготавливаемой экспедициям. Их в КСЭ называли курумниками.

Подготовка фактографической коллекции и мультимедийных материалов для изучения КСЭ, включающих в себя почти сотню альбомов, около 5000 описанных фотографий, сборники поэтического творчества участников КСЭ, может служить основой для профессионального социологического анализа механизмов образования, выживания и саморегуляции в социальных группах, созданных по интересам их участников.

В электронный архив включены наиболее значимые материалы, источником которых являются архивы академика Н.В. Васильева, доцента Ю.А. Львова, хранящиеся в Томском государственном архиве, и личные архивы участников КСЭ. В целом, в оборот вводится около четверти имеющихся в наличии документов.

Основные компоненты архива:

- 1) альбомы, посвященные сезону работы в эпицентре и подготовке к экспедиции;
- 2) архив фотографий КСЭ;
- 3) частные архивы фотографий и слайдов;
- 4) газетные статьи, посвященные деятельности КСЭ;
- 5) фрагменты архивов участников экспедиции (в том числе архивы академика Н. Васильева и профессора Ю.А. Львова, хранящиеся в государственном архиве Томской области (ГАТО);
- 6) малотиражные издания по проблеме Тунгусского явления.

Оригиналы рукописных материалов сохраняются в виде изображений. Параллельно фрагменты рукописей переводятся в текстовый вид. После оцифровки материалов КСЭ последние разбиваются на фрагменты (текст и изображение) и осуществляется классификация этих фрагментов по принадлежности к источнику, времени создания, месту (создания или описания), жанру, типу оригинального носителя, авторам, правам на собственность и т.д.

С информационной точки зрения основой создаваемого архива является электронная коллекция, состоящая из документов. Документы создаются в рамках технологии XML [1]. При формировании коллекции используются два основных типа документов: XML-документ и связанный с ним словарь (XML-схема), описывающий структуру данных. Метаданные представляются в виде RDF-документов.

Ввод данных в XML-документ осуществляется с помощью HTML-форм с проверкой на достоверность по XML-схемам. При вводе данных параллельно создается RDF-документ, содержащий метаданные. Обязательная часть метаданных будет построена на основе рекомендации Dublin Core. Все RDF-документы сводятся в единый реестр, для навигации по которому созданы средства визуализации.

Архив Н.В. Васильева

В настоящее время часть материалов архива Н.В. Васильева (Фонд № 3-1718 ГАТО), содержащих шесть разделов с документами вплоть до

1975 г. и имеющих отношение к темам Тунгусского метеорита и КСЭ, переведены в электронный вид. На рис. 1 показан полистный каталог материалов этого архива.

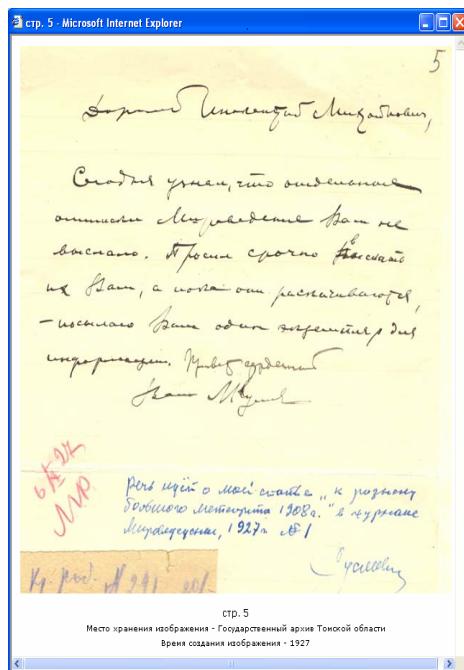

Рис. 1. Электронная версия оригинала документа с указанием места хранения и времени создания

В 1960–1980-е гг. КСЭ вела активные работы более чем в десяти направлениях. Собранный материал публиковался в печати, но большая его часть оседала в личных архивах участников экспедиции. Каталогизация первичных материалов экспедиций ЛСЭ является основой научной части архива.

Коллекция курумников

Проведена оцифровка практически всех альбомов (курумников). Физически курумники имеют разные размеры (приблизительно в пределах

от типографского формата А5 до А3). Курумники в формате, близком к А3, фотографировались цифровой камерой и сканировались по фрагментам. Все оцифрованные курумники приведены к формату А4 и представлены в виде PDF файлов. Рисунки и фотографии из курумников фрагментированы и описаны как отдельные смысловые единицы. Текстовой материал оцифровывается и каталогизируется.

Архив фотографий

За время экспедиций на Подкаменную Тунгуску в район Тунгусской катастрофы 1908 г. участниками экспедиций сделаны десятки тысяч фотографий. Объектами съемок стали последствия вывала леса, пожара, болота в эпицентре и т.д. Фотографический материал распределен по курумникам и личным архивам участников экспедиций. Почти 1600 фотографий собрано в общем архиве фотографий КСЭ.

В настоящее время отсканировано (в форматах jpg и tiff) около 2000 фотографий, и они размещены на сайте <http://tunguska.iao.ru/>, закрытом для общего пользования. Архивирование и работа с фотографиями проведены в рамках информационной системы. В архиве можно проводить поиск фотографий по словам в их описаниях и сортировку фотографии по месту или дате съемки.

Авторы благодарят Российский гуманитарный научный фонд (грант 05-03-12324в) за финансовую поддержку.

Примечания

1. См.: Бояркина А.П., Кривяков В., Плеханов Г.Ф., Родимова О.Б., Сапожникова В.А., Фазлиев А.З. Электронная коллекция материалов КСЭ по изучению Тунгусского явления // Сборник трудов VI Всероссийской конференции «Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии». 2004; Ахлестин А.Ю., Фазлиев А.З. Программное обеспечение для создания научного портала // Труды Всероссийской научной конференции «Научный сервис в сети Интернет». Новороссийск, 2003. С. 195–197.

Т.Ю. Николаева

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ООМИИ им. М.А. ВРУБЕЛЯ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Документальный фонд сформировался в Омском областном музее изобразительных искусств (далее ООМИИ) им. М.А. Врубеля неслучайно. Его появление можно с уверенностью назвать не только закономерным, но и наступившим необходимым, и даже долгожданным. Музей шел к решению вопроса о сохранении собственной истории и свидетельств процесса развития изобразительного искусства региона очень долго.

Обратимся к истории ООМИИ имени М.А. Врубеля для того, чтобы проследить процесс формирования нового фонда документов.

Этот музей был основан как художественный отдел Западно-Сибирского краевого музея и открыт для посетителей 21 декабря 1924 г. Официально он был назван Картинной Галереей Русских художников.

Основу собрания составили произведения искусства, благодаря усилиям директора музея Ф.В. Мелехина (1882 – после 1932 гг.) переданные из Государственного музейного фонда, а также «из музеев ныне расформированных – Румянцевского, Цветковской галереи, Академии Художеств, галереи Юсуповых, Боткина, а также и существующих – Третьяковской галереи, Русского музея и Эрмитажа» [1. С. 28].

Уже в первой экспозиции омской Картинной Галереи были представлены не только произведения русской живописи, но и скульптура, и предметы декоративно-прикладного искусства, причем не только российские, но и западные образцы.

Дальнейшее формирование фондов музея также было направлено на широкое представление об изобразительном искусстве (различных видов и жанров, территориальных границ).

Основными источниками поступлений в 1930-е гг. являлись центральные музеи страны, а также музей расформированного Омского Художественно-промышленного техникума им. М.А. Врубеля.

Выделенная из состава Краевого музея в 1940 г. Картинная галерея официально становится Омским областным музеем изобразительных искусств (в 1997 г. музею присвоено имя известного русского художника, родившегося в 1856 г. в Омске, М.А. Врубеля).

На рубеже 1970–1980-х гг. происходит разделение фонда музея, до этого являвшегося единой коллекцией, несмотря на разнообразие. Были выделены основные фондовые отделы: советского искусства, русского и западноевропейского искусства и декоративно-прикладного искусства.

В 1987 г. был образован отдел редкой книги.

Самым молодым из фондовых отделов в музее является отдел документального фонда и ведомственного архива. Он был образован в августе 2001 г.

В структуре отдела – ведомственный архив, который, как и положено, существовал в музее с момента его образования и выполняет те же функции, что и ранее.

Но абсолютным новшеством для музея явилась документальная коллекция, которая призвана сохранять и популяризировать материалы по истории музея и по истории изобразительного искусства региона. Инициаторами формирования музейной коллекции документов, в первую очередь, были сотрудники музея, а также родственники ушедших из жизни омских художников. Ранее документальные материалы откладывались в музейном ведомственном архиве и на руках у научных сотрудников. В музей часто обращались вдовы и дети ушедших из жизни художников с просьбой принять на хранение мемориальные личные архивы. Нельзя не понять стремление объединить в одном месте произведение искусства и историю его создания, творчество и жизнь художника.

Но оснований ставить эти предметы на музейный учет не было, они не входили в концепцию комплектования музея, так как не являлись произведениями изобразительного искусства.

Теперь ситуация изменилась. Решение было принято. И, видимо, оттого, что необходимость сохранения документальных материалов по истории изобразительного искусства региона была столь актуальна и долгожданна, новый фонд пополнялся невероятно быстро.

На сегодняшний день в хранилище фонда документов находится более 3,5 тыс. музейных предметов. Причем, предметов разнородных по материалу и технике изготовления.

Здесь хранятся и письменные предметы (рукописи, машинопись, документы на бланках типографской печати, буклеты и другие), и предметы вещественные (этюдники, палитры, кисти, мастихины, значки и медали, очки, самодельный фотоаппарат и другие), и иллюстративные предметы (фотографии и негативы, слайды, рисунки и наброски, аудио- и видеозаписи).

Крупнейшими единовременными поступлениями являются, конечно, личные мемориальные архивы омских художников. Каждый из таких ар-

хивов содержит более 100 единиц хранения. Значительны также архив истории музея, фото-, аудио-, видеархивы, архив истории Омского художественно-промышленного техникума им. М.А. Врубеля и архив омской организации Союза художников России.

Фонд документов, как и все музейные коллекции, призван также популяризировать культурное достояние омского региона, то есть публиковать, экспонировать и предоставлять для научных исследований.

Омичи уже могли видеть экспонаты из коллекции документов на тематических и юбилейных персональных выставках омских художников. На наш взгляд, фотографии, собственно документы и вещественные мемориальные предметы нисколько не мешали восприятию монографической экспозиции художественного музея. Напротив, помогали оценить не только творческий, но и жизненный путь художника, его личностные качества и отношение к своему труду.

Формирование фонда документов, несомненно, является значимым событием. Теперь уже является очевидным стремление современных художественных музеев давать не только эстетическое представление об искусстве, но и насыщено информативное. Причиной тому – потребность современного общества в получении большей и максимально достоверной информации.

Мы консультировались во многих художественных музеях России и убедились в том, что за созданием документальных коллекций в музеях художественного профиля несомненное будущее.

Для ООМИИ им. М.А. Врубеля создание документального фонда было органичным и востребованным еще и потому, что этот музей изначально создавался не только как культурно-образовательный, но и как научный центр. Он вырос «из-под крыла» исторического музея, «научно-исследовательская деятельность которого, – по словам Ф.В. Мелехина, – началась... почти в самом начале самостоятельной жизни музея» [1. С. 21], который в свою очередь возник в период деятельности Западно-Сибирского отделения Императорского Русского географического общества.

В последние годы научно-исследовательская деятельность музея приобрела особую значимость. Здесь проводятся научные конференции, в том числе, на международном уровне, публикуются исследования и каталоги музейных коллекций.

Документы, хранящиеся в новом музейном фонде, также публикуются в научных изданиях, их изучают искусствоведы и учащиеся. Мы всегда рады предоставлять для исследований эти материалы.

В последнее время в деятельности музея все активнее используются новые технологии, это касается и развития документального фонда. В частности, осуществляется цифровое копирование подлинных документов (сканирование, цифровая фото- и видео-съемка), замена носителей информации, предоставление для работы исследователям копийного материала с целью сохранения подлинного, а также ведение учетной документации в сетевой программе «Музей-3». Новые технологии помогают нам и в выставочной деятельности. Сейчас мы работаем над созданием мультимедийного тематического лектория, рассказывающего о коллекции музея.

Планов много. Несомненно, мы уже находимся не на стадии становления, а на уровне плодотворного и активного развития.

В последние годы во многих художественных музеях стали создаваться документальные коллекции, и к нам уже стали обращаться за консультацией. Надеемся, что наш опыт будет полезен не только в формировании нового направления в развитии художественных музеев, но и во внедрении новых технологий в музейную деятельность.

Примечания

1. Мелехин Ф.В. Пять лет работы музея. 1923–1928 гг. (краткий отчет). Издание Западно-Сибирского музея. Омск, 1928 (цитируется с сохранением орфографии оригинала).

А.В. Стебенева

ИЗ ОПЫТА СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ КОЛЛЕКЦИЙ В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Работа по созданию собственных электронных коллекций в Научной библиотеке Томского государственного университета (НБ ТГУ) началась в 2000 г. Цели и задачи нового направления библиотека определила следующим образом:

- сохранение интеллектуального содержания документов, подготовленных в университете, а также изданий уникального и краеведческого характера, имеющихся в фонде НБ ТГУ, путем перевода их в цифровую форму;
- обеспечение доступа всем категориям пользователей сети к электронным документам;
- развитие информативных возможностей НБ ТГУ.

Приоритетом являются, во-первых, книги, статьи, изобразительные материалы по истории Сибири, города Томска и университета. Во-вторых – документы научного, учебного и методического характера и мультимедийные издания, подготовленные в университете. Кроме того, в числе приоритетных направлений – создание полнотекстовой коллекции авторефератов диссертаций.

Информационный ресурс «Электронная библиотека» представлен на сайте НБ ТГУ (<http://www.lib.tsu.ru>) и включает 8 коллекций. В коллекцию «Публикации по истории Сибири, города Томска, государственного университета» включены краеведческие книги XIX в. – середины XX в. Это уникальные, пользующиеся наибольшим спросом издания из фонда библиотеки, ограниченность экземпляров и физическое состояние которых не позволяют предоставлять их широкому кругу читателей. Среди них «Первый университет в Сибири» (1889), «г. Томск в прошлом и настоящем» (1890), «Обзор Томской губернии за 1882 год» (1883), «Старообрядческий раскол в Томской губернии (по судебным данным)» (1884), «Памяти Порфирия Никитича Крылова» (1951) и другие – пока 13 изданий.

Нужно отметить, что на сегодняшний день библиотека не располагает специализированным сканирующим оборудованием. Но с точки зрения обеспечения физической сохранности печатного оригинала метод цифровой фотосъемки является более предпочтительным (по сравнению с использованием обычных планшетных сканеров). Результаты оцифровки –

графические копии отдельных страниц – сохраняются в JPEG-формате и обрабатываются средствами графического редактора Adobe Photoshop. Подготовленные изображения объединяются в единую логическую структуру в виде электронной книги (формат HTML). Работа по подготовке электронных изданий краеведческой тематики ведется в библиотеке полтора года, и на всех ее этапах задействовано два сотрудника.

The top screenshot shows the homepage of the Tomsk State University Library's digital library. It features a banner about the library's opening in 1888, a sidebar with links like 'Электронный каталог' and 'Новые поступления', and a main content area with sections for publications, monographs, and periodicals. The bottom screenshot shows a historical document titled 'Г. Томск в прошлом и настоящем' from 1890, featuring large decorative initials at the top.

Коллекция «Фотография, графика, живопись» представлена видами Томского университета, а также работами сибирского художника Павла Михайловича Кошарова. Работы П.М. Кошарова имеют большую историко-культурную значимость и ценность. Сибирь во всем своем многообразии – это основная тема живописных и литографированных работ, многочисленных набросков, эскизов, рисунков. Оцифровка работ художника проводилась в рамках совместного российско-американского проекта «Встречи на границах» в 2001 г. В электронной коллекции представлено 4 альбома – всего более 70 графических файлов.

Создание электронной коллекции авторефератов диссертаций, представленных к защите в диссертационных советах ТГУ, было начато в 2003 г. В настоящее время ее пополнение осуществляется на основе текущих поступлений от авторов электронных версий авторефератов одновременно с твердыми копиями. С целью удобного и быстрого просмотра электронных версий авторефератов информация в «Электронной библиотеке» упорядочена по номенклатуре специальностей научных работников. На сентябрь 2005 г. коллекция включает около 400 документов в формате Adobe PDF.

Одно из новых направлений работы – создание электронной коллекции внутривузовских изданий, востребованных в рамках учебного процесса и рекомендованных факультетами и кафедрами университета (монографии, учебно-методические пособия, труды ученых ТГУ) для представления в электронном виде. Переданные в библиотеку оригинал-макеты, авторские и издательские наборы (в основном, в формате MS Word) проходят обязательную процедуру корректировки на предмет наличия всех разделов, оформления документа, а затем конвертируются в формат PDF. Для защиты от некорректного использования принято решение ограничить использование PDF-файлов (ограничение на возможность распечатки файла и копирования информации в буфер). С целью более удобного просмотра PDF-файлы снабжены гипертекстовыми ссылками от содержания документа на соответствующие разделы книги. На сегодняшний день коллекция небольшая по объему и в основном включает полнотекстовые версии монографий, материалов конференций и учебных пособий, переданные в библиотеку преподавателями философского, исторического и филологического факультетов университета.

Доступ к цифровым коллекциям обеспечивается двумя способами. Во-первых, это доступ через электронный каталог библиотеки. Библиографическая MARC-запись на документ в электронном каталоге дополняется полем 856. То есть, для читателя сведения об издании, имеющем

полнотекстовую версию, дополняются информацией «Доступна мультимедиа-ссылка». Вторая точка доступа к полнотекстовым документам – через раздел «Электронная библиотека» на сайте Научной библиотеки ТГУ, что более удобно и быстро для пользователя.

В рубрике «Планируем ...» представлен список документов, готовящихся к размещению в электронной библиотеке в конце 2005 г. – первой половине 2006 г.: оцифрованные издания краеведческой тематики и электронные документы научного, учебного характера. Среди краеведческих книг – «Очерк заселения Сибири в XVI–XVII столетиях» (1906), «Памятная книжка Западно-сибирского учебного округа» (1897), работы Д.Н. Беликова (1985–1906) и другие. От названия документа в указанном списке дана ссылка в электронный каталог, где можно получить информацию о местонахождении, количестве и доступности соответствующего печатного издания.

В заключение необходимо отметить, что в 2006 г. библиотека планирует начать оцифровку сибирских газет XIX – начала XX вв. В конце 2004 г. достигнута договоренность с университетом о приобретении специализированной сканирующей системы. Сканирующая система предоставит широкие возможности для оцифровки документов больших форматов, книг с толстым переплетом, а также возможности дополнительной обработки изображений (коррекцию кривизны страниц, удаление дефектов оригинала и так далее). Кроме того, библиотека надеется на развитие сотрудничества с авторами – учеными, преподавателями Томского государственного университета в предоставлении электронных версий документов научного и учебного назначения, поскольку только совместными усилиями можно создать электронную библиотеку как средство распространения научных и учебно-методических ресурсов в информационном научно-культурно-образовательном пространстве.

М.А. Федорова

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТОВ ЦЕНТРА ДОКУМЕНТАЦИИ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЛЕКЦИЙ И ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ
С ПЕДАГОГАМИ**

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ГУ ЦДООСО) – один из крупнейших областных архивов. Он создан 12 декабря 1991 г. решением Главы администрации Свердловской области в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 24 августа 1991 г. на базе бывшего партийного архива. [1. С. 7]. В составе Центра был создан отдел использования и публикации документов, работа которого стала одним из приоритетных направлений деятельности архива.

В первые годы своего существования Центр столкнулся с проблемой негативного отношения к КПСС и ко всему, что с ней связано. Поскольку комплекс документов ЦДООСО состоял, в основном, из документов Коммунистической партии, интерес к ним резко сократился. Работники отдела использования и публикации документов ЦДООСО поставили своей задачей привлечение внимания общественности к документам архива и отстаивание их высокой исторической ценности. С этой целью работники отдела организовывали и проводили выставки, лекции, беседы, занятия, встречи с общественностью, использовали документы в телевидении и радиопередачах, публикации.

В 1999–2004 гг. работники отдела использования и публикации документов ЦДООСО проводили занятия с учащимися курсов повышения квалификации по специальности «Историческое краеведение в системе дополнительного образования (с основами музееведения)» при объединении «Дворец молодежи». Занятия проводились на основании предварительной договоренности с методистом отделения по туризму и краеведению этого объединения.

Обучаемыми на занятиях были, в основном, педагоги и методисты образовательных и культурных учреждений городов и районов Свердловской области (школ-интернатов, детских домов, гимназий, лицеев, профессиональных училищ, а также Центров детского творчества, клубов, станций юных натуралистов.) Из указанных категорий слушателей многие являлись одновременно руководителями школьных музеев. Среди

обучаемых находились и заместители директоров школ по воспитательной, внешкольной и внеклассной работе. По просьбе прослушавших лекции педагогов были проведены занятия, подобные тем, которые проводились с учителями, и с их учениками. Всего занятий с педагогами и учениками за 1999–2004 гг. было проведено 22, на каждом занятии присутствовало в среднем по 10 человек.

Целью занятий было формирование у слушателей общего представления об архиве, архивных делах, архивных документах и порядке использования их исследователями в читальном зале ЦДООСО. С этой целью были проведены лекции по истории архива, составе его документов, о работе: его отделов, исследователей в читальном зале в соответствии с требованиями «Правил работы пользователей в читальных залах Государственных архивов Российской Федерации от 06.07.98 г.»; экскурсии в хранилища архива. Практическое применение полученных знаний было реализовано в виде работы учителей и их учеников с документами по интересующим их темам. Некоторые педагоги по их желанию были оформлены исследователями и в дальнейшем продолжали работу с документами ЦДООСО в читальном зале архива.

Педагогов интересовали следующие темы: история городов, сел, поселков Свердловской области и школ этих населенных пунктов. Тематика исследований была заранее известна работникам отдела использования и публикации документов архива, дела были подобраны и принесены в читальный зал.

В лекциях было акцентировано внимание учащихся на обучении работе с описями и оформлении заявки на выдачу документов, что сопровождалось демонстрацией соответствующих материалов. Также слушателям объяснялось, как правильно составлять выписки из документа (в частности, указывалась характерная ошибка – отсутствие в выписке поисковых данных документа).

На практических занятиях педагоги учились правильно оформлять личное заявление на имя директора ЦДООСО с просьбой о разрешении работать с документами архива, заполняли анкеты исследователей установленного образца. Знакомство педагогов с научно-справочным аппаратом архива происходило при поиске информации по интересующим их темам. В соответствии со спецификой архива педагогам были выданы описи фондов ЦДООСО: горкомов и райкомов КПСС и ВЛКСМ Свердловской (Уральской) области; первичных партийных организаций образовательных и культурных учреждений (средних школ, детских домов, школ-интернатов, профессиональных училищ, Дворцов пионеров и

школьников и т.д.). Некоторые педагоги пользовались Кратким справочником по фондам ЦДООСО; перечнями вопросов, рассмотренных на бюро партийных органов областного, городского и районного уровня; картотекой воспоминаний о Гражданской и Великой Отечественной войнах; электронным тематическим перечнем. Также с целью поиска информации о бывших директорах школ, выдающихся деятелях городов и др. населенных пунктов области, родственниках педагогов были использованы базы данных архива, позволяющие находить по фамилии и инициалам членов КПСС шифры личных дел и учетных карточек коммунистов.

После ознакомления педагогов с научно-справочным аппаратом архива ими были заполнены листы – заявки на выдачу документов, были выданы заказанные дела. При необходимости дополнительно индивидуально разъяснялся порядок заполнения документов. Дела, выбранные учителями, но не принесенные заранее в читальный зал, были получены ими в установленном порядке, как рядовыми исследователями.

Следующей задачей практических занятий было обучение педагогов и учащихся составлению выписки из документа, с чем большинство с успехом справились.

При проведении лекций для учеников учитывался юный возраст слушателей (11–17 лет). Информация об архиве подавалась в доступной форме. Практические занятия состояли для них в ознакомлении с описями и составлении заявок на выдачу дел. В отличие от занятий с педагогами, когда каждый из них изучал документы по своей теме, на занятия с педагогом и группой его учеников подбирались документы по какой-то одной определенной теме (в основном, по истории их населенного пункта или средней школы). Ученики, после получения заказанных ими дел, под руководством своего учителя делали выписки из документов.

Результатом проведения занятий с учителями было информирование большого количества педагогов о наличии необходимых им сведений в фондах архива; приток в архив новых исследователей, способных грамотно и четко работать в соответствии с требованиями «Правил работы пользователей в читальных залах Государственных архивов Российской Федерации от 06.07.98 г.». Проделанная работа показала эффективность проведения подобных занятий.

Примечания

1. Краткий справочник по фондам Центра документации общественных организаций Свердловской области. Екатеринбург, 1996.

В.Н. Смирнов

ЭЛЕКТРОННЫЙ ФОНД ПОЛЬЗОВАНИЯ

Обеспечение сохранности – первая и основная функция любого архива. Другая, не менее важная функция архива – обеспечение оперативного доступа к архивным документам по запросам организаций, граждан и исследователей. Полноценное и разностороннее использование документальных богатств архивов возможно лишь при их открытости и наличии свободного доступа к научно-справочному аппарату и архивным документам. Копии архивных документов, находящиеся в открытом доступе, составляют основу фонда пользования архива.

Традиционный фонд пользования на макроносителях

Традиционно, наиболее востребованные фонды, документы представляющие историческую ценность, важные государственные документы подлежат микрофильмированию и являются основой страхового фонда архива, задача которого как можно дольше продлить жизнь архивного документа.

Обычная практика работы по запросам от исследователей в архиве такова: производится поиск необходимой информации об архивном документе по научно-справочному аппарату архива (НСА) и выписываются требования на выдачу найденных по НСА дел. В результате исследователь получает бумажную копию (часто выдают и оригинал) дела, либо копию дела на макроносителе – микропленке/микрофише.

Такая технология обработки запросов, поступающих от организаций, граждан и исследователей в архив, имеет ряд недостатков:

- количество выдаваемых дел по запросу ограничено. Для изучения исследователем определенной темы требуется много времени, которое тратится на поиск и выдачу дел из архивохранилища;

- выданные дела (микрофиши/микрофильмы) доступны только одному исследователю и временно покидают полки архивохранилища;

- наиболее востребованные фонды, редкие архивные документы, проходя через сотни рук и подвергаясь физическому воздействию, портятся. Зачастую состояние этих фондов таково, что их уже не выдают на руки исследователям и документы лежат на полках, дожидаясь

исследователям и документы лежат на полках, дожидаясь реставрационных работ;

– ветхие и уникальные фонды в большинстве случаев не доступны для исследований.

Фонд пользования на основе электронной копии документа

Стремительное развитие современных информационных технологий, постоянное снижение себестоимости единицы хранения информации, появление носителей, обеспечивающих срок хранения информации более 50 лет, позволяют кардинально изменить представление о технологии создания фонда пользования архива – его основой становится электронная копия документа.

Преимущества, связанные с созданием фонда пользования на основе электронной копии документа, очевидны. В их числе:

- обеспечение многопользовательского доступа к электронной копии документа, в том числе on-line доступа средствами Интернет;
- надежная сохранность цифрового изображения документа;
- возможность многократного копирования документа без потери качества;
- обеспечение практически мгновенного доступа к электронной копии документа с помощью ИПС (информационно-поисковых систем);
- значительное уменьшение объемов архивохранилища (1000 кратное и более уменьшение объемов за счет использования современных технологий хранения информации на оптических дисках);
- опережающие темпы развития технологии оцифровывания документов, по сравнению с аналоговыми технологиями (микрофильмирование).

В настоящее время говорить о переводе всех архивных документов в электронный вид не приходится ввиду колоссальных временных и денежных затрат (федеральные архивы содержат миллионы единиц хранения, а это сотни миллионов страниц архивных документов).

Электронный каталог архива

Информация о кратком описании архивного документа, его места расположения в архивном хранилище содержится, как правило, в описях или карточках каталога.

Электронный Каталог Архива (ЭКА) представляет собой совокупность записей БД и информационно-поисковой системы.

Для создания ЭКА необходимо проведение следующих работ:

- сканирование описей, карточек, т.е. получение их электронных (графических) образов;
- ретроконверсия, то есть ввод текстовой информации из электронных образов описей, карточек в БД;
- создание ИПС на основе проиндексированных записей в БД;
- организация надежного хранилища электронных образов.

Электронные коллекции фондов

Электронные коллекции архива – это массивы высококачественных графических образов, объединенные в информационной среде архива в рамках единого фонда, либо существующие как отдельные информационные ресурсы.

Документы, которые в первую очередь подлежат обработке, с целью создания электронных коллекций, это:

- наиболее значимые фонды и коллекции;
- редкие и особо ценные документы и/или книги.

Электронные коллекции книг

Создание электронных коллекций книг проводится по специальной технологии, которая обеспечивает полную сохранность оригинала. Так, для сканирования книг используются специальные книжные сканеры. Соответственно оригинал не деформируется и не портится от осветителей (используется так называемый «холодный свет»).

Технология создания электронных книг подразумевает преобразование файлов из TIFF-формата (результат сканирования) в специальный формат PDF (Portable Document Format), который является стандартом де-факто создания электронных книг.

- достоинства создания электронных коллекций;
- сохраняются ценные фонды архива;
- возможность создавать высококачественные макеты;
- создание коллекций электронных книг;
- тиражирование электронных коллекций на компакт-дисках;
- простота и легкость подготовки факсимильных изданий;
- многопользовательский доступ к коллекциям.

Электронный архив

Создание электронного каталога, электронных коллекций фондов, электронных коллекций книг – это те работы, которые подводят нас к задаче создания полнофункционального электронного архива.

Электронный архив – это уникальный инструмент для работы с электронным «фондом пользования», сочетающий в себе функции:

- оцифровывания документов;
- описания (индексации) документов;
- работа с НСА архива в электронном виде;
- управление электронными образами документов (разграничение прав доступа и т.д.);
- надежного хранения.

Е.А. Острова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ «МУЗЕЙ-3» В ПРАКТИКЕ РАБОТЫ ОТДЕЛА УЧЕТА ГУК «МУЗЕЙ им. М.А. ВРУБЕЛЯ»

Современные информационные технологии в организации работы с документами в музейной практике связаны, в первую очередь, с учетной документацией музея. Согласно Инструкции по учету и хранению музейных ценностей в государственных музеях СССР (Москва, 1984), музей обязан вести и хранить постоянно следующую юридическую документацию:

- акты приема предметов на временное хранение;
- акты приема предметов на постоянное хранение;
- книги поступлений;
- инвентарные книги.

Еще совсем недавно, а во многих небольших музеях и до сих пор, акты печатались с помощью пишущей машинки, а книги писались от руки.

В настоящее время все большее распространение среди музейщиков получают специализированные музейные программы такие, как «Музей» ГИВЦ МК РФ и «КАМИС» фирмы «Альт-софт». В нашем музее программа «Музей-3» появилась в ноябре 2003 г., которая позволила нам существенно изменить организацию работы с документами. Программа «Музей-3» представляет собой базу данных о музейных предметах и позволяет вести учет движения предметов (рис. 1).

Печать актов, а также книг поступлений и инвентарных книг стала теперь очень простой (рис. 2, 3). В результате мы имеем возможность сократить до минимума первый ввод данных, ошибки в информации о предмете. Мы можем проследить историю «жизни» предмета начиная от его поступления в музей, участие его в выставочной деятельности, изменения в его сохранности и реставрации, включения в различные каталоги и многое другое (рис. 4). Одной из немаловажных проблем в учете музейных предметов всегда было отсутствие единого документа по предмету, теперь вся информация аккумулируется в одном месте и может быть оформлена в единый документ.

База данных позволяет решить проблему поиска данных по документам. При переносе всей информации из актов и книг нет необходимости лишний раз обращаться к рукописным документам, что значительно

улучшает их сохранность. Она же решает проблему так называемой потери документа, особенно в начале освоения компьютера пользователи хранят файлы бессистемно, что потом затрудняет их поиск. В базе данных хранятся все акты, сформированные в ней, и их всегда легко можно найти и распечатать вновь, если потребуется.

Надо отметить, что до появления программы «Музей-3» мы с 1992 г. занимались вводом данных о предметах, сначала в программу «Музей», затем в 1996 г. она была преобразована в базу данных «Каталог» (это была разработка нашего программиста) на базе Microsoft Access, которую затем и конвертировали в «Музей-3» (правда, с потерями некоторых данных).

В настоящее время фирма «Электронный архив» предлагает еще один путь работы с документами. С помощью сканеров и специализированных программ они переводят рукописные книги в электронный формат. Наш музей планирует в 2006 г. перевести в такой формат первые инвентарные книги нашего музея, написанные в 1924–1930 гг.

Работа с такими электронными документами требует от сотрудников музея новых знаний, теперь недостаточно владеть Word, необходимо осваивать новые программы. Это, наряду с низким уровнем технического обеспечения музеев, приводит к торможению внедрения в практику такой работы.

Конечно, ни одна из существующих программ не может в полной мере удовлетворить всем требованием, но программы развиваются, и это внушиает оптимизм.

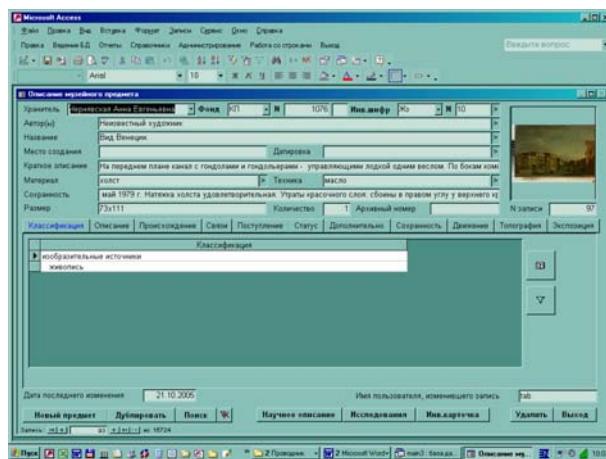

Рис. 1. Общий вид карточки предмета в программе «Музей-3»

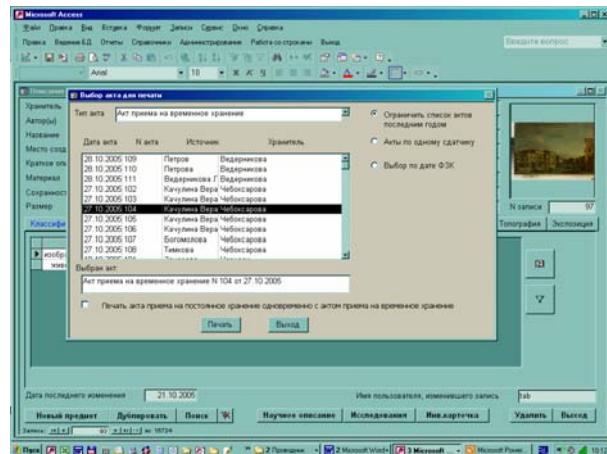

Рис. 2. Формирование акта приема на временное хранение

ГУК "Музей имени М.А. Врубеля" УТВЕРЖДАЮ Директор _____ Конников Б. А. _____ 2005 г.							
АКТ № 104 приема предметов на временное хранение до рассмотрения на ФЗК от 27 октября 2005 г.							
<p>Настоящий акт составлен представителями музея с одной стороны:</p> <p>Главный хранитель Заместитель главного хранителя заместитель отв. по учету заместитель отв. по коллекции заместитель отв. по охране</p> <p>ООО Музей М. А. Врубеля, с другой стороны, в том, что первые привнесли, а вторая сдала на временное хранение до рассмотрения на ФЗК в Государственное учреждение культуры Омской области</p> <p>“Омский областной музей изобразительных искусств имени М. А. Врубеля” следующие предметы:</p>							
№ п/п	Наименование, датировка, материал, КЛВХ Сопричность						
1	19,7x13 см.03 Иллюстрация к книге, литература и текстиль. Искусство книги, литературы и текстиля из коллекции музея. Омск, обл. музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля, сост. Л. Г. Чебоксарова [илл. иллюстр. ст.], М. А. Абдуллин, науч. ред. Л. К. Егеманова - Омск : [б.н., 2005]. Т. 1. Книги о книге и, что известно о книге. - Т. 2. Книги о книге и продолжавшемся издании в коллекции редкой книги, Вып. 40. - Омск : [бюджетное учреждение образования Омской области], 2005. - 160 с. : ил. - Журнал Искусство в сокровищах отечественной редкой книги. Омского областного музея изобразительных искусств имени М. А. Врубеля. - Тираж 60 экз. (в обл.) 60 экз.						
Всего по акту принесено 1 (один) предмет на сумму 0,00 р. Акт составлен в электронных и прочих подтверждениях его лицам.							
<table border="1"> <tr> <td>Приемка</td> <td>Чебоксары Л. Г.</td> </tr> <tr> <td>Сдана</td> <td>Качулина Вера Владимировна</td> </tr> <tr> <td>Присутствовали:</td> <td>Черепанова А. Е. Острова Е. А.</td> </tr> </table>		Приемка	Чебоксары Л. Г.	Сдана	Качулина Вера Владимировна	Присутствовали:	Черепанова А. Е. Острова Е. А.
Приемка	Чебоксары Л. Г.						
Сдана	Качулина Вера Владимировна						
Присутствовали:	Черепанова А. Е. Острова Е. А.						

Рис. 3. Акт временного хранения сформированный в WORD

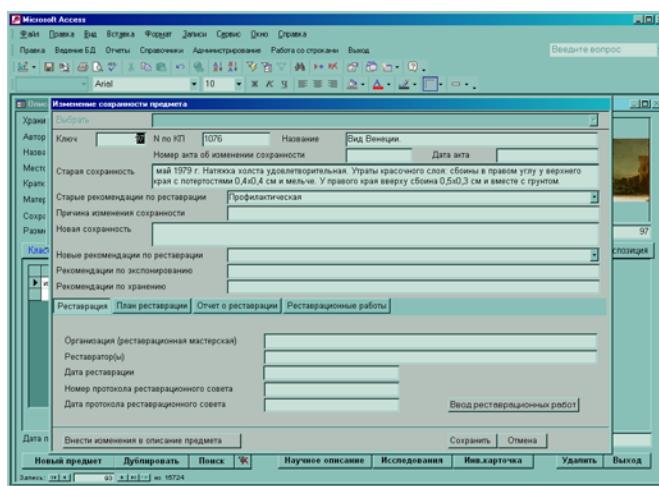

Рис. 4. Вид карточки изменения сохранности

О.А. Жеравина

**БИБЛИОТЕКА САЛАМАНКСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В XV–XVI вв.**

Применительно к сфере образования документоведение рассматривает библиотеки как основу системы информационных ресурсов [1. С. 283]. В этой связи представляет несомненный интерес университетская библиотека как феномен средневековой европейской культуры, полноценно функционирующий в современном мире и отнюдь не исчерпавший возможностей своего поступательного развития. В исторической ретроспективе ряд существенных аспектов жизнедеятельности этого важнейшего университетского подразделения обнаруживает целый спектр проблем, не теряющих своей актуальности. Обратимся к опыту знаменитого кастильского университета в сфере формирования и сохранности библиотечных фондов.

Библиотека Саламанкского университета была одной из первых университетских библиотек Европы. Основанная королем Альфонсом X в 1254 г., в наши дни, наряду с Национальной Библиотекой и Библиотекой Эскориала, она является богатейшей в Испании по своему собранию старинных рукописей и книг.

С момента своего возникновения библиотека университета становится его неотъемлемой частью, что закреплялось в университетских уставах, а ее текущие проблемы рассматривались и решались на заседаниях учченого совета. Так, комплектование библиотечного фонда предусматривалось уставом 1422 г., предписывавшим университетской администрации выделять на это средства из общих доходов корпорации. Известно, что в конце 60-х гг. XV в. библиотека Саламанкского университета насчитывала около 200 книг.

В конце XV – первой четверти XVI в. университет ведет строительство и обустройство новой библиотеки. В этот период, очевидно, пополнение фондов вряд ли могло осуществляться сколько-нибудь значительно. Однако с 30-х гг. XVI в. эта деятельность заметно активизировалась, что нашло свое отражение в протоколах университетского совета. Так, на его заседании 19 ноября 1531 г. было решено купить у книготорговцев Саламанки и Медины дель Кампо книги по гражданскому и каноническому праву на 375 000 мараведи. В апреле следующего года было потрачено на

покупку книг 120 000 мараведи. В протоколе от 4 мая 1587 г. зафиксировано обращение каноника Франсиско Санчеса, получившего информацию о библиотеке покойного кардинала Мендосы. Библиотека «большой ценности и значения, насчитывающая множество редких книг, как печатных, так и рукописных», находилась в Бургосе. «Если университет захочет приобрести эту библиотеку, ему продадут ее по очень хорошей цене», сообщал каноник. Совет поручил ему написать в Бургос с просьбой прислать в Саламанку список книг кардинала с тем, чтобы члены совета могли его изучить и решить, «какие из книг являются наиболее подходящими для университетской библиотеки» [2. С. 373].

5 ноября 1588 г. на совете было зачитано обращение К. Калвете де Эстрелья, предлагающего университету свою библиотеку. В письме говорилось, что библиотека «является одной из самых больших в Испании. В ней собраны произведения, хорошо написанные и оформленные». «Он хотел бы, – записано в протоколе, – оставить ее как вечную память о своем имени в нашем университете. И во исполнение этого он просит купить столь редкую библиотеку для украшения университета» [2. С. 382–383].

Фонд библиотеки пополнялся также за счет частных дарений. Так, в XV в. были получены книги в дар от Хуана де Сеговии, канцлера Хуана де Камарго, каноника Алонсо Ортиса; в XVI в. библиотеке была передана богатая коллекция греческих и латинских книг Эрнана Нуньеса.

В третьей четверти XVI в. библиотека Саламанкского университета переживала не лучшие времена, отмеченные определенным застоем в ее деятельности; фонды в это время почти не пополнялись. В период наступившей контрреформации существенный урон библиотеке наносили проводившиеся чистки, которые квалифицировались как «освобождение» от еретических и не одобренных инквизицией книг. Бывали годы, когда библиотека университета была вообще закрыта для читателей. Устав 1561 г. предписывал открывать библиотеку на 2 часа утром и 3 – после обеда во все дни, когда читались лекции в университете. Для проверки фондов библиотеки и выявления потерь была учреждена обязательная ежегодная инспекция библиотеки. Такую контрольную проверку должны были проводить доктора и магистры всех факультетов после начала учебного года.

Факты порчи и даже хищения книг были нередкими; при этом очевидной проблемой было и невозвращение книг. Если небрежность в обращении с книгой в читальном зале библиотеки могли проявлять самые разные категории университетских читателей, что пресекать надлежало специальному служителю, то должностными становились преимущественно

профессора в силу отсутствия в ту эпоху сколько-нибудь широкой практики выдачи книг на дом. Совет университета нередко вынужден был напоминать своим членам об обязанности возврата библиотечных книг.

Вместе с тем есть свидетельства, рисующие весьма благополучную картину бытования библиотеки Саламанкского университета в последней четверти XVI в. Автор вышедшей в 1595 г. второй части известного труда «Величие и достопримечательности Испании» Диего Перес де Месса дает следующее описание университетской библиотеки в «благороднейшем городе Саламанке»: «...в университете есть огромная зала с высокими сводами, где располагается библиотека, которая является крупнейшей в Испании. По всем сторонам там стоят высокие шкафы, и сверху донизу все они заполнены книгами. В этом зале имеется также множество пюпитров... и повсюду расставлены скамьи для тех, кто занимается. Там бесчисленное множество книг по всем наукам, и многие в двух и даже трех экземплярах; все они закреплены цепями, расставлены по наукам и профессиям, а также по языкам... Там всегда есть служащий, который, проходя по всей этой зале, расставляет небрежно или неправильно поставленные книги и постоянно следит за тем, чтобы не рвали цепи или листы из книг. Сейчас университет стремится обновить эту библиотеку новыми книгами и сделать ее всегда открытой с тремя или четырьмя служащими» [3. С. 592].

В начале XVII в. по распоряжению доктора Роко де Кампофрио, назначенного инспектировать университет, был проведен учет всех имевшихся на тот момент книг в университетской библиотеке. Проверка выявила любопытные результаты векового формирования книжного фонда. В пропорциональном отношении структура фонда отражала иерархию наук и факультетов университета, где приоритетными направлениями являлись теология, гражданское и каноническое право. Однако в содержательном плане заметным было преобладание раннехристианских авторов и отсутствие работ теологов XVI в. При этом неплохо представлены были в фонде труды античных авторов и итальянских гуманистов. Отметим, что число учченых библиотечных книг составляло не очень внушительную цифру для университета эпохи его расцвета: к 1610 г. в библиотеке Саламанкского университета насчитывалось около 1250 книг.

Очевидное несоответствие параметров одного из ведущих европейских университетов эпохи относительно скромным объемам его библиотечного фонда таковым на деле не являлось. Информационные ресурсы в системе университетской корпорации формировались в условиях и рамках развития последней. XVI в. для Саламанкского университета был

временем роста числа и значимости коллегий. Они-то в стремлении к учебной и научной самодостаточности и создавали свои весьма богатые библиотеки, в силу чего собственно университетская библиотека становилась в Саламанкском университете лишь частью его системы информационных ресурсов.

Примечания

1. Ларьков Н.С. Документоведение: Учебное пособие. Томск: Том. гос. ун-т, 2005.
2. Beltran de Heredia, V. Cartulario de la Universidad de Salamanca. Salamanca, 1970.

И.А. Крайнева

АРХИВ АКАДЕМИКА А.П. ЕРШОВА КАК ИСТОЧНИК ПО СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

Архив академика А.П. Ершова (1931–1938) хранится в Мемориальной библиотеке его имени в Институте систем информатики СО РАН в г. Новосибирске. Он охватывает период с начала 50-х гг. и до конца 80-х гг. XX в. Документы собраны по тематико-хронологическому принципу в более 550 папках.

В 2000 г. при финансовой поддержке Microsoft Research началась работа по созданию электронной версии архива. В настоящее время она близка к завершению. Исследователи по истории науки теперь получат доступ к огромному систематизированному массиву документов.

Первые публикации на основе материалов архива были сделаны сотрудниками Института [1], некоторые документы издавались в сборниках по истории кибернетики под редакцией Я.И. Фета [2]. К 75-летию со дня рождения А.П. Ершова подготовлена книга «Андрей Петрович Ершов – ученый и человек», которая будет издана в будущем году. В нее вошли воспоминания коллег, учеников и друзей А.П. Ершова – зарубежных и отечественных. Кроме этого публикуются статьи, письма, стихи и документы из обширного архива ученого.

О формировании и развитии сибирской школы информатики и программирования, создателем которой является А.П. Ершов, недавно был подготовлен основательный доклад сотрудником института истории СО РАН Н.А. Куперштох [3]. В настоящем сообщении хотелось бы обратить внимание на некоторые группы документов, отражающих жизнь и быт научного сообщества Новосибирского Академгородка 1950–1980-х гг.

Судьба А.П. Ершова типична для человека его поколения и социального типа. В своей биографии он пишет, что в 1942–1943 гг. он провел шесть месяцев на оккупированной немцами территории – ему было в то время 11 лет. Этот факт впоследствии сыграл зловещую роль в судьбе будущего ученого, когда он поступал на физический факультет МГУ – ему было предложено выбрать любой другой. Ершов выбрал механико-математический факультет и был среди тех его выпускников, кого потом называли пионерами отечественного программирования. В конце 1950-х гг. Ершов в числе энтузиастов, согласившихся вслед за своими учителями – из-

вестными учеными – ехать в Сибирь, чтобы принять участие в создании здесь научного центра. Там он активно занимался формированием и определением научной тематики отдела программирования.

В архиве, помимо научных работ А.П. Ершова, хранятся и другие важные источники по истории науки. Это дневник заведующего отделом, путевые заметки, которые он скрупулезно делал во время своих многочисленных поездок по стране и за рубеж, интервью с ведущими учеными Академгородка: основателем Сибирского отделения АН СССР академиком М.А. Лаврентьевым, директором Института экономики А.Г. Аганбегяном. К этой тематической группе документов можно отнести статьи и эссе, посвященные как отдельным проектам, над которыми работал Ершов и возглавляемый им отдел программирования ВЦ СО АН СССР, так и материалы по истории информатики и программирования в целом. Одной из первой в этой серии работ была статья «АЛЬФА-рождение» о создании АЛЬФА-транслятора – автоматической системы программирования, нашедшей широкое применение в практике решения задач вычислительной математики. В 1976 г. вышел совместный с М.Р. Шурой-Бурой труд «Становление программирования в СССР» [4], а в 1981 г. А.П. Ершов готовил материал «25 лет информатики в ВЦ СО АН СССР», который частично вошел в буклет, посвященный СО АН СССР. В свое время эти работы были опубликованы, но тираж был настолько мал, что сейчас они стали библиографической редкостью. Очерки о ближайших соратниках А.П. Ершова Г.И. Кожухине, Г.А. Звенигородском, своем первом преподавателе программирования А.А. Ляпунове, о коллегах по цеху Г.И. Макарчуке, Э.В. Дейкстре раскрывают не только образы людей из числа первых программистов, но и характеризуют направления научных поисков того периода. В архиве имеются документы комиссии по изданию научного наследия А.А. Ляпунова, председателем которой был А.П. Ершов [5. Л. 13–17].

Сохранились рукописи работ, в которых нашли отражение мировоззренческие, философские аспекты программирования – это тексты выступлений академика А.П. Ершова «О человеческом и эстетическом фактонах в программировании» (1972), «Программирование – вторая грамотность» (1981), «Два облика программирования» (1982), «О жизненной позиции научного сотрудника» и другие [6].

Многочисленные публичные выступления А.П. Ершова, будь то заседания отдела, методологические семинары, митинг солидарности, выступления перед научной, партийной, образовательной аудиторией, раскрывают дух Новосибирского Академгородка в начальной стадии формиро-

вания его как нового научного центра. Сохранились материалы выступлений Ершова, во время которых он вел дискуссии с аудиторией. Записки слушателей к нему свидетельствуют о живом интересе публики к новой науке – программированию [7].

Непросто складывались отношения у него с партийным руководством. По материалам архива академика А.П. Ершова можно охарактеризовать их отношения как деловое партнерство. Научная добросовестность, взыскательная доброжелательность и личная порядочность позволяли Андрею Петровичу снискать доверие «руководящей и направляющей силы» и отстаивать интересы дела. Эти взаимоотношения положительно оказались на работе А.П. Ершова по компьютеризации школы: речь идет о Государственной программе, подготовленной и осуществленной им и его соратниками за 4–5 лет, начиная с 1984 г.

В архиве сохранились документы, отразившие драматические страницы социальной истории научного сообщества: материалы, касающиеся начала отъезда советский ученых за рубеж (протокол общего собрания отдела программирования, характеристики и заключения Ученого совета) [8. Л. 252–267]. Интерес представляет рукопись отчета журналистки из газеты «Наука и Сибирь» Н. Бородиной о заседании общества «Память» [9. Л. 112–117].

Эпистолярное наследие А.П. Ершова насчитывает сотни писем, освещавших его деловые, научные и дружеские контакты. В списке его адресатов всемирно известные ученые (Д. Кнут, Д. Бьюнер, Д. Парнас, Дж. Маккарти, Н. Вирт, Ю. Манин, В. Глушков, М. Келдыш и др.), писатели (В. Соловьев), художники (М. Златковский), программисты-практики, учащиеся школ. Сохранились трогательные по содержанию документы. Например, зарисовка об известном физике, директоре ИЯФ СО АН СССР Г.И. Будкере: Однажды А.П. Ершов видел, как Будкер катается на коньках. После смерти этого ученого, он, желая доставить приятное Алле Александровне Мелик-Пашаевой, вдове ученого, записал свое наблюдение [10. Л. 370].

В целом, документы архива позволяют воссоздать уникальную картину жизни советских ученых в 1960–1980-х гг. Бытовые зарисовки А.П. Ершова острумы и точны в деталях: он одинаково хорошо писал и рисовал. Один его рисунок передает интерьер дома зарубежного коллеги. В короткой заметке он описал новогодний вечер, который отдел программирования ВЦ СО АН СССР проводил во вновь открытом кафе. Тезисы выступления на телевидении «Академгородок в моей жизни» (1979) содержат краткую, но исчерпывающую характеристику особенностей го-

родковского быта [11. Л. 152]. В деловых бумагах сохранились объяснительные записки сотрудников за допущенные повинности, приказы и разнарядки на сельхозработы, ходатайства об улучшении жилищных условий и устройстве детей в детский сад.

Материал подготовлен при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-03-12304.

Примечания

1. Крайнева И.А., Черемных Н.А. Архив академика А.П. Ершова // Традиционные и новые направления в музейной практике. Музейные чтения. Новосибирский областной краеведческий музей. 2000; Крайнева И.А., Черемных Н.А. Личный архив академика А.П. Ершова в Интернете // Отечественные архивы. 2001. № 5.
2. Очерки истории информатики в России / Сост. и ред. Д.А. Поспелов, Я.И. Фет // Новосибирск, 1998. История информатики в России. Ученые и их школы. 2003.
3. Куперштх Н.А. История сибирской школы информатики академика А.П. Ершова // Модернизация национальной системы высшего образования и проблемы интеграции России в мировое образовательное пространство: Материалы Всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2005.
4. Ершов А.П. «АЛЬФА-рождение» или как создавалась система автоматического программирования // За науку в Сибири. 1965. 18 янв.; А.П. Ершов, М.Р. Шура-Бура Становление программирования в СССР: Начальное развитие. Новосибирск, 1976. (Препр. АН СССР, Сиб. отделение: ВЦ; № 12).
5. Архив А.П. Ершова. П. 238.
6. Библиография трудов А.П. Ершова // <http://ershov.iis.nsk.su/ershov/russian/scient.html>
7. Архив А.П. Ершова. П. 476, 490, 551.
8. Архив А.П. Ершова. П. 532.
9. Архив А.П. Ершова. П. 460.
10. Архив А.П. Ершова. П. 209.
11. Архив А.П. Ершова. П. 188.
12. <http://ershov.iis.nsk.su>

Н.А. Куперштох

ИСТОРИЯ СИБИРСКОЙ ШКОЛЫ ИНФОРМАТИКИ АКАДЕМИКА А.П. ЕРШОВА

В последние десятилетия среди исследователей отечественной науки и техники продолжает нарастать интерес к изучению истории зарождения и развития отдельных отраслей знания. К их числу можно отнести и информатику. В середине XX в. для обозначения нового бурного развивающегося направления был введен термин «кибернетика», который в начале 1980-х гг. сменил термин «информатика», воспринимаемый обычно как синоним английского «Computer Science».

Необходимость изучения истории информатики специалисты справедливо аргументируют тем, что она заключает в себе ценный научно-образовательный и воспитательный потенциал. Кроме того, сбор, обработка и сохранение данных о важнейших событиях и личностях этой истории являются первостепенной задачей для дальнейшего успешного развития информатики. Среди тех, кто активно способствует развитию исследований по истории информатики в России и Сибири, можно назвать Я.И. Фета, Д.А. Поспелова и других. Ими была подготовлена серия ярких работ, на которые активно ссылаются современные исследователи-науковеды [1].

Другой формой изучения истории информатики является создание электронных архивов отдельных ученых. Один из таких архивов создан в Институте систем информатики (ИСИ) Сибирского отделения РАН (СО РАН). В нем сосредоточены интереснейшие материалы о жизни и научной деятельности академика А.П. Ершова. Работа по созданию архива началась в 2000 г. В настоящее время массив документов представлен на сайте <http://ershov.iis.nsk.su>. Реализация проекта состоялась при поддержке Microsoft Research, благодаря усилиям энтузиастов своего дела Н.А. Черемных и И.А. Крайневой, которые не только систематизировали документы, сделали их доступными для исследователей, но и в популярной форме рассказали о работе архива в специальных публикациях [2].

Документы архива отражают огромную научную и организационную деятельность А.П. Ершова в СО РАН в качестве председателя научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика» АН СССР, руководителя других всесоюзных комитетов и комиссий, во многом определявших пути развития программирования и вычислительной техники.

Между тем приходится констатировать, что документы электронного архива А.П. Ершова до сих пор недостаточно введены в научный оборот. Цель статьи – на основе анализа документов архива проследить формирование и развитие сибирской школы информатики, основателем которой являлся академик А.П. Ершов.

Андрей Петрович Ершов (1931–1988), крупный российский ученый, известный специалист в области теоретического и системного программирования. Его существенный вклад в становление информатики как новой отрасли науки и нового феномена общественной жизни широко признан в нашей стране и за рубежом. Научные интересы А.П. Ершова сформировались в начале 1950-х годов во время учебы в МГУ на механико-математическом факультете. Наставниками А.П. Ершова были академики С.Л. Соболев, М.В. Келдыш, А.А. Ляпунов и другие. Особую роль в становлении новой дисциплины – программирования на ЭВМ – сыграл, по воспоминаниям А.П. Ершова, А.А. Ляпунов, задачей которого являлось знакомство группы, специализировавшейся на кафедре вычислительной математики, с ЭВМ и способами их использования. По существу, это был первый в СССР курс программирования, хотя в то время это слово еще не употреблялось. Впоследствии А.П. Ершов писал, что многие из студентов А.А. Ляпунова «...заликли основы отделов программирования в Институте прикладной математики, в вычислительных центрах АН СССР, МГУ, а позднее и в СО РАН» [4. Л. 243–247].

После окончания МГУ А.П. Ершов поступил на работу в Институт точной механики и вычислительной техники – организацию, в которой формировался один из первых советских коллективов программистов. В 1957 г. его назначили заведующим отделом автоматизации программирования во вновь созданном Вычислительном центре АН СССР. Как и большинство отечественных программистов, Андрей Петрович начинал с работ по созданию алгоритмов численных методов и стандартных программ для ЭВМ «Стрела» и БЭСМ. Однако уже тогда в круг его научных интересов вошли проблемы автоматизации программирования. Изданная в 1958 г. книга А.П. Ершова «Программирующая программа для Быстро действующей электронной счетной машины» была первой в мировой литературе монографией по автоматизации программирования. В 1959 г. она была переведена на английский язык и издана в Англии. Начало работ А.П. Ершова в этом направлении было положено операторными схемами, предложенными А.А. Ляпуновым.

Становление ведущих научных школ по информатике было связано с именами ярких личностей. В Киеве – это В.М. Глушков, в Москве – А.А. Ляпунов и М.Р. Шара-Бура, в Новосибирске – их более молодой соратник А.П. Ершов.

В 1957 г. было создано Сибирское отделение АН СССР, а год спустя началось формирование ядра будущей новосибирской школы информатики – отдела программирования Института математики СО АН СССР. Директор этого института, академик С.Л. Соболев предложил А.П. Ершову взять на себя обязанности организатора и фактического руководителя отдела. Несмотря на молодые годы, А.П. Ершов к тому времени уже стал известным специалистом в области программирования. Первыми сотрудниками отдела стали выпускники университетов Москвы, Ленинграда, Томска (И. Поттосин, Г. Кожухин и другие) [5].

В 1959 г. А.П. Ершов выступил на Всесоюзной конференции по вычислительной математике с докладом «Какой должна быть следующая программирующая программа?». В нем он изложил основные идеи работы своего коллектива. Этот доклад вызвал благожелательную реакцию слушателей и вдохновил группу на «разработку входного языка системы». «Она [разработка] состояла в тщательном анализе, отборе и формализации изобразительных средств языка вычислительной математики. К началу 1960 г. язык был вчерне разработан. Хотя мы в то время еще все работали в Москве, – писал А.П. Ершов, – но чувствовали себя сибиряками, и поэтому новый язык получил название «Сибирского» [6].

В 1960 г. отдел программирования полностью перебрался в Новосибирск. В дальнейшем он вошел в состав Вычислительного центра СО АН СССР, организованного в 1964 г. Г.И. Марчуком. Сам А.П. Ершов, будучи только заведующим отделом Вычислительного центра, стал идейным руководителем и неформальным главой большого и активно работающего содружества новосибирских программистов. По оценкам специалистов, именно в 1960-х гг. А.П. Ершов начал создавать новосибирскую школу системного и теоретического программирования. В 1990 г. на базе подразделений ВЦ, выросших из отдела программирования, был создан Институт систем информатики, который с 1994 г. носит имя академика А.П. Ершова.

В 1966 г. А.П. Ершов получил письмо от К. Левитина, редактора журнала «Знание – сила», в котором тот сообщал: «В прошлую среду – 30 марта – М.А. Лаврентьев рассказывал в Центральном доме литераторов об Академгородке. Отвечая на один из вопросов, Михаил Алексеевич назвал ваше имя – и вот в какой связи. «У нас есть такой ученый, Андрей Петрович Ершов, – сказал он, – которого вот уже давно завлекают американцы. Они зовут его к себе работать – на год, на два, на сколько угодно, вместе с семьей, на самые выгодные условия. Профессиональная ставка – 3000 долларов США, за консультации – отдельно. А у нас он всего кандидат наук» [7. Л. 103].

В этих словах М.А. Лаврентьев, председателя Сибирского отделения АН СССР, прозвучало признание научных заслуг молодого ученого в новой отрасли науки, которую стали активно развивать в Новосибирске. Вскоре А.П. Ершов защитил диссертацию на степень доктора наук, в 1970 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР. О международном признании деятельности А.П. Ершова свидетельствовало его избрание в 1974 г. почетным членом Британского компьютерного (вычислительного) общества (British Computer Society) и награждение в 1980 г. «Серебряным сердечником» (Silver Core) IFIP (Международная ассоциация по обработке информации. – *H.K.*). В 1983 г. Андрею Петровичу была присуждена премия имени академика А.Н. Крылова за теоретические работы по смешанным вычислениям – главная премия АН СССР за фундаментальные работы по прикладной математике.

А.П. Ершов также стал и первым историком, обобщившим итоги развития информатики в Новосибирске за 25 лет. В 1980 г. он подготовил обзор, в котором, в частности, писал: «Информатика – одно из тех научных направлений, которые развивались в СО АН СССР и примыкающих к нему коллективах крупной научно-педагогической школой, насчитывающей более 500 специалистов, обладающей международной известностью и занимающей ведущие позиции в советской вычислительной науке. Ядро этого направления образовано пятью лаборантами. Вычислительного центра СО АН СССР, объединяемыми научным советом ВЦ СО АН по информатике» [8. Л. 47–51].

Характерным признаком научной школы А.П. Ершов считал ее включенность в мировое научное сообщество: «Информатика в СО АН СССР, как и любое другое направление, развивалась в тесной связи с советской и международной наукой, реализуемой с помощью публикаций и научных собраний. ... Работы СО АН СССР по информатике пользуются широкой международной известностью. Каждая третья научная статья опубликована в международных научных журналах или переведена на иностранные языки. Специалисты по информатике более 80 раз выступали на зарубежных научных собраниях, в том числе 12 раз – на международных конгрессах IFIP» [8. Л. 47–51].

А.П. Ершов как никто другой понимал, что одной из задач сибирской школы информатики была подготовка как можно большего числа специалистов. В 1970 г. он подготовил документ для руководителей АН и СО АН, в котором убедительно обосновал необходимость резкого увеличения темпов подготовки программистов.

Сам А.П. Ершов делал все возможное, чтобы наращивать темпы подготовки программистов. Среди его учеников – большое число кандидатов и докторов наук. Сам он с 1958 г. преподавал в МГУ, а затем в НГУ. В последнем был организатором и бессменным руководителем коллектива, ведущего подготовку студентов и аспирантов по системному и теоретическому программированию. Для этой цели была организована специализация на кафедрах вычислительной математики и теоретической кибернетики математического факультета. Первый выпуск состоялся в 1964 г. Новосибирский университет ежегодно готовил специалистов по математическому обеспечению ЭВМ по 25–30 человек и к концу 1980-х гг. выпустил из своих стен около 400 программистов [8. Л. 47–51].

Одной из замечательных черт Андрея Петровича был талант в доступной форме рассказать о новейших достижениях сибирской школы программирования, перспективах развития информатики и необходимости всеобщей компьютерной грамотности. Его статьи регулярно публиковали популярные издания «За науку в Сибири», «Комсомольская правда», «Природа» и другие. Как верно подметил А.Г. Марчук: «Величина таланта Ершова измеряется не тем, что он затмевал окружающих своим интеллектом и прозорливостью, а тем, что им находились и формулировались простые истины, формировавшие мировоззрение поколений учеников, влиявшие на его коллег и общество» [3].

А.П. Ершову принадлежит ставшая крылатой фраза «Программирование – вторая грамотность», которой он образно выразил роль информатики в обучении как необходимой базы информационной культуры будущих поколений. Создавая серьезные социальные перспективы применения компьютеров, А.П. Ершов стал неутомимым борцом за школьную информатику. Он одним из первых предложил ввести в школьное обучение курс «Основы информатики и вычислительной техники», составил необходимые учебные планы и написал первый учебник по этому курсу. В архиве содержится интересный документ – отчет А.П. Ершова о работе в связи с внедрением информатики в школьный учебный процесс, который показывает, что Андрей Петрович принадлежал к тем ученым, которые формировали не только методику обучения школьному программированию, но и методологию многоступенчатого обучения компьютерной грамотности в стране [9. Л. 93–96].

Существенная часть работы проводилась непосредственно со школами и школьниками. Ученики Ершова вели кружки по программированию, формировали методический материал, создавали учебное программное обеспечение. Андреем Петровичем была создана Школа юных программистов, получившая статус всесоюзной. Работа Школы была основана на

заочной форме обучения школьников в течение учебного года, с приглашением наиболее способных из них на летние сборы. В качестве преподавателей привлекались ведущие специалисты.

Ядро научной школы информатики А.П. Ершова получило институциональное оформление и развитие. Напомним, что в конце 1950-х гг. отдел программирования был организован в Институте математики, затем он вошел в состав Вычислительного центра СО АН СССР и, наконец, его подразделения послужили основой для создания в 1990 г. самостоятельного института – Института систем информатики СО РАН. За четыре с лишним десятилетия менялись названия отдела, его формальная принадлежность, появлялись новые направления и новые задачи, для решения которых формировались команды, новые лаборатории, отделы и даже институты, выросло не одно поколение программистов, но сохранились лучшие традиции сибирской школы программирования.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-03-12304.

Примечания

1. Очерки истории информатики в России / Сост. Поспелов Д.А., Фет Я.И. Новосибирск: НИЦ ИГМ СО РАН, 1998; Алексей Андреевич Ляпунов / Сост. Ляпунова Н.А., Фет Я.И. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2001; Колмогоров и кибернетика / Сост. Поспелов Д.А., Фет Я.И. Новосибирск: Изд-во ИВМиМГ СО РАН, 2001; Леонид Витальевич Канторович: человек и ученый / Сост. Канторович В.Л., Кутателадзе С.С., Фет Я.И. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2002; История информатики в России: ученые и их школы / Сост. Захаров В.Н., Подловченко Р.И., Фет Я.И. М.: Наука, 2003.

2. Черемных Н.А., Курляндчик Г.В. Библиотека и архив академика Ершова // <http://ershov.iis.nsk.su/pottosin/40/win/cmoz15.htm>; Крайнева И.А., Черемных Н.А. Личный архив академика А.П. Ершова в Интернете // Отечественные архивы. 2001. № 5; Антюфеев С.В., Марчук А.Г., Немов А.Н., Федоров К.В., Филиппов В.Э., Филиппова М.Я., Черемных Н.А. Электронный архив академика А.П. Ершова в Internet // http://www.sbras.ru/ws/show_abstract.dhtml?ru+56+4278; Крайнева И. Виртуальная экспозиция // Наука в Сибири. 2003. № 14.

3. Марчук А. Наследие А.П. Ершова // Наука в Сибири. 2001. № 25.

4. Ершов А.П. Памяти Алексея Андреевича Ляпунова (из доклада на мемориальном заседании Сибирского математического общества 15 октября 1973 г.) // Архив А.П. Ершова в Институте систем информатики СО РАН (далее – Архив). П. 532.

5. Поттосин И.В. А.П. Ершов и становление новосибирской школы программирования // <http://ershov.iis.nsk.su/pottosin/40/win/cmoz06.htm>

6. Ершов А.П. «Альфа-рождение», или как создавалась система автоматического программирования // За науку в Сибири. 1965. 18 янв.; Рукопись статьи // Архив. П. 90. Л. 184–203.

7. К. Левитин – А.П. Ершову. Письмо от 2 апреля 1966 г. // Архив. П. 95.

8. Ершов А.П. 25 лет информатики в ВЦ СО АН СССР // Там же. П. 198.

9. Отчет академика А.П. Ершова о работе, проделанной в 1985 г. в связи с внедрением информатики и вычислительной техники в школьный учебный процесс // Архив. П. 153.

О.П. Репина

ФОНДЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА (ПО ДОКУМЕНТАМ, ХРАНЯЩИМСЯ В ЦДНИ ТО)

Архивные учреждения сравнительно недавно начали проводить активную работу по комплектованию архивов документами личных фондодержателей. Получение архивных материалов путем записи интервью граждан (инициативное документирование) стимулирует авторов воспоминаний, в большинстве своем пожилых людей, идти на более тесный контакт с архивами. Интерес, который проявляют архивные работники к их жизни, часто становится отправной точкой для создания личного фонда. Респонденты начинают тщательно отбирать те документы из домашнего архива, которые могли бы проиллюстрировать их воспоминания.

Особенностью комплексов документов личного происхождения является отсутствие организующего влияния делопроизводства, поэтому при фондировании материалов личного происхождения предполагается крайняя осторожность в разъединении материалов, поступивших в архив из одного источника. Методика, принятая архивными учреждениями при формировании личных фондов, позволяет комплектовать дела из очень широкого диапазона документов.

Как правило, держателями личных фондов становятся деятели науки и культуры, ветераны войны и труда, старожилы города Томска, краеведы, бывшие крупные руководители. По очерченному кругу людей, привлекаемых для создания их личных фондов, можно судить о том, что фонды могут быть различны по составу документов. Поэтому иллюстративные исторические материалы, широко представленные в таких фондах, охватывают различную тематику. В данном обзоре рассматриваются те фонды ЦДНИ ТО, в которых имеются иллюстративные материалы. Описанные ниже документы находятся на открытом хранении, пользование которыми урегулировано договором с фондодержателями (о разрешении доступа).

В ЦДНИ ТО хранятся личные фонды, которые можно разделить на следующие группы по роду деятельности фондообразователей:

- 1) Краеведы: В.Н. Харитонов [1], П.А. Липухин [2], В.А. Новокшонов [3].

Краеведы-любители, собирали свои материалы в течение долгого времени, руководствуясь личной заинтересованностью, о местности, в которой проживали:

П.А. Липухин (бывший узник колымских лагерей, инженер водного транспорта), его фонд включает в себя материалы по истории речного транспорта в г. Томске, Томского лесотехнического техникума, с. Вороново, партизанского отряда Н.А. Уткина (действовавшего на территории с. Вороново), пионерской и комсомольской организаций, семейной родословной коренных жителей села Вороново.

В.Н. Харитонов (учитель, партийный работник), житель с. Молчаново. Собирал материалы о политической ссылке Молчановского района, истории с. Молчаново.

В.А. Новокшонов (журналист, заслуженный работник культуры РСФСР). Представлены материалы по истории Тегульдетского района, г. Стрежевого, села Александровского.

2) Руководители: Е.К. Лигачев [4], В.Ф. Янович [5], Л.Г.Федосеев [6], А.Н. Новоселов [7], В.А. Кузьмичев [8], Д.И. Гольдин [9], И.Я. Вакс [10], К.И. Зоммер [11].

Партийные и советские работники, занимавшие крупные руководящие посты в области: Е.К. Лигачев, первый секретарь Томского обкома КПСС (1965–1983), член Политбюро, секретарь ЦК КПСС; В.Ф. Янович, партийный и советский руководитель Томского, Бакчарского, Молчановского районов; Л.Г. Федосеев, директор ТЭЦ, директор ТЭМИИТа, секретарь горкома ВКП(б), секретарь обкома КПСС; А.Н. Новоселов и В.А. Кузьмичев – главные редакторы областной газеты «Красное знамя» (в разное время); Д.И. Гольдин, работник аппарата управления лесной промышленностью области; И.Я. Вакс, директор Томского шпалопропиточного завода; К.И. Зоммер, торговый работник, организатор ОРСа «Томскгазстрой» Миннефтегазстроя СССР, созданного для торгового обслуживания строителей Всесоюзной стройки нефтепровода «Александровское – Томск – Анжеро-Судженск».

3) Деятели науки, культуры и спорта: Е.М. Думенова (специалист по фармакологии, профессор ТМИ) [12], М.С. Кузнецов (специалист по истории культурного строительства в Западной Сибири, д.и.н.) [13], С.Л. Сапожникова (режиссер томской студии телевидения и радио) [14]; С.Н. Андреев (журналист) [15]; М.В. Лебедев – М.К. Ермилова (профессиональные лыжники) [16].

4) Семейные фонды: Ерохины [17], Шеляковы – Янценецкие [18], Дондо [19], Скуе [20], Шписманы [21].

Ерохины: А.К. Ерохин, Герой Советского Союза; его дочь Н.А. Козловская, инженерно-технический и партийный работник.

Шеляковы-Янценецкие: П.И. Шеляков, Е.С. Шелякова (мещане г. Бийска); Н.П. Янценецкая (фармацевт), В.П. Шеляков, А.И. Янценецкий (партийные и комсомольские работники), И.А. Янценецкая (библиотекарь).

Фонд семьи Дондо содержит сведения о жизни еврейской семьи, в общей сложности охватывающие около 100 лет (фонд поступил от Л.В. Дондо).

Скуе А.А. и А.П. – томские фармацевты. Шписманы: М.Н. Шписман, инженер, активист художественной самодеятельности, И.И. Шписман, врач-терапевт, организатор курортной зоны.

5) Общественные деятели: И.В. Кузнецов (активист общественных движений 1980–1990-х гг.) [22]; С.С. Сулакшин (депутат Государственной Думы РФ 1990–1999 гг.) [23], В.П. Костебелова (Лауреат Государственной премии 1982 г., депутат) [25].

6) Коллекции «Документы по истории общественно-политической жизни Томской области в 1980–1990-х годах» [24]; «Томичи о времени и о себе» [26], «Участники войны» [27].

Видеовой состав документов, иллюстрирующих биографии, служебную и общественную деятельность: дипломы, свидетельства, удостоверения; трудовые книжки; членские билеты; Почетные грамоты; мандаты; пригласительные билеты; листовки, обращения; фотографии, буклеты, афиши и другие. Приведена их обобщенная характеристика, с некоторыми примерами.

Дипломы об окончании университетов, институтов, техникумов, партийных школ; Лауреата премии Союза журналистов СССР [15. Д. 2], госкомитета по радиовещанию и телевидению [14. Д. 8].

Свидетельства: о крещении, выданное Томским евангелическо-лютеранским приходом (1916 г.) [20. Д. 1]; об окончании Томского четырехклассного училища (1913 г.) [19. Д. 39], Петроградских Высших женских курсов [9. Д. 9], первого Сибирского фармацевтического техникума [20. Д. 2]; Томской профессиональной школы швейной промышленности (1927 г.) [19. Д. 2]; о присвоении звания «Заслуженный лесовод» [9. Д. 6].

Удостоверения: Героя Советского Союза [17. Д. 5], «Почетного железнодорожника» [6. Д. 1], «Почетного грузчика пристани Черемошники» [6. Д. 7]; к орденам и медалям Великой Отечественной войны [17. Д. 7–11]; «Лучшего тренера» [26. Д. 80]; участника войны [26. Д. 106]; пенсионные [17. Д. 24, 25].

Трудовая книжка по учету трудодней еврейских с/х артелей «Возрождение» и «Свободный труд» [19. Д. 35]; патенты ломового извозчика 1920-х гг. [19. Д. 34], расчетные книжки рабочего ТЭМЗа [26. Д. 29]; книжка инструктора парашютной подготовки ВВС [27. Д. 37]; красноармейская книжка [26. Д. 80].

Членские билеты: советской социологической ассоциации АН СССР [8. Д. 5], Союза журналистов [8. Д. 5], пролетарской студии (пролетстуда) (1920-е гг.) [6. Д. 5], Осоавиахима [6. Д. 7], союза рабочих местного транспорта [19. Д. 34], Всесоюзного общества по земельному устройству трудящихся евреев в СССР (ОЗЕТ) [19. Д. 35]; военно-охотничьего общества группы советских оккупационных войск в Германии [27. Д. 30], общества по борьбе с алкоголизмом [19. Д. 3]. Партийный билет КПСС [8. Д. 1]; личная карточка подвергавшегося партийной проверке (1926 г.) [6. Д. 4].

Почетные грамоты (1954–2000 гг.) партийных и советских органов, комитетов по делам физкультуры и спорта; томского областного комитета защиты мира, Всероссийского общества охраны природы и других. Школьная похвальная грамота (1940 г.) [18. Д. 30], военные благодарности [26. Д. 11, 33].

Мандаты для участия в работе партийных и профсоюзных конференций [22. Д. 35], пропуска на праздничные трибуны Красной площади (Москва) и пл. Революции (г. Томск) [18. Д. 8], на постоянную Всесоюзную строительную выставку [6. Д. 10], в Ленинград после прорыва блокады [10. Д. 1].

Пригласительные билеты на торжественные вечера, посвященные революционным советским праздникам, съезды, научно-практические конференции, 1-й фестиваль студентов ТИСИ [18. Д. 31], праздники городской песни 1950-х гг. [19]; на выборы 12 декабря 1937 г. [19. Д. 37].

Предвыборные листовки к выборам в Верховный и местные советы [5. Д. 3], Государственную Думу; обращения КПСС, Президента РСФСР, томских общественных движений 1980-90-х гг., политических партий 1990–2000 гг. [22. Д. 23, 24, 83, 84, 116].

В личных фондах ЦДНИ ТО более 1500 фотографий за период с 80-х гг. XIX в. по настоящее время. Среди них:

Фотопортреты держателей личных фондов и их родственников.

Групповые фотографии классов школ города, пионерских лагерей, детских клубов и спортивных секций (например, детский еврейский клуб «Макаби» [19. Д. 23], комсомольских ячеек, избирательных комиссий [5. Д. 11], коллективов работников томских заводов (например, хор и

Красный уголок швейной фабрики № 5 (1925–1936 гг.) [19. Д. 31]), музыкальных коллективов [22. Д. 219], больниц [26. Д. 7, 9], аптек [26. Д. 40], службы социального обеспечения, торговых учреждений (магазин головных уборов Ласкина (1915 г.) [19. Д. 49], аптекарский магазин Скуе (1900 г.) [20. Д. 28], учения гражданской обороны в магазине «Спутник» (1970 г.) [11. Д. 56]), сотрудников лесных и транспортных служб, редакции газеты «Красное знамя». Фотографии рабочих коллективов на колхозных полях (например, уборка льна [5. Д. 16, 20]), во время политинформационных бесед [5. Д. 21], слетов животноводов, собраний колхозного актива [5. Д. 19]. Майские и ноябрьские демонстрации [26. Д. 156], коммунистические субботники [5. Л. 25, 26; Д. 15, 9, 77].

Фотографии групп преподавателей и студентов томских вузов и техникумов, работников кафедр институтов. Съезды, конференции и совещания партийных и комсомольских работников, профсоюзных групп, фармацевтов, врачей, учителей, руководителей строительства нефтепровода 1970-х гг. [11. Д. 56], творческая встреча режиссеров телевидения Сибири 14. Д. 25].

Фотографии военного времени: участники военных событий в действующей армии и в полевых госпиталях [26. Д. 60], проводы на фронт комсомольского лыжного батальона, сформированного в Кривошеинском районе [5. Д. 13]; колонны грузовиков, везущих сверхплановый хлеб для фронта (с. Бакчар) [5. Д. 15], участники штурмового авиационного отряда [10. Д. 15], Приморская делегация на Ленинградском фронте в первые дни прорыва блокады [10. Д. 14], группа американских солдат в Австрии (1945 г.) [27. Д. 24], участники конно-лыжного пробега [27. Д. 29]; жены командиров [27. Д. 32].

Фотографии сцен из постановок художественных произведений томской студии телевидения [14. Д. 26–31].

Виды с. Молчаново, с. Александровского [3. Д. 24–28]; наводнение (1953 г.) в Томске [20. Д. 26].

Фотографии строек г. Томска: моста через р. Томь, трамплина, трамвайной и троллейбусной линий [6. Д. 31]. Фотографии гг. Вены и Праги в 1945 г. [27. Д. 16].

Афиши Томского театра кукол (1947 г.), Колпашевского городского театра драмы (1947 г.), областного народного театра [14. Д. 1, 38], лыжных соревнований (1937 г.) [16. Д. 5].

Буклеты, выпущенные к 40-летию Томского театра кукол, народного театра городского Дома ученых [14. Д. 34, 35, 52–54], к 50-летию Томского шпалопропиточного завода [10. Д. 4], о томской гильдии художни-

ков [14. Д. 37], выставке неформального искусства [22. Д. 226], клубе «СКАТ» [26. Д. 38], вертолете Ка-26 с дарственной надписью от создателя вертолета Н.И. Камова [4. Д. 62]. Программки к спектаклям более 50-ти театров СССР [11. Д. 21–51].

Карты-схемы освоения лесов объединением «Томлеспром»; нефтяных, газовых, глиняных месторождений области [4. Д. 43]; схема боевых действий 77-й, 79-й гвардейских дивизий [26. Д. 21, 26, 27]; книга «Альбом сибирского наблюдателя» (виды местностей, зданий, типы народностей), (1904 г.) [21. Д. 54]. Венгерские денежные купюры (1944 г.) [27. Д. 16].

Таким образом, личные фонды ЦДНИ ТО могут дать богатый иллюстративный материал различной тематики, особенно по истории ушедшей советской эпохи. Личные фонды не подчинены делопроизводственным принципам в их организации. В связи с этим трудно предугадать, при каких информационных потребностях следует вести поиск по их документам, кроме тех случаев, когда изучается биография фондообразователя. Видимо, они особенно полезны тогда, когда необходимо выявить материалы, косвенно относящиеся к теме, увидеть детали. Иллюстративный документальный материал позволяет оперировать образами, включить эмоциональную сторону восприятия. Недостаточность источников для решения именно этой задачи – иллюстрировать исторические факты, обусловила избирательную направленность предложенной информации.

Примечания

1. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 5646.
- Оп. 1.
 2. ЦДНИ ТО. Ф. 5655. Оп. 1.
 3. ЦДНИ ТО. Ф. 5651. Оп. 1.
 4. ЦДНИ ТО. Ф. 5598. Оп. 1.
 5. ЦДНИ ТО. Ф. 5760. Оп. 1.
 6. ЦДНИ ТО. Ф. 5656. Оп. 1.
 7. ЦДНИ ТО. Ф. 5662. Оп. 1.
 8. ЦДНИ ТО. Ф. 5663. Оп. 1.
 9. ЦДНИ ТО. Ф. 5768. Оп. 1.
 10. ЦДНИ ТО. Ф. 5762. Оп. 1.
 11. ЦДНИ ТО. Ф. 5692. Оп. 1.
 12. ЦДНИ ТО. Ф. 5651. Оп. 1.
 13. ЦДНИ ТО. Ф. 5648. Оп. 1.
 14. ЦДНИ ТО. Ф. 5693. Оп. 1.
 15. ЦДНИ ТО. Ф. 5668. Оп. 1.
 16. ЦДНИ ТО. Ф. 5694. Оп. 1.
 17. ЦДНИ ТО. Ф. 5769. Оп. 1.

18. ЦДНИ ТО. Ф. 5684. Оп. 1.
19. ЦДНИ ТО. Ф. 5759. Оп. 1.
20. ЦДНИ ТО. Ф. 5763. Оп. 1.
21. ЦДНИ ТО. Ф. 5681. Оп. 1.
22. ЦДНИ ТО. Ф. 5643. Оп. 1.
23. ЦДНИ ТО. Ф. 5654. Оп. 1.
24. ЦДНИ ТО. Ф. 5642. Оп. 1.
25. ЦДНИ ТО. Ф. 5761. Оп. 1.
26. ЦДНИ ТО. Ф. 5666. Оп. 1.
27. ЦДНИ ТО. Ф. 5689. Оп. 1.

Л.Л. Попова

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ФОНД КАК ЭЛЕМЕНТ ДОКУМЕНТНОГО РЕСУРСА

Среди теоретических и прикладных проблем документоведения немалая роль отводится персональным фондам документов, которые создаются и накапливаются отдельными людьми на протяжении жизни, хранятся в семье.

Такие фонды позволяют раскрыть реальное использование персональных документных ресурсов, выявить роль документов в духовной жизни отдельных людей и общества. Их назначение проявляется в ряде функций. Так, представительская функция – книжные собрания в доме – свидетельствует об образованности, начитанности, культурности держателя фонда. Функция самовыражения отражает его способности, убеждения, знания, эмоции. Инструментальная функция характеризует создание документов по профессиональному признаку, карьере. В мемориальной функции отдельные документы могут приобретать особую социальную ценность, когда они непосредственно связаны с конкретным историческим лицом, тем или иным событием. Функция личных реликвий выполняется документами, так или иначе связанными с биографией данной личности. Сюда относятся семейные альбомы, подарки с автографами, дипломы и ордена, другие знаки отличия. Этую функцию можно назвать и лично-архивной.

Персональные фонды имеют социальное значение, так как сохраняют во времени и пространстве духовные творческие достижения индивидов, формируя социальную память общества. Эти фонды выполняют и педагогическую функцию, обеспечивая социализацию новых поколений через распространение знаний, этических норм, идеалов, убеждений членов общества [4. С. 175–178].

Значительное внимание персональным документным ресурсам уделяется государственными архивами. В них есть собрание личных фондов – «архивных фондов личного происхождения, состоящих из архивных документов, образовавшихся в жизни и деятельности физического лица, семьи, рода» [2]. Так, в ОГУ «Центр документации новейшей истории Томской Области» хранятся личные фонды многих граждан Томска, в том числе, документы профессора Томского политехнического университета Л.М. Ананьева (31.10.1926–12.12.1998).

Вся жизнь и деятельность Льва Мартемьяновича Ананьева была связана с Томском. После окончания учебы в Томском политехническом институте с 1949 г. он прошел путь от инженера, начальника лаборатории до профессора, заведующего кафедрой. Л.М. Ананьев явился организатором первых за Уралом специальностей: промышленная электроника, электронно-медицинская аппаратура, подготовил 73 кандидата наук, стал автором более 200 научных статей. Им получено более 70 авторских свидетельств на изобретения, 9 зарубежных и отечественных патентов.

Основным направлением научной деятельности ученого стала разработка индукционных ускорителей – бетатронов. Л.М. Ананьев стоял у истоков научной школы по малогабаритным бетатронам и медицинской электроники. Возглавляемый им коллектив разработал и запустил в серийное производство первый в мире малогабаритный бетатрон, предназначенный для неразрушающего контроля материалов и изделий в нестандартных условиях и радиационной терапии. Его работа была связана с созданием новых электронно-медицинских терапевтических и диагностических устройств и аппаратов. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. Л.М. Ананьев начал формирование нового направления по контролю органических жидких сред по поверхностному натяжению. Под его руководством был создан прибор для исследования иммунного статуса организма.

Л.М. Ананьев – Заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1982), Почетный работник высшей школы (1983), заслуженный профессор Томского политехнического университета (1998). За научную и педагогическую деятельность награжден Орденом «Знак Почета» (1971), медалями «За трудовое отличие» (1981), «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970). Он награжден также 13 золотыми, серебряными и бронзовыми медалями ВДНХ [5. С. 165. 6. С. 12].

Личный фонд Л.М. Ананьева демонстрирует особенности личных фондов, к которым относится видовое разнообразие документов – письма, фото, удостоверения, адреса, книги, видеоматериалы. Как правило, они плохо упорядочены, отражая, прежде всего интересы, взгляды на значимость отдельных документов держателей фондов. При этом личные фонды подвижны, открыты, пополняются документами членов семьи, превращаясь в фамильный, семейный фонд.

В настоящее время данный личный фонд содержит 15 папок-дел с документами в пока неупорядоченном виде. В них представлена разнообразная деятельность ученого. Так, одна из папок содержит задания для дипломников и аспирантов, позволяющие судить о нем как о преподава-

теле, научном руководителе. В числе аспирантов известные ныне ученые томских вузов: В.Л. Чахлов, Я.С. Пеккер, М.М. Штейн и других.

Научная деятельность представлена материалами докторской диссертации по разработке, исследованию и применению переносных и малогабаритных бетатронов; рецензиями на диссертации, монографии; статьями, свидетельствующими о широком круге интересов автора. В фонде можно найти черновые материалы по теме «Бетатрон в строительстве», вырезки из газет, справки, отчеты, предложения по организации учебного процесса, научной деятельности кафедры, рукописи учебных лекций и другое.

Одна из папок содержит лекции и доклады общества «Знание», активным членом которого был Л.М. Ананьев. Есть и традиционная подборка поздравлений юбиляру (1976, 1986, 1996 гг.).

Особого интереса заслуживает папка с отчетами о командировках в Китай, Индию, участии в конференции в ГДР, свидетельствующие о зарубежных контактах томских ученых.

В настоящее время предстоит научно-техническая обработка фонда Л.М. Ананьева, описание документов, формирование дел, составление описи.

Некоторые материалы уже ведены в научный оборот. Так, в сборник воспоминаний томских женщин [3. С. 405–411] вошли устные истории Веры Павловны Полковниковой, жены Л.М. Ананьева [1. Л. 1–13]. Фотографии из личного архива были опубликованы в юбилейном издании о Томске [2. С. 444].

Дальнейшее исследование содержания документов позволит составить более полное представление о деятельности одного из выдающихся граждан Томска, заслуженного деятеля науки и техники, преподавателя высшей школы.

В целом, персональные, личные фонды дают жизнеописание человека, его окружения, семьи на фоне истории; пополняют документные каналы (опубликованные и неопубликованные); переводят частные документы в документированную социальную память; дополняют административную, официальную составляющую документных ресурсов, делая современный этап развития документоведения более персонифицированным.

Примечания

1. Воспоминания В.П. Полковниковой «Две линии моей жизни», записанные Г.И. Кан // ЦДНИ ТО. Ф. 5666. Оп. 1.Д. 73.

2. История города в иллюстрациях. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 600 с.

3. Семья и работа для меня – все! Из воспоминаний кандидата медицинских наук Веры Павловны Полковниковой // Томские женщины. ХХ век: Сборник документов и материалов / Отв. ред. Н.М. Дмитренко. Томск, 2003.
4. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002.
5. Становление и развитие научных школ Томского политехнического университета: Исторический очерк / Под. ред. Ю.П. Похолкова, В.Я. Ушакова. Томск: ТПУ.
6. Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города. Томск: Изд-во НТЛ, 2004.
7. Федеральная архивная служба России (Росархив). Основные правила работы государственных архивов РФ. М., 2002.

В.В. Лобанов

ПРОБЛЕМА АВТОРСКОГО ПРАВА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Проблема авторского права в сети Интернет, его соблюдения и защиты в наше время требует серьезного изучения. Нелегальное распространение произведений при помощи различных достижений прогресса – явление, увы, обыденное. Однако Интернет позволил максимально упростить саму процедуру нарушения. Это вывело на первый план проблематику авторского права [5. С. 125].

Законодательство часто не успевает за развитием информационных технологий. Вследствие этого возникает множество задач, которые в настоящее время ожидают своего окончательного решения.

Закон «Об авторском праве и смежных правах» определяет понятие «автор» как «физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение». Согласно этому же закону, «авторское право на произведение науки, литературы и искусства возникает в силу факта его создания. Для возникновения и осуществления авторского права не требуется регистрации произведения, иного специального оформления произведения или соблюдения каких-либо формальностей» [2]. Авторское право возникает при создании произведения и не изменяется при представлении материалов в сети Интернет.

Ряд исследователей утверждает, что практически все в Интернете защищено законодательством об авторском праве [4–7]. Вследствие этого пользователь может столкнуться с серьезными проблемами.

На Интернет-страницах размещены тексты, считающиеся литературными произведениями. Графические изображения являются художественными произведениями, а звуковые файлы являются звукозаписями. Возникает ситуация, когда на единственной странице могут сосуществовать десятки различных авторских прав. При этом для каждого копирования необходимо согласие обладателя авторских прав. Необходимо при этом отметить, что условной единицей информации в сети является страница. Она представляет собой с точки зрения авторского права синтетический объект – в него включаются объекты авторского права различных разновидностей: текст программы и другие программные объекты, изображения и фотографии, видео и аудио, двоичный код. Данные объекты

могут быть созданы разными людьми, и их охрана может осуществляться как по отдельности, так и в целом.

Одним из вопросов, поднятых владельцами авторских прав, является правовой аспект деятельности Интернет-провайдеров. Владельцы авторских прав утверждают, что каждый провайдер должен нести ответственность за все нарушения авторских прав со стороны пользователей. По их мнению, не имеет значения, есть ли у провайдера причина, чтобы узнать о нарушении, или же он уже предпринимает меры по недопущению нарушения. Другими словами, владельцы содержания хотят добиться от провайдеров надзора за правонарушителями и определенной ответственности за их действия. Но провайдеры на это отвечают, что их принуждают к исполнению полицейских функций, а такая позиция нереалистична [4].

При отсутствии норм, регулирующих деятельность в глобальном информационном пространстве, в сознании сетевого сообщества возникает и укрепляется своеобразный двойной стандарт: законы соблюдать нужно, но только не в сети. Вследствие этого, авторские права физических и юридических лиц, то есть права на объекты интеллектуальной собственности, являются одними из наиболее часто нарушаемых прав в Интернете.

Необходимость нового подхода к авторству и собственности определяется также возможностями Интернета объединять информацию из многочисленных источников в новый продукт.

По аналогии с теорией права можно выделить два подхода к проблеме правового регулирования в сети Интернет: первый пропагандирует абсолютную свободу, второй – верховенство законодательства в сети. Первый подход базируется на сетевых традициях и имеет очень значительное число приверженцев среди сетевого сообщества, второй не так распространен, более того, он встречает резкое неприятие части пользователей сети [4]. Но, в соответствии с четвертой статьей Конституции Российской Федерации, суверенитет Российской Федерации распространяется на всю её территорию, и Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации. Также в Российской Федерации обязанностью государства является защита прав и свобод человека и гражданина (ст. 2, 45 Конституции РФ).

Все чаще высказывается мнение, что соблюдение авторских прав в Интернете мешает активному информационному наполнению сети [3]. Сторонники таких взглядов предлагают ограничить или даже изъять ряд прав из концептуальных основ авторского права (в РФ они декларированы, в первую очередь, в двух основных законах – «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных» и «Об

авторском праве и смежных правах» [1, 2], например, расширить возможности свободного использования произведений. Однако именно отсутствие реальной защиты прав нередко удерживает авторов от размещения в сети своих материалов. Если согласиться с данными предложениями, то придется юридически признать превращение Интернета в черную дыру для интеллектуального труда. Кроме того, не может быть проведено каких-то особых, относящихся только к Интернету, исключений из сферы действия законодательства.

При этом необходимо учитывать следующее: проблема обеспечения доказательств для сети Интернет является основополагающей. В условиях изменчивости природы электронной информации главным становится вопрос: где находилась определенная страница, и кто и когда осуществил конкретную публикацию данной страницы в сети. Для выяснения этого вопроса можно использовать депонирование, датировка которого будет являться доказательством факта того, что в указанное время заявитель обладал копией объекта.

В настоящее время в РФ судебных прецедентов, связанных с использованием сети, нет. Как, впрочем, нет и специализированного законодательства, имеющего предметом своего регулирования сеть Интернет. Сложно предсказать, как пойдет правоприменение в РФ. Однако чем активнее будет использоваться Интернет, тем больше будет конфликтов и судебных разбирательств, которые, создав правоприменительную практику, позволят более уверенно чувствовать себя правообладателям в сети Интернет, так как будет отработан механизм защиты авторских прав.

Примечания

1. См.: Закон РФ от 23 сентября 1992 г. № 3523-И «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных» (в ред. Федеральных законов от 24.12.2002 г. № 177-ФЗ, от 02.11.2004 г. № 127-ФЗ) // <http://www.internet-law.ru/law/pc/soft.htm>

2. Закон об авторском праве и смежных правах (в ред. Федеральных законов от 19.07.1995 г. № 110-ФЗ, от 20.07.2004 г. № 72-ФЗ) // <http://www.internet-law.ru/law/avt/avt.htm>

3. Ивлев А. Охрана авторских прав в Интернет: проблема, которая выдумана // <http://www.russianlaw.net/law/doc/a68.htm>

4. Наумов В.Б. Проблемы реализации авторских прав в сети Интернет // <http://www.russianlaw.net/law/doc/a09.htm>

5. Серго А.Г. Интернет и право. М.: Бестселлер, 2003.

6. Терещенко Л.К. Интернет и проблемы в праве // <http://www.conf1.parkmedia.ru/12.asp>

7. Якушев М.В. Интернет и право: новые проблемы, подходы, решения // http://www.conf3.parkmedia.ru/any_r.asp?URL=yaku.asp

**А.А. Берг, Л.Е. Гуторова, С.Н. Кузнецов,
Е.С. Попова, С.Л. Разинков**

**ОПЫТ РАЗРАБОТКИ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ
СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ
ОРГАНИЗАЦИОННО-РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫМИ
ДОКУМЕНТАМИ ВУЗА**

Продуманное, эффективное использование современных информационных технологий для автоматизации документооборота позволяет повысить качество информационного обеспечения руководства и внутрифирменного управления в целом. По распространенному среди ИТ-специалистов мнению, сегодня стало возможным не только строить гипотетические предположения об электронном офисе будущего, но и решать реальные проблемы, с которыми сталкиваются учреждения, организации и предприятия при переходе от традиционного к автоматизированному документообороту [1].

В настоящее время на рынке программных продуктов представлено множество систем электронного документооборота (СЭД), как отечественных, так и зарубежных. Наиболее известными и распространенными российскими разработками являются: «ДЕЛО» (ЭОС), LANDOCS (Ланит), «ЕФРАТ-Документооборот» (Cognitive Technologies), «PowerDocs», OfficeMedia («Интертраст»), «БОСС-Референт» («Айти»), OPTIMA-Workflow (OPTIMA), DIRECTUM (DIRECTUM), электронная канцелярия «Золушка» (НТЦ ИРМ), NauDoc (Naumen), DocVision (Digital Design), которые различаются функциональными возможностями, стоимостью, техническими требованиями, а также затратами на настройку и поддержку нормальной работы [2].

Основной задачей вуза является обеспечение качественного учебного процесса с целью подготовки специалистов по различным направлениям. Специфика работы отражается на процессах документирования, в связи с этим можно выделить особенности, характерные для управления документами в высшем учебном заведении:

– текст организационно-распорядительного документа (приказа, распоряжения) имеет достаточно сложную структуру – документ интегрирует представления, которые создаются различными факультетами и формируются на основе пунктов. Например, текст учебного приказа, как

правило, состоит из нескольких частей, каждая из которых посвящена отдельному вопросу (о стипендии, о зачислении, об отчислении и т.д.);

– документы проходят многоуровневый этап подготовки и согласования: в структурных подразделениях составляются представления в приказ, на их основе по общности вопроса формируется проект ОРД, который согласуется несколькими должностными лицами, подписывается и в качестве выписок возвращается в структурные подразделения;

– организационно-распорядительные документы касаются разных субъектов учебного процесса: студентов, преподавателей, сотрудников вуза. Многие из преподавателей являются как штатными сотрудниками, так и внутренними совместителями, это также необходимо учитывать при создании документов.

Таким образом, ни одна из существующих СЭД не удовлетворяет в полной мере потребностям вуза в связи с особенностями составления, оформления и движения организационно-распорядительных документов в структурных подразделениях высших учебных заведений.

В рамках научного гранта НТГСПА преподавателями и студентами отделения документоведения была разработана специализированная система электронного документооборота, учитывающая особенности документирования в вузе.

В качестве платформы для создания СЭД была выбрана система коллективной работы Lotus Domino/Notes, в которой интегрированы технологии документоориентированной базы данных, электронной почты, средств календарного планирования, управления потоками данных, разработки приложений, защиты информации и разграничения доступа [3].

С целью изучения документооборота было предпринято комплексное предпроектное обследование в структурных подразделениях НТГСПА с помощью методов анкетирования, экспертного опроса сотрудников, анализа формуляра и текста организационно-распорядительных документов. Результатом предпроектного обследования документооборота вуза стала разработка общей структуры программы.

Основными особенностями системы управления организационно-распорядительными документами вуза являются:

– иерархия документов – работа с пунктами ОРД как с отдельными документами. Каждый пункт является ответным по отношению к родительскому документу; при изменении, удалении и создании пункта производится обновление текста основного документа;

– автоматическая нумерация и перенумерация пунктов;

- создание выписок на основе отдельных пунктов подписанного документа, направление их в структурные подразделения в соответствии со списком рассылки;
- возможность параллельного и последовательного согласования документов на основе шаблонов согласования;
 - экспорт документов в бланк-шаблон MS Word;
 - автоматизированный контроль сроков согласования и исполнения документов;
 - использование почтового клиента Lotus для генерирования уведомлений (newsletters) о документах, поступивших на согласование, а также о документах с истекшими сроками хранения и согласования;
 - распределение прав доступа на уровне базы данных, отдельных документов и полей документа. Кроме встроенных средств контроля доступа (уровни доступа и роли) в базах используется программный код, позволяющий для отдельных документов устанавливать список редакторов (тех пользователей, которые могут вносить изменения в документ) и список читателей (пользователей, имеющих право читать документ, но которые не могут его редактировать);
 - использование гиперссылок для навигации между логически связанными документами. Например, в том случае, если сотрудник организации является «внутренним» совместителем, в основной карточке сотрудника содержатся ссылки на те подразделения, где работник оформлен как совместитель;
 - учет и разграничение в базе данных «Справочник организации» внешних и внутренних совместителей. В программе предусмотрена возможность просмотреть отдельные списки только по внешним или только по внутренним совместителям, а также общий список совместителей;
 - ввод стандартных значений признака посредством базы данных «Словари», имеющей иерархическую структуру: каждое значение признака (пункт) может содержать вложенное значение (подпункт), который, в свою очередь, также может содержать подпункты;
 - автоматическое формирование сводной номенклатуры дел организации и выписок из номенклатуры дел для каждого структурного подразделения и последующий их экспорт в MS Word;
 - использование индивидуальной корзины, в которой в зависимости от имени пользователя отображаются удаленные документы с возможностью их последующего восстановления или физического удаления;
 - автоматическое присвоение индексов при регистрации документов. Регистрационный номер формируется в зависимости от вида организаци-

онно-распорядительного документа, например: 45-К (кадровый документ), 326-А (административный ОРД), 245-У (учебный приказ), 34-З (приказ по заочному отделению);

– возможность атрибутивного и полнотекстового поиска в документах базы данных;

– импорт информации из реляционной базы данных (СУБД MS Access), содержащей основные сведения о студентах НТГСПА (ФИО, год рождения, факультет, форма обучения, форма оплаты, группа, специальность) с целью углубленного поиска и выборок.

Таким образом, разработанная система автоматизации документооборота организационно-распорядительных документов учитывает особенности составления и обработки документов в вузе и способна существенно повысить эффективность управления учебным заведением.

Примечания

1. Бобылева М.П. Эффективный документооборот: от традиционного к электронному. М., 2004.

2. Материалы Третьей Всероссийской практической конференции «Эффективный документооборот в органах государственного управления: от традиционного к электронному». М., 2005.

3. Данилин А. Что такое Lotus Domino и Notes и как они работают? // http://www.lib.csu.ru/dl/bases/prg/kompress/articles/2000_04_Lotus/index.htm

Ж.А. Рожнёва

ИНТЕРНЕТ КАК ДОКУМЕНТНАЯ СРЕДА

Информация и информационные технологии являются основным фактором развития современного постиндустриального общества. В условиях повсеместной информатизации наибольшую ценность приобретают информационные ресурсы, под которыми в широком смысле понимается вся накопленная человечеством информация. Значительные информационные ресурсы сосредоточены в таких традиционных информационных системах общества, как библиотеки, архивы, музеи. К числу новых информационных систем, возникших в результате развития информационно-коммуникационных технологий, относится глобальная сеть Интернет, в которой хранятся колоссальные объемы информации.

Как известно, сеть Интернет представляет собой совокупность множества независимых компьютерных сетей, охватывающих практически все страны мира. Применяемые в ней технологии позволяют создавать разнообразные электронные информационные ресурсы и использовать их без особых пространственных и временных ограничений. Все это делает сеть Интернет уникальной информационной средой.

Современный подход к определению понятия документ позволяет рассматривать сеть Интернет и как особую документную среду. В документоведческой науке под документом понимается информация, закрепленная на материальном носителе в стабильной знаковой форме созданным человеком способом для ее передачи в пространстве и времени [1. С. 37]. Интернет-ресурсы, таким образом, можно справедливо отнести к документированной информации.

Характеризуя сеть Интернет в целом как информационную и документную среду, можно выделить следующие основные особенности:

– общедоступность информации, что подразумевает, естественно, при наличии самого выхода в сеть, не только быстрое и, как правило, без особых ограничений получение той или иной информации, но и такое же ее размещение;

– универсальность и сравнительная простота Интернет-технологий, что позволяет создавать и размещать в сети различные по уровню сложности ресурсы, содержащие текстовую, графическую, звуковую, видео информацию;

- бесконтрольность и отсутствие какой-либо цензуры, что связано с самой «природой» Интернета, который представляет собой саморазвивающуюся систему;
- сверхоперативная коммуникативность, которая выражается в небывалой быстроте размещения актуальной информации в сети;
- динамизм представления информации, что подразумевает с одной стороны постоянное обновление Интернет-ресурсов, а с другой – возможную их миграцию в пределах сети или исчезновение.

Все эти особенности оказывают непосредственное влияние на размещаемые в глобальной сети ресурсы.

При рассмотрении сети Интернет в качестве документной среды особые трудности вызывает определение и классификация Интернет-документов, поскольку информационные ресурсы глобальной сети чрезвычайно многообразны. По способу фиксирования информации все они представляют собой электронные документы. В общем виде электронный (или электронно-цифровой) документ – это документ, созданный человеком средствами электронно-вычислительной техники. Являясь электронным документом, Интернет-документ в то же время имеет свои отличительные черты, среди которых в качестве основной следует выделить его сетевой характер. В связи с этим Интернет-документ в широком смысле можно определить как документ, созданный человеком с помощью средств электронно-вычислительной техники для размещения и функционирования в глобальной сети Интернет. Основная часть Интернет-документов связана с такими информационно-коммуникационными сервисами сети, как World Wide Web (WWW) и

На данный момент не существует общепризнанной классификации Интернет-документов. Исследователи предлагают разные варианты. Так, Е.В. Боброва разделяет Интернет-документы на две большие группы:

1. Документы, созданные самим человеком с помощью какого-то программного средства. К этому типу относятся, например, Web-страницы, сообщения электронной почты.
2. Документы, автоматически создающиеся в процессе функционирования специальных программ, написанных человеком. К этому виду можно отнести, например, лог-файлы (файлы регистрации), в которых содержатся сведения о работе сети и отдельных компьютеров [2. С. 108–109].

Е.В. Злобин предлагает более подробную классификацию. К Интернет-ориентированным документам он относит электронные письма и сходные с ними по форме материалы телеконференций или групп новостей, материалы прямых он-лайновых дискуссий, материалы общения с

использованием сетевого пейджера ICQ, домашние страницы и сайты [3. С. 17].

Наибольший интерес среди Интернет-документов вызывают Web-сайты, поскольку на данный момент они являются самым распространенным вариантом представления информации в глобальной сети. Web-сайты состоят из Web-страниц, которые однозначно определяются специальным адресом и представляют собой логическую единицу сети. Именно Web-страницу, на наш взгляд, следует рассматривать в качестве единичного Web-документа.

Web-страницы отличаются многообразием содержания и внешнего оформления. Тем не менее, можно выделить ряд специфических черт, присущих им как особого рода документам.

Главными особенностями Web-страниц являются гипертекстовая организация информации, возможность использования средств гипермедиа и интерактивных элементов. Гипертекстовая организация информации предполагает наличие в документе специальных электронных указателей – гиперссылок, которые дают возможность пользователям быстро и в произвольном порядке перемещаться внутри документа или от одного документа к другому. Средства гипермедиа позволяют «оживлять» документ, связывая его с графикой, фотографиями, аудио и видеозаписями. Интерактивные элементы – это элементы, реагирующие на определенные действия пользователя. К наиболее распространенным интерактивным элементам Web-страниц относятся поля ввода, кнопки, списки и т.п. [4]. Они дают возможность пользователю взаимодействовать с web-документом вплоть до предопределения его содержания [5]. Все эти особенности невозможно сохранить при переносе на традиционный бумажный носитель. Поэтому Web-документы во всей своей полноте могут существовать только в электронном виде в пределах сетевого пространства.

Внешний вид Web-страницы и гипертекстовые связи задаются с помощью языка HTML, команды которого хранятся в html-файле. В случаях, когда Web-страница содержит только текстовую информацию, ее файловая структура ограничивается единственным html-файлом. Однако чаще всего в оформлении и содержании web-страниц присутствует графическая, аудио, видео информация, что предполагает использование взаимосвязанных файлов разных форматов. Таким образом, единичный Web-документ не всегда может быть отождествлен с отдельным файлом, а представляет собой целый комплекс различных файлов.

Web-страницы, как и любой документ, имеют свою внутреннюю структуру. В ней выделяется набор типовых элементов, встречающийся в

тех или иных сочетаниях в большинстве web-страниц и включающий заголовок, навигационную панель, собственно содержание, дату создания, дату последнего обновления, сведения об авторах и авторских правах, контактную информацию. Эти элементы сопоставимы с традиционными реквизитами управлеченческих документов. К реквизитам можно отнести и метаданные, описывающие web-страницу в целом, такие как уникальный адрес (URL), форматы файлов и их размер, тип ресурса и другие [6]. Таким образом, можно говорить о складывании типового формуляра web-документа.

Наиболее важной для пользователя частью web-страницы является ее содержание или, говоря сетевым языком, контент. Как уже упоминалось, оно может быть простым или сложным, включающим разнородную информацию. При этом тематически близкие web-сайты имеют, как правило, сходную информационную структуру.

Содержание web-страниц в отличие от традиционных документов является потенциально динамичным. Автор ресурса может в любой момент внести в него изменения. Устаревший контент либо уничтожается, либо переводится в архив уже в качестве содержания другой web-страницы. Наиболее ярко данное свойство проявляется в новостных сайтах, когда содержание одной и той же web-страницы может обновляться ежедневно или даже чаще. Подобный динамизм порождает проблему сохранности web-документов, которая до сих пор до конца не решена.

Таким образом, web-страницы, являющиеся основными документными ресурсами сети Интернет, представляют собой уникальные комплексные документы. Их отличает сложная информационная, логическая, файловая структура. При этом основные свойства web-страниц и других Интернет-документов обусловлены особенностями глобальной сети, в которой они создаются и функционируют, что делает необходимым дальнейшее изучение сети Интернет как особой документной среды.

Примечания

1. Ларьков Н.С. Документоведение: Учеб. пособие. Томск: Том. гос. ун-т, 2005.
2. Боброва Е.В. Интернет-документ как объект архивного хранения // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». М., 2000. № 26/27.
3. Злобин Е.В. О некоторых проблемах классификации и описания электронных документов как исторического источника // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики: Труды VIII конференции Ассоциации «История и компьютер». М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003.
4. Интерактивными могут быть и любые другие элементы Web-страницы, например, гиперссылки, которые в ответ на определенное действие пользователя меняют цвет, двигаются и даже звучат.

5. Наиболее распространенным примером подобного взаимодействия может служить работа в поисковых системах или сетевых базах данных.

6. Подробнее о проблеме описания Интернет-ресурсов см.: Злобин Е.В. Указ соч.; Лукиных Т.Н., Можаева Г.В., Рожнёва Ж.А. Ресурсы сети Интернет: к проблеме источниковедческого описания // Информационное обеспечение исторического образования / Сборник статей под ред. Сидорцева В.Н., Нечухрина А.Н., Балыкиной Е.Н. Минск; Гродно, 2003; Рысков О.И. Метаданные в делопроизводстве: зарубежный опыт стандартизации // Делопроизводство. 2004. № 4.

В.В. Тарада

ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ СО СТОРОННИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

В последние годы в стране проходит широкомасштабная налоговая реформа. На качественно новый уровень переходят отношения налогоплательщиков и сотрудников налоговых органов. Коренным образом меняются обязанности инспекторов с переходом на функциональную структуру. Совершенствуются процессы налогового администрирования.

Эффективное решение поставленных задач возможно только при использовании передовых информационных технологий, базирующихся на современном программном обеспечении. С этой целью в органах налоговой службы создается автоматизированная информационная система, предназначенная для автоматизации функций всех уровней налоговой службы по обеспечению сбора налогов, проведению комплексного оперативного анализа материалов по налогообложению, обеспечению налоговых служб достоверной информацией.

Для качественного и своевременного выполнения возросших задач особые требования предъявляются к качественным и количественным показателям используемых баз данных. Часть информационных ресурсов налоговых органов формируется на основании информации, полученной от сторонних организаций.

С введением ст. 85 Налогового Кодекса РФ «Обязанности органов, учреждений, организаций и должностных лиц сообщать в налоговые органы сведения, связанные с учетом налогоплательщиков» в налоговые органы Алтайского края стали поступать сотни тысяч сведений от сторонних организаций. Эти сведения поступают как на бумажных носителях, так и в электронном виде на магнитных носителях.

Отдельно можно выделить сведения, поступающие от работодателей, о доходах физических лиц. Механизмы получения этих сведений должны являться эталоном для дальнейшей работы с остальными сторонними организациями. Достаточно сказать, что большинство этих сведений подается на магнитных носителях. Для этого существует нормативная база (ст. 230 НК РФ), обязывающая работодателей при количестве работающих более 10 человек предоставлять эти сведения на магнитных носите-

лях. Кроме того, разработчики программного обеспечения (1С, Парус, БЭСТ) в своих программных продуктах по расчету заработной платы предусматривают режимы для формирования этих сведений в налоговые органы в автоматическом режиме. К сожалению, это почти единственные сведения, вопросы предоставления которых решены комплексно.

Сделана попытка решить проблемы информационного взаимодействия еще по ряду организаций. К сожалению, здесь успехи гораздо скромнее. Большие проблемы возникают по поводу качества предоставляемых баз данных. Одной из важнейших на сегодняшний день остается проблема приема сведений в информационные базы налоговых органов. Еще одна проблема – форматы представления сведений. До конца 2000 года отсутствовали форматы предоставления сведений от сторонних организаций налоговым органам. Многие регионы разрабатывали свои форматы предоставления сведений.

В данный момент идет работа по изменению структуры по приему с магнитных носителей сведений (как для налогообложения, так и для постановки на учет) о недвижимом имуществе, поступающих от Центра регистрации недвижимости и БТИ. Необходимо отметить, что при внедрении новых форматов, различных для разных организаций, возникнут новые сложности. Они будут заключаться в необходимости переработки имеющегося программного обеспечения как налоговых органов, так и остальных участников информационного взаимодействия, а также поддержания нескольких форматов вместо одного.

Еще одна проблема, которая сдерживает нормальную работу налоговых органов в части информационного взаимодействия со сторонними организациями, – отсутствие всей необходимой информации в базах данных этих организаций. Для иллюстрации этой проблемы можно обратиться к информации, получаемой от органов ГИБДД по транспортным средствам. Для исчисления транспортного налога основной реквизит – мощность двигателя. Этот реквизит отсутствует в 65% записей. Кроме этого, адрес не соответствует КЛАДРУ (справочник «Классификатор адресов»). Аналогичные проблемы возникают с органами Алтайтехинвентаризации. Для изменения этих реквизитов необходимо произвести инвентаризацию объектов недвижимости. Эта процедура, как в случае с ГИБДД, добровольная и платная. Понятно, что большинство налогоплательщиков не торопятся отдавать деньги на эти цели. Решением этой проблемы могло бы стать выделение средств из бюджетов районов и городов края для проведения сплошной инвентаризации объектов недвижимого имущества.

Достаточно большое количество сведений поступает в налоговые органы на бумажных носителях. Это обусловлено тем, что в организациях отсутствует программное обеспечение, а иногда и компьютерная техника вообще. Для примера остановимся на сведениях, поступающих от нотариусов. Только в 2004 г. от них в налоговые органы Алтайского края поступило около 40000 сведений, и в будущем эта цифра только увеличится. С сожалением приходится констатировать, что у нотариусов отсутствует единое программное обеспечение, а в ряде случаев и необходимые навыки в области применения компьютерной техники. Решить эту проблему можно, только разработав для нотариусов края специальное программное обеспечение по вводу сведений.

Подводя итоги, необходимо признать, что информационное взаимодействие со сторонними организациями на сегодняшний день является одним из важнейших инструментов получения информации о налогоплательщиках и объектах налогообложения. Из всего вышеперечисленного можно сделать следующие выводы:

1. Наибольшие успехи достигаются при координации действий на федеральном уровне. В этом случае создается нормативная база в виде принятых законов или межведомственных соглашений. Централизованно разрабатывается программное обеспечение и, при необходимости, выделяются технические средства (сведения о доходах физических лиц, органы пограничного контроля).

2. При заключении соглашений на региональном уровне меньше всего проблем с лицензирующими органами и достаточно серьезные проблемы с качеством передаваемой информации по объектам налогообложения (транспортные средства, объекты недвижимости). Решение этих проблем требует или проведения организационных мероприятий (по заполнению базы данных по транспортным средствам), или административных решений и финансовых средств на местном (или региональном) уровне (например, для проведения инвентаризации объектов недвижимости).

3. Максимальное количество проблем возникает с организациями, с которыми работают только на основании Налогового кодекса, то есть не заключались соглашения даже на региональном уровне (нотариусы). Для решения этих проблем требуются значительные затраты на разработку программного обеспечения и обучения работы с ними.

4. Отдельной строкой выделяются организации, не имеющие компьютерной техники (не говоря о программном обеспечении). Оснастить эти структуры необходимыми средствами на региональном уровне силами налоговой службы невозможно.

Таким образом, для решения всех имеющихся проблем информационного взаимодействия необходима серьезная работа на федеральном уровне, а часто и привлечение законодательных и финансовых ресурсов регионов.

Р.Б. Наздрачев

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ НАЛОГОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ ПО ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫМ КАНАЛАМ СВЯЗИ

Глобальная информационная сеть Интернет дает возможность существования общества на основе «виртуального общения». Средства электронной связи открывают новые возможности для взаимодействия государственных органов с гражданами и организациями в электронном виде.

В настоящее время Россия присоединилась к ведущим странам мира, которые активно используют систему организации обмена конфиденциальной информацией между налогоплательщиками и налоговыми органами по телекоммуникационным сетям связи.

Основой для построения деловых отношений между государством и юридическими лицами с использованием электронных документов стал Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи». Согласно данному закону, документ в электронном виде, подписанный электронной цифровой подписью (далее – ЭЦП), приобретает юридический статус, то есть имеет такую же юридическую силу, как и бумажный документ с собственноручной подписью и печатью.

Таким образом, налогоплательщик получил возможность представлять налоговую отчетность в электронном виде по телекоммуникационным каналам связи; при этом днем ее представления считается дата отправки соответствующего файла.

Формы налоговой и бухгалтерской отчетности в электронном виде, представленные в соответствии с требованиями законодательства, являются оригиналами, имеют юридическую силу, подлежат хранению в архиве юридически значимых документов и могут использоваться в качестве доказательств в суде, а также при рассмотрении споров в досудебном порядке. Представление налоговой отчетности в электронном виде должно осуществляться строго через специализированного оператора связи, оказывающего услуги налогоплательщику; при этом налогоплательщик уже не обязан представлять отчетность в налоговый орган на бумажном носителе.

Слабым местом в системе безбумажной технологии оставался факт частых внесений изменений в формы налоговой и бухгалтерской отчетности. Появилась реальная опасность того, что «бумажный» вариант фор-

формы отчетности будет появляться и вводиться в действие задолго до утверждения МНС России формата представления отчетности в электронном виде. Приказ МНС России от 31.12.2002 г. № БГ-3-06/756 «О порядке ввода в действие новых форм налоговых деклараций» устранил этот недостаток.

В настоящее время разработаны общие требования, предъявляемые к специализированным операторам связи. Согласно Методическим рекомендациям, выбор специализированных операторов связи осуществляется региональным управлением по налогам и сборам.

Оператором связи может стать любая коммерческая организация, удовлетворяющая установленным требованиям Методических рекомендаций. Прежде всего, это наличие ряда лицензий, сертификатов программных средств и телекоммуникационной инфраструктуры, обеспечивающей представление налоговых деклараций и бухгалтерской отчетности в электронном виде. Свои функции специализированные операторы выполняют на основе соглашений с налоговыми органами.

При сдаче бухгалтерской и налоговой отчетности в налоговые органы по электронной почте применяются СКЗИ – комплекс аппаратно-программных средств, обеспечивающих защиту информации в соответствии с утвержденными стандартами и сертифицированных согласно действующему законодательству – шифрование и ЭЦП.

Использование ЭЦП документа обеспечивает:

- сохранение конфиденциальности переписки;
- однозначность идентификации налогоплательщика, приславшего файлы отчетности;

– защиту файлов отчетности от несанкционированных исправлений.

В настоящее время разработаны и утверждены форматы следующих документов: 28 форматов представления действующих налоговых деклараций и расчетов, 6 форматов представления действующих форм бухгалтерской отчетности в электронном виде.

Любая организация может сдавать отчетность в электронном виде по каналам связи. В настоящее время все московские налоговые инспекции принимают отчетность по безбумажной технологии.

Подключение к системе безбумажной технологии предоставляет налогоплательщику ряд существенных преимуществ:

1) экономия времени, затрачиваемого на представление налоговой и бухгалтерской отчетности. Сдача отчетности осуществляется непосредственно из офиса с рабочего места налогоплательщика в течение нескольких минут без последующего дублирования документов на бумаж-

ном носителе. Отчетность может быть отправлена в налоговые органы круглосуточно и без выходных;

2) расширение временных рамок сдачи отчетности: бухгалтер может отправить файлы до 24 часов последнего дня сдачи отчетности;

3) сокращение ошибок при подготовке отчетности за счет средств выходного контроля: налогоплательщику предоставляется возможность подготовки отчетности в стандартном формате с контролем правильности заполнения полей форм отчетности. При этом осуществляется проверка актуальности версии заполняемой формы;

4) представление в налоговые органы дополненных или исправленных вариантов отчетности до истечения законодательно установленного срока сдачи налоговой или бухгалтерской отчетности. Считается верным и принимается к обработке самое последнее из переданных от налогоплательщика сообщений;

5) гарантированное подтверждение доставки отчетности, которое имеет юридическую силу в спорных ситуациях. Присланные налогоплательщиком данные в налоговой инспекции проходят входной контроль и разносятся на лицевые счета автоматически, что исключает технические ошибки и повышает оперативность обработки информации;

6) гарантия оперативного обновления форм отчетности: в случае изменения форм налоговой отчетности, введения новых форм отчетности налогоплательщик до срока сдачи отчетности получает обновление форм по электронной почте;

7) получение по электронной почте сведений об исполнении налоговых обязательств перед бюджетом (информационные выписки): налогоплательщик может отправить по электронной почте запрос на получение информационной выписки об исполнении налоговых обязательств перед бюджетом;

8) получение по электронной почте информации с доски объявлений налоговой инспекции.

Представляется, что при развитии системы электронного документооборота расширится также и спектр передаваемой информации между налоговой инспекцией и налогоплательщиком.

В заключение подчеркнем, что налогоплательщики, передавшие декларацию в налоговую инспекцию по телекоммуникационным каналам связи, не обязаны представлять ее на бумажном носителе. По нашему мнению, нет необходимости и хранить ее на бумажном носителе. Тем не менее некоторые налогоплательщики все равно для удобства будут хранить и распечатки налоговой отчетности.

Часть III

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОКУМЕНТОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

О.С. Поршнева

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Выработка подходов к исследованию исторических источников определяется решением основных эпистемологических проблем исторической науки. Понимание характера связи между субъектом и объектом исторического познания тесным образом коррелирует с представлением о природе и специфике истории, отличающей ее от естественных наук и других социально-гуманитарных дисциплин. С другой стороны, проблема источника тесно связана с проблемой метода исторической науки, являющейся центральной в методологии, так как она соединяет теорию и практику исторического исследования. Метод в качестве своей важнейшей составляющей включает правила, приемы, процедуры исследования источников, определяемые, в свою очередь, теоретическими подходами, используемыми историком. По мнению некоторых исследователей, метод в узком значении можно рассматривать как приемы критики исторических источников, прежде всего письменных [1. С. 58].

Историческая наука пережила во второй половине XX в. качественную трансформацию, связанную с пересмотром своего предмета, теоретического багажа и методологического инструментария. Основными факторами этих изменений стали антропологический поворот в ее развитии, стирание граней между смежными социально-гуманитарными дисциплинами, их кооперация. В последней трети XX в. историки стали испытывать и мощной воздействие «интеллектуальных вызовов» эпохи постмодернизма, которые заставили не только по-новому взглянуть на предмет и возможности историописания, но и всерьез задуматься над проблемой научности исторического сознания.

В качестве «интеллектуальных вызовов» конца XX – начала XXI в. исследователями выделяются «лингвистический», «исторический» и

«прагматический» (связываемый с развитием микроистории) повороты, которые рассматриваются как «тренды единого глобального методического сдвига, связанного со вступлением мировой науки и социальной практики в целом в эпоху постмодерна» [2. С. 247].

Понимание связи между историком, источником и историческим контекстом (реальностью прошлого) заметно усложнилось, на первый план вышла порожденная современной гуманитарной рефлексией проблема интерпретации корреляции источниковой информации и социально-исторического контекста [3. С. 81]. Это обусловило включение в методологический арсенал исторической науки современных концепций философской герменевтики, теорий языка и дискурса.

К истокам философской герменевтики, ее классическим образцам отечественные исследователи обращаются сегодня в поисках способов интерпретации текстов исторических источников путем воссоздания внутреннего мира их авторов, реконструкции типов поведения и мышления [4].

А.К. Соколов обращает внимание на характерную черту, отличающую подходы современной герменевтики: «Если в старой герменевтике требовалось идти путем максимальной актуализации субъективного восприятия исследования, ...то современную базу настоящего исторического труда должно составлять предварительное понимание, заданное традицией» [5. С. 47]. Поскольку носителем традиций и понимания является язык, то, в представлениях основателей постструктурализма, в частности, Ж. Деррида, место спекулятивных положений должна занять работа с языком, с текстом. Конечная цель такой работы – обнаружение за тем, что кажется непосредственно данным в источнике, культуры письма [5].

Постмодернизм указал на реальные трудности познания исторической реальности, которая не может быть непосредственно наблюдаемой и измеряемой, дал мощный импульс творческим поискам историков, обратив внимание на дискурсивность социальной реальности и самого процесса исследования, неотделимых от речевых практик, необходимость изучения языка как выразителя, хранителя и транслятора социальных значений, обращения к методам психологии и психоанализа.

Современные тенденции в толковании предмета, проблемного поля и возможностей исторического исследования порождают определенные источниковедческие подходы. Они, на наш взгляд, базируются на понимании исторического источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности, явления культуры [6. С. 100–136]. В свою очередь, это ориентирует на системное изучение источников, но обращение ко

всему объему произведений культуры (в широком смысле), созданных в процессе человеческой деятельности и отразивших в себе различные аспекты развития общества и личности [7. С. 26–27]. Особую значимость имеют источники личного происхождения, язык которых рассматривается как способ самовыражения человека. Повторяемость и устойчивость речевых практик в источниках может служить основой для более широких обобщений [5. С. 73]. Осознание «непрозрачности» всякой социальной реальности, не имеющей прямого и непосредственного выражения в источниках, определило постановку вопроса о необходимости интерпретации источникового материала с помощью современных научных подходов и методов целого ряда смежных наук.

Актуальными остаются классические требования к источниковедческому разделу любой исторической работы: солидность и разнообразие источниковской базы; привлечение всех доступных источников по теме; умение квалифицированно решать вопросы, связанные с использованием различных их видов, их научной критикой; скрупулезность и тщательность анализа. Одним из важнейших источниковедческих подходов является принцип соответствия характера и типа используемых источников предмету исследования, а также методам их обработки (принцип «изоморфности»).

В то же время в процессе исторического исследования должны быть вовлечены не только процедуры научного анализа, но и синтеза, в которых большую роль играют интуиция, сила мысли и творческое воображение ученого, его умение «расшифровать» культурные коды прошлых эпох. Это, наряду с использованием междисциплинарных научных подходов и методов, позволяет исследователю, изучая индивидуальность человека другого общества или эпохи, постигать «чужую одушевленность».

Примечания

1. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997.
2. Русакова О.Ф. Философия и методология истории в XX веке: школы, проблемы, идеи. Екатеринбург, 2000.
3. Керов В.В. Отношение крайне правых к думским учреждениям предвоенного периода // Россия в XX веке: Люди, идеи, власть. М., 2002.
4. Так, например, герменевтический подход в качестве одной из составляющих методологического синтеза находится в основании таких новаторских работ отечественных авторов, как монография А.Л. Юрганова (Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998) и монографии И.Н. Данилевского (Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.)). М., 1998; Он же. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001.

5. Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник, 1998/1999. М., 1999.

6. Медушевская О.М. Феноменология культуры: Концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. М., 1999. Т. 2 (120).

7. Источниковедение: теория, история, метод. Историки российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский и др.

Ю.В. Куперт

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ КАК ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Представленное сообщение имеет цель – привлечь внимание к проблеме исторического факта, его места в системе исторического познания, его оценки и интерпретации. В настоящее время этот сюжет редко рассматривается в исторической литературе. Между тем вопрос об «историческом факте» – один из «вечных» вопросов исторической науки, в первую очередь источниковедения. Подход к его решению обычно носил дискуссионный характер и не приводил к всеобщему согласию, хотя основанием исторических исследований являются именно исторические факты, сведения о которых исследователи получают через посредство исторических источников. Увы, при обращении к понятию «исторический факт» возникает множество вопросов, так как приходится иметь дело с этой, по меткому выражению А.Я. Гуревича, «проклятой проблемой исторического познания» [1]. В самом деле, как, к примеру, отграничить «источник» и «исторический факт», либо установить степень объективности и достоверности «исторического факта», определить возможности его наиболее полного познания, а затем осмыслиения и достижения с его помощью исторической правды? Можно ли согласиться с утверждениями о двойственной природе «исторического факта» как элемента действительной истории, с одной стороны, и абстракции, то есть истории виртуальной, с другой? Это только часть возникающих проблем. Безусловно, для ответа на них требуется взаимодействие исторической науки с рядом других наук, то есть междисциплинарный подход.

Общеизвестно, что целью науки является постижение истины. Эта цель достигалась историками (если отвлечься от изнурительного кропотливого труда по её достижению) сравнительно легко, когда понятие «исторического факта» рассматривалось лишь в качестве простого открытия реальности прошлого, подтверждённого получением конкретных показаний источников и документальных сведений о произошедших в прошлом событиях. Отголоском того благословенного времени является незыблёме в поколениях историков благожелательное отношение к сбору фактов, бережному к ним отношению и строгому их описанию в духе требования, высказанного Л. Ранке, – неизменно стоять на почве твёрдо уста-

новленных фактов, или знаменитого призыва Фюстель де Куланжа о необходимости всегда опираться на тексты, что, впрочем, не утратило значения и в наше время, поскольку всё больше утверждается представление о любых источниках, как о текстах, доносящих до исследователя сведения об ушедшей реальности [2]. В сущности ту же мысль очень тонко подчёркивал Ю.М. Лотман: «Историк обречён иметь дело с *текстами*. Между событием «как оно произошло» и историком стоит текст и это коренным образом меняет научную ситуацию... Факт для него не исходная точка, а результат трудных усилий. Он сам создаёт факты, стремясь извлечь из текста внеtekстовую реальность, из рассказа о событии – событие... факт – не концепт, не идея, он – текст, то есть имеет всегда реально-материальное воплощение, он есть событие, которому придано значение...» [3].

Положение изменилось, когда окончательно выяснилось, что при обращении к истории люди не в состоянии избавиться от личных пристрастий, что правда факта далеко не гарантирует правды его интерпретации. Попытки преодолеть эту трудность способствовали развитию представлений об истории как процессе самопознания, более того, к истории как истории мысли, ибо единственным субъектом исторического процесса является человек. Как известно, такое видение исторического познания привело Дж.Р. Коллингвуда к его концепции «научной истории». Исторический факт ещё не отрицается, но он уже не мыслится вне человека, ибо выглядит в качестве элемента обобщения человеческого опыта. По Коллингвуду, историческая мысль, являясь принадлежностью историка, то есть исторического субъекта, автономна, независима, поэтому историк отбирает важный, по его мнению, материал, не заботясь о воспроизведении всего обнаруженного в источниках, и в результате конструирует то, что с логической необходимостью вытекает из полученных им данных. Критерием исторической истины становится «идея самой истории, идея воображаемой картины прошлого» [4. С. 204–205].

В ХХ в. по мере становления неклассической философии истории, а затем и постнеклассической рациональности (по определению Е.М. Сергеичика [5. С. 438]), в процессе выдвижения на первый план проблем, связанных со становлением социально-антропологического подхода к историческому действию, происходит нарастание скептического, порой даже нигилистического отношения к «историческому факту», который противопоставляется событию, имевшему место в прошлом, поскольку знание этого факта, претерпевшее, прежде чем дойти до исследователя, мас-су интерпретаций, уже не соответствует истине, а порой являет её проти-

воположность. Отсюда очень близко до вывода, что историческая истина необъективна и относительна. Такой вывод чрезвычайно соблазнителен ещё и потому, что история инвариантна, а её события неповторимы во всей множественности связей и отношений, в которых она протекает. К тому же историк-исследователь никогда не имеет в руках во всей полноте материалов о событиях прошлого, ибо они в значительной части утрачиваются искажаются под влиянием времени.

Но значит ли это, что мы должны отказаться от всякого доверия к историческим фактам и искать другие пути установления исторической истины? Конечно, без поиска нового знания, новых методов, разработки способов отбора исторических фактов и объяснения событий прошлого, вскрытия причинных связей и исторических закономерностей не может быть исторической науки, останется только мифотворчество.

Но не следует забывать и о том, что, как показала историческая практика, сам «исторический факт» не прост. Можно согласиться с А.Я. Гуревичем, что он внутренне сложен, не атомарен, а представляет собою совокупность большого числа событий, связанных воедино [1. С. 84–85]. То есть «исторический факт» – это не просто фрагмент действительности, канувший в Лету, но это ещё и факт, осознанный историком, несущий поэтому определённое отражение современной историку действительности, которая не могла не отразиться через мысль исследователя в самом историческом факте.

Но это не имеет ничего общего с модными ныне построениями, пред следующими цель создать новые образцы исторических конструкций, исходящие из того, что ввиду чрезмерной отдалённости многих исторических событий от современности и фрагментарности наших знаний о них, следует признать разумным построение здания прошедшей истории, опираясь на логику и разум исследователя, обладающего достаточной гибкостью ума. Как порождение ультрасовременного постмодерна предлагается фактически некая виртуальная история, полученная умозрительно, но порой весьма искусно, ибо создаётся веер концепций возможного исторического развития, только выбор связан не с реальным историческим контекстом, а с гипотезами автора или коллектива авторов. Главное требование к такого рода построениям – создание непротиворечивого сценария событий. Классическим примером такого рода использования «исторических фактов», которым вследствие их внутренней сложности и даже противоречивости можно придать самые причудливые формы, являются построения «школы Фоменко», труды А. Бушкова и А. Буровского «Россия, которой не было», книга А.К. Гуца «Многовариантная история Рос-

сии» [6] и другие. При этом говорить об исследовании имеющихся и особенно новых фактов, их отборе и осмыслении просто не имеет смысла.

Если историк исходит из возможности объективного познания истории и стремится реализовать эту убеждённость, он может рассчитывать только на квалифицированный методологический анализ и основательное использование методов обществоведческого исследования.

Примечания

1. Гуревич А.Я. Что такое исторический факт? // Источникование. Теоретические и методические проблемы. М.: Наука, 1969.
2. См., например, Мак-Нил В. Цивилизация, цивилизации и мировая система // Цивилизации. М.: Наука, 1993. Вып. 2.
3. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996.
4. Коллингвуд Дж.Р. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1990.
5. Сергейчик Е.М. Философия истории. СПб.: Лань, 2002.
6. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Империя. Русь, Турция, Китай, Европа, Египет. Новая математическая хронология древности. М.: Факториал, 1996; Гуд А.К. Многовариантная история России. М.; СПб.: Полигон, 2001; Бушков А., Буровский А. Россия, которой не было. Красноярск: Бонус; М.: Олма-Пресс, 2002.

Ю.М. Ярков

ДОКУМЕНТ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ОСНОВА РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОШЛОГО

Исторические документы представляют собой уникальную (и радостную для души исследователя) базу изучения прошлого своей Родины. Особенно выделяются в этом контексте архивные документы и материалы по истории России XX в. Во-первых, этих документов очень много. Только в областных архивах одной Свердловской области хранится около трех миллионов дел, подавляющее большинство из которых относится к советскому периоду. Количество непосредственно документов здесь не подсчитано, но если помнить, что в различных делах имеется от нескольких единиц до нескольких десятков единиц документов, то можно понять, что только в одной Свердловской области хранятся десятки миллионов архивных документов XX в. Во-вторых, доступ к значительному количеству этих документов относительно свободный. В-третьих, большинство документов советского периода, хранящихся в государственных архивах, до сих пор ни разу не использовались исследователями и не введены в научный оборот.

Чтобы максимально объективно реконструировать историческое прошлое, исследователю надо постараться не попасть заранее под влияние чужого (хотя и авторитетного) мнения. Автору научной работы желательно изучить проблему самостоятельно, вообще не зная (пока не зная) ничьих мнений по этому же вопросу и, тщательно поработав с архивными первоисточниками, сформировать свое собственное мнение, подкрепленное аргументацией не трудов авторитетных ученых, а аргументацией архивных документов и материалов. Только после этого (после сформирования собственного мнения) можно приступить к изучению исторических трудов своих предшественников и современников. Такой подход (сначала – архивы, а только потом – историография) позволит автору: 1) в случае сходства своих позиций с мнениями других исследователей получить большое морально-психологическое удовлетворение; 2) в случае же расхождения выводов устроить мучительное (возможно даже многолетнее), но полезное состязание аргументов и выводов (своих и оппонента) в собственной голове. В результате такого мозгового штурма (или череды штурмов) останется либо полностью принять точку зрения оппонента, либо принять её частично и в чём-то скорректировать свою,

нента, либо принять её частично и в чём-то скорректировать свою, либо еще более укрепиться в своей прежней концепции. Такая мозговая работа вряд ли окажется лишней и пойдет на пользу поддержания своего интеллекта в рабочей форме.

Кроме того, к сожалению, в исторической литературе встречаются некоторые фактологические неточности. И поправить их можно, как раз опираясь на архивные источники. Например, К.Я. Вотинова (1967 г.), касаясь результатов выборов в волостные земства в августе-сентябре 1917 г., утверждала: «В Пермской губернии большевиками были завоеваны и многие другие волостные земства – Чусовское, Кизеловское, Верхисетское, Нижнесалдинское, Нижнеуфалейское, Кыштымское и другие» [1. С. 57]. При этом никаких ссылок на источники такой информации К.Я. Вотинова в тексте не делает. Между тем архивные документы свидетельствуют о несколько другом раскладе политических сил. Например, в Кизеловском волостном земстве (Соликамский уезд) большевики получили 14 мандатов из 50 [2. Л. 12об.], в Чусовском [в документе «Чусовско-Заводском»] волостном земстве (Пермский уезд) большевики «взяли» 19 мест из 50 [2. Л. 15], в Нижне-Салдинском волостном земстве (Верхотурский уезд) большевики [в документе «большевики и интернационалисты»] получили всего три мандата из 50 [2. Л. 6]. То есть никаких побед большевиков на выборах в Кизеловское, Чусовско-Заводское и Нижне-Салдинское волостные земские собрания в августе-сентябре 1917 г. просто не было.

Другой пример. В советской историографии называлось разное количество большевиков в составе исполнительного комитета Екатеринбургского Совета рабочих депутатов в марте 1917 г. В одних трудах называется цифра 10 [3. С. 185; 4. С. 239], в других – 9 [5. С. 38; 6. С. 70; 7. С. 146] большевиков из 15 членов исполкома. Так десять или девять, кому верить? Неизвестно. Разобраться в этом историческом эпизоде можно, видимо, только изучая первоисточники.

Таким образом, изучение архивных документов и материалов позволяет исследователю избежать искажения фактов в своих работах и увидеть эти искажения в работах других ученых, то есть критически осмыслить их труды (как впрочем, по прошествии времени, и собственные).

Исследователям хорошо известно, что можно недобросовестно использовать источник, приводя в качестве цитаты ту часть документа, которая соответствует концепции автора и одновременно сознательно игнорировать другую часть этого же документа с «неудобными» словами, и тем самым фальсифицировать историю. А можно и наоборот – делать та-

кие купюры в документе, которые уменьшают его объем при цитировании, но сохраняют суть содержания без искажений. Как разобраться до-тошному читателю в том, верно ли передано содержание документа? Одним способом – самому лично изучить данные документы и произвести объективную реконструкцию прошлого.

К сожалению, архивные документы и материалы, как и историография, бывают небезгрешны, но в документах «грехи» встречаются значительно реже, чем в историографии. Зачастую документы содержат противоречивую или просто различную информацию об одном и том же событии.

Например, в конце апреля 1917 г. в Екатеринбурге имел место факт уничтожения солдатами памятников и портретов бывшей царской династии Романовых. Но какого именно числа это случилось? По данным газет «Думы Урала» и «Зауральский край» – 25 апреля [8. С. 3; 9. С. 3] по старому стилю, по сообщению «Уральской жизни» – 26 апреля [10. С. 3], а согласно письменному отчету Екатеринбургского городского комиссара Временного правительства А.Е. Обухова – 27 апреля [11. Л. 30] 1917 года. Четыре архивных источника указывают три разных даты одного события. Видимо, в этом случае доискаться до истины уже не представляется возможным.

Приведем ещё один пример разнотений в архивных документах. 14–15 апреля 1917 г. в Екатеринбурге состоялась 1-я Уральская (Свободная) областная конференция РСДРП. Черновые подлинники стенограммы велись одновременно двумя, а временами – тремя записывающими. Наверное, в силу авторского права записывающих (какие именно слова считать главной мыслью в выступлении оратора и поэтому обязательно зафиксировать, а что второстепенной мыслью и потому необязательной для записи) их рукописные подлинные варианты черновых записей несколько отличаются друг от друга. Но также отличаются и более поздние по времени машинописные расшифровки всех этих записей вместе взятых. Первая расшифровка черновиков была произведена в 1926 г. В.А. Воробьевым (в ЦДОО СО имеется два её экземпляра с незначительными техническими отличиями одного от другого), а вторая проведена в 1934 г. Ф.П. Быстрых (под редакцией С.С. Моисеева). В этих стенограммах можно сравнить, например, слова председателя конференции Л.С. Сосновского по вопросу объединения большевиков с меньшевиками на Урале весной 1917 г. Второй вариант (1934 г.) текста речи Л.С. Сосновского значительно больше по объему, чем его же речь, но в более ранней редакции (1926 г.). В расшифровке 1934 г. указывается точное количество объединенных и раздельных организаций социал-демократов, а в тексте 1926 г.

такая статистика отсутствует. В речи образца 1934 г. перечисляются названия меньшевистских и большевистских газет, которых нет в речи 1926 г. [12. Л. 64, 13; Л. 113–114, 14; Л. 56]. Почему так получилось? Какими источниками пользовались Ф.П. Быстрых и С.С. Моисеев в 1934 г., составляя более подробную речь Л.С. Сосновского? У автора данной публикации нет ответа на эти вопросы, а архивные документы-подлинники, как видим, допускают существенные разнотечения прошедшего события. И здесь дотошный исследователь, конечно же, попадает в непростую ситуацию, выход из которой проглядывается слабо.

Однако, несмотря на вышеназванные погрешности, архивные документы и материалы являются, всё-таки, основой реконструкции отечественной истории XX в., потому что другой основы (за исключением исторической памяти народа) у нас, пожалуй, больше нет или почти нет.

Примечания

1. Вотинова К.Я. Борьба пермских большевиков за мобилизацию рабочего класса на подготовку и проведение Октябрьской социалистической революции // Из истории партийных организаций Урала (1917–1967): Ученые записки № 189. Пермь, 1967.
2. ГАПО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 17.
3. Большевики Екатеринбурга во главе масс. (Борьба за победу революции и упрочение Советской власти (1894–1920 годы) / Под общ. ред. К.М. Мкртчяна. Свердловск, 1962.
4. Очерки истории коммунистических организаций Урала. В 2 т. Т. 1 (1883–1920 гг.) / Науч. редактор Ф.П. Быстрых. Свердловск, 1971.
5. Адамов В.В. Февральская революция на Урале. Свердловск, 1967.
6. Гантман Л.М. Из истории образования и деятельности Советов Пермской губернии в период двоевластия // Из истории партийных организаций Урала (1917–1967): Ученые записки № 189 / Отв. редактор Я.Р. Волин. Пермь, 1967.
7. Дробышев Г.А. Советы рабочих и солдатских депутатов Пермской губернии в период двоевластия // Рабочие Урала в период капитализма (1861–1917): Сб. науч. трудов. Свердловск, 1985.
8. Думы Урала (Екатеринбург). 1917. 28 апр.
9. Зауральский край (Екатеринбург). 1917. 28 апр.
10. Уральская жизнь (Екатеринбург). 1917. 28 апр.
11. ГАПО. Ф. 167. Оп. 2. Д. 27.
12. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1.
13. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 58.
14. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 59.

Г.И. Кан

УСТНАЯ ИСТОРИЯ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДА (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ОГУ «ЦДНИ ТО» ПО ИНИЦИАТИВНОМУ ДОКУМЕНТИРОВАНИЮ)

Почти десятилетний опыт работы Центра документации новейшей истории Томской области по инициативному документированию, а именно по записи воспоминаний томичей о времени и о себе, наряду с положительными оценками заинтересованной научной общественности, выявил в то же время ряд проблем. Однозначному решению эти проблемы, скорее всего, не поддаются, а стало быть, нельзя однозначно решить неизбежно возникающий в нашей практике вопрос: Должны ли записью устной истории заниматься архивисты? Во всяком случае, мы хотели бы поднять эти вопросы в научном сообществе гуманитариев с целью информирования возможных потребителей об особенностях создаваемых нами документов устной истории.

Дело в том, что «из-под пера» архивиста выходит продукт, не совсем укладывающийся в понятие «устной истории» как метода исследования. В существующей методической литературе по устной истории речь всегда идет о работе исследователя, а не архивиста.

Исследователь, например историк, начиная работу по сбору устных источников, формулирует для себя интересующую его проблему, определяет конкретные цели и задачи, возможно, имеет готовую гипотезу, которую хочет подтвердить или опровергнуть в результате получения устной информации. Соответственно теме и концепции своего исследования он подбирает респондентов.

Архивист иногда тоже становится исследователем конкретной проблемы, когда готовит плановые документальные публикации по определенной теме. В этом случае он равен исследователю-историку. Но здесь речь пойдет о тотальном сборе архивистами устной информации, когда опрашиваются самые разные люди, преимущественно пожилые, преимущественно те, кто сам не может или не хочет документировать свою жизнь. Респондентам предлагается рассказать о том, как сложилась их жизнь, жизнь их предков, жизнь детей и внуков. «Слово дается» не только выдающимся людям, но в значительной мере рядовым гражданам самых разных социальных слоев и судеб. Архивист выходит «в жизнь»,

чтобы дать возможность будущим исследователям услышать голос «безмолвствующего большинства» [1. С. 3], собрать некую сумму информации о прошлом, преломленном в судьбе конкретных людей. Кredo такого подхода можно выразить словами: «Это может пригодиться». Любая записанная информация рассматривается как имеющая потенциальное значение для исследования всевозможных проблем социальных наук, прежде всего, – истории. Обобщение записанной архивистами информации, соотнесение индивидуального человеческого опыта и более широких исторических процессов – это дело исследователей.

В таком широком подходе, возможно, скрыта стратегическая узость данного метода. Может быть, это стремление объять необъятное? Вместо того, чтобы разрабатывать конкретные актуальные темы, интересующие сегодняшнего исследователя, масса времени тратится на то, что может оказаться и невостребованным. Очевидно, нужен регулярный диалог с возможными потребителями устных источников, создаваемых в архивах в результате инициативного документирования.

Другая особенность и проблематичность создаваемого в архиве документа устной истории заключается в способе его сохранения.

В ЦДНИ ТО до сих пор записи воспоминаний делались на магнитофонные кассеты. При отсутствии материальных средств и технических условий их длительного хранения аудиозаписи после транскрибирования затирались новыми записями, чего собственно устная история не предполагает. В порядке оправдания можно сослаться только на тот факт, что еще не было случая в практике работы архива, когда бы исследователь (в основном историк) просил предъявить ему саму аудиозапись, его вполне устраивает письменный текст, с которым он может работать мобильнонее. К письменному тексту исследователь относится с доверием, ведь текст интервью проверен и подписан автором воспоминаний. В аудиозаписи могут неясно звучать упоминаемые фамилии, географические названия, специальные термины, ошибочно названы даты, зачастую скомкано, неясно звучат отдельные сюжеты, непонятно, кого или что имеет рассказчик в виду, затрудняют восприятие повторы, неожиданные переходы с одного предмета на другой. Все это устраняется в процессе перевода аудиозаписи на бумажную основу и последующего авторского уточнения, исправления, дополнения письменного текста. Некоторые наши рассказчики ушли ныне из жизни, но информация, носителями которой они являлись, сохранилась для потомков хотя бы на бумаге.

Конечно, мы в таком случае суживаем круг возможных потребителей записанных нами историй, ведь транскрипт звукозаписи – просто её

письменный текст. Он не может иметь самостоятельного значения для таких исследователей как, например, психологи, этнологи, лингвисты. Один из российских специалистов в области устной истории Г.Е. Горелик считает вокальное качество устных свидетельств главным, ибо оно позволяет оценивать характер личности свидетеля: «Темп речи, её неровность и паузы, звуковая ирония и обескураженность отражают душевное состояние и добавляются к «юридическому» содержанию свидетельства» [2]. С этим нельзя не согласиться, но практика ЦДНИ ТО такова, что потребителями документов нашей коллекции воспоминаний становятся в основном историки, которых интересует более всего фактологическая сторона устных свидетельств, на каких бы носителях они ни сохранялись.

Ныне архив получил возможность перейти к цифровым технологиям аудиозаписи и последующая работа по записи устной истории позволит, наконец, сохранять «живой» текст документа, что не исключает, на наш взгляд, необходимости продолжения практики расшифровки устных текстов на бумаге. Все же письменный текст по-прежнему продолжает определять логику мышления исследователей, и транскрипция значительно облегчает анализ полученных материалов.

Наиболее проблематичным в работе по записи воспоминаний является вопрос о правомерности вмешательства архивиста в устный текст при его транскрибировании. Понятие «транскрибирование» означает дословное воспроизведение аудиозаписи интервью в письменной форме. На практике по ряду причин после транскрибирования приходится воспроизведенный текст редактировать. Да и сама транскрипция всегда предполагает определенное истолкование материала. Расстановка знаков препинания, разбивка текстов на предложения и абзацы – это уже истолкование мысли рассказчика.

Даже самая гладкая и выразительная речь на бумаге при дословной передаче звучит неуклюже. Устная речь изобилует повторами, незаконченностью предложений, рассказчик перебирает синонимы, пытаясь найти подходящее слово, и так далее. Поэтому дословный текст интервью в письменной форме производит негативное впечатление, прежде всего, на самого интервьюера, и он под таким текстом не всегда поставит свой автограф. Наш первый опыт был связан с записью рассказа известного томского ученого-фармаколога А.С. Саратикова. Живая, образная, яркая речь человека, привыкшего к аудитории, на бумаге выглядела так, что профессор в ужасе воскликнул: «Неужели я так говорю?! У меня волосы дыбом!». После этого тексты наших респондентов мы стали редактировать, хотя и стремимся максимально сохранить особенности речи и характер

изложения автора. А далее и сами рассказчики при вычитывании текстов стараются что-то исправить, дополнить. В результате получается новый документ, уже далекий в разной степени от оригинала записи. Такой документ по форме изложения приближается к письменным мемуарам. Именно этого, собственно, и хотят наши респонденты, и с этими их желаниями приходится считаться. Гладко изложенное жизнеописание как конечный результат совместной работы – это зачастую главное условие, при котором человек соглашается на интервью. В переговорах о записи истории жизни того или иного выбранного нами респондента для получения согласия едва ли не решающим доводом становится обещание архива передать автору второй экземпляр текста воспоминаний, который он сможет оставить своим потомкам. Но созданный нами таким путем документ к мемуарам в чистом виде отнести все же нельзя. В нем сохраняются особенности устной речи, а это уже другой жанр. Известный в Томске деятель культуры В.С. Цейтлин, знаток и ценитель классической литературы, хоть и подписал записанный с ним текст воспоминаний, однако остался недоволен качеством письменного текста именно потому, что он не имеет литературной формы. Приходится разъяснять респондентам, что устная речь качественно отличается от литературного текста.

В нашей работе возникают также правовые и этические проблемы, связанные с авторским правом. С правовой точки зрения авторское право на созданный документ принадлежит равно как интервьюеру (или организации, заказавшей проведение интервью), так и респонденту. С респондентом заключается договор о творческом сотрудничестве, в котором предусматриваются права и обязательства обеих сторон по поводу записи воспоминаний, оговариваются условиях их использования (в том числе публикации). Нет нужды говорить, что нами оговоренные обязательства и условия выполняются неукоснительно. В этом и правовое послушание, и профессиональная этика архивиста. Проблема довольно часто возникает по вине авторов воспоминаний. Одним из условий договора с респондентом является требование при использовании документа делать взаимные ссылки: архив – на автора, автора – на архив как на создателя и хранителя документа (напоминанием об этом для пользователей является специальный кадр в начале документа). Но бывают случаи, когда созданный архивистом документ попадает третьим лицам через автора воспоминаний, используется ими в публикациях без ссылки на архив. Например, журналисты под видом собственного интервью подают в печать очерки о наших респондентах, где дословно излагается текст созданного нами документа. То же встречается в краеведческих изданиях. Восста-

навливать нарушенное авторское право юридическим путем для нас не-реально, и проблема остается на этическом уровне.

Однако при наличии вышеперечисленных проблем нас подвигает на продолжение сложившейся практики инициативного документирования осознание того, что зафиксированная нами информация становится дос-тоянием знания.

Примечания

1. Цит по кн.: Лоскутова М.В. Устная история: Методические рекомендации по проведению исследования. СПб.: Европейский дом, 2002.
2. Горелик Г.Е. Аудиокультурология // Сборник докладов конференции «ЭХОЛОТ». М., 2001 // http://ggorelik.narod.ru/OralHistori/Echolot_GG2001.htm

В.М. Рынков

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ: ПРОБЛЕМА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ И ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Традиционным для отечественного источниковедения стало выделение прессы как особого вида источника. Эта группа включается в один ряд с законодательными, делопроизводственными и личными источниками. При этом очевидно нарушение важнейшего логического принципа – в основе такой группировки не заложено единое основание. Тем не менее общепринятое деление сохраняется и воспроизводится по инерции в подавляющем большинстве исследований по истории России XIX–XX вв.

Это закономерно, и станет вполне понятным, если мы обратимся к источниковедческим исследованиям. Единицей источниковедческого анализа в них считается отдельное газетное или журнальное издание. Отечественными историками достаточно полно рассмотрены важные вопросы о степени свободы и несвободы периодической печати, проведен анализ круга изданий, исследованы их идеально-политические позиции. Однако подход к периодике как к особому виду источников нельзя признать научным. Он вполне работает для решения лишь некоторых исследовательских задач, и только в том случае, если основное внимание уделяется идеологическим спорам, анализу редакционных и полемических материалов, то есть всему тому, что является уникальным для периодики и нацелено главным образом на проявление активной политической позиции, а не информирование. Кроме того, важнейшей задачей источниковедческого анализа исследователи всегда считали извлечение из «источников» информации по определенной теме, т.е. задавали источнику вопросы с позиции историка, а не источниковеда. В результате такого подхода остался не выявленным весь информационный потенциал прессы и, что важнее, не определен даже круг видов источников, помещавшихся в периодике. Анализ источников подменён анализом самих изданий.

Необходимо распрощаться с этой традицией, полностью изменив подход к источниковедческому анализу прессы. «Источниковой» единицей следует считать каждую отдельно взятую публикацию. Пресса – это место публикации источников и одновременно способ их публикации, отличающиеся периодичностью и целостным подходом редакции к делу

опубликования. Но это не меняет природу публикуемых источников и делает невозможным выделение периодики как отдельного типа источников. Напротив, периодическая печать сама содержит в себе источники всех видов и подвидов: законодательные, документальные и повествовательные. Многие разновидности последних специфически присущи именно периодическим изданиям. Если архивохранилища позволяют исследователю знакомиться с целостным делопроизводством определенного фондообразователя, то периодическая печать представляет две другие уникальные возможности:

- 1) анализировать многоаспектный комплекс источников, сформировавшихся в процессе жизнедеятельности общества и отражающих определенную политическую, идеологическую или ведомственную тенденциозность (т.к. редакция целенаправленно определяет совокупность и порядок публикаций);
- 2) включаться в жизненный мир определенной местности, организации, группы людей, прослеживая хронику придания информации публичного характера.

Такой подход не принят в российском источниковедении, но, на наш взгляд, позволяет гораздо глубже разобрать круг источников, которые историки извлекают из газетных и журнальных изданий. Он задает совершенно другие параметры источниковедческого анализа и предполагает нижеследующую классификацию источников.

Законодательные и иные нормативно-правовые источники. Следует отметить, что поскольку документы такого характера вступают в юридическую силу, как правило, с момента публикации и действуют в том виде, в котором приданы огласке, то их тексты, опубликованные в соответствующем периодическом издании, являются подлинником и даже более авторитетным экземпляром документа по сравнению с архивными копиями.

Делопроизводственные документы встречаются в периодических изданиях достаточно часто, особенно в ведомственных. Многие из них относятся к так называемым оперативным публикациям, само осуществление которых является составной частью делопроизводства. Достоинства использования газетных и журнальных документальных публикаций: к ним проще доступ, и исследователь получает возможность знакомиться с текстом, получившим огласку. Недостаток же состоит в оторванности от делопроизводства, его «выхваченности» из контекста бумажного документооборота, общий анализ которого для историка подчас чрезвычайно важен. Делопроизводственные документы имеют сложную внутреннюю

классификацию, и она в полной мере может быть распространена на газетно-журнальные публикации документов.

Информационно-повествовательные источники: сводки, обзоры, сообщения, объявления, заметки, хроники, информация, подготовленные как в недрах государственного аппарата, так и информационными агентствами для публикации. Разновидностью информационно-повествовательных источников будут объявления и многочисленные виды рекламы. Специфической чертой этого вида источников является то, что в них в свободной форме пересказывается событие, или, что часто случается, содержание некоего документа или группы документов, которые в данном случае выступают как источники информации. Подавляющая часть такого рода материалов присутствует в виде газетно-журнальных заметок в хроникальных или информационных рубриках. Естественно, что архивные варианты этих источников почти не сохранились. При использовании информационно-повествовательных текстов следует учесть источник информации, близость к документальному оригиналу, полноту отражения события.

Вообще ценность информационно-повествовательных источников определяется тем, что они, во-первых, более доступны, а подчас восполняют утраченные или закрытые для доступа документы; во-вторых, такие источники косвенно сообщают исследователю о наличии документальных первоисточников, что позволяет более адресно направлять усилия на поиск наиболее важных архивных документов. Нередко газетный «первоисточник» является документальным, а его газетный же «дубляж» в других изданиях – повествовательным. Полноту информации можно определять путем сравнения с документальным первоисточником, но часто такой возможности у исследователя нет, к тому же обычно такая операция нецелесообразна с точки зрения соотнесения усилий по поиску первоисточника и достигнутого результата. Проще руководствоваться интуицией и общим знанием материалов периодической печати. Часто близость к документальным текстам определяется не степенью добросовестности автора, а элементарным наличием объема отведенного для информации газетно-журнального места. Многие повествовательные источники, даже краткие, являются достаточно достоверными для использования в конкретно-историческом исследовании (например, заметка о продаже товара по продовольственным карточкам) и не требуют перепроверки по документальным материалам. Выявление документального первоисточника целесообразно, только если сюжет имеет ключевое значение. Хотя, естественно, следует оговориться, что в подавляющем числе случаев ин-

формационно-повествовательный источник является суррогатным носителем информации и, конечно, менее достоверным, чем документальный, так как в нем всегда опускаются второстепенные с точки зрения создания этого источника детали.

Из документов личного происхождения в прессе редко встречаются воспоминания, почти отсутствуют дневники. Это обусловлено невозможностью крупных публикаций, интимным характером дневников и неоперативностью написания мемуаров. Естественно, что в данном случае исключение составляет научная периодика. Зато специфически газетно-журнальными жанрами являются репортажи, интервью, путевые заметки и такой вид эпистолярно-личных источников, как письма в органы власти или в редакции периодических изданий. Столь же характерно и то, что они часто публикуются вместе с ответами. Этот вид источника, эпистолярный по форме, по содержанию нередко граничит с публицистическим текстом, поскольку многие авторы создавали его именно из расчета на приздание публичной огласке.

Еще в большей степени газетно-журнальным по своему характеру является публицистика. В этом жанре авторство определяет очень многое. Раньше особенно важны были редакционные статьи, но в последние годы они утрачивают свою роль. Значительную ценность представляют произведения известных политиков и общественных деятелей. Большой общественный резонанс вызывает публицистика профессионалов-журналистов, а также аналитические обзоры профессионалов – экономистов, искусствоведов и т.д. Последний вид источников находится на границе между публицистическим и научным текстом.

Научные исследования в прямом смысле этого слова чаще всего встречаются в профессиональных журналах. Собственно историческим источником являются лишь текущие (современные по отношению к объекту исследования) научные публикации. Более поздние тексты справедливо относить к историографии.

Необходимо упомянуть о художественной литературе. Традиционные литературные жанры представлены в специализированных журналах. Но есть разновидности художественных текстов, публикуемых почти в любых периодических изданиях общей направленности: фельетоны, пародии, рассказы, очерки. Обычно они являются оперативной реакцией людей, обладавших художественным даром на актуальные проблемы общественной и хозяйственной жизни. Ценность такого источника неоспорима.

Иллюстративный материал (фотографии, рисунки, схемы и так далее), встречающийся в периодике, имеет одну важную особенность. Он, с од-

ной стороны, является частью источника, в который встроен, а с другой стороны, может выступать как самостоятельный источник.

Все разновидности источников, встречающихся в периодической печати, охватить невозможно, но основные включены в данный обзор. При описании и группировке источников любого исторического исследования, они логично включаются в единую классификацию и группировку наряду с источниками, извлеченными из архивов и непериодических изданий. Причем многообразные и разноплановые повествовательные источники, используемые исследователями, но ранее остававшиеся за рамками источниковедческих обзоров, на этот раз получают в них свое отражение.

Т.В. Кисельникова

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ДИАЛОГОВОГО ХАРАКТЕРА В РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЙ РОССИЙСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ РУБЕЖА XIX–XX вв.

Мне уже приходилось характеризовать источники по изучению указанной проблемы [1], но тогда речь шла о самых общих параметрах. Данное выступление является продолжением этой темы.

Как известно, если использовать в качестве критерия отбора степень выраженности авторского мнения, то исторические источники можно условно разделить на три группы:

1) индивидуализированные в максимальной степени; 2) источники диалогового характера, которым присуща форма полемики с реальным или воображаемым оппонентом; 3) материалы, отражающие коллективное интеллектуальное творчество, где авторские позиции «усреднены» в результате компромисса.

Для реконструкции социальных концепций – сложных теоретических построений – наибольшее значение имеют источники первой и второй групп. Первые (авторские работы разного рода: книги, статьи, доклады, лекции и другие) цепны тем, что позволяют проанализировать суждения автора, определить принципы его научной позиции. Вместе с тем исследователь должен быть готов к разного рода ограничениям в использовании таких работ. Дело в том, что на источники свою печать накладывает время, в котором довелось жить и творить мыслителям. Применительно к России конца XIX – начала XX в., это означает, что работы создавались (в особенности авторами левого направления общественной мысли) в сложных условиях цензуры и полулегальности, и потому могут иметь лишь минимальную источниковедческую и археографическую обработку в виде предисловий, примечаний, комментариев.

В такой ситуации резко возрастает ценность источников диалогового характера: материалов научных дискуссий; рецензий; переписки и публистики. Исследователю российской общественной мысли рубежа XIX–XX вв. его работа облегчается тем, что полемического материала сохранилось немало, поскольку то бурное время было временем расцвета деятельности многих журналов. Обмен мнениями по научным и публицистическим вопросам происходил на страницах популярных журналов тех лет: «Вопросы филосо-

фии и психологии», «Заветы», «Русская мысль», «Русское Богатство», «Научное обозрение», «Революционная Россия» и других. Решению той же исследовательской задачи способствует и изучение переписки. В 1920–1930-е гг. усилиями прежде всего Б.И. Николаевского была издана за границей значительная часть эпистолярного наследия видных теоретиков российской социал-демократии П.Б. Аксельрода, Г.В. Плеханова, А.Н. Потресова, Ю.О. Мартова. Аналогичные материалы издавались в те же годы и в России и, после большого перерыва, издаются сейчас.

Проиллюстрировать сказанное можно примером из нашего диссертационного сочинения [2. С. 511–540]. Так, глубину и характер разногласий в понимании содержания ряда экономических теорий в марксизме между В.И. Лениным, с одной стороны, и С.Н. Булгаковым, М.И. Туган-Барановским, П.Б. Струве, с другой, можно было выявить, лишь используя весь комплекс материалов по этим вопросам: не только монографии мыслителей, но и их полемические статьи, рецензии на научные труды и переписку с коллегами и друзьями.

В частности, письмо В.И. Ленина А.Н. Потресову, в котором он критикует методологические подходы М.И. Туган-Барановского и П.Б. Струве к изучению экономических теорий К. Маркса, позволяет уточнить методологические предпочтения В.И. Ленина. Расширяет представления о В.И. Ленине – исследователе содержание его отклика о рецензии П. Скворцова (и сама рецензия, конечно) на монографию «Развитие капитализма в России». Статья В.И. Ленина «Заметка к вопросу о теории рынков (По поводу полемики гг. Туган-Барановского и Булгакова)», в которой он, напомнив их ранние точки зрения (изложенные в книге М.И. Туган-Барановского «Промышленные кризисы в современной Англии» и книге С.Н. Булгакова «О рынках при капиталистическом производстве»), проследил эволюцию взглядов этих авторов, показывает, что в то время В.И. Ленин считал, что он с М.И. Туган-Барановским и С.Н. Булгаковым (при всех разногласиях) находится на одной стороне. Однако именно продолжение полемики, в которую позже вступил и П.Б. Струве, позволило В.И. Ленину сделать вывод, что его собственная точка зрения принципиально несовместима с мнением всех трех оппонентов (хотя М.И. Туган-Барановский в письме А.Н. Потресову отмечал, что он никогда не покидал марксистскую точку зрения, лишь «усовершенствуя» ее «по мере (своих) сил»). Статья В.И. Ленина «Еще к вопросу о теории реализации» не оставляет сомнений на этот счет.

Подытоживая, можно сказать, что в идеино-теоретических вопросах позиции оттачиваются в полемике, поэтому реконструкция социальных

концепций без использования источников диалогового характера будет неполной и неточной.

Примечания

1. См.: Кисельникова Т.В. Специфика источниковой базы исследования социальных концепций российских мыслителей рубежа XIX–XX веков // Документ в меняющемся мире: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. проф. Н.С. Ларькова. Томск, 2004.

2. Кисельникова Т.В. Проблемы либерального социализма в российской общественно-политической мысли (1890–1917 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2004.

Е.И. Гололобов

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX вв.):
РЕКОНСТРУКТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ
ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ**

Взаимодействие природы и человека (общества) – одна из важнейших проблем современности. В ряде регионов страны деятельность человека, игнорировавшего экологические знания, нарушила допустимые пределы, что привело к тяжелым экологическим последствиям. К таким регионам можно отнести активно осваиваемый Север Западной Сибири.

Исторический опыт, как положительный, так и отрицательный, использования человеком природных ресурсов на Севере Западной Сибири полезен и необходим, так как может быть использован при разрешении многих новых и неизбежных конфликтов между природой и человеком на северных территориях, которые занимают значительную часть страны.

Существенный вклад в решение этих вопросов могут и должнынести научные разработки региональных проблем охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов на Севере Западной Сибири вообще и разработка исторических аспектов данной проблематики в частности. Подобные исследования должны опираться на серьезную документальную основу. Поэтому введение в научный оборот источников по проблеме взаимодействия природы и человека на севере Западной Сибири задача совершенно необходимая.

Исторический источник, в частности, архивный документ, по справедливому замечанию О.М. Медушевской, обладает уникальной природой. Это не только средство для выполнения информационных, административных или управлеченческих функций. Источник выступает не только как фрагмент прошлого, но и как компонент настоящего, способный воздействовать на общественное сознание [1. С. 9]. Архивные документы дают возможность сравнительно-исторического анализа, который необходим для выбора как общественной (личной) позиции, так и соответствующего типа поведения. Игнорируя прошлое, общество лишает себя необходимой информации.

Возможности источниковедения в решении поставленной задачи очевидны и достаточно обоснованы отечественными историками [2.

С. 262–275]. В распоряжении исследователя, занимающегося историко-экологической тематикой, имеется серьезная документальная основа [3]. Богатейшей источниковой базой для изучения проблем взаимодействия природы и человека на севере Западной Сибири являются архивы Тюменской и Свердловской областей (ГУТО ГА в г. Тобольске, ГАСО).

Работая над темой взаимодействия природы и человека, в первую очередь необходимо обратиться к изучению фондов государственных учреждений. Это материалы Тобольского губернского статистического комитета, Управления земледелия и государственных имуществ; Уральского (1923–1934 гг.) областного исполнительного комитета [4].

Важную роль в изучении проблемы взаимодействия природы и человека на Севере Западной Сибири имеют материалы органов управления сельским, водным и лесным хозяйством, в частности земельного управления исполнительного комитета Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Облзу). Управление было образовано 15 декабря 1923 г. на основании постановления ВЦИК СССР для осуществления мероприятий по развитию всех отраслей сельского хозяйства [5].

Существенно дополняют данные областного земельного управления фонды окружных учреждений: Земельного управления исполнительного комитета Тобольского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Тобольское окрзу) и Лесного отдела земельного управления Тобольского исполнительного комитета Тобольского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Тобольский окрлесотдел) [6].

Региональная нормативная база регулировала лесное и охотничье хозяйство. Делопроизводственная документация (отчеты, доклады, сведения, резолюции, выписки из протоколов и т.д.) содержит не только разностороннюю информацию о природных ресурсах и системах природопользования, но и предложения по улучшению и совершенствованию хозяйствственно-экономической деятельности, уделяя особое внимание бережному отношению к природе [7].

Охрана природы и ее всестороннее изучение тесно увязывалась с организацией массовой краеведческой работы. Север в этом отношении не был исключением. Краеведение рассматривалось как научное направление, как общественное движение, как метод изучения определенной территории и России в целом.

В октябре 1924 г. состоялась вторая Уральская областная краеведческая конференция, на которой было создано Уральское областное бюро краеведения (УОБК). В структуре УОБК была создана секция Севера.

В рамках этой секции разрабатывались и выносились на обсуждение УОБК вопросы, «связанные с краеведческим участием в деле изучения природы, культуры, быта и экономики северных окраин Уралобласти, главным образом Тобольского Севера». Этую деятельность отражают переписка с Комитетом Севера при Президиуме ВЦИК по вопросам деятельности секции Севера, протоколы УОБК, годовые отчеты, доклады, тезисы, резолюции о работе секции Севера, циркулярные письма об организации работы по охране памятников природы [8].

Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ) также принимало активное участие в краеведческой деятельности, сотрудничая с УОБК и с секцией Севера. Наибольший интерес в фонде УОЛЕ вызывают документы природоохранительной комиссии. Ее деятельность представлена протоколами заседаний, на которых рассматривались вопросы создания заказников на территории Уральской области, популяризации экологических знаний среди населения, отчеты о деятельности. Комиссией был собран богатый библиографический материал по различным проблемам охраны окружающей среды в России и СССР.

Выявленный комплекс архивных документов освещавших, процесс взаимодействия природы и человека на Севере Западной Сибири дает возможность осознать всю глубину существующих экологических проблем, определить их исторические корни.

Примечания

1. Медушевская О.М. Архивный документ, исторический источник в реальности настоящего // Отечественные архивы. 1995. № 2
2. Шмидт С.О. Проблемы взаимодействия общества и природы и некоторые вопросы источниковедения // Общество и природа: Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981.
3. Гололобов Е.И. История Сибири: экологическое источниковедение Северо-Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв.): Учебное пособие. Сургут, 2005. 122 с.
4. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 185, Ф. 417; ГАСО. Ф. Р-88.
5. ГАСО. Ф. Р-239.
6. ГУТО ГА (г. Тобольск). Ф. 176; Ф. 995.
7. Гололобов Е.И. Источники по истории взаимодействия природы и человека на Обь-Иртышском Севере (1923–1934 гг.) // Письменные источники по истории Западной Сибири. Сургут, 2004.
8. ГАСО. Ф. Р-677. Оп. 1. Д. 5, 17, 40, 51.

С.А. Красильников

ИЗ ОПЫТА ПОДГОТОВКИ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО СЕРИЙНОГО ИЗДАНИЯ «АРХИВЫ КРЕМЛЯ»

В современной историографической и источниковедческой литературе появился термин «архивная революция», содержательно отразивший феномен рассекречивания архивных «спецхранов» и расширение доступа к ним исследований, наступившее в начале 1990-х гг. в связи с радикальным изменением социально-политического строя в СССР (далее – России). Как и подобает всякой ломке, новации в историко-архивной сфере проявились в самых разнообразных и причудливых формах. Наметился, а в дальнейшем вырос до колossalных размеров, разрыв между корпусом ставших доступными для историков источников (прежде всего документов «директивных инстанций» и карательных органов) и технологиями обработки и вовлечения их в научный оборот. Наиболее распространенным и довольно примитивным способом публикации источников стал прием компьютерного набора текста документа с ксерокопии, пренебрегая при этом стилевыми и орфографическими особенностями источника, либо полностью воспроизводя текст без каких-либо оговорок. Данный «прием» получил очень меткую характеристику одного из ведущих отечественных археографов В.Ю. Афиани, назвавшего это действие «ксероксной археографией». Отметим, что если такого рода приемы и были психологически оправданы в первой половине 1990-х гг., в период «пабликаторского угаря», в последующие годы ему на смену вполне логично должен был прийти этап более спокойного и системного подхода к освоению плодов «архивной революции». Однако практика последующих лет демонстрирует теперь уже очевидную тенденцию – революционный прорыв с точки зрения предложения адекватных археографических и источниковедческих методик при изучении и введении в научный оборот документов и материалов по отечественной истории XX в. не состоялся. Новации в данной области носят «точечный», «очаговый» характер. Они не стали еще постоянно действующей практикой и являются уделом нескольких исследовательских групп, тиражировать опыт которых, несмотря на его очевидную доступность и эффективность, пока мало кто берется. Проблем и лимитирующих факторов здесь несколько. Главной из них является непреодоленный разрыв в методиках традиционного источнико-

ведения, применяемых к изучению и публикации письменных источников XVIII и XIX вв., и методиках, применявшимся для изучения и публикации источников XX в. Как известно, источники по советскому периоду отечественной истории имели «свою» видовую и групповую классификацию, «свои» методы обработки и интерпретации, не подчиняясь традиционному источниковедению. В настоящий момент «китайская стена» в значительной мере разрушена и «оказалось», что источниковедческие технологии прекрасно работают и в применении к источникам XX в.

Одним из первых опытов использования приемов традиционного источниковедения при разработке источников советского периода стало их применение группой историков Новосибирска и Москвы при разработке принципов издания документальной серии «Архивы Кремля» (рук. акад. РАН Н.Н. Покровский). В настоящее время в данной серии вышли три издания («Политбюро и церковь. 1922–1925 гг.» в 2-х книгах (1997–1998); «Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.)» (2002); «Президиум ЦК КПСС (1953–1957» (2003)), подготовлен очередной выпуск («Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение (1930–1940» в 2-х книгах). Особенностью данного издания является его документальная основа, которую составляют т.н. тематические дела бывшего архива Политбюро (ПБ). Фактически это тематические комплексы документов, сформированные для справочных целей в процессе функционирования делопроизводства Политбюро ЦК и его отделов, своего рода документальные досье по тем или иным проблемам, находившимся в поле зрения «директивных инстанций» либо краткое, либо продолжительное время. Так, по вопросам подготовки и проведения эсеровского процесса 1922 г. архивистами ЦК было сформировано три дела (тома), охватывавших сравнительно короткий отрезок времени – около полугода. По теме «спецпереселенцы» насчитывается пять томов за период 1930-х гг.

Публиковались все без исключения документы дел, за исключением сопроводительных писем и записок чисто технического характера, которые, тем не менее, описывались в примечаниях. Эти документы составляли основную часть публикации. В приложении к тематическим делам публиковались документы из других федеральных архивов (РГАСПИ, ГАРФ, ЦА ФСБ), дополнявшие и конкретизировавшие документы делопроизводства Политбюро. Другой принцип издания состоял в максимально полной фиксации всех особенностей текста (стилевых и пунктуационных). Все языковые особенности и погрешности сохранялись и оговаривались, сопровождаясь необходимыми подстрочными примечаниями. Не менее важ-

ный принцип публикации источников состоял в передаче и описании делопроизводственных помет, резолюций, штампов, регистрационных реквизитов и т.д. Принципиально важное значение отводилось максимально возможному выявлению всех экземпляров тех или иных документов, оказавшихся в тематических досье Политбюро, включая и те из них, которые ранее публиковались исследователями. В результате легенды к значительной массе публикуемых документов приобрели «многослойный» характер. В частности, все постановления Политбюро имели несколько способов всего оформления и существования (т.н. черновой, беловой, рассыPOCHНЫЙ, хранилищный (архивный) и т.п. экземпляры).

Выявление всех сохранившихся экземпляров текста того или иного документа позволяет максимально полно и адекватно реконструировать процесс разработки, корректировки и принятия важнейших политических решений на уровне Политбюро по тем или иным вопросам. Особую ценность представляет наличие текстов проектов постановлений и черновых протоколов решений с редакционными правками участников обсуждения. Это позволяет приблизиться к реконструкции проблемы инициирования и авторства конкретных решений. Будучи корпоративными решениями, все они на «выходе» носили деперсонализированный характер, но источникодедческий анализ позволяет в значительной части случаев идентифицировать решения как «ленинские», «сталинские», «каменевские» и т.д. В ходе подготовки публикации выявлялись факты того, как подготовленные Л.Д. Троцким решения официально публиковались от имени ВЦИК за подпись М.И. Калинина. В.И. Ленин подготовил весной 1922 г. известную «ноту Курского» о процессе над эсерами, опубликованную в печати за подпись наркома юстиции Д.И. Курского и т.д.

Важнейшую информацию несут в себе документально зафиксированные голосовательные процедуры, которые производились либо прямо на заседаниях ПБ, либо путем опроса «вкруговую», по телефону. Сохранившиеся в делопроизводстве документы позволяют обнаружить кризисные моменты, демонстрировавшие разногласия и конфликты между отдельными членами и группировками в ПБ, что было характерно прежде всего для периода 1922–1924 гг. В частности, установлено, что при голосовании по формулам приговоров обвиняемым эсерам и священнослужителям в 1922 г. Сталин и Троцкий голосовали солидарно жестко, в отличие от Калинина и Рыкова – носителей публичной советской власти. В 1932 г. единичное несогласие Калинина, выступившего против очередной готовившейся массовой депортации крестьянства, повлекло за собой отмену ранее принятого решения ПБ.

В делопроизводстве ПБ нет мелочей, которые не представляли бы ценность и интерес для историка. Так, носителем важной информации может служить и время (скорость прохождения и бюрократической реакции) распространения документа, и его адресаты. В частности, по ним можно устанавливать реальное положение того или иного лица в высшей иерархии, равно как и время утраты привилегий. Так, весной 1930 г. из списков рассылки важнейших решений исчезает фамилия Н.И. Бухарина. Документы позволяют выявить, очертить круг руководителей, которые владели всей ключевой информацией в различные периоды. Помимо Сталина это был Молотов. В 1922 г. практически всей информацией по ключевым проблемам обладали также Каменев и Троцкий. В противовес стереотипному мнению, практически никто не адресовал Сталину послания как «генсеку». Став в 1930 г. председателем СНК СССР, Молотов вплоть до середины 1930-х гг. подписывался как Молотов-Скрябин (вероятно, по аналогии с Ульяновым-Лениным), прекратив это так же внезапно, как и начал. Секретариат Троцкого пользовался при изготовлении машинописных документов своего лидера особой машинкой с уменьшенным шрифтом. Его делопроизводство велось с наименьшим числом погрешностей или ошибок, которыми в той или иной мере грешили почти все лидеры, включая и легендарного наркома просвещения А.В. Луначарского, зачастую подписывавшего документы с явными опечатками и ошибками. Секретари Сталина Назаретян и Товстуха, с ведома Сталина, в его отсутствие искусно имитировали его автограф. Из такого рода «мелочей» и штрихов вырисовывается повседневность высшего эшелона советской бюрократии 1920-х – 1930-х гг.

Г.А. Арышева

МЕТОДИКА КОНТЕНТ-АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИИ ГАЗЕТНОЙ РЕКЛАМЫ

Цель доклада – дать представление о возможностях использования методики контент-анализа в исследовании газетной рекламы в томских газетах второй половины XIX в. для определения информативной ценности рекламных объявлений.

В настоящее время активно вводятся в научный оборот разнохарактерные, как традиционные, так и нетрадиционные источники. К числу многозначимых и в то же время малоизученных источников относится газетная реклама. Из неё исследователь может почерпнуть ценный фактический материал, отсутствующий в других письменных источниках.

Тема газетной рекламы является актуальной в наши дни, поскольку в любом цивилизованном обществе существует большое количество газет и приложений к ним, содержащих рекламу. Изучение рекламы, как особого социокультурного явления российской действительности XIX в., актуально и потому, что Россия того времени переживала процессы модернизации экономики и культуры, отчасти сходные с современными.

Объект исследования – реклама в томских газетах второй половины XIX в. Предмет исследования – потенциал газетной рекламы как исторического источника для реконструкции экономической и культурной жизни Томска изучаемого периода.

Рассмотрение рекламы на материалах томских газет неслучайно. Томск во второй половине XIX в. – крупный экономический и культурный центр Сибири и России. Он обладал развитой для провинции прессой.

Хронологические рамки статьи – середина – конец XIX в. – определяются тем, что в 1857 г. в Томске стала выходить первая газета – «Томские губернские ведомости», которая имела большое культурное значение. Верхняя хронологическая граница обусловлена тем, что с начала XX в. в Томске начался качественно новый этап экономического и культурного развития. Это обстоятельство связано с рядом причин: открытием в 1888 г. первого в Сибири императорского университета в Томске, строительством Сибирской железной дороги и как следствие – экономическим подъёмом.

Основным источником является реклама в томских газетах второй половины XIX в. («Томские губернские ведомости» (1857–1917); «Сибир-

ская газета» (1881–1888); «Томский справочный листок» (1894–1895; с 1895 по 1897 г. – «Томский листок», с 1897 по 1919 г. – «Сибирская жизнь»); «Сибирский вестник» (1885–1905).

При исследовании газетной рекламы необходимо учитывать, что, с одной стороны, многие рекламные материалы в газетах специфичны, с другой, – являются отображением общего, повторяющегося и могут рассматриваться как массовый источник. С этим связаны особенности методики изучения газетной рекламы – возможность применения как общенаучных и общеисторических методов, так и методов естественных и точных наук.

При изучении газетной рекламы возможно использование метода контент-анализа. Слово «контент» означает содержимое (или содержание) документа. Контент-анализом называют метод сбора количественных данных об изучаемом явлении или процессе, содержащихся в документах. Под документом при этом понимается не только официальный текст (типа инструкции или правового закона), но все написанное или произнесенное, все, что стало коммуникацией. Контент-анализу подвергаются книги, газетные или журнальные статьи, объявления, телевизионные выступления, кино- и видеозаписи, фотографии, лозунги, этикетки, рисунки, другие произведения искусства, а также, разумеется, и официальные документы.

Существует две разновидности контент-анализа: количественный и качественный. Количественный контент-анализ предполагает, в первую очередь, определение частоты появления в тексте определенных характеристик (переменных) содержания. Качественный контент-анализ позволяет делать выводы даже на основе единственного присутствия или отсутствия определенной характеристики содержания. При исследовании газетной рекламы наиболее целесообразным представляется количественный контент-анализ, поскольку в рекламных объявлениях имеет место высокая степень повторяемости однотипных единиц (например, однотипных товаров, рекламодателей, поставщиков и т.д.).

Проведение контент-анализа при исследовании газетной рекламы предполагает предварительную разработку ряда исследовательских инструментов. Из них обязательными являются: классификатор контент-анализа; протокол итогов анализа, который имеет второе обозначение – бланк контент-анализа; регистрационная карточка или кодировальная матрица; инструкция исследователю, непосредственно занимающемуся регистрацией и кодировкой единиц счета; каталог (список) проанализированных документов (в данном случае – газет).

Поскольку при работе с газетной рекламой имеем дело с массовым материалом, то нет необходимости изучать все единицы наблюдения, а достаточно рассмотреть выборочную совокупность. При рассмотрении рекламы в томских газетах была применена типичная выборка (из годовых комплектов изданий проведён пропорциональный отбор, исходя из необходимой численности единиц наблюдения для выборки).

В исследовании газетной рекламы можно выделить следующие стадии контент-анализа:

- 1) подготовка исследовательского инструментария;
- 2) формирование выборки газетного материала;
- 3) определение единиц анализа, подсчёт частоты упоминаний исследуемых единиц, выявление взаимосвязи между ними;
- 4) интерпретация полученных результатов, выводы, прогнозирование.

При помощи контент-анализа возможен количественный подсчёт рекламных публикаций в различных газетах, подсчёт по отдельно рекламируемым товарам (сопоставление доли различных товаров в рекламных публикациях для выделения самых рекламируемых из них), подсчёт по различным рекламодателям (конкретным именам и предприятиям), подсчёт по регионам, из которых доставлялись товары в Томск. Единая методика исследования касается только строго определённого минимума сопоставимых показателей. В отношении рекламы это товар, цена и рекламодатель.

Контент-анализ не отменяет необходимости обычного (т.е. по содержанию) анализа документов. Первый дополняет второй, их сочетание углубляет понимание смысла любого текста. Принципиальное отличие этих методов анализа заключено в явно выраженной строгости, формализованности, систематизированности контент-анализа.

Достоинства метода контент-анализа заключаются в возможности избежать влияния исследователя на изучаемый объект, достичь высокой степени надёжности получаемых данных (документы наиболее удобны для перепроверки).

Важно отметить, что газетная реклама не может быть использована для точной количественной характеристики процессов исторического развития, но она помогает выявить их основные тенденции, направленность. При всей важности процесса проникновения математики в исторические исследования, несомненно то, что математические методы, в частности, контент-анализ, не могут заменить традиционный исторический анализ – они лишь дополняют методический арсенал исторической науки, делают её богаче и современней. Она не теряет своей специфики. Ма-

тематизация относится только к методам, а не к предмету истории. Математические методы должны служить для раскрытия сущности изучаемых процессов, выступая тем самым в качестве одного из исторических методов.

Поскольку реклама в газетах практически не являлась самостоятельным объектом источниковедческого анализа, предполагаемые результаты исследования методом контент-анализа могут иметь научную значимость.

В.П. Зиновьев

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СЕМЬИ

Большая часть людей в нашей стране не знает истории своей семьи дальше дедов и бабушек. Имена прадедов уже стерты временем, и их может назвать редкий молодой человек. Это случилось по многим причинам, главная из которых – низкий культурный уровень большинства населения страны, которое интересуется только настоящим. Вечная борьба за кусок хлеба не оставляет времени, чтобы оглянуться назад или задуматься над перспективами. Не способствовали интересу к семейной истории частые общественные перемены в ХХ в. в России, когда непрерывные ссылки и добровольные миграции рвали родственные связи, когда людей преследовали за происхождение от эксплуататорских элементов, когда родители и дети гибли или теряли друг друга в войнах, в эпидемиях, во время репрессий.

Россия сейчас страна людей, не помнящих родства. У русских, в отличие от тюркских народов, нет устной семейной традиции. Вместе с тем многие хотели бы восстановить семейную историю. Ко мне часто обращаются люди за советом – как найти предков? Кое-какой опыт в этом отношении у меня имеется, и я хотел бы им поделиться.

Мой опыт связан с участием в работе над «Краткой энциклопедией по истории купечества и коммерции Сибири». При реконструкции историй десятков предпринимательских семей выделилась опорная группа документов. Предприниматели Сибири, как правило, были выходцами из простого народа (крестьян, мещан, сибирских инородцев), не имевшими родословных, поэтому эти документы могут заинтересовать каждого из нас.

Потомки служилых людей могут обнаружить своих предков в дозорных и окладных книгах XVII в. Из томских фамилий это Алпатовы, Астраханцевы, Колесникова, Родюковы (Родиковы) и другие. Генеральная картотека сибирских служилых людей XVII в. составлена доктором исторических наук, заведующим отделом Института истории СО РАН Дмитрием Яковлевичем Резуном и хранится у него.

Старожилы из крестьянского сословия могут найти предков в ревизских сказках. Первая перепись состоялась в 1720 г. По Томскому уезду она сохранилась в ГАТО (Ф. 321. Оп. 1. Д. 1^а). Это дело я считаю самым ценным человеческим документом в Государственном архиве Томской области (ГАТО). По-хорошему, его надо издать, пока оно не истлело.

За другие годы ревизские книги сохранились по Алтайскому горному округу со 2 ревизии 1748 г. по 10 ревизию 1858 г. Именные списки крестьян включали не только глав семейств и особ мужского пола, но и всех лиц женского пола с указанием степени родства, возраста в прежнюю и настоящую ревизию, причины выбытия из списка вследствие смерти, побега, переселения, взятия в рекруты, выхода замуж (для женщин). Ревизии хранятся в фондах Канцелярии Колывано-Воскресенских горных заводов (Ф. 169) и Алтайского горного правления (ЦХАФ АК. Ф. 1, 2). Они также потихоньку исчезают. С каждым приездом в архив все больше крестьянских списков не обнаруживается на месте.

За более позднее время есть еще массовые документы. Это подворная перепись конца XIX в., в которую попали практически все крестьяне Томской губернии. Она хранится в Томском областном архиве в фонде губернского управления (Оп. 44.) Это невероятно обширный список документов. Каждое селение записано отдельной единицей хранения. Если Вы знаете, из какой деревни родом, Вы сможете найти всех своих предков или прапрадедов. Имен пррабок, к сожалению, в подворной переписи нет. В ней записаны только имена дворохозяев и состав семьи, количество работников и малолеток с разделением по полу. Зато есть сведения о количестве посева, покоса, скота и земледельческих орудий.

Наиболее полным источником являются сельскохозяйственные переписи 1916–1917 гг. В переписи 1917 г., охватившей всю страну, можно найти весь состав семьи с указанием возраста, места выхода для переселенцев, состав хозяйства. Эти карточки хранятся в фонде Алтайской земской управы (ЦХАФ АК. Ф. 233), в фонде Томского переселенческого района (ГАТО. Ф. 239. Оп. 16).

Для жителей городов о составе семей много могут сказать обывательские книги, списки жителей по сословиям – купцов, мещан, генеральные поверки торгово-промышленных заведений, в которых указывались имена владельцев.

Хороший источник – церковные книги записи рождений и смертей, однако их сохранилось очень мало. В таких книгах при рождении младенца указывались родители, восприемники, то есть крестные родители.

С 1918 г. появились книги записи гражданского состояния, уже по ним можно проследить историю семей. Сибирь не знала войн после окончания гражданской, по этой причине книги должны сохраняться, хотя кроме войны есть пожары, разгильдяйство и головотяпство. Кроме того, архивы ЗАГС закрыты для пользователей на 100 лет.

На многих предприятиях сохранились архивы, начиная с 1920–1930-х гг. Они тоже могут дать информацию для семейной истории. Источниками могут послужить книги приказов, карточки из отдела кадров, ведомости заработной платы, лицевые счета. Эти источники серьезно пострадали в последнюю либеральную революцию, когда новые хозяева выкидывали на улицу архивы приватизированных предприятий как мерзкое советское прошлое, вместе с надеждой работников восстановить впоследствии пенсионный стаж. Сейчас и власти, и граждане поняли ценность архивов, но сделанное уже трудно вернуть, как не вернуть документы, разбазаренные в гражданскую войну и в 1920-е гг., когда советские начальники вели себя по отношению к архивам не лучше нынешних хозяев жизни.

Ценным источником по семейной истории остаются формуляры и личные дела работников. Они, впрочем, касаются достаточно узкого круга руководителей и служащих дореволюционных и советских учреждений и предприятий. В партархивах сохранились личные дела членов КПСС, учетные карточки. Это тоже ценнейший человеческий материал. Его стоит хранить.

Значительный массовый материал сохранили репрессивные и правоохранительные органы. Это списки лишенцев в фондах административных отделов, списки раскулаченных, дела раскулаченных, списки реабилитированных. При массовости репрессий этот материал тоже следует признать массовым.

Сохранились архивы волостей, сельских советов, районов, предприятий. При точном знании места, где жили и работали Ваши предки, всегда можно найти о них в архивах кое-какую информацию.

Базы данных электронных систем поиска в ИНТЕРНЕТе и сайты различных организаций, торгующих информацией о персоналиях, также могут быть полезны в поисках родственников и предков.

Люди уже начинают интересоваться своей историей. Это хороший признак для общества. Оно начинает себя уважать. Человек, знающий историю своей семьи, всегда бережнее относится к истории своей страны, так как воспринимает ее через призму своей семейной истории. Учить семейной истории надо со школьной скамьи.

Н.М. Дмитриенко

ТОМСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Города всегда выступали в качестве одного из важнейших факторов исторического движения. Они собирали и концентрировали в себе растущее население, средства производства, торговлю и финансы, учреждения управления, религиозных культов, культуры, образования и науки и оказывались в фокусе общественного развития. В городе наиболее отчетливо проявлялась историческая динамика. Недаром один из ведущих историков XX в. Фернан Бродель называл города «мощными ускорителями» жизни, утверждал, что «города и деньги породили современный мир», что они «...являются одновременно и двигателем, и показателем развития; они вызывают изменения и указывают на них» [1. С. 21].

Собирая и заключая в себе множество составляющих общественного развития, город представляет сложное образование, что, с одной стороны, подчеркивает значимость его изучения, с другой, – создает проблему такого изучения. Будучи комплексом, город требует комплексного всестороннего отношения, сочетания разнообразных методов и научных дисциплин, то есть междисциплинарности. Об этом еще в 1940-х гг. писал один из основоположников отечественного городоведения Н.П. Анциферов: «Город нужно изучать, вскрывая связи, исторически сложившиеся между всеми сторонами его сложной жизни, его нужно изучать хорошо организованным коллективом различных специалистов...» [2. С. 403].

Именно междисциплинарность служит ключом к решению проблемы создания томской энциклопедии – вышедшего из печати выпуска «Томск от А до Я. Краткая энциклопедия города» [3] и готовящейся к изданию энциклопедии Томской области.

Междисциплинарный характер имеет уже сам предмет исследования – сложноорганизованное сообщество, сосредоточенное на ограниченном пространстве города или области и задействованное в различных сферах материальной и духовной жизни. Для научного постижения урбанизированного комплекса потребовались объединение методологического инструментария, осуществление междисциплинарных коммуникаций, сотрудничество специалистов различных научных дисциплин. Авторский

коллектив томской энциклопедии включает 119 человек. Из них 34 автора (28%) являются профессиональными историками, в том числе 23 кандидата или доктора исторических наук. Кроме них, в работе над изданием книги «Томск от А до Я» участвовали 13 административных работников, 13 педагогов и тренеров, 11 филологов, 9 музеиных сотрудников, 6 архивистов, 6 библиотекарей, 4 географа и другие.

Профессиональное разнообразие авторского коллектива энциклопедии обеспечило ее тематическое многообразие. На пересечении предметных областей представленных в коллективе научных дисциплин сложилась проблематика энциклопедии. В нее вошли материалы по разным научным направлениям и сюжетам, отражающие весь комплекс городской жизни. В книге «Томск от А до Я» содержится 807 предметных статей. Из них 17 публикаций посвящены чисто историческим аспектам (дано описание конкретных исторических событий), 64 статьи имеют историко-экономический характер (история отдельных отраслей хозяйства, промышленных предприятий, банков). В 33 статьях рассмотрена история культуры и культурных учреждений, в 49 – история науки и образования, в 42 – история общественного и политических движений и партий, в 77 – история управления и военных структур. В энциклопедии представлены также сюжеты из истории религии и церкви, истории медицины и медицинских учреждений, а кроме того, присутствуют статьи по географии, геологии, демографии. Значительная часть энциклопедии (473 статьи, почти 59% всех публикаций) имеет персонифицированный характер, представлена биографическими материалами с присущими им социальными и культурологическими составляющими.

Научные задачи энциклопедии решались на основе разнообразных взаимопересекающихся комплементарных (взаимодополняющих) методов и конкретных методик. Привлекались исторические, географические, демографические, статистические, экономические, культурологические, научноведческие знания. В постижении предмета исследования использовались наряду с историческими методы историко-географического, демографического, статистического анализа, которые позволили представить количественное соотношение социodemографических процессов, показать прямые и обратные связи экономического, социального, общественного развития, а также и влияние природы, географического фактора на городское общество. Локальный подход к изучению объекта обеспечил возможность укрупнить масштаб исследования, заметить и проанализировать те явления и процессы, которые остаются вне поля зрения при мелкомасштабном изучении обширных территорий. Нужно отметить, что

локализация исследования в рамках одного города приближает к «истории большой протяженности», которая, по словам Ф. Броделя, «позволяет отличать главное от второстепенного» [4. С. 425]. Персонализированный биографический подход способствовал конкретизации опыта человеческой деятельности в самых разных сферах городской жизни.

Наряду с привлекаемыми в исторических исследованиях опубликованными и архивными источниками делопроизводственного характера, периодикой, мемуарами в работе над энциклопедией использовались законодательные акты, материалы демографической и экономической статистики, научные публикации широкого познавательного спектра (в том числе в области гуманитарных, естественнонаучных, физико-математических дисциплин), литературные произведения, изобразительные и вещественные источники и другие.

Все вместе взятое обеспечило первое в истории Томска издание, в котором отражена жизнь города в продолжение четырех веков его существования в окружении созданной человеком среды на пересечении истории и современности. Системность подходов и методов, объединенных парадигмой междисциплинарности, позволила показать город как совокупность различий и сходств, как неповторимое целое, живущее и меняющееся в историческом времени.

Примечания

1. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. 124 с.
2. Анциферов Н.П. И.М. Грэвс в 1920-е – 1930-е годы // Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992.
3. Томск от А до Я. Краткая энциклопедия города. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. 439 с.
4. Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 2: Люди и вещи. Ч. 2: «Крестьянская экономика» до начала XX в. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. 511 с.

Н.В. Торошина, И.В. Чернова

НЕЗАКОНОРОЖДЕННЫЕ В ТЫМСКОМ ПРИХОДЕ: ПОЗДНЯЯ РЕГИСТРАЦИЯ БРАКА ИЛИ СВОБОДА ОТНОШЕНИЙ

Метрические книги дают нам богатейший материал по различным аспектам жизни населения Тымского прихода. Поскольку Тымский приход (сегодня – это часть Каргасокского р-на Томской области) относится к регионам проживания малочисленных коренных народов Томской губернии, не оставивших собственных письменных источников, то метрические книги приобретают дополнительную ценность. Коренные жители Притымья (в трактовке источника – ясачные), прежде всего селькупы диалектно локальной группы чумуль-куп, составляли большинство населения Тымского приходы. Из 15–17 населенных пунктов прихода (их количество, естественно, менялось) русское население группировалось в основном в с. Тымском, остальные населенные пункты были юртами, населенными селькупами. Книги дают нам представление о том, что с 1890-х гг. шел процесс активного проникновения в Притымье русского населения, процент которого неуклонно рос. Если рассмотреть рождаемость за этот период, то русские дети составляли в 1870–1880-е гг. 13–14% от общего числа родившихся в эти десятилетия детей. В 1890-е гг. количество русских детей приблизительно равнялось трети от всех рожденных (27%), а в первое десятилетие XX в. процент русских детей от всех родившихся составил уже 42%, т.е. приблизился к половине. Во втором десятилетии XX в. русских детей рождалось в среднем больше, чем детей коренных жителей края, русские дети составили уже 72% от всех родившихся [1]. Опираясь на эти данные, мы можем говорить о том, что русскоязычное население начинает в это время преобладать в Тымском приходе или во всяком случае отличается более высокой рождаемостью, чем коренное.

Метрические книги демонстрируют нам значительное количество незаконнорожденных детей. Прежде всего необходимо четко обозначить какие дети, с точки зрения норм церковного делопроизводства XIX – начала XX в., считались незаконнорожденными. Незаконнорожденными считались дети, рожденные вне брака, т.е. женщинами, не состоявшими в браке. Не случайно именно этот термин в начале XX в. вытесняет из метрических книг другие употреблявшиеся раньше, такие как «незаконный»,

«незаконнорожденный», «блудноприжитый» и так далее. Даже если бы ребенок родился на следующий день после венчания, он считался рожденным в браке, а значит законнорожденным. Оговаривался специально вопрос о вдовах, дети которых родились после смерти мужей. Если было известно, что женщина еще до смерти мужа была беременна или ребенок рождался не позже физиологического срока беременности, то он считался законнорожденным. Причем расчет указанного физиологического срока должен был произвести сам священник, которому были доступны и сведения об умерших [2]. Необходимо отметить, что незаконнорожденные дети, рожденные от вдов, находились в численном меньшинстве относительно внебрачных детей, рожденных от незамужних девиц. То есть численно преобладали дети от незамужних женщин, никогда ранее не состоявших в браке.

Эти данные полностью укладывались в картину, впечатления об отношении полов, которые оставили нам различные исследователи и путешественники, описавшие коренных жителей Нарымского края. Становой пристав 5-го стана А.Ф. Плотников, оставилший описание местных народов, отмечал, «что инородцы предаются и разврату», такую же свободу нравов отмечала в 1920-е годы и Е.Н. Орлова [3. С. 56. 4]. Вместе с тем какие именно брачные традиции нарушались ясашными, и насколько разврат был всеобщим, из этих сведений не вполне ясно. Авторы вполне отдавали себе отчет, что детальное изучение этого вопроса требует привлечения многих источников и усилий этнографов. Не претендую на окончательные выводы по указанной теме, позволим себе обобщить и проанализировать некоторые данные, содержащиеся в метрических книгах.

Итак, за 1870–1920 гг. в Тымском приходе у ясачных родилось 1265 детей обоего пола. Внебрачных детей обоего пола было рождено 302, что составило 23,8%, чуть меньше четверти от числа всех родившихся [1]. Довольно большой процент внебрачных детей среди родившихся ставит вопрос о том, что стало причиной незаключения брака? В метрических книгах запись метрических событий довольно часто запаздывала. Это характерно для крещения детей. Довольно часты случаи, когда крестили уже детей в возрасте полугода, а то и больше года, хотя правила предписывали окрестить ребенка в течение недели, а если ребенок был слаб от рождения, то и раньше. Смерть ребенка до крещения считалась провинностью как священника, так и родителей. Запаздывали, порой на несколько месяцев, и записи о смерти.

В этом случае логично предположить, что и записи о браках могли вноситься уже после того, как мужчина и женщина объединялись для со-

вместной жизни, т.е. церковь фиксировала уже существовавший некоторое время брачный союз. И.Н. Гемуев в своей работе выделяет такую форму брака как «брак убегом». Мужчина, предварительно сговорившись с самой девушкой, но не поставив в известность о своих намерениях ее родителей, тайно похищал ее и увозил в укромное место. Затем, через некоторое время, когда родители были согласны на примирение, молодые приезжали в дом отца супруги и просили у родителей прощения, поскольку при такой форме брака родители утрачивали возможность взять за невесту калым. При этом полагалось одаривать родителей подарками. Иногда родители шли на примирение уже после рождения у дочери детей от похитившего ее мужчины. Иногда и при традиционной для коренных народов Нарымского края форме брака с выплатой калыма за невесту, родители невесты препятствовали официальному венчанию в церкви до полной выплаты калыма, не препятствуя при этом супружеским отношениям молодых [5. С. 72–73]. Такие обстоятельства могли стать причиной поздней фиксации брачного союза в метрических книгах. Поздняя регистрация брака в свою очередь могла стать причиной появления и фиксации метрическими книгами незаконнорожденных детей.

Все матери незаконнорожденных детей были разделены нами на две большие группы. К первой группе были отнесены те, у которых был только один незаконнорожденный ребенок, а ко второй те, у которых было двое и более детей. К первой группе было отнесено 136 женщин и 136 случаев – 45% от всех случаев фиксации внебрачных детей. В этой группе была выделена подгруппа женщин, которые вскоре после рождения ребенка в течение приблизительно года вступали в брак. Таких оказалось 39, что составило 28,7% от общей численности первой группы. Интересно, что среди оставшихся 97 женщин, не вступивших в брак вскоре после рождения незаконнорожденных детей, оказалось 45%, то есть 44 женщины из других приходов [1]. Они могли быть зарегистрированы в Тымском приходе случайно, а могли быть невестами из других приходов, брак с которыми был зафиксирован по месту жительства. По сведениям И.Н. Гемуева случай, когда муж уходил жить в семью жены не был редкостью [5. С. 75–77].

Анализируя, почему оставшиеся 53 женщины из Тымского прихода не вступили в законный брак, важно отметить, что 14 таких случаев (почти четверть от 53–26%) приходятся на 1918–1919 гг. [1]. Незаконнорожденных детей в эти годы отмечено не было много, что, вероятно, связано с разрушением в это время старой системы метрикации в России. И почти столько же женщин (15 человек) из не вступивших в законный брак, бы-

ли вдовами. У Н.И. Гемуева отмечено сохранение в Нарымском крае старой традиции – когда вдова и ее дети переходили вместе со всем имуществом к братьям умершего. Причем и сожительство с вдовой брата, и женитьба на ней считались вполне приемлемыми [5. С. 69–70]. Можно утверждать, что поздняя регистрация брака имела место, что вполне объяснимо вышеуказанными брачными традициями коренных народов, а также трудными для перемещения условиями Нарымского края. Количество поздно зарегистрированных браков невелико, но оно все же больше чем группа из 24 женщин, жительниц Тымского прихода, рождение незаконнорожденных детей для которых не имело никаких последствий, так как по каким-то причинам они остались незамужними.

Вторая группа – женщины, которыми было рождено не по одному, а по несколько детей. Эта группа оказалась меньше 57 человек, но на нее приходится 166 случаев или 55% от всего количества внебрачных детей у ясачных. У некоторых из женщин было по 4-5-6 и даже 10 незаконнорожденных детей. Если представить, что хотя бы часть этих детей выживали, то сомнительно, что женщина в тяжелых условиях Нарымского края, где основным промыслом являлась охота, связанная с кочевками, могла воспитать и просто прокормить такое количество детей. Весьма вероятно, что какая-то часть из этих женщин проживали в стабильном семейном союзе, который по каким-либо причинам не был зарегистрирован церковью. Таких причин могло быть много. Например, было запрещено венчать браки с малолетними, душевнобольными, между лицами, находившимися в близком родстве, и если один из будущих супругов уже состоял в браке. Все эти ограничения православной церкви могли вступать в противоречие с брачными нормами селькупов. Особенно, нам представляется, это касается многоженства и браков между родственниками. По сведениям И.Н Гемуева, наличие нескольких жен у одного мужчины встречалось даже в начале XX в. Кроме того, многочисленны сведения о таких полигамных союзах в фольклоре [5. С. 67–69]. Конечно, этот вопрос требует дополнительного изучения.

Среди женщин, имевших двух и более внебрачных детей, 13, то есть почти четвертая часть (23%) – жительницы других приходов. Лидерами по числу внебрачных детей в Тымском приходе являлись юрты Казацкие – 40 внебрачных детей и 17 женщин, имеющих 2 и более внебрачных детей; юрты Калгуйские – 28 детей и 8 женщин; 13 детей и 4 женщины отмечено в юртах Кулевых; 18 детей и 3 женщины – в Напассских юртах. Всего в Тымском приходе насчитывалось 44 женщины, имевших более 2 внебрачных детей [1]. Прослеживается повышенное количество внебрач-

ных детей, во-первых, в крупных юртах, к которым относятся все 4 вышеперечисленные населенные пункты, особенно юрты Казацкие, где население близилось к 100 человек. Но дело не только в населенности. Например, в юртах Кулевых, Напасских и Калгуйских проживало в среднем от 50 до 66 человек [6]. Но число незаконнорожденных детей и матерей-одиночек в юртах Калгуйских, расположенных на р. Оби, было в два раза большим, чем в юртах Кулевых, расположенных в среднем течении р. Тым, и более чем в два раза значительнее, чем в юртах Напасских, находящихся еще выше по р. Тым. Вероятно, определенное влияние на брачные связи селькупов оказал процесс проникновения в Тымский приход значительного числа русских крестьян, начавшийся в 1890-х гг. Так, в 1870–1880-е гг. было отмечено всего 11 случаев рождения двух и более внебрачных детей в Тымском приходе, в 1890–1900-е гг. таких случаев уже 86. С 1911 по 1920 г. их насчитывалось уже 53, то есть число незаконнорожденных детей прогрессировало. Вместе с тем число смешанных браков между селькупами и русскими было невелико и даже в этот период не превышало 3% от всех браков [7]. Можно предположить, что половые контакты между местным и пришлым населением происходили чаще, чем создавались межэтнические семейные союзы. Заключению межэтнических союзов могли препятствовать различные типы хозяйства, несогласие родственников, наконец, нежелание жениха платить калым.

Жительницы Тымского прихода, имевшие несколько детей, чаще вступали в брак после рождения второго ребенка, а иногда третьего и четвертого. Вместе с тем брачность в этой группе ниже, чем в группе женщин, имеющих по одному ребенку, – чуть более 18% [1]. Вероятно, причины незаключения брака были здесь более основательными. Например, если брак не заключался по причине малолетства невесты, то после рождения второго ребенка женщина достигала брачного возраста, и брак оформляли согласно закону. Но такие причины, как кровное родство, невменяемость или наличие жены у потенциального супруга не могли быть ликвидированы долгое время или вовсе не могли быть устраниены. В группе женщин, имевших несколько внебрачных детей, 82% (36 женщин) так и не вступили в брак. Третья часть из них – вдовы [1].

Метрические книги дают возможность проанализировать дополнительные моменты, рассмотреть которые еще предстоит. Например, вопрос о выживаемости внебрачных детей. Или вопрос о том, кто являлся крестными внебрачных детей? Могли ли это быть родственники их отцов или сами отцы детей. Не безинтересен вопрос о том, какое отчество получал ребенок при своем совершеннолетии. Нужно отметить, что детей

без отчества, т.е. классических незаконнорожденных, встречается в метрических книгах крайне мало. Возможно, дети получали отчество от отца, который фактически жил с семьей, но регистрация брака была невозможной. Выявлению стабильных, но не оформивших законодательно свой брак семейных пар, могло бы способствовать изучение исповедальных росписей, но, к сожалению, в фондах Государственного архива Томской области по Тымскому приходу их пока не удалось обнаружить.

Что же касается свободы отношений, то можно заключить, что из 136 жительниц Тымского прихода, 47 женщин или (34,5%) впоследствии вышли замуж, причем браков, заключенных после рождения первого ребенка, несколько больше, чем браков, заключенных с женщинами, имевшими два и более внебрачных ребенка. Заметно реже в брак вступали вдовы, имевшие внебрачных детей. Вступление в брак в группе вдов, имевших незаконнорожденных детей, еще ниже 5 (или менее 6%). Больше внебрачных детей рождалось у девиц, тогда как вдов всего 28 из 136 женщин Тымского прихода. Количество внебрачных детей увеличилось в период крушения старой системы метрикации, когда в 1918 г. церковь отделяют от государства, но метрические книги все еще велись в приходах. Количество внебрачных детей возрастало одновременно с наплывом русских переселенцев и именно в тех юртах, куда они прежде всего подселялись, что свидетельствует о низкой нравственности населения. Все же представляется, что впечатление о разгульности нравов коренных жителей несколько преувеличено. Весьма важно было бы сопоставить данные о внебрачной рождаемости у русских и ясачных. Незаконнорожденные дети в русской среде не являлись чем-то уникальным. Но процесс переселения русских в Тымский приход и текучесть населения делают расчеты сложными и весьма примерными. Данный вопрос требует дополнительного изучения, особенно в области соответствия брачных традиций, распространенности полигамии, кровнородственных браков и т.д. с целью выявления реальных причин препятствовавших законному оформлению браков.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 04-01-650007 а/Т.

Примечания

1. Метрические книги Тымского прихода за 1870–1919 гг. Подсчеты. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Оп. 9.95, 120, 161, 182, 334. 522, 531, 933; Оп. 10, Д. 40, 66; Ф. 257. Д. 386, 389, 489, 495, 529, 537, 549. Муниципальный архив Администрации Каргасокского района Томской области Ф. 204. Оп. 1. Д. 3, 8, 32, 37.

2. Чижевский И. Церковное письмоводство. Собрание правил, постановлений и форм к правильному ведению оного. Харьков, 1898.
3. Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901.
4. Орлова Е.Н. Современное Васюганье // Жизнь Сибири. 1926. № 4. С. 80. Приводится по работе Гемуева И.Н. Семья у селькупов (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1984. С. 66, 133.
5. Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1984.
6. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1347, 1615, 1731. Подсчеты по клировым ведомостям.
7. Кучер А.Н., Торощина Н.В., Чернова И.В. О брачных связях ясачного населения Тымского прихода. (По данным метрических книг) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.

Е.В. Сизова

**ПЕРЕПИСКА РОДИТЕЛЕЙ УЧЕНИКОВ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ
ГИМНАЗИЙ С МЕСТНЫМИ ВЛАСТЯМИ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИЗУЧЕНИЮ ГИМНАЗИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.**

Существуют различные источники для изучения истории гимназического образования Западной Сибири: периодические и справочные издания, отчеты и ревизии учебных заведений. К их числу можно отнести и официальную переписку. Значительная её часть, в частности за 1841–1885 гг., отложилась в Государственном архиве Томской области (ГАТО) в фонде главного инспектора училищ Западной Сибири. Среди этих документов особое место занимает переписка с генерал-губернатором данного региона, с начальством подведомственных ему учебных заведений, с гражданскими губернаторами Тобольской и Томской губерний. Часть этой переписки базировалась на большом количестве прошений, ходатайств и докладных записок от чиновников западносибирского региона или их жен по вопросам зачисления их детей на казенное содержание или внесения их в списки кандидатов на получение казенных мест.

В первые десятилетия существования западносибирских гимназий учеников в них было мало. С середины XIX в. ситуация изменилась, в обществе стало разрабатываться большое количество проектов реформирования различных сфер жизнедеятельности Российской империи. Эти изменения сопровождались увеличением потребности в образованных людях. Все больше требовалось хорошо подготовленных работников, что привело к увеличению числа желающих получить среднее образование, возрос приток учащихся в гимназии и другие учебные заведения. На территории Западной Сибири к тому времени существовало только две гимназии. Следует учитывать и тот факт, что пансионы местных сибирских гимназий из-за нехватки помещений могли вместить небольшое количество воспитанников. В 1852 г. в сибирских гимназиях была введена оплата за обучение. Помимо этого, подавляющая часть западносибирских чиновников имела большие семьи и незначительное материальное состояние и не имела возможности дать хорошее образование сразу всем детям. Поэтому в рассматриваемый период переписка местных чиновников с начальством учебных заведений начинает увеличиваться.

Установленной формы для докладных записок не существовало. Несмотря на это, все прошения чиновников имели типичную структуру. В начале указывалось, кому адресована докладная записка (без указания фамилии): генерал-губернатору Западной Сибири или главному инспектору училищ Западной Сибири; кем она составлена, с указанием фамилии, имени и занимаемой должности. Затем следовала просьба о принятии сына на казенное содержание в одну из западносибирских гимназий. Кроме того, в своих ходатайствах просители старались обосновать причину, по которой им необходимо устроить своего ребенка на казенный счет, описывали свое бедственное состояние, дабы показать, что они действительно нуждаются в этом. Так, городничий Петропавловска Флегонт Федоров Морев в письме от 15 января 1861 г. отмечал, что у него четверо детей. Двое старших, сын и дочь, уже учились к тому времени в Тобольске за его счет. На их образование он тратил большую часть своих доходов. Кроме того, подошло время третьему ребенку поступать в гимназию. Поэтому Морев писал главному инспектору училищ Западной Сибири А.В. Попову: «Принимаю на себя смелость почтительнейше просить Ваше Превосходительство не лишать меня милостью принять старшего сына Владимира поступившего в прошлом году в 1 класс Тобольской гимназии на казенное содержание» [1. Л. 1, 1об]. В конце прошения, если просителем был сам чиновник, указывались его фамилия и имя. Если просителем выступала вдова или жена недееспособного чиновника, или родственники, на чьем попечении был ребенок, указывались их фамилии. В этом контексте интересен тот факт, что большинство просительниц были неграмотными, и поэтому прошения составлялись канцелярскими служащими. В конце такого письма указывалось, кто писал, от кого и вследствие чего, а также ставилась подпись или фамилия просительницы [1. Л. 165]. Кроме того, к ходатайству прилагались все необходимые документы: послужной список отца, заверенный директором училищ, свидетельство о рождении и крещении сына, свидетельство об оспопрививании, а также свидетельство о получении начального образования, необходимого для поступления в гимназию.

Ходатайства чиновников нижних рангов и тех, кто проживал вдалеке от губернских центров, немного отличались. Первоначально чиновники направляли свои прошения непосредственным начальникам, которые, в свою очередь, уже от себя писали прошение вышестоящему начальству.

На основе прошений, как правило, завязывалась переписка. После получения прошения следовал ответ из канцелярии главного инспекто-

ра училищ на имя директора училищ либо Тобольской, либо Томской губерний на пришедшее прошение или ходатайство. В нем говорилось о принятии юноши либо на казенное содержание, либо о зачислении его в кандидаты, либо давался отказ, о чем просили сообщить просителю по месту жительства. Затем на основании прошений составлялись списки кандидатов, которые отсылались генерал-губернатору Западной Сибири с предложениями, кого можно было бы определить на вакантные места в пансионах Тобольской или Томской гимназий. Так, в 1854 г. в Тобольской гимназии окончили курс 3 казеннопкоштных воспитанника. На эти 3 места претендовало 27 кандидатов. Генерал-губернатору Западной Сибири предлагалось особо обратить внимание на 4 кандидатуры из 27 представленных [2. Л. 31]. Как правило, старались выбрать самых достойных, но иногда из-за небольшого количества свободных казенных мест в гимназиях кандидат в списках мог находиться по несколько лет. Поэтому порой на вакантные места помещали детей из числа старших по списку кандидатов. На казенное содержание старались помещать детей бедных чиновников или сирот, но эти правила порой нарушались. В одном из писем от 1861 г. встречаем такой факт, что по отчетам главного инспектора училищ А. Попова в Тобольскую гимназию помещены дети сирот, а по имеющимся сведениям в этот год в учебное заведение поступили дети состоятельных родителей [1. Л. 127–128].

Впоследствии из-за большого спроса на поступление в гимназии на казенное содержание генерал-губернатором Западной Сибири были введены новые условия. Теперь казенное место давалось гимназисту только «в том случае, если он пробудет в гимназии на своем содержании, по крайней мере год», чтобы за первый год учения вычеркнуть из списков кандидатов тех, кто не способен к обучению [1. Л. 88].

Данная переписка дает возможность понять, насколько важно было для бедных гимназистов казенное обеспечение. Так, в 1860 г. в Тобольской гимназии был случай, когда после исключения с казенного содержания Александр Савельев из Ялуторовска, вернувшись домой, застрелился, так как не имел возможности окончить курс за свой счет и получить потом достойное место в жизни [2. Л. 19об].

Таким образом, данный вид делопроизводственных документов является ценным источником по изучению истории западносибирских гимназий. Он даёт возможность проследить процесс выделения казенных мест, выявить схему взаимодействия между органами власти, учебной частью по Западной Сибири и местными чиновниками, а также изучить матери-

альное состояние чиновничества XIX в., хотя в прошениях и существует доля субъективности.

Примечания

1. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 125. Оп. 1. Д. 149.
2. ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 15.

Н.А. Томилова

КРИТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РУССКОМ МАРКСИЗМЕ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Критическое направление в русском марксизме («легальный марксизм» – своеобразное политическое и идеино-теоретическое течение, сыгравшее заметную роль в общественно-политическом движении России на рубеже XIX–XX вв. Эволюция взглядов его ведущих представителей (П.Б. Струве, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и М.И. Туган-Барановского) прошла в своем становлении и развитии ряд известных этапов. В студенческие годы все они принимали участие в работе социал-демократических кружков, знакомство с марксизмом, затем сыграли заметную роль в критике народнической идеологии. Именно «критические марксисты» одними из первых начали отстаивать и пропагандировать марксизм в легальной печати. При этом изначально присущее им недогматическое восприятие учения К. Маркса, глубокое изучение и осмысление его философии и экономической теории постепенно приводило их к пересмотру и критике основных положений марксизма. С.Н. Булгаков так писал об этом этапе собственной идеиной и политической эволюции: «Стремясь в качестве теоретика верой и правдой служить марксизму, стараясь отражать нападения на него..., я совершенно помимо воли и даже вопреки ей..., стараясь укрепить свою веру, непрерывно ее подрывал» [1. С. X]. То есть Булгаков, по его собственному признанию, стремясь быть защитником марксизма, все же становился его критиком. В итоге то критическое, недогматическое восприятие марксизма, которое изначально присутствовало у «критических марксистов», все больше продвигало их от социал-демократии к либерализму.

Круг источников по истории критического направления в русском марксизме обширен и многообразен. Основными источниками для анализа теоретических и политических взглядов его представителей являются их собственные работы, написанные в период с 1894 по 1902 г. (традиционно признанные в отечественной историографии хронологические рамки существования этого направления в русской общественно-политической мысли), а также многочисленные теоретические и публицистические работы оппонентов «kritического направления». Таким образом, представляется возможным из всего комплекса разнообразных источников по данной теме выделить несколько групп.

Статьи, появлявшиеся в периодической легальной печати. Ту заметную роль, которую сыграли представители критического направления в развитии общественно-политической мысли России на рубеже XIX–XX вв., во многом связывают с их издательской деятельностью, с их участием в распространении идей марксизма на страницах легальной печати. В 1897–1899 гг. под редакцией «критических марксистов» (П.Б. Струве и М.И. Туган-Барановского) выходили легальные марксистские журналы «Новое слово» и «Начало», ставшие в этот недолгий период ведущими органами пропаганды марксизма в России. Именно здесь, в статьях П.Б. Струве, С.Н. Булгакова и М.И. Туган-Барановского, начал отчетливо проявляться их переход к критике и пересмотру экономических, а затем и философских основ марксизма. А имевшее место сотрудничество в журналах «Новое слово» и «Начало» «ортодоксальных» и «критических» марксистов, делает их рассмотрение важным и обязательным этапом в изучении истории не только критического направления, но и всего русского марксизма.

В обозначенный период статьи «критических марксистов» публиковались и в так называемых «толстых» литературно-художественных и научно-популярных журналах «Жизнь» (редактор – В.В. Поссе, а в 1889–1901 гг. журнал выходил под редакцией П.Б. Струве и М.И. Туган-Барановского), «Научное обозрение» (М.М. Филиппов), «Мир Божий» (В.П. Острогорский) и т.д. По своей идейной направленности эти журналы были далеки от «Нового слова» и «Начала», однако и там представители критического направления постоянно помещали свои статьи, в которых нашла отражение их дальнейшая идейно-политическая эволюция.

Личные и коллективные тематические сборники статей «критических марксистов». Так, в вышедшем в 1902 г. сборнике статей П.Б. Струве «На разные темы» автор уже открыто выступал против «ортодоксальной нетерпимости» марксизма, который «мнит себя обладающим безошибочным знанием единственно действительных и потому правильных средств для достижения данной цели общественной справедливости» [2. С. 294]. В этом же году Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и П.Б. Струве приняли участие в работе над сборником «Проблемы идеализма», в котором была определенно выражена философско-теоретическая оппозиция марксистской материалистической доктрине. Наконец, 1903 г. был означенен выходом в свет сборника статей «От марксизма к идеализму» С.Н. Булгакова, само название которого отражало эволюцию его взглядов.

Крупные научные исследования представителей критического направления в марксизме. Это были работы в основном посвященные научно-теоретической стороне марксизма, его экономическому и философскому

учению: П.Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (1894 г.) и «Марковская теория социального развития. Критическое исследование» (1905 г.), С.Н. Булгакова «О рынках при капиталистическом производстве» (1897 г.) и «Капитализм и земледелие» (1901 г.); Н.А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» (1901 г.); М.И. Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (1898 г.), «Проблемы социализма и задачи социал-демократии» (1901 г.), «Социальные проблемы» (1901 г.) и другие.

Мемуарная литература. В связи с относительной кратковременностью в политических биографиях всех представителей критического направления периода их участия в социал-демократическом движении и увлечения марксизмом, возникает необходимость привлечь к анализу их воспоминания и ретроспективные оценки своей деятельности, данные в позднейшее время. Несмотря на известную субъективность, которую несет в себе мемуарная литература как исторический источник, ее анализ дает возможность понять, как оценивали свое марксистское и социал-демократическое прошлое сами «критики», перейдя уже на другие мировоззренческие и политические позиции.

Теоретические и публицистические работы оппонентов критического направления. Привлечение этих источников является вполне естественным, поскольку процесс идейной и политической эволюции «критических марксистов» неизменно порождал принципиальные разногласия с другими участниками общественно-политического движения того времени. В результате данный круг источников представляется возможным разделить на две подгруппы: а) труды либеральных народников 1890-х годов (В.В. Воронцова, Н.Д. Даниэльсона, Н.К. Михайловского и других), с которыми «критики» вели непримиримую теоретическую борьбу; б) многочисленные публикации ортодоксальных марксистов (В.И. Ленина, Г.В. Плеханова, В.И. Засулич, Л.И. Аксельрод-Ортодокс и других).

Комплексное изучение всего многообразия существующих источников по истории критического направления в русском марксизме, достаточно полно отражающих различные аспекты его развития и дальнейшей эволюции, дает возможность разобраться в этом своеобразном явлении, определить его место и роль в истории русской общественно-политической мысли на рубеже XIX–XX вв.

Примечания

1. Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму: Сб. ст. (1896–1903). СПб., 1903.
2. Струве П.Б. На разные темы: Сб. ст. (1893–1902). СПб., 1902.

Е.В. Кайер

ТРУДЫ П.И. НОВГОРОДЦЕВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ВОПРОСАМ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

Исследователь в реконструкции прошлого должен опираться на исторические источники, позволяющие с наибольшей полнотой отобразить поставленные перед ним проблемы. Обострение социальных вопросов в России в конце XIX – начале XX вв. актуализировало внимание к ним разных мыслителей того времени: правоведов, экономистов, философов, историков. Такие социальные проблемы, как обеспечение свободы и равенства, принципа равенства, взаимоотношения индивида и общества, обязанности личности перед государством и государства в обеспечении достойного совершенствования своих граждан, всегда являются актуальными. Эти проблемы нашли отражение в трудах Павла Ивановича Новгородцева. Будучи правоведом, он рассматривал важнейшие вопросы теории государства и права в разных аспектах: культурологическом, историческом, социологическом.

Особое место в научном наследии П.И. Новгородцева занимают работы «Кризис современного правосознания» (1909), статья «Право на достойное человеческое существование» (1905), «Об общественном идеале» (1918). Из работы «Кризис современного правосознания» можно почерпнуть много сведений, характеризующих кризис столетней давности. Важно отметить, что некоторые проявления кризиса имеют сходство с современным положением в России. Из источника становятся понятными причины и сущность кризиса. П.И. Новгородцев подчеркивал необходимость вместо религиозной веры в государство, как олицетворения всеобщего счастья, прийти к пониманию того, что государство – это человеческий институт, поэтому его возможности хоть и широки, но все же ограничены. Правовед, решая проблему взаимодействия индивида и общества, настаивал на том, что «между индивидом и обществом существует противоречие [1. С. 7], которое, по его мнению, постоянно воспроизводится, и утверждал, что разрешение этого противоречия может быть только историческим. По мнению П.И. Новгородцева, каждое поколение должно найти свои варианты взаимодействия между обществом и личностью, приемлемые для обеих сторон.

Следующая работа мыслителя – статья с характерным названием «Право на достойное человеческое существование». В ней автор дает свою форму-

лировку этого права каждого члена человеческого сообщества, видя в нем «не положительное содержание человеческого идеала, а только отрицание тех условий, которые совершенно исключают возможность достойной человеческой жизни» [3. С. 321]. Становится понятной логика П.И. Новгородцева – именно человеческое проживание в условиях произвола «убивает человека физически и нравственно» [3. С. 322]. В статье обосновывается необходимость признания за данным правом юридического значения, потому что «настоящее и полное осуществление этого права было бы в то же время разрушением социального вопроса» [3. С. 327].

Важно отметить, что разработка П.И. Новгородцевым вслед за В.С. Соловьевым понятия «права на достойное человеческое существование» положила начало развитию в России такого направления в либерализме, как «социальный либерализм», главный принцип которого формулировался правоведом следующим образом: во имя охраны свободы личности право должно взять на себя заботу о материальных условиях ее существования. Государство же должно выступать гарантом такого права.

Третья рассматриваемая работа – »Об общественном идеале« – принесла автору широкую известность не только как правоведа, но и социального мыслителя вообще. Данная работа сначала вышла серией статей в журнале «Вопросы философии и психологии» с 1917 по 1918 г., а в 1918 г. была опубликована отдельной книгой. Монография дает очень много сведений из истории таких теорий, целью которых, по мнению П.Н. Новгородцева, было обоснование возможности осуществления «земного рая» [2. С. 22]. Таковы, в частности, социализм (особенно марксистский вариант), толстовство и анархизм. Автор вновь обращался к проблеме взаимодействия индивида и общества и настаивал на признании в равной степени ценности личности и общества. Его книга «Об общественном идеале» важна как исторический источник тем, что в ней дается характеристика социальных концепций российских мыслителей того периода, придерживавшихся разных идеологических предпочтений.

Таким образом, работы П.И. Новгородцева раскрывают обозначенные социальные проблемы благодаря последовательности изложения мыслей, четкой аргументации и большому фактическому материалу.

Примечания

1. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб.: Изд-во «Лань», 2000.
2. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Изд-во «Пресса», 1991.
3. Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование // Сочинения / Сост., вступ. статья и прим. М.А. Колерова, Н.С. Плотникова. М.: Раритет, 1995.

А.Ю. Куренкова

**МЕМУАРЫ ВИКТОРА МИХАЙЛОВИЧА ЧЕРНОВА
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ВОПРОСУ
О СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЯХ МОРАЛИ**

Правдивая реконструкция прошлого является основной задачей историка; объективность и достоверность в анализе и оценках событий минувшего остается первейшим критерием профессионализма. В своих исследованиях историки стремятся обращаться к документам (например, программам партий, протоколам съездов и конференций). А там, где их нет и не может быть, (в частности, по вопросам этики), источниками являются монографии и другие авторские работы, используемые с известной долей осторожности, потому что они являются источниками личного происхождения и по сравнению с официальной документацией имеют более эмоциональный характер. Однако ограничиваться только документацией не следует, если есть воспоминания и переписка лиц, творчество которых изучается. В мемуарах, как правило, представлена личностная позиция автора, его мнение и субъективная оценка. Уступая в объективности официальной документации и научным трудам, мемуаристика более непосредственно и детально характеризует исторические обстоятельства, события и самого автора.

Мемуары Виктора Михайловича Чернова (1873–1952), крупнейшего теоретика партии социалистов-революционеров – это лишь небольшая часть его рукописного наследия. Известны две книги воспоминаний В.М. Чернова: «Перед бурей», вышедшая в Нью-Йорке, и «Записки социалиста-революционера», вышедшая в Берлине, а затем неоднократно публиковавшиеся в России. Книга воспоминаний «Перед бурей» содержит сведения о жизни В.М. Чернова до 1920 года, момента, когда он вынужден был нелегально покинуть Россию [1].

Другой работой мемуарного характера являются «Записки социалиста-революционера», публиковавшиеся в 1920-е гг. [2].

Воспоминания В.М. Чернова содержат многочисленные портреты деятелей эсеровской партии и политиков, оказавших влияние на события начала XX в.: М.А. Натаансона, Е.К. Брешко-Брешковской, М.Р. Гоца, Г.Е. Львова, А.Ф. Керенского и других. Там представлены дискуссии по вопросам тактики революционной борьбы и о формулировках положений

социалистических концепций как эсеровской партии, так и их оппонентов. Самым подробным образом охарактеризована деятельность партийных лидеров по организации революционного движения в рабоче-крестьянской среде. В воспоминаниях отражен стремительный темп партийной жизни. В.М. Чернов постоянно обращал внимание на то, как быстро события сменяли друг друга. Эта книга может служить источником по вопросам истории политических партий, полемике по вопросам тактики революционной борьбы, работы Временного правительства, и, что, на наш взгляд, немаловажно – источником по вопросам о социальной функции этики. В.М. Чернов неоднократно повторял, что ещё на ранних порах становления его политического самосознания он большое внимание уделял социально-философским и этическим проблемам общественных отношений. «Мы, например, с удовольствием, – писал он, – занимались философией и теорией познания, нас продолжали захватывать «проклятые вопросы «этики, с такой силой выдвинутые двумя друго-врагами – Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым» [1. С. 55]. В.М. Чернов рано дистанцировался от объективистских тенденций марксизма. В частности, он критически относился к тому, что его современники-марксисты «с аскетической узостью сектантов сосредоточились на вопросах экономики» [1. С. 55]. Сам автор мемуаров выступал за всестороннее изучение общественных проблем и не считал возможным отделение социальных, экономических, этических аспектов друг от друга. Выступая с критикой политических программ своих оппонентов, В.М. Чернов неизменно подчёркивал, что программа политической партии должна затрагивать все стороны жизни человека, учитывать все его потребности и интересы. Он был категоричен в вопросе о необходимости обязательно оговаривать цели революционной борьбы и не соглашался с теми, кто считал целью борьбу, как таковую, тем самым дистанцируясь от её результатов. В.М. Чернов, напротив, утверждал, что если целесообразность средств борьбы определяется обстоятельствами, то цель всегда должна оставаться первостепенной по важности [1. С. 73]. Таким образом В.М. Чернов обосновывал центральное понятие своей этической концепции – понятие общественного идеала. Впрочем, в его мемуарах нет точного и конкретного определения идеала, отсутствует и описание содержания социально-го идеала. В.М. Чернов лишь указывал на то, что принцип революционной борьбы должен включать представление об идеале, потому что социалистическое строительство, как и борьба за выход к нему, «без чёткого ориентира (научного ориентира) невозможна» [1. С. 65]. Вывод, к которому пришел В.М. Чернов на ранних этапах своей политической дея-

тельности, формулировался следующим образом – »в революции должно быть социальное содержание», а в социальном отношении обязательно есть или должна присутствовать этика [1. С. 65].

Такой подход к новому социальному строительству с учётом норм этики (что и предлагалось В.М. Черновым) придавал разрабатываемой общественной модели более жизненный характер, так как в ней учитывалась в большей мере эмпирия. Это делало, по словам В.М. Чернова, программу социальных реформ свободной от необузданного экспериментаторства и утопизма [1. С. 344]. В.М. Чернову приходилось неоднократно обращаться к вопросам о методах и средствах революционной борьбы, что в основном и отражают эти воспоминания. Ко всему прочему в этих книгах много места отводится рассуждениям о добре и зле. Отмежёвываясь от толстовства, лидер эсеров не поддерживал абсолютных критериев в определении добра и зла, любые социальные изменения им оправдывались социальной полезностью, обязательно сверенной с высшей нравственной целью – идеалом [2. С. 46].

Примечания

1. Чернов В.М. Перед бурей: [Воспоминания]. М., 1993.
2. Он же. Записки социалиста-революционера. Берлин; СПб.; М., 1922.

В.В. Шевцов

«ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» СИБИРИ КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ

Начало газетной периодики в Сибири было положено правительственный официальным изданием – губернскими ведомостями, начавшими выходить с 1857 г. в Тобольске, Иркутске, Красноярске и Томске. В либеральной сибирской прессе и публицистике значение губернских ведомостей определялось с общественно-политических позиций – как начального этапа к появлению независимых частных изданий, как возможности высказывания областнических и народнических идей, как органа местной реакционной администрации и инструмента борьбы с оппозиционными властями газетами («подлинной местной печатью»). С точки зрения «освободительного движения» место и роль губернских ведомостей была ничтожна, поэтому в обзорах развития сибирской периодики таких общественных деятелей и журналистов как В.М. Крутовский [1. С. 280] и А.В. Адрианов [2. С. 2–3], им было уделено лишь несколько слов.

В то же время на необходимость сохранения и изучения губернских ведомостей Сибири «для пользы науки и в видах содействия местным исследователям» указывал И.В. Щеглов. Автора первой сибирской хроники интересовала прежде всего неофициальная часть ведомостей, которые «сохранили на своих страницах множество любопытных материалов для местной истории, этнографии, статистики, лингвистики, метеорологии и пр.» Как внимательный историк, Щеглов отмечал, что «эти издания уже сделались библиографическою редкостью», и необходимо издавать указатели статей, а наиболее ценные и интересные из них обобщить в сборнике [3. С. 348].

Сформировавшиеся в дореволюционный период областнические оценки губернских ведомостей как бюрократического официоза, чуждого «обличительности» и «идейности» перешли в советскую историографию. Принцип партийности в оценке газетной периодики стал основополагающим. Губернские ведомости в этом отношении рассматривались как прецедент, «стартовая площадка» для будущего прогрессивного развития печати в сторону повышения градуса борьбы с самодержавием до окончательного его свержения. В «Сибирской советской энциклопедии» 1929 г. об «Иркутских губернских ведомостях» упоминалось лишь в свя-

зи с работой в них ссыльных петрашевцев (М.В. Буташевич-Петрашевского, Н.А. Спешнева и других), о «Томских» – в связи с деятельностью областников (Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, С.С. Шашкова) и попытками губернатора В.И. Мерцалова создать на основе неофициальной части ведомостей отдельное проправительственное издание в противовес «Сибирской газете». В «Энциклопедии» отмечалась ценность краеведческих статей, публикаций архивных документов, экспедиционных, статистических и археологических материалов. Отдельную статью о ведомостях заключает вывод: «Позднее, с появлением частных газет. «Г.В.» власти жалкое существование, печатая официальный материал; все попытки оживления этих изданий успеха не имели» [4. С. 591–592, 756]. Кроме того, в статье не правильно дана дата выхода первого выпуска «Томских губернских ведомостей» в свет – вместо 15 августа указано 16 августа 1857 г.

В масштабном справочном издании 1959 г. положительное значение губернских ведомостей оценивалось с точки зрения помещенных в них историко-этнографических и статистических материалов или в случае руководства ими «прогрессивно настроенными деятелями». Упадок и угасание являлись преобладающими чертами истории российских и сибирских ведомостей [5. С. 255–263]. В более поздней работе Л.С. Любимова, вышедшей в 1982 г., также подробно освещены лишь наиболее яркие, политически окрашенные, страницы в истории Иркутских и Томских губернских ведомостей. Относительно Томских ведомостей после разгрома сибирских областников, автор делает категоричный вывод, что после этого газета «уже никогда не смогла оправиться, и вся ее последующая история развивалась под знаком непрерывного угасания» [6. С. 39].

В 1978 г. была опубликована источниковедческая работа Г.М. Дейча, посвященная губернским ведомостям России, в которой отмечалось, что несмотря на то, что ведомости «освещали события весьма односторонне, с позиций господствующего класса», они «давно уже стали привлекаться в качестве источника историками, филологами, литературоведами, однако специальных исследований о них до сих пор крайне мало» [7. С. 237]. Многогранность, разнообразие и малоисследованность, широкие хронологические рамки – такими чертами охарактеризованы ведомости в работе Дейча, который одним из первых подошел к этому источнику как самостоятельному, охарактеризовав некоторые стороны формирования законодательной базы издания, обстоятельства и причины их появления, источниковые возможности ведомостей и проблемы в их изучении.

В настоящее время губернские ведомости Сибири продолжают изучаться историками уже в рамках методологического и идеиного плюрализма [8, 9, 10, 11, 12]. Действительно, номера губернских ведомостей, отпечатанные на тонкой серой бумаге, мелким, зачастую «слепым» шрифтом, по характеру материала, обилию пресловутого «официоза» производят впечатление «гадкого утенка» сибирской периодики в сравнении с живописными и эффектными по содержанию и исполнению, захватывающими читателя, частными изданиями. Однако подшивки ведомостей, зачастую неполные и поврежденные, связаны с конкретными людьми прошлого (издателями, сотрудниками, авторами, читателями), они хранят в себе знание, информацию, способную расширить и детализировать наши представления об истории и культуре Сибири, как долговременный и развивающийся правительственный проект, позволяют осветить политику государства, определить степень его мобильности по отношению к менявшимся общественным представлениям и ожиданиям. В период потрясения государственных и социальных устоев (террор народовольцев, революция 1905–1907 гг.) власть повышала внимание к собственным печатным органам, к возможности через печатное слово влиять на общественное настроение, проводить целенаправленную и долговременную политику и контролю политику.

Один из ведущих исследователей истории сибирской печати Е.Н. Косых отмечает, что «пользоваться периодикой как источником можно лишь с учетом общественно-политического лица издания» [13. С. 3]. В общественно-политической классификации, предложенной Е.Н. Косых, сибирские газеты являлись выразителями трех пропагандистских систем: пролетарско-большевистской, буржуазно-kadетской и социалистической (мелкобуржуазной). Правительственную газету можно определить как официально-административное, охранительное издание, формировавшее информационно-правовое пространство и транслировавшее идеи самодержавия, православия и народности.

В изучении и оценке губернских ведомостей возможно исходить не из их «прогрессивности», «идеиности» или «безидеиности», а из них самих, как оформленного текста, и людей, его подготовившего, из текущих социально-политических событий в оценках и представлениях современников. Не следует также забывать, что газета, как государственная, так и частная – это коммерческое издание, целью которого является получение прибыли, что во многом определяет характер представляющей в ней информации. Губернские ведомости также демонстрировали такое непосто-

янство, что это рождает интересную в исследовательском смысле задачу классификации истории их функционирования.

Примечания

1. Крутовский В.М. Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск, 1912.
2. Адрианов А.В. Периодическая печать в Сибири. Томск, 1919.
3. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032 – 1882). Сургут, 1993. Репринт. воспр. изд. 1883 / Под ред. А.А. Преображенского.
4. Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929.
5. Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник / Под ред. А.Г. Дементьева, А.В. Западова, М.С. Черепахова. М., 1959.
6. Любимов Л.С. История сибирской печати. Иркутск, 1982.
7. Дейч Г.М. Губернские ведомости как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1978. Т. 9.
8. Матханова Н.П. Авторы и читатели сибирских губернских ведомостей в первые годы их издания // Книжное дело в Сибири (конец XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1991.
9. Дмитриенко Н.М. Типографии старого Томска (первая половина XIX – начало XX вв.) // Вторые Макушинские чтения (1991 г.). Томск, 1991.
10. Кандаурова Т.Н., Мохначева М.П. По страницам «губернских ведомостей». Динамика социокультурных процессов в городах Сибири // Урбанизация и культурная жизнь Сибири: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 1995.
11. Тобольские губернские ведомости: Редакторский корпус: Антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX вв. / Сост. Ю. Мандрик. Тюмень, 2004.
12. Шевцов В.В. Становление правительственной печати в Томске (1854–1858 гг.) // Материалы международной конференции «Первые исторические чтения Томского государственного педагогического университета» (16–17 ноября 2004 г.). Томск, 2005.
13. Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). Указатель газет и журналов: Учеб. пособ. Томск, 2001.

С.А. Некрылов

ЖУРНАЛЫ СТРОИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ИМПЕРАТОРСКОГО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

История Императорского Томского, а впоследствии Томского государственного университета, изучена довольно хорошо с точки зрения его учебной и научной деятельности, профессорско-преподавательского состава. Однако историография строительства этого значительного по меркам XIX в. сооружения в Сибири, по сути дела градообразующего учреждения для самого Томска, весьма скучна. Как известно, ни один университет России не имеет полного описания организации и самого хода строительства, снабжения строительными материалами, найма рабочей силы и т.п. Именно при изучении такого источника, как «Журналы заседаний строительного комитета», появилась возможность изучить историю строительства Томского университета. Остановимся лишь на общей характеристике этого источника и самого строительного комитета.

Они, благодаря счастливому случаю, сохранились в Научной библиотеке ТГУ и представляют собой одну из копий журналов объемом более 7000 листов. Журналы велись с 3 июня 1880 г. до 5 июня 1891 г. За это время было проведено 477 заседаний. Журналы были разделены на 7 книг по хронологическому принципу. Первоначально запись заседаний вел производитель строительного комитета А.С. Беляевский, а позднее в 1885 г., составление журналов перешло в канцелярию попечителя Западно-Сибирского учебного округа. Уникальность этого источника в том, что он содержит исчерпывающую информацию по вопросам строительства Томского университета. В журналах приводились отчеты о деятельности строительного комитета за каждые 4 месяца, ежегодные отчеты, к которым прилагались ведомости о приходе и расходе средств за отчетный период. Помимо этого, в журналах содержались справки, счета и подписки подрядчиков, акты освидетельствования строительных материалов и выполненной работы. В них включено также описание хода строительных работ. Журналы содержат характеристику взаимодействий строительного комитета с местными властями, переписку с Министерством народного просвещения и генерал-губернатором Западной Сибири. В этих документах нашли отражение и изменения состава строительного комитета. Так, за эти

годы произошла полная ротация членов Строительного комитета, фактически из первого состава остался один В.М. Флоринский.

Журналы Строительного комитета позволяют провести историко-сравнительное исследование с теми отчетными материалами, которые поступали в Министерство народного просвещения. Таким образом, исследователь может сравнить, как велось строительство, и какая информация поступала в Министерство народного просвещения.

Строительный комитет для возведения зданий сибирского университета в Томске «по составленным для сего планам» был учрежден 14 марта 1880 г. [1. Л. 14].

Учреждению строительного комитета предшествовала работа министерской комиссии, составившей «Инструкции строительному комитету для сооружения зданий Императорского Томского университета» [2. Л. 290], которая четко регламентировала деятельность строительного комитета. Это говорит о том, что государство придавало строительству первого Сибирского университета большое значение.

Одним из ее разработчиков стал Василий Маркович Флоринский. Инструкция строительному комитету включала в себя обязанности комитета, его права, порядок делопроизводства, способы постройки зданий и заготовки строительных материалов, необходимых для постройки зданий. Кроме того, оговаривался состав комитета и обязанности его членов.

В первоначальный состав строительного комитета входили: председатель, Томский губернатор В.И. Мерцалов и члены: председатель Томского губернского правления А.И. Дмитриев-Мамонов; Томский городской голова З.М. Цибульский, как пожертвовавший на строительство университета значительную сумму; член от министерства народного просвещения, назначенный министром народного просвещения ординарный профессор Императорского Казанского университета В.М. Флоринский.

Помимо этого, в работе комитета должны были участвовать в качестве члена с правом голоса инженер-архитектор М.Ю. Арнольд, которому министерством было поручено сооружение зданий [2. Л. 3].

При комитете находились делопроизводитель, бухгалтер и писец. Бухгалтер назначался по выбору председателя, а писец по выбору делопроизводителя.

Вознаграждение строителю университетских зданий определялось в 4% от суммы стоимости постройки зданий, расход же на наем помощников строителей, чертежников, десятников, сторожей относился на сумму, назначенную на постройку зданий, «по мере действительной надобности, по усмотрению комитета» [3. Л. 3].

Представитель Министерства народного просвещения в комитете выполнял функции контроля над строительством специальных университетских зданий и их целесообразностью [4. С. 577]. При возникновении любых вопросов по этому предмету, его голос имел решающее значение, при разногласии с большинством членов комитета, комитет обязан был отправить этот вопрос на рассмотрение министра народного просвещения. Кроме этого, он должен был каждый год отправлять в министерство народного просвещения отчеты о ходе и направлении работ.

Необходимо было составлять несколько видов отчетов: третные, которые составлялись каждые 4 месяца и содержали в себе краткий состав работ; годовые – более подробное описание работ, произведенных в течение года, в них содержалась и ведомость о приходе и расходе средств. Финансовые отчеты (ведомости) предоставлялись в контрольные учреждения, а технические – на рассмотрение министерства народного просвещения. По окончании работ по постройке зданий университета должен был быть представлен отчет о деятельности комитета за весь период его работы. После этого министр народного просвещения собирал комиссию из членов, не принимавших участие в постройке университета; результатом работы этой комиссии должна была стать приемка зданий университета в ведение министерства народного просвещения, а комитет должен был быть распущен.

Во время отсутствия члена от Министерства народного просвещения в Томске, во время зимних месяцев, делопроизводитель должен был действовать по его указаниям и письменно согласовывать с ним все возникающие вопросы, при этом он имел право голоса в комитете, наравне с другими членами.

По инструкции в обязанности председателя комитета вменялось наблюдение за точным исполнением инструкции строительному комитету.

Порядок делопроизводства определялся следующий: комитет должен был собираться по назначению председателя, а при его отсутствии место председателя занимал председатель томского губернского правления. Строительный комитет обязан был все решаемые проблемы записывать в журнал заседания. Единогласные решения приводились в исполнение немедленно. При равенстве голосов «за» и «против» исполнялось то решение, с которым был согласен председатель. Если председатель был не согласен с большинством членов комитета, то дело отправлялось на рассмотрение генерал-губернатора Западной Сибири. Строительный комитет обязан был иметь собственную печать, которой должны были быть скреплены все контракты комитета на поставку строительных материалов и наем рабочей силы [3. Л. 14об.–16об.].

Комитет обязан был производить заготовку строительных материалов и проведение строительных работ хозяйственным, подрядным или иным способом.

Комитет обязан был следить за своевременностью и точностью исполнения подрядов, а в случае нарушения подрядчиками этих условий, комитет должен был принимать меры, которые были предусмотрены существовавшим законодательством.

Все строительные материалы, поставляемые в распоряжение комитета, должны были быть освидетельствованы всем составом или отдельными членами комитета и только одобренные при освидетельствовании материалы могли быть использованы для построек. Хранение этих материалов должно было осуществляться за счет комитета, для этой цели комитет мог назначить одного из своих членов, делопроизводителя или специального человека.

Еще одной обязанностью комитета было наблюдение за четкостью и своевременностью производства всех назначенных, согласно составленным планам, работ [3. Л. 19об.].

Строительный комитет нес ответственность за все упущения, которые могли быть допущены во время строительства, и выявленные уже после постройки зданий. При этом оговаривалось, что к этим упущениям относились: использование некачественных строительных материалов, неправильная или небрежная работа.

Несмотря на ценность и уникальность журналов Строительного комитета, при использовании их в качестве исторического источника, необходимо привлекать другие виды документов. К ним можно отнести переписку В.М. Флоринского с А.С. Белявским, Министерством народного просвещения, генерал-губернатором Западной Сибири, воспоминания Д.И. Дмитриева-Мамонова, В.М. Флоринского, В.И. Мерцалова, сибирских и центральных газет 80-х гг. XIX в. и другие. Все они в совокупности, при критическом отношении к этим источникам, дают возможность раскрыть историю строительства Императорского Томского университета.

Примечания

1. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 474.
3. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 11.
4. Флоринский В.М. Заметки и воспоминания // Русская старина. 1906. Июль.

К.В. Фадеев

**ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ в 1890-е – 1917 гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

В данном тексте «культурная жизнь» включает образование и функционирование учреждений культуры (библиотек, кинематографа, театров, передвижных художественных выставок, обществ начального и народного образования и других культурно-просветительных организаций), причем с учетом обратных связей. То есть в понятие «культурная жизнь» включается и степень вовлеченности масс в деятельность культурных учреждений.

Для освещения темы использованы опубликованные и неопубликованные документы архивов, часть которых введена в научный оборот впервые. Использованные источники разнообразны по характеру и степени презентативности.

Интерес представляют законодательные и нормативные акты, регламентировавшие жизнедеятельность горожан, которые позволяют проследить политику властей в отношении населения и учреждений, а именно: процесс становления и развития общественных организаций, воскресных школ, народных чтений, библиотек и многое другое.

К источникам официального характера мы относим и статистические сборники. Статистические материалы периода капитализма содержат значительные фактологические данные, но имеют и ряд недостатков, которые проявляются как в недостаточной презентативности, так и в полноте, представительности и сопоставимости источниковской информации. Для того, чтобы правильно обрабатывать и использовать статистические материалы, необходимы тщательный отбор и проверка данных, сопоставление их с информацией из других источников.

Особо можно отметить наличие ценного материала в книге Н.Д. Путинцева «Статистический очерк Томской губернии» (Самара, 1892) и некоторых других. Подобные справочные издания издавались в начале XX в. и в отдельных сибирских городах. В частности, интерес представляют справочные книги и адрес-календарь г. Барнаула на 1910 г.» (Барнаул, 1909), «Справочная книжка по Бийскому уезду» (Бийск, 1910), «Справочник по городу Ново-Николаевску»

(Ново-Николаевск, 1912), «Весь Томск: адресно-справочная книга на 1911–1912 гг.» (Томск, 1911). Они дают представление о численности и составе горожан, о развитии промышленности и торговли, о благотворительных, образовательных и других учреждениях и обществах.

Основным источником, опираясь на который можно решить задачи выявления и характеристики культурно-просветительных обществ, являются их годовые отчеты. По типологии они относятся к делопроизводственным источникам. Отчеты содержат информацию о проведенных мероприятиях, их доходности и посещаемости, об учреждениях обществ – библиотек, школ, музеев; о тематике проводимых лекций, утренников и спектаклей; имеются сведения о составе руководящих органов общества и всех его изменениях, а также существовавших комиссиях при объединениях. Иногда указывались фамилии лекторов и ответственных за проводимые мероприятия, что позволяет, используя другие источники, выяснить политические пристрастия наиболее активных членов обществ.

Наиболее полные отчеты представлены Томским и Барнаульским обществами попечения о начальном образовании. Ими же были составлены и итоговые юбилейные очерки (10, 15, 20, 25-летия) собственной деятельности. Отчеты других формирований публиковались с большей или меньшей регулярностью, что было связано с внутренними (постоянное безденежье) и внешними причинами.

Как исторический источник по нашей теме исследования имеют самостоятельное значение памятные книжки, календари и путеводители по Томской губернии и другим регионам Сибири. К ним примыкают такие интересные издания, как «Дорожник по Сибири и Азиатской России», «Сибирский дорожник», «Путеводитель по всей Сибири и среднеазиатским владениям России» (Томск, 1899 г.). Эти материалы в совокупности с разнообразными уставами, отчетами о деятельности культурных обществ и организаций могут дать целое представление о составах правлений, бюджете и количестве вншкольных (культурно-просветительных) учреждений в Томской губернии в рассматриваемый нами период.

Наиболее репрезентативным источником по избранной теме является сибирская периодика. На основе представленных в ней материалов в относительно систематическом виде можно познакомиться практически со всеми сторонами жизнедеятельности обществ. Так, газеты, особенно «Сибирская жизнь», «Томский справочный листок», отражали отношение общественности к различным формированиям в сфере культуры. Сообщения о лекциях, спектаклях, утренниках, концертах свидетельствовали о значении, которое местная общественность придавала этим мероприя-

тиям. Большую информацию несут продолжавшиеся издания, например, выходившие каждый год краткие отчеты о состоянии Западно-Сибирского учебного округа.

При анализе и реконструкции культурной жизни Томской губернии конца XIX – начала XX в. можно и необходимо было привлекать и материалы центральных, издававшихся в Петербурге и Москве, общественно-педагогических журналов, как «Вестник воспитания», «Школа и жизнь», «Педагогический листок», «Для народного учителя», «Журнал министерства народного просвещения». Эти издания содержат не только материалы по культурной жизни Сибири и Томской губернии, но и позволяют сравнить их с общероссийскими, представить место г. Томска и губернии в качестве культурного центра Сибири.

Многочисленные и чаще всего взаимопроверяемые неопубликованные материалы и документальные источники как по истории народного образования и внешкольной (культурно-просветительной) деятельности, так и по истории отдельных народных библиотек, театров, кинематографов и прочих учреждений были выявлены в фонде Томского губернского управления (Ф. 3), в фондах управления Западно-Сибирского учебного округа (Ф. 126), инспектора народных училищ первого района Томской губернии (Ф. 167), Томского губернского жандармского управления (Ф. 411), исполнительного комитета Томского губернского народного собрания (Ф. Р-1138). Аналогичные материалы содержатся также в Центре хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК), Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО), Государственном архиве Кемеровской области (ГАКО). Представляют интерес сведения о заседаниях правлений и общих собраниях организаций с подробными протоколами, стенограммами прений и списками всех присутствующих. Материалы архивов содержат информацию не только об учреждении обществ, но и об их взаимоотношениях с администрацией университета, учебного округа центральными государственными ведомствами, что позволяет определить характер их деятельности. Анализ указанных выше материалов приводит к выводу, что, несмотря на жесткую регламентированность, влекущую за собой бюрократизм, на протяжении рассматриваемого периода возрастила насыщенность общественной жизни не только в губернском центре, но и в уездных городах губернии.

Опубликованные документы личного происхождения (мемуары, дневники, путевые заметки) также содержат уникальный материал по общественной жизни горожан. Преломленный через призму авторского восприятия, он позволяет обогатить и расширить наши представления о

внутреннем мире горожан. Воспоминания крупных деятелей культуры Томской губернии Г.Н. Потанина, П.И. Макушина, П.А. Прокошева, В.С Пирузского являются специфическим видом источников. Отметим, что они, с одной стороны, содержат ценную информацию, а с другой – искажают ее. Они опубликованы в основном накануне революционных событий 1917 г., в 1915–1916 гг., в самой известной либерально-буржуазной газете региона – «Сибирской жизни». Эти материалы позволяют реконструировать не только статистическую, так сказать, «официальную» сторону деятельности культурно-просветительных организаций, но и «внутренний» процесс их функционирования.

В заключение отметим, что рассмотренные источники в совокупности дают достоверный фактический материал для комплексного и всестороннего воссоздания интересной и поучительной панорамы культурной жизни Томской губернии.

Е.А. Андреева

ПРОБЛЕМА МЕНТАЛЬНОСТИ СИБИРСКИХ ГОРОЖАН КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в. И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Содержание термина «ментальность» еще не вполне «устоялось», поэтому немало исследователей предпочитают особо оговаривать то содержание, которое они вкладывают в данное понятие.

Из «перечисляющего» определения ментальности, обычно встречающегося в литературе, выделим два элемента, в которых, на наш взгляд, заключена соль данного понятия – установка и мировоззрение. Установка – понятие, импортированное в социальные науки из психологии, обозначает «состояние предрасположенности субъекта к определенной активности в определенной ситуации» [1. С. 1406]. С установкой соединены «привычки», «автоматизмы» восприятия, которые неизменно включаются в определение ментальности. Следует иметь в виду также тесную связь установки с поведением, убеждением, эмоциями, включение в нее неосознанных мотивов [4. С. 228–265]. От мировоззрения (мировидения) к ментальности перешли системность, взаимозависимость составляющих единое целое компонентов, способность созерцательного отношения к жизни, несмотря на «реактивность», внесенную установкой. Таким образом, можно рассматривать ментальность как иерархическую систему установок, образующих в совокупности картину мира, ценностно-ориентированную и устремленную на некие идеальные состояния общества, индивида. Она представляет собой основание духовной и поведенческой культуры общества, определяет поступки членов социума, а также отражается в речи в виде мнений, предпочтений, оценок, особенностей логических построений.

Для определения содержания интересующего нас термина важно также выяснить длительность существования ментальности ввиду разноречий, имеющихся в историографии. Рассматриваемая концепция ментальности согласуется с известной схемой ритмов исторического времени, предложенной французской школой «Анналов», в частности с рассуждениями по этому поводу Ж. Дюби. Французский историк выделяет четыре типа структур ментальности, изменяющихся с разной скоростью: от почти неподвижных, связанных с биологическими свойствами человека, до быстротечных, являющихся резонансом конкретных событий [3. С. 20].

Сходной позиции придерживаются некоторые отечественные обществоведы, различающие в ментальности «кратковременные и долговременные структуры», стабильное ядро и текущую «периферию» [2. С. 19; 5. С. 39; С. 117].

Аналогично этому можно выделить в системе мировоззренческо-поведенческих установок «вечные» сюжеты, а также цивилизационные, эпохальные и злободневные. В качестве тем, которые на протяжении всей истории человечества, так или иначе, входят в существующую в разных цивилизациях картину мира, можно назвать отношение к жизни и смерти, смене поколений, труду, богатству, «чужому», статусу мужчин и женщин, детей и стариков и т.д. Содержание установок меняется, но сами эти сюжеты присутствуют всегда. Цивилизации и эпохи накладывают свой отпечаток на содержание установок по «вечным» вопросам, добавляя к ним новые. Например, среди проблем, составляющих важную часть мировидения православной христианской цивилизации, можно назвать «любовь к ближнему», грех и покаяние, почитание страстотерпцев и другие. Выявление мнений, взглядов современников изучаемой эпохи на данные проблемы, вариантов действий людей в заданных ситуациях позволяет реконструировать немалую часть ментальных установок исследуемого социума или отдельной его группы.

Перемена условий существования общества, необходимость адаптироваться к этим изменениям способны порождать новые сюжеты, кратковременные установки, а также переставлять акценты, вмешиваться в иерархию ценностей, актуализируя одни и игнорируя или даже отрицаая другие. Все это чревато переоценкой ценностей, частичной перекодировкой ментальности.

Нестабильность, быстрые изменения условий существования были характерны для ряда западносибирских городов в конце XIX – начале XX в. Ситуация «брожения в умах» наложила особый отпечаток на исторические источники, особенно субъективного характера. Обратим внимание на один из них, самый, пожалуй, щедрый для исследователя городской истории Сибири рубежа XIX–XX вв. – сибирские газеты. Их полосы пестрели обличениями «старых» и «новых» пороков общества, декларациями о том, что должно и что нет, полемикой, вызванной различными подходами к решению застарелых и новообразовавшихся проблем и т.д. Упомянутые декларации были тем более настойчивыми, что пресса предполагала не только на роль информатора, но и просветителя, наставника, пытаясь привить ценности, присущие части «культурных» словес всем читателям. Исследователь, благодаря этому, получает «информацию к

размышлению» об установках, стереотипах восприятия и поведения сибирской интеллигенции, и «от противного» – о других нормах и установках, бытовавших в обществе, о расхождениях между предписаниями о надлежащем и поведением в реальных жизненных ситуациях, а также о реакции горожан на некоторые новые явления сибирской жизни.

Ситуация «проговаривания» определенных социальных установок усугублялась имевшимся в обществе социокультурным «расколом». Одна из демаркационных линий проходила по поводу отношения к разворачивающимся в обществе переменам. «Консерваторы» и «прогрессисты» доказывали свою правоту, опираясь на представления соотечественников об идеальном, желательном. Другая разграничительная черта – образование – разделяла «культурную» часть общества, которая оставила историкам основной массив письменных источников, и «простецов» – народные массы. Реконструкция ментальности так называемого «молчаливого большинства» представляет немалые затруднения для историков. Особенности рассматриваемого времени также внесли в данную ситуацию коррективы. Во-первых, росло число грамотных среди народа, некоторые его представители уже способны были письменно выражать свои взгляды, например, обращаясь в те же газеты. Во-вторых, характерной чертой отечественной интеллигенции был ее фундаментальный интерес к народной массе, благодаря чему описания жизни, поведения «братьев меньших» (по выражению того времени) не покидали газетные страницы. В-третьих, в это время, особенно в провинции, сохранялось в литераторах стремление к отображению жизни «как она есть», даже беллетристика тяготела к бытописанию. Не удивительно, что видное место в прессе занимали репортажи. В них передавались подчас чуть ли не дословно диалоги участников событий, причем принадлежавших к разным социальным слоям, в том числе и «низшим». Создавался, таким образом, социальный портрет людей «из народа», правда, фрагментарный и увиденный глазами сибирского интеллигента, сокрушавшегося о народном невежестве.

Подведем итоги. Сибирские газеты конца XIX – начала XX в. можно рассматривать как своеобразный опрос общественного мнения, дневник социального наблюдения. Они являются благодатным материалом для исследования «субъективного элемента», особенно при использовании социологических методов. Социологи при анализе средств массовой коммуникации применяют методы выборки и контент-анализа [6]. Следуют их примеру, работая со старой прессой, некоторые историки. Установление связи историко-философского термина «ментальность» с понятиями, употребляемыми в социологии, может, на наш взгляд, способст-

вовать расширению инструментария исследователей данного феномена. В качестве единиц для подобного анализа целесообразно использовать установки (отражающиеся во мнениях, поведении) по поводу «вечных», цивилизационных, эпохальных и актуальных для рассматриваемого общества тем, прослеживая взаимосвязи, реконструируя иерархию и особенности «актуализации» различных установок в конкретных ситуациях реальной жизни.

Примечания

1. Большой энциклопедический словарь. М., 1989.
2. Вилков А.А. Менталитет крестьянства и российский политический процесс: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 1998.
3. Горюнов Е.В. Ж. Дюбю. История ментальностей // История ментальностей, историческая антропология: зарубежные исследования в обзорах и рефераатах. М., 1996.
4. Перспективы социальной психологии. М., 2001.
5. Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914–1918 гг.): Автореф. дис. д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2000.
6. Редель А.И. Российский менталитет: к социологическому дискурсу // Социальные исследования. 2000. № 12.
7. Федотова Л.Н. Социология массовой коммуникации. М., 2002.

В.А. Морев

**АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ РАДИО
ГОРОДОВ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX вв.**

Ещё в конце XIX – начале XX в. в городах Томской губернии – Томске и Новониколаевске – были заложены основы для внедрения и изучения радио. Это связано с деятельностью преподавателей Томского университета, радиотелеграфной базой Белого движения, созданной в Томске в годы Гражданской войны, а также с работой моряков-радиотелеграфистов Балтийского флота, направленных в Новониколаевск весной 1918 г. История становления и внедрения радио в этих городах вплоть до последнего времени изучалась недостаточно.

Архивные документы по истории радио городов Томской губернии имеют большую научную значимость, поскольку помогают пролить свет на мало изученные сюжеты по данной теме. В связи с этим необходимо охарактеризовать исследованные автором настоящей статьи архивные источники. Это документы фондов Мемориального музея А.С. Попова (ММП) в Санкт-Петербурге и государственных архивов Томской и Новосибирской областей (ГАТО и ГАНО). К сожалению, речь приходится вести не о фондах, а в основном об отдельных документах.

Документы Мемориального музея А.С. Попова связаны скорее с истоками радио в Сибири, нежели с его появлением и внедрением здесь. Деятельность профессоров Томского Императорского университета Николая Александровича Гезехуса (1845–1919) и Фёдора Яковлевича Капустина (1854–1936) во многом определила раннее возникновение радио в Томске. Н.А. Гезехус был учителем А.С. Попова и создателем физического кабинета в Томском университете, а Ф.Я. Капустин, будучи другом изобретателя, вёл с ним переписку и пропагандировал идеи А.С. Попова в Сибири [1].

Документы фонда А.С. Попова содержат краткие сведения о Н.А. Гезехусе и Ф.Я. Капустине. Представляет интерес письмо бывшего ректора Томского университета Н.А. Гезехуса своему ученику Ф.Я. Капустину, который в 1889 г. был назначен профессором университета по кафедре физики. Оно было написано Н.А. Гезехусом после того, как он переехал в Санкт-Петербург. Профессор давал советы

Ф.Я. Капустину по использованию приборов и литературы физического кабинета и библиотеки Томского университета для исследования атмосферного электричества [2].

Одно из писем А.С. Попова к Ф.Я. Капустину было написано непосредственно перед знаменитым заседанием физического отделения Русского физико-химического общества 25 апреля (7 мая) 1895 г. Он писал о своих экспериментах, предлагая Ф.Я. Капустину проделать опыты по совершенствованию прибора для обнаружения электромагнитных колебаний [3].

Более подробную информацию по истории внедрения радио в городах Томской губернии содержат документы сибирских архивов. Выявить причины раннего возникновения в Томске не только практической радиосвязи, но и научных исследований в этом направлении, помогают документы ГАТО по истории Томского университета. Ему непосредственно посвящены два фонда – Ф. 102 и Ф. Р-815. В целом они охватывают историю университета со времени его основания до настоящих дней.

Дела фонда Ф. 102 свидетельствуют о том, что первый ректор Томского университета Н.А. Гезехус являлся создателем физического кабинета при университете [4. Л. 12]. В этом же фонде имеются документы, подтверждающие использование профессором Томского университета Ф.Я. Капустиным прибора А.С. Попова во время экспедиции на Енисей летом 1896 г. для фиксации изменений в атмосферном электричестве во время полного затмения Солнца. Таким образом, изобретение А.С. Попова сразу нашло практическое применение в Сибири. В ГАТО хранится рукописный отчёт Ф.Я. Капустина по итогам экспедиции [5].

Документы, доказывающие немаловажное значение Томского университета в деле создания радиотелеграфной базы в Томске, входят в состав фонда Р-815. После открытия в 1917 г. в составе университета физико-математического факультета начались систематические исследования по физике. В частности, подтверждается факт привлечения военных специалистов радиобазы для преподавания радиодисциплин в университете. Их пригласил приват-доцент физико-математического факультета Томского университета по кафедре физики, будущий профессор Владимир Дмитриевич Кузнецов (1887–1963). Имеются документы об организации по его инициативе радиоспециальности в 1923 г., о создании и деятельности радиолаборатории в Томском университете [6]. С этого времени начался новый этап в развитии томской радиосвязи. Его основным содержанием стали первые шаги по серьёзному научному изучению радио. Подготовка радиоспециалистов началась в Томске в то время, когда они ещё мало где готовились.

О первых трудных годах существования физмата сообщается в письмах В.Д. Кузнецова профессору М.В. Шулейкину и заместителю директора радиолаборатории Народного Комиссариата Почты и Телеграфа (НКПиТ) И.В. Селиверстову (1924 г.). Томский профессор просил посодействовать устройству при университете радиостанции громкоговорящего телефона, так как Томск явился проводником идеи радиолаборатории НКПиТ [7. Л. 84–86, 87].

Появление и начало применения военной радиосвязи в Томске связано с периодом Гражданской войны. В 1919 г. здесь была создана Главная радиотелеграфная база Белого движения. Впоследствии на её основе образовалась радиотелеграфная база 5-й Красной армии [8]. Историю её создания затрагивает дело № 1 фонда Начальника гарнизона г. Томска Западно-Сибирского военного округа (Р-537). В деле имеются приказы о необходимости сдачи всем лицам, учреждениям и заведениям радиотелеграфного имущества в Управление заведующего радиотелеграфом 5-й армии (№ 14 от 18.01.1920 г.) и о формировании в городе радиотелеграфной базы 5-й армии (№ 26 от 02.02.1920 г.). Её начальником назначался П.П. Елизаров [9].

В документах ГАНО информация по истории радиосвязи сгруппирована более компактно. Так, дела фонда Новониколаевской приёмно-передающей радиостанции (Р-142) практически полностью посвящены радиофикации Новониколаевска. Особый интерес представляет дело № 6. Оно посвящено устройству и эксплуатации Новониколаевской радиостанции, приёмное устройство для которой установили моряки-радиотелеграфисты Балтийского флота в апреле 1918 г. Аппаратура позволила начать приём правительенных телеграмм. Диапазон вещания составлял 3000 км. Радиостанцию полностью смонтировали и открыли 24 октября 1921 г. Руководил работами старший телеграфист с крейсера «Аврора» Балтийского флота А.М. Зоткевич, ставший затем начальником первой передающей радиостанции в Новониколаевске. В деле подробно описаны устройство, расположение, функции и особенности приёма и передачи информации [10]. Новониколаевская станция осуществляла связь с городами Сибири и Урала, а также с Москвой, Ташкентом и Обдорском. Она могла поддерживать двустороннюю связь с Томском, Семипалатинском, Читой, Красноярском, принимала радиостанции Харбина, Рима, Науэна, Парижа, Ганновера, Гибралтара [11. Л. 9].

Таким образом, архивные материалы по истории становления и внедрения радиосвязи в городах Томской губернии, несмотря на фрагментарность и малочисленность, имеют большую научную ценность для

изучения истории средств коммуникации. Без этой информации невозможно составить полное представление об истоках радиофизики и радиосвязи не только в пределах городов Томской губернии, но и на территории Сибири в целом.

Примечания

1. Кьяндская Е.Г., Нилов В.З. Первые радиофизические работы в Сибири. Открытие радиоспециальности в Томском университете / Любберцы, 1981; Деп. в ВИНТИ № 607 – 81. (номер в Мемориальном музее А.С. Попова – № 6492 в.х.).
2. Письмо Н.А. Гезехуса 08.05.1890 г. на имя Ф.Я. Капустина // ММП–116. Ф. 2.1.6–219.
3. Письмо А.С. Попова Ф.Я. Капустину 16.04.1895 г. // ММП–Ф. 2.5.1. № 12497. Опубл. в книге: Радовский М.И. Александр Степанович Попов. 1859–1905. М.; Л., 1963.
4. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 13
5. Там же. Оп. 1. Д. 155; Оп. 9. Д. 258.
6. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 161. Л. 36, 109; Д. 412. Л. 51; Д. 546. Л. 16; Оп. 3. Д. 1870. Л. 23; 26–27; Оп. 18. Д. 347. Л. 610.
7. Там же. Оп. 1. Д. 161.
8. Нилов В.З. Пionеры коротких волн в Сибири // Радио. 1978. № 4. С. 11–12; Он же. Радиомысли и начинания двадцатых // Томский вестник. 1994. 15 дек.
9. ГАТО. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 1.
10. ГАНО. Ф. Р-142. Оп. 1. Д. 6.
11. Сводка о деятельности Новониколаевской мощной приемно-передающей радиостанции по обмену корреспонденции на май 1922 г. // ГАНО. Ф. Р-142. Оп. 1. Д. 3.

Г.А. Макурина

**СЕКРЕТНАЯ АГЕНТУРА В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
В НАЧАЛЕ XX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Деятельность органов политического сыска сибирских губерний остаётся до сих пор слабо исследованной в силу ограниченности источников, прежде всего архивных, большая часть которых была уничтожена сразу после Февральской революции 1917 г. То, что осталось, в буквальном смысле по крупицам собирают историки для воссоздания полной картины организации и работы Губернских Жандармских Управлений (ГЖУ) и Охранных Отделений (ОО) по борьбе с революционным движением в специфических условиях Сибирского региона.

Архивные документы, освещдающие данную тему, можно разделить на три группы: официальные, обзорно-аналитические и оперативно-розыскные. Последние включают в себя переписку Департамента Полиции (ДП) с Томским ГЖУ и ОО по делам политического розыска и дознания, агентурную информацию, данные о секретных сотрудниках, перлюстрации, различные запросы, справки. Эти источники наиболее важны для раскрытия механизма работы ОО и в то же время самые неполные. Есть надежда, что часть утерянных документов ещё найдётся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). В этой ситуации принцип объективности и историзма приобретает особую значимость. Поэтому сохранившиеся дела обследовались сплошным методом. При работе с документальной базой основным являлся сравнительно-аналитический. Ксерокопирование, фотографирование и использование ноутбука позволяет ускорять сбор архивного материала, обогащать исследование введением копии документа в текст.

Данная статья явилась результатом анализа сохранившихся документов по секретной агентуре ТГЖУ и ОО, которые частично раскрывают приёмы политического сыска. Эти документы носят официальный характер, они канцелярски оформлены, подписаны начальником или другим должностным лицом, заверены юрисконсультом, имеют особый стиль, диктовавшийся традицией, пересыпались в ДП, поэтому им вполне можно доверять. Они включают в себя ежемесячные донесения – отчёты о секретных сотрудниках (кому, когда и за что заплачено), информации о количественном и качественном составе, об уволенных и вновь принятых.

тых, просьбы об увеличении средств, переписку с ДП и местных ГЖУ и ОО по различным вопросам их специфической деятельности.

Изученные источники дают представление о строгой секретности всей информации и службы в ОО, о жесткой централизации розыска, о несогласии его объёмов и выделяемых средств; о методах подбора секретных сотрудников, уровне и качестве их работы и другом.

Документы свидетельствуют, что всё, что делалось в ГЖУ и ОО, всё, что приходило туда и исходило оттуда, – всё было с грифом «секретно» или «совершенно секретно», «лично», «доверительно», значительная часть информации была зашифрована, многие архивные документы – это уже расшифрованные копии. Особенное секретным было всё, что касалось личности сотрудника. Это основное требование конспирации соблюдалось неукоснительно. Фамилии агентов в тексте всегда шли под шифром. Приведём пример с осведомителем на телеграфе. Им был:

п е т р м и х а й л о в
37 24 19 12 23 17 64 89 61 65 51 34

Без расшифровки личность агента установить не представляется возможным [1. Л. 25]. Все секретные сотрудники получали псевдонимы («клички»), которые не повторялись и не менялись ни под каким предлогом. В этой связи обращает на себя внимание документ, посланный начальником ТГЖУ полковником И.П. Мазуриным своему коллеге в Красноярск следующего содержания: «...во вверенном мне Управлении уже имеется сотрудник “Чёрный” предписываю вашего именовать не “Чёрный”, а “Белый”» [2. Л. 14]. О приобретении нового сотрудника срочно сообщалось в ДП. Из донесения от 14 июня 1912 г.: «приобретено 2 секретных сотрудника: один по освещению оппозиционного элемента населения г. Томска под псевдонимом «Кум» без вознаграждения, другой по РСДРП – «Большой», без определённого вознаграждения [3. Л. 53].

О вознаграждении за работу секретных сотрудников узнаем из ежемесячных отчётов в ДП. В информации за январь 1916 г. сотрудник «Плотный» (по цензуре) получил 100 руб., «Деловой» (по партии С.-Р.) – 125 руб., «Сидоров» (по РСДРП) – 30 руб., «Никс» (по РСДРП) – 75 руб. Всего по отчёту проходило 26 агентов. Расход средств составил 920 руб. Судя по оплате, степень полезности их была различной. К финансовому отчёту обязательно прикладывались оправдательные документы. Иногда встречались любопытные примечания: «С “Сидорова” расписка не взята в виду его неграмотности» [3. Л. 16. 23, 25].

В документах есть ответы на вопрос: «Кто становился секретным сотрудником?». Это был ряд лиц, различных по положению и состоянию,

предлагавших свои услуги как за хорошее вознаграждение, так и бесплатно, из побуждения послужить царю и Отечеству, и просто из человеческой подлости. Свои услуги предлагали люди совершенно безграмотные и образованные, женщины и молодёжь [4]. Любопытен в этом отношении документ о студенте Технологического института Борисе Солонинчике, арестованном на сходке 10 декабря 1910 г., исключеннем из института и предназначенный к высылке за пределы Томской губернии. Во избежание этой участи он выразил желание и полную готовность оказывать услуги ОО в деле розыска. После тщательной проверки его сведений, оказавшихся вполне достоверными и весьма ценными, ГЖУ просит ДП не применять к нему меру наказания и восстановить в институте. Аналогичная просьба была высказана и в отношении студента Тиграна Колонторяцца [5. Л. 13]. Именно эту сторону деятельности охранного отделения обычно считают наиболее вредной, аморальной.

Были ли провокаторы? Из документов следует, что провокации имели место. С провокаторами поступали по-разному в зависимости от степени провокаций: увольняли, переводили в другие регионы, но ни один факт не оставался незамеченным. Типична история Е.А. Крутикова («Пётр Иванович»), от услуг которого за активную провокаторскую деятельность в Барнаульской социал-демократической организации ТГЖУ отказалось. Он вынужден был поменять место жительства и в 1913 г. уехать в Хабаровск. Иркутское ГЖУ было предупреждено о том, что к ним выехал бывший секретный сотрудник по РСДРП «Пётр Иванович» (Е.А. Крутиков). Начальник ТГЖУ просил обратить внимание на его склонность к провокаторской деятельности и возможность продолжения работы, но «только под контролем». Дальнейшая судьба когда-то ценностного секретного сотрудника оказалась печальной. Не прижившись на новом месте, он вернулся в родные края, полезной информации давать не мог, был узнаваем. Само ОО считало, что сотрудник «выыхаеется» через 2–3 года. В 1917 г. он привлекался к ответу Судебно-следственной комиссией Совета рабочих и солдатских депутатов [5. Л. 1, 20. 6. Л. 6, 16].

Таким образом, тщательный отбор документов, сравнительно-аналитический подход позволяют прийти к заключению, что ТГЖУ и ОО, функционируя в рамках действующего законодательства, в политическом сыске широко использовали секретную агентуру, и это оправданно, т.к. акции революционеров находились вне правового поля, их действия носили запрещённый, а порой и преступный характер.

Примечания

1. ГАТО. Ф. 433. Оп. 3. Д. 3.
2. ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 205а.
3. ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 391.
4. ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 407. Л. 50; Ф. 434. Оп. 3. Д. 5. Л. 8, 30.
5. ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 133.
6. ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 397.

А.А. Иванов

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ТОМСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА (НА МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЙ СТУДЕНТ»)

«Какое же место занимает студенчество как таковое во всем этом процессе переустройства, где на развалинах обветшалого строя создаются устои молодой жизни? Студенчество как таковое всегда было и есть отражение общественного целого, но его барометр, в высокой степени чуткий к малейшим колебаниям жизни этого общественного целого» [1. С. 1], – писал в передовой статье первого номера журнала «Сибирский студент», впервые вышедшего в Томске, Михаил Бонифатьевич Шатилов, этнограф, публицист, общественный деятель, издатель и редактор журнала. Журнал с «говорящим» названием «Сибирский студент» начал издаваться в г. Томске в мае 1914 года. Познакомиться с ним позволяют 7 номеров (некоторые из них сдвоенные) за 1914–1916 гг., сохранившиеся в Научной библиотеке ТГУ.

В написании материалов для журнала принимали участие местные, иногородние и зарубежные авторы. На страницах издания публиковались писатели, поэты, ученые. Среди них известные сибирские общественные деятели: журналист А.В. Адрианов и неутомимый исследователь Г.Н. Потанин. Редактор-издатель «Сибирского студента» М.Б. Шатилов также часто выступал в нем с публицистическими статьями.

О чем же писал «Сибирский студент»?

«Студенческая печать, как единственное средство ознакомления с интересами и вопросами жизни учащихся, не может не интересовать широкие общественные слои», – декларировалось в статье В. Прейсмана «Студенческая пресса», помещенной во втором номере журнала за 1914 г. [2. С. 63].

Общим, а, пожалуй, и главным, мотивом «Сибирского студента» являлся вопрос о разрозненности студенчества, констатирование, правда, с оттенком грусти, того факта, что в те времена студенчества, как целого, не было, а были только студенты. Поэтому журнал нацеливал на воссоздание студенчества как целого.

Со страниц издания можно получить представление о студенческой прессе в масштабах России. В «Сибирском студенте» говорилось о том,

что почти во всех университетских городах возникали студенческие журналы и газеты. Многие из них были недолговечны, выходили в количестве нескольких номеров и вдруг, как и возникали, прекращали свое короткое существование вследствие недостатка средств и сил или обстоятельств, не зависящих от редакции. Несмотря на такое непрочное положение органов студенческой прессы она, в конце концов, все-таки завоевала свое, правда, скромное, место в общей русской печати. На месте прекращавших свое существование возникали новые студенческие издания, которые стремились несколько приглушить свой оппозиционный тон в отношении властей. В результате в России возникла студенческая печать со своим кругом интересов.

«Сибирский студент», тем не менее, обратил внимание на то, что информационный материал в студенческих изданиях оставлял желать лучшего. Несомненно, причинами тому служили молодость студенческой печати, недостатки организации, а главным образом крайняя скудость средств, не позволявшая оплачивать не только телеграммы, телефон, корреспонденцию, но зачастую и ссылку изданий иногородним подписчикам.

В журнале уделяется большое внимание жизни студенческих организаций, что, несомненно, оживляет издание и сближает его со студенчеством. «Сибирский студент» рассказывает о работе таких студенческих кружков как технический, сибирский, экономический, фотокружок, студенческий аэрокружок и др.

Очень интересную информацию об общественной жизни студенчества на страницах издания нам предоставляет автор под псевдонимом «Зэт». В статье «Из жизни студенческого Пироговского общества» он пишет: «С именем Пироговского студенческого медицинского общества связаны общественные выступления томского студенчества. Это общество, устраивая заседания, подобные, например, заседанию в 1910 г., в память Н.И. Пирогова, объединяло университет с широкими общественными слоями, связывало его с жизнью края. При упоминании о заседании в честь Н.И. Пирогова, в памяти воскресает светлая страница переживаний. Тогда университет и общество слились в одну семью, на несколько моментов «университет был – для всех», т.е. было то, о чем мечтал Н.И. Пирогов» [3. С. 69–70].

В Сибири в то время широкое распространение получила кооперация. В журнале «Сибирский студент» в связи с этим поднимался вопрос о создании кооперативных организаций среди студентов. «Интенсивное развитие кооперативного движения за последнее время среди сельского и городского населения Сибири (маслодельные артели, потребительские

лавки и кредитные товарищества) дает возможность предполагать о жизненности кооперативов и соответствии их историческому моменту», – подчеркивал в своей статье А. Ламидзе [4. С. 38]. Далее он высказал идею создания студенческого банка, который смог бы давать кредиты на обучение: Он писал: «Отчего не поставить этот вопрос на почву создания полубанковского, полустрахового учреждения, которое бы взяло это дело в свои руки, выдавая учащимся ссуду, на время прохождения ими школы, записывая эти ссуды за ними долгом и обязывая их возвращать последние ссуды в будущем» [4. С. 44]. Однако это предложение А. Ламидзе так и не было реализовано в то время.

В издании регулярно помещалась информация о заграничной и русской студенческой жизни. «Сибирский студент» информировал читателей о жизни землячеств: якутском при Томском университете, сибирском в Москве, о русском студенчестве в Мюнхене и Варшаве и др.

Наряду с этим журнал много внимания уделял Сибирским высшим женским курсам, открытым в Томске в 1910 г., которые давали возможность женщинам получить высшее образование. Вот что пишет на страницах издания одна из слушательниц: «Три сотни молодых сердец дружно бываются здесь, объединенные одной общей целью: получить знание. Не диплом, не права удерживают их здесь, а настоящая жажда знания ради знания» [5. С. 55]. Читая «Сибирский студент», можно определить особенности данных курсов: «Здесь совершенно нет чисто-официальных отношений, существующих в других высших учебных заведениях. Наши курсы «не красны углами», но богаты они тем радушием, с каким даются и получаются здесь знания, и той любовью, горячей любовью к курсам, которая и заставляет всех сплотиться в одну семью. Любовь эта не ослабевает со дня открытия курсов по настоящему времени» [5. С. 55].

В журнале печатались известные сибирские писатели и поэты. Так, например, довольно часто можно встретить рассказы В.Я. Шишкова, Г.Д. Гребенщикова, стихи Г.А. Вяткина.

В издании часто публиковались статьи и материалы по проблемам экономического, культурного и научного развития Сибири. Студенты помещали свои критические рецензии на работы профессоров. Так, в первом номере журнала за 1914 г. с критикой «Очерков философии права» И.В. Михайловского выступил студент Юр.

Наряду с проблемами образования и науки, поднимались вопросы будущего развития Сибири.

Один из номеров «Сибирского студента» был целиком посвящен великому сибирскому ученому и просветителю, идеологу сибирского обла-

стничества Г.Н. Потанину, его 80-летнему юбилею. На страницах № 1–2 за 1915 г. Григорию Николаевичу посвящено несколько стихотворений и статей. Его содержание говорит о том, какой популярностью среди студенчества пользовался этот ученый и общественный деятель. В статье, посвященной Г.Н. Потанину, подчеркивалось: «В этом, объединяющем всех, чувстве восхищения перед полувековым *искреннейшим* служением Потанина народу и надо искать, прежде всего, причину того, что не одна тысяча людей, разно мыслящих, по разному ищаших истину, не только сочли своим долгом, но и счастливы были приветствовать юбиляра» [6. С. 143.].

Журнал «Сибирский студент» вызывал неподдельный интерес студентов, которые принимали в нем активное участие, являясь своего рода центром интеллектуальной жизни сибирского студенчества.

К сожалению, в 1916 г. издание журнала прекратилось. Просуществовал «Сибирский студент» не долго, но это ни в коем случае не уменьшает его ценность как источника по истории томского дореволюционного студенчества.

Примечания

1. Шатилов М.Б. Передовая // Сибирский студент. 1914. № 1.
2. Прейман В. Студенческая пресса // Сибирский студент. 1914. № 2.
3. Зэт. Из жизни студенческого Пироговского общества // Сибирский студент. 1914. № 1.
4. Ламидзе Ал. Студенческий кооператив // Сибирский студент. 1914. № 1.
5. Курсистка. На Сибирских Высших Женских Курсах // Сибирский студент. 1914. № 1.
6. М-ич В. Юбилейный праздник // Сибирский студент. 1915. № 1–2.

Е.А. Казакова

АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА (НА ПРИМЕРЕ БИОГРАФИИ П.В. ВОЛОГОДСКОГО)

В последнее время в исторической науке прослеживаются две взаимообусловленные тенденции. С одной стороны, углубление специализации, проявляющееся прежде всего в дроблении объектов исследования, обличающее их в локальные рамки, что дает возможность всесторонне исследовать объект (каждое историческое событие условно подразделяется на множество отдельных, происходивших на различных уровнях: в жизни отдельного человека, социальной группе или в рамках государственных образований), с другой стороны, такая детализация объектов диктует необходимость интеграции с другими науками, что проявляется в использовании междисциплинарного подхода, под которым подразумевается применение к объекту исследования достижений, методов и приемов других наук (социологии, психологии, философии и т.д.).

Одним из проявлений таких тенденций можно считать развитие так называемой «персональной истории», заключающейся в том, что объектом исследования становится отдельная личность [1], а предметом – жизненный путь человека, описываемый через смену его социальных ролей, поведения, эволюции мировоззрения, ментальных установок и прочее. Таким образом, предпочтительным становится взгляд на прошлое с точки зрения действующих в нем лиц.

При этом современное понимание биографистики не сводится к простому жизнеописанию, а выступает как средство изучения исторического процесса в целом и общественно-политической ситуации в стране в определенный период в частности («личность – эпоха»). Основной методологической посылкой в данном случае становится понимание того, что общество оказывает непосредственное влияние на личность, как и личность влияет на общество, а значит и «отражается» в человеке, это «отражение» в свою очередь позволяет нам охарактеризовать и сам исторический процесс.

Такой подход предполагает особый механизм изучения источников, фиксирующих различные аспекты жизни и деятельности человека. Например, А. Гладков утверждал, что строго научной биографии быть не

может: документы противоречат друг другу, спорят, опровергают, изобличают, лгут. «Для их верной оценки требуется интуиция и догадка, авторское воображение и исторической чутье, а стало быть, все черты таланта» [2. С. 407]. Указанных факторов, безусловно, недостаточно. Для того чтобы биография могла претендовать на «научность», необходим комплексный подход, что, в свою очередь, возможно лишь на междисциплинарном уровне.

Процесс изучения и анализа источников приведем на примере исследования общественно-политической деятельности одного из лидеров «белого» движения на Востоке России в годы Гражданской войны Петра Васильевича Вологодского.

Следует отметить, что прежде чем приступить к анализу источников, необходимо составить представление о той ситуации, в которой пришлось действовать человеку, раскрыть так называемый «исторический фон», на который впоследствии и предстоит накладывать извлеченную из источника информацию. Биографию можно считать подлинно «исторической» лишь тогда, когда она помещена в исторический контекст во всех его проявлениях.

Представляется целесообразным в рамках данного примера процесс изучения источников расчленить на два последовательных этапа:

1. Классификация источников:

1) источники, содержащие информацию о различных сторонах жизни и деятельности;

2) источники личного происхождения (вышедшее из-под пера П.В. Вологодского).

В рамках первой группы можно выделить личные дела, интервью, материалы судебных и следственных дел, законодательные акты «белых» правительств, воспоминания современников (отдельно коллег и родственников) и другие.

В рамках второй группы представлены дневник П.В. Вологодского, его письма, публикации (на профессиональные и общественные темы), художественный рассказ, автобиографии.

2. Изучение и анализ каждого вида источника.

На данном этапе прежде всего следует опираться на системный подход, в соответствии с которым каждый источник (документ) рассматривается как сложная многоуровневая система, состоящая из нескольких подсистем, каждая из которых может рассматриваться как самостоятельная система и как подсистема системы более высокого порядка. В соответствии с таким подходом исследователю необходимо сосредоточить

внимание не только на тексте документа (одна из подсистем, состоящая из отдельных элементов – смысловых единиц), но и на материальном носителе [3].

Для анализа судебных и следственных дел необходимо иметь знания не только о сущности законодательства, его особенностях, но и о методике ведения следствия по разным категориям преступлений и правонарушений (гражданских, уголовных, политических), составления юридических документов и прочего. Наряду с этим данный вид источника позволяет применить расчетные методы, представить юридическую практику П.В. Вологодского в динамике, определить удельный вес дел по каждой категории. Например, как защитник по уголовным делам, П.В. Вологодский преимущественно назначался судом, и дела подобного рода в его практике занимали меньший удельный вес по сравнению с гражданскими, но представлены практически в том же объеме, что и политические. Более того, большинство судебных разбирательств было выиграно. Пик политических дел приходится на 1904–1908 гг., уголовных на 1898–1902 гг., 1907–1910 гг. Гражданские же дела присутствовали практически в равном объеме на протяжении всей службы по судебному ведомству [4].

При анализе интервью могут применяться семантический анализ, методы количественной обработки по выборке ключевых тематических моментов, на которых респондент акцентировал внимание независимо от тематики беседы (если таковая имела место). Так, в большинстве интервью, данных корреспондентам газет «Сибирская жизнь» и «Правительственный вестник» в годы Гражданской войны, П.В. Вологодский много-кратно обращал внимание на слаженность работы Совета министров «несмотря ни на что», острую необходимость организации управления и снабжения, личную «веру в Сибирское земство», в то же время часто звучали опровержения выдвигаемых в его адрес обвинений в стремлении «удержать власть» [5].

Для анализа законодательных актов «белых» правительств, возглавляемых П.В. Вологодским, целесообразно применить метод количественной выборки, который, в частности, даст возможность установить, какие законы Петр Васильевич подписывал лично, а какие выходили за подписью его заместителей, даже если в это время он находился в Омске и принимал участие в обсуждении законов. Это позволит более четко определить политическую позицию премьер-министра.

Анализ источников личного происхождения должен осуществляться по двум направлениям: 1) с целью нарисовать портрет личности

П.В. Вологодского; 2) представить его точку зрения о своей роли в историческом процессе.

Наиболее информативен в этом отношении дневник (1918–1925 гг.). Для того чтобы извлечь информацию необходимо провести лексикологический, семантический анализ текста. Определить, о ком автор говорит чаще, о себе или об окружающих и окружающем, имеются ли и как часто категорические высказывания, чрезмерные оценки, многозначительные подчеркивания и повторения, к каким фактам автор относился безразлично, а к каким отрицательно [6. С. 106]. Такой анализ позволяет сформулировать перечень мотивов, которыми руководствовался автор, создавая дневник.

Особое место среди источников занимают художественные произведения. Здесь на помощь историку приходят лингвисты, разработавшие довольно обширный инструментарий изучения этого вида источника. В данном случае акцент смещается на искусство построения текста, его структуру и композицию. Единственно известным художественным произведением П.В. Вологодского является рассказ «Ганька» о жизни обозного вора, являющегося по сути собирательным образом. В тексте рассказа очень много эмоциональных диалогов, ярких описаний быта и условий существования ссыльных, их пагубного влияния на местное население.

Таким образом, использование достижений и методов различных наук применительно к анализу источников, свидетельствующих о жизни и деятельности отдельной личности, позволяет извлечь значительную и разнообразную информацию, необходимую для реконструкции процессов исторического социума.

Примечания

1. Под личностью будем понимать конкретного человека, как субъекта деятельности в единстве его индивидуальных свойств и социальных ролей, а также совокупность интегрированных в нем социально значимых черт определенной исторической эпохи. Это определение несколько шире, а потому точнее, чем употребляемое некоторыми авторами понятие «индивид».

2. Гладков А. На полях книги А. Моруа «Типы биографий». М., 1968. Т. 5.

3. В частности, П.В. Вологодский, ведь дневник, большую часть записей делал в тетрадях, а меньшую часть – на отрывных листах или в записных книжках, что дает возможность выдвинуть предположение о чрезмерной занятости в эти дни, а значит и о значительных для него, как премьер-министра, происходивших в это время событиях.

4. Расчеты приведены только за период практики в России. При этом известно, что в эмиграции П.В. Вологодский занимался преимущественно гражданскими делами.

5. Аналогичные методы, дополненные лексикологическим, текстологическим, структурным, грамматическим анализом текста, могут быть использованы при анализе публицистических статей, входящих во вторую группу источников.

6. Логинова Н.А. Биографический метод в свете идей Б.Г. Ананьева // Вопросы психологии. 1986. Т. 5.

К.В. Зленко

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА П.Н. КРЫЛОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БОТАНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СИБИРИ

К 1914 г. Порфирий Никитич Крылов закончил свой большой в 7 т. труд «Флора Алтая», получивший высокую оценку в русской и заграничной научной печати. Казанский университет присудил за эту работу П.Н. Крылову степень почетного доктора ботаники (*honoris causa*). Он собирался приступить к составлению последнего 8 тома, в котором собирался подвести итоги этой обширной работы. И хотя он в ту пору еще не имел профессорского звания, но Г.Н. Потанин уже тогда назвал Крылова «одним из тех профессоров, которые своей деятельностью и своей жизнью Томский университет превращали в действительный университет» [1].

Однако в марте 1914 г. после 29 лет работы в Томске, П.Н. Крылов, создав в Томском университете ботанический сад, питомник лекарственных растений и гербарий, переезжает в Петербург. Туда он был приглашен Петербургской Академией наук, чтобы заняться подготовкой к публикации давно намеченного по инициативе академика С.И. Коржинского [2. С. 117–122], бывшего профессора Императорского Томского университета, преждевременно скончавшегося в 1900 г., коллективного труда «Флора Сибири и Дальнего Востока». В Томске Крылову устроили торжественные проводы. Вот что писала газета «Сибирская жизнь»: «Толпа студентов окружает дорогого учителя и поет ему прощальную песнь – традиционное студенческое «*Gaudemus igitur*». Под звуки этой бодрой красивой песни студенты на руках вносят Пор. Ник. в вагон. Еще несколько пожеланий, ряд рукопожатий с близкими людьми и... поезд тронулся». Богатые петербургские библиотеки и ботанические музеи давали ему возможность с успехом завершить свой труд этим философским томом» [3].

Уезжая из Томска, П.Н. Крылов оставил своеобразное завещание своим ученикам на откидных стенках гербарных коробок. Оно датировано 13 марта 1914 г. Вот, что писал Крылов: «Гербарий Томского университета – крупное научное достояние. Десятки лет, трудами многих лиц, с любовью к природе и науке, заботливо создавался и хранился этот результат сложной коллективной работы. На нем возникла «Флора Алтая и

Томской губернии», без него невозможно и дальнейшее изучение растительности Сибири. Чтобы сотни тысяч сухих и хрупких растений этого Гербария могли долгие годы служить делу изучения сибирской флоры, необходимо всеми мерами охранять его от разрушения и беспорядка. [...] Более четверти века я хранил Гербарию Томского университета и вложил в него свои сборы, произведенные в сорокалетний период. Оставляя теперь заведывание этим Гербарием, я считаю себя вправе обратиться к работающим с ним: Вашему попечению вверяется охрана целости и порядка Гербария и его дальнейшее развитие» [4. С. 15].

Провожая своего любимого учителя в Петербург, его ученики, «молодые ботаники», писали в своем адресе к нему: «Ботанический музей, так и ботанические чаи долго будут чувствовать Ваше отсутствие. Молодежь не будет слышать Вашего доброго поощрения к неустанной работе в области зеленого мира и Вашего милого ворчания за ее промахи. Но мы горячо надеемся, что Вы не забудете ни горького запаха степных полыней, ни глухого гудения задумчивой черни, ни блеска серебряных вершин» [5. С. 77].

К сожалению, годы жизни и деятельности П.Н. Крылова в Петербурге (1914–1917) почти не описаны ни в литературе, ни в воспоминаниях. Так, Л.П. Сергиевская лишь упоминает о нем в научной биографии П.Н. Крылова, а один из его ближайших учеников В.В. Ревердатто ограничился следующими словами: «В Петербургский период своей работы П.Н. Крылов занимается главным образом флористической работой в Сибирском Гербарии» [6. С. 57]. Источников по Петербургскому периоду жизни и деятельности ученого почти не сохранилось или они пока не найдены. Поэтому большой интерес представляют черновики писем П.Н. Крылова, обнаруженные нами в Гербарии им. П.Н. Крылова при Томском государственном университете в его путевых дневниках. Всего их около 60. Письма были адресованы родственникам, друзьям, коллегам и ученикам Крылова. Они содержат неизвестные детали из жизни ученого.

Часть из них касается личной жизни П.Н. Крылова. Судя по письмам, условия жизни в Петербурге его вполне устраивали. Вот, что он описал об этом: «Устроились мы в Питере хорошо: симпатичная теплая квартира в 4 комнаты на тихой, с садом, Лицейской улице (д. 11, кв. 6), на одном дворе с Романовыми (семья профессора Томского университета Ф.И. Романова. – К.З.).

Из писем мы узнаем о том, что летом 1914 г. он вместе с супругой Полиной Васильевной поправлял здоровье в Крыму. Вначале в Евпатории, где его застало известие о начале первой мировой войны, а затем в

Севастополе. В Евпатории П.Н. Крылов прошел курс лечения в Майнакской грязелечебнице. Затем, заботясь о здоровье жены (страдала застарелым бронхитом), договорился о курсе лечения в Романовском институте физических методов лечения в Севастополе, директором которого был бывший профессор Варшавского университета А.Е. Щербак. В Севастополе Крыловы остановились в меблированных комнатах Сергова, сняв большую комнату с электрическим освещением и террасой с видом на море за 30 руб. в месяц.

Находясь в Крыму, П.Н. Крылов не терял связи с Петербургом и Томском. В своих письмах он делился впечатлениями об обстановке в Крыму в первые месяцы войны, интересовался ходом летних ботанических экспедиций, делами в Ботаническом музее. Так, в своих письмах, датированных началом сентября 1914 г., он несколько раз упоминает о своей полемике с Драницыным.

Дело в том, что в 1914 г. была опубликована статья русского почвоведа и географа Д.А. Драницына «Вторичные подзолы и перемещение подзолистой зоны на севере Обь-Иртышского водораздела», в которой он высказал мнение о надвигании леса на степь в пределах Западной Сибири» [7]. В частности, Драницын рассматривал подзолистые с глубоким гумусовым горизонтом (горизонтом A²) почвы Нарымского края как вторичные, трансформированные. По его мнению, эти почвы образовались в более южно расположенной местности, чем таежно-подзолистая зона, где климат относительно сухой, была богатая травянистая растительность, которая обогатила почву гумусом. Эти взгляды Драницына вызвали резкую критику П.Н. Крылова, который придерживался противоположных взглядов о надвигании степи на лес в пределах Западной Сибири. «Возражения Драницына, на мой взгляд, о надвигании степи на лесную область (в статье, корректурные листы которой они очень обязательно прислали мне) – писал он, – очень слабые и неосновательные; я ожидал, конечно, более серьезное. Его консервированные черноземы, вероятно, ничего иное, как прослойки болотной почвы».

К этому же вопросу П.Н. Крылов обращается и в письме к Л.Ф. Ревердатто. Он пишет: «Разобрался в статье Драницына, в которой он приходит к положению о надвигании лесной области на степь, причем не желает находить, что Нарымский край был раньше при условиях степного режима, обусловившего образование там чернозема, остатки которого он усматривает на водораздельных увалах – в темноцветных прослойках, залегающих на глубине около 25 см и прикрытых бледными оподзоленными слоями A¹ и A². Это главная его основа. Уверен, что он

заблуждается, и что эти почвы есть ни что иное, как оподзоленные (почвы облесения), под влиянием леса, болотные почвы. Использую, по приезде в Петербург, для окончательного решения этого вопроса Михаила Ивановича Хайнского. Критика Драницына на мои положения относительно обратного процесса – слаба и неосновательна. Я набросал в общих чертах свою отповедь на критику Драницына, но надо еще порыться в литературе, что и сделаю по приезде в Питер. В виду того, что Драницын ссылается на наблюдения Клопотова, то очень желательно было бы ознакомиться с этими наблюдениями, но уже в скомбинированном виде, почему можно было бы придать им веру, именно относительно поверхностной нивелировки поперечной линии через Обь – Иртышский водораздел, т.е. – Васюгано-Абанского болота, в связи с нивелировкой дна этого болота – водораздела, основанного на «систематическом бурении». Клопотов, как пишет Драницын, указывал, что «дно это оказалось выпуклым, как и следовало ожидать теоретически». Может быть, Клопотов свел все эти наблюдения и представил департаменту земельных учреждений, на средства которого он и работал зимой? Затем важно бы было удостовериться в том, что, как пишет Драницын, «результаты бурения и изучения торфов Клопотовым дают указание, что под сфагновым торфом залегают остатки осоково-тростникового болота». Всегда ли это так? Один – два подмеченных случая еще не решают вопроса. Может быть, Витя (В.В. Ревердатто. – К.З.) выудит у него эти данные. Буду рассчитывать на более серьезные возражения из более компетентных целей, что желательно в виду достаточной важности вопроса»

В письме Л.Ф. и П.В. Бутягиным от 4 сентября П.Н. Крылов сетовал на то, что не получает газеты «Сибирская жизнь» и не осведомлен о делах в Сибири. Его интересовало то, что происходило в Томском университете и гербарии. В том же письме к Л.Ф. Ревердатто он просил свою ученицу сообщить «подробно о всех, о положении ботанического кабинета (кстати, наклеено ли в коробки гербария мое возвзвание?) и проч.». В письме содержалась просьба переслать в Петербург хранившийся в ботаническом кабинете его фотографический аппарат с кассетами, а также инструмент, дневники В.С. Титова, который к тому времени находился в армии. «Очень желательно, – писал Крылов, – и с пуд… хороших свежих кедровых орехов».

Отдохнув и подлечившись, 24 сентября Крыловы возвращаются в Петербург (Петроград). П.Н. Крылов, возобновив работу, занялся приготовлениями к описанию семейства Cyphtraceae (Осоковые). В письме к В.В. Ревердатто, датированном 14 октября, он писал: «Настраиваю пока

дело с подвижным каталогом географических пунктов – местонахождений растений – по всей Сибири (из литературы) с отметкой их и нанесением недостающих – на общую карту, подразделенную на квадраты, обозначенные цифрами и буквами. Да и с отповедью Драницыну приходится немало возиться – перечитывать обширнейшую литературу по чернозему, отлежности степей и проч. Из-за омерзительных туманов приходится нередко почти целый день работать при огне». Его беспокоили научные занятия В.В. Ревердатто. Он информировал своего ученика о согласии Б.А. Федченко обработать собранный Ревердатто материал и просил не затягивать с высылкой растений. Крылов обещал пристроить статью В.В. Ревердатто в «Известиях Ботанического музея» Академии Наук. Он также сообщил о том, что взял себе в помощницы по рекомендации Н.А. Буша Елизавету Ивановну Штейнберг, заканчивавшую Бестужевские курсы. «Очень дальняя, усердная и аккуратнейшая», – характеризовал он ее. Свое письмо в Томск Крылов заканчивает следующими словами: «Придется немало работать и в Ботаническом саду – в новом гербарии, где прекрасно и просторно. Коллекции и библиотека там куда богаче наших академических. Послезавтра у нас первое заседание «Совета при Ботаническом музее академии», состоящего из 6 ботаников под председательством директора, организовать который мы уговорили Бородина для совместного решения всех вопросов по музею – как научного, так и хозяйственного характера».

28 декабря он пишет отзыв о работе Б.К. Шишкина «Очерки Уральского края» (Томск, 1914), в котором охарактеризовал ее «очень ценным и желательным вкладом в литературу».

За четыре дня до этого, 24 декабря, П.Н. Крылов обратился с заявлением в Академию наук, в котором сообщил о своих намерениях «предпринять несколько экскурсий в Томскую губернию», где «есть еще несколько участков почти совсем не затронутых ботаническими исследованиями, между тем, представляющих интерес в смысле распределения растений, определения границ распространения некоторых из них и т.п.». Он просил командировать его летом 1915 г. «для означенной цели», снабдив «нужными для этого средствами».

Газета «Томский вестник» в номере за 29 мая 1915 г. сообщала: «26 мая в Томск приехал бывший профессор Томского университета, а ныне ботаник ботанического музея академии наук П.Н. Крылов. На днях же П.Н. Крылов отправляется с научными целями в Кузнецкий уезд для обследования Кузнецкой степи; затем через Салаирский край П.Н. проедет в Бийский уезд, где займется обследованием находящихся в уезде степных про-

странств и альпийской области в системе р. Катуна на Алтае и прилегающих к ней рек. П.Н. Крылову сопутствуют Л.Ф. и В.В. Ревердатто».

В 1917 году после 3-летней работы в Ботаническом саду Академии наук в Петрограде он вернулся в Томск и до конца своих дней работал в университете гербарии. 17 сентября 1918 г. совет Томского университета избрал его сверхштатным ординарным профессором по кафедре ботаники Томского университета без содержания. В связи с тем, что профессор В.В. Сапожников был в то время управляющим министерством народного просвещения Сибирского Временного правительства, П.Н. Крылов одновременно стал заведовать ботаническим садом университета и вести практические занятия по ботанике, получая за это вознаграждение в размере полного содержания старшего ассистента [8. Л. 2]. Таким образом, черновики писем П.Н. Крылова являются важным источником для изучения его научной биографии.

Примечания

1. Потанин Г.Н. К отъезду проф. П.Н. Крылова // Сибирская жизнь. 1914. 6 марта.
2. Профессора Томского университета: Биографический словарь. Вып. 1. 1888–1917. Томск, 1996.
3. Проводы Профессора П.Н. Крылова // Сибирская жизнь. 1914. 14 марта.
4. Сергиевская. Л.П. Жизнь и деятельность П.Н. Крылова // Труды ТГУ. 1951. Т. 116.
5. Уткин Л.А. П.Н. Крылов как учитель и человек // Труды ТГУ. 1951. Т. 116.
6. Ревердатто В.В. П.Н. Крылов как ботанико-географ // Труды ТГУ. 1951. Т. 116.
7. Известия Докучаевского почвенного комитета. № 2. Июль 1914. С. 33–93. См. также: Средняя часть Обь-Иртышского водораздела // Предварительный отчет исследования почв Азиатской России в 1913 г. СПб, 1914. С. 153–169.
8. ГАТО. Ф. 815. Оп. 18. Д. 199. О службе Крылов Порфирий Никитич. Л. 2.

С.А. Меркулов

ФОТОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В.В. САПОЖНИКОВА КАК ИСТОЧНИК ПО НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ УЧЕНОГО

Фотодокументы являются важным источником по изучению прошлого. Фотография отражает графически те явления и события своего времени, которые на ней запечатлены. Использование фотодокументирования в экспедициях путешественников, географов, предоставляло ценный материал, прежде всего, для самих исследователей, а также тех, кто мог работать с ними. Следующий исследователь мог познакомиться с опытом предыдущего, тем самым, при осуществлении экспедиции более четко продумать детали своей экспедиции.

Фотографическое наследие В.В. Сапожникова как источник по истории научной биографии ученого будет рассматриваться обзорно. Изложение полного материала не представляется возможным вследствие ограниченного объема статьи.

Василий Васильевич Сапожников родился в Перми 11 декабря 1861 г. В 1871 г. Василий Сапожников поступает в Пермскую классическую гимназию. В 1880 г. поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета. 23 марта 1890 г. защитил диссертацию на тему: «Образование углеводов в листьях и передвижение их по растению». В 1891 г. Сапожников отправляется на три месяца в Германию, где знакомится с методами преподавания в Западной Европе, а также западноевропейской наукой. Докторскую диссертацию на тему «Белки и углеводы зелёных листьев как продукты ассимиляции» защитил в совете физико-математического факультета Казанского университета в 1896 г. [1. С. 61].

В Москве В.В. Сапожников входил в общество испытателей природы при Московском университете. От этого общества отделились в 1863 г. несколько учёных, организовавших «Общество любителей естествознания антропологии и этнологии (ОЛЕАЭ)». В 1896 г. Сапожникова избрали действительным членом данного общества. А в 1898 г. 11 февраля он становится уже действительным членом. В «Известиях русского географического общества» опубликовали научные статьи Сапожникова [2. С. 17].

В 1893 г. Сапожников из Москвы переезжает в Томск. Изучение природы Сибири В.В. Сапожников начал с экспедиции в Алтай в 1895 г. Од-

ним из первых стал активно использовать фотоаппарат, делая снимки, по тому времени, в «массовых количествах». Однако использование фотоаппарата было занятием трудным. Вот как описывают путешественника с фотоаппаратом конца XIX – начала XX в., то, с какими трудностями он сталкивался.

Для понимания этих «издержек достаточно только представить себе фотографа той поры, собирающегося в путешествие. Портативных аппаратов не было. Он брал с собой камеру такого же размера, что стояли в портретных павильонах, запасался портретным и ландшафтным объективами; тяжелый треножник с черным покрывалом. Стеклянные, большого размера пластинки надо было тщательно, с осторожностью упаковать в особый ящик, а если предстояло снимать много, то брали два тяжелых ящика с пластинками. Кроме того, нужна была складная палатка для лабораторных работ. Брали еще бутыль с коллоидием и склянки для растворов солей галоидов, очиствлявших пластинки. Затем разливалось по склянкам еще несколько растворов, все это тоже упаковывалось. Снаряжение фотографа весило пуды, а для больших экспедиций составляло такую тяжелую кладь, что исследователь вынужден был зачастую отказываться от помощи фотографии» [3. С. 101]. Таким образом, использование фотографии давало много преимуществ, однако трудности с нею связанные, заставляли путешественников отказываться от изготовления фотографий, по крайней мере, в большом количестве.

Фотографии Сапожникова интересны не только с научной точки зрения, но и с точки зрения компоновки. В фотографиях присутствовал художественный оттенок. Например, ландшафтные снимки, в которых наблюдается удачное расположение человека и животных в кадре, не мешающие общей перспективе. В экспедициях Василий Васильевич фотографировал преимущественно самостоятельно. Сам же проявлял негативы, печатал снимки. Зимой, когда времени было чуть больше, расцвечивал черно-белые диапозитивы от руки прозрачными красками, с довольно высоким, даже по современным меркам, качеством, добиваясь передачи даже полутона. Лекции, читавшиеся им с показами цветных слайдов, собирали большие аудитории слушателей [3. С. 20–21]. Подобные лекции были открытыми, объявления о них печатались в газетах, поэтому количество присутствовавших могло еще увеличиваться еще и за счет сторонних слушателей.

Первым трудом Сапожникова, который увидел свет, явился отчет, который имел жанр дневниковой записи, что, по словам ученого, было формой весьма «естественной и удобной». В предисловии к книге Са-

пожников писал: «В течение всего путешествия я довольно широко пользовался фотографическим аппаратом, – этим для путешественника незаменимым орудием. Не говоря уже о том, что при помощи фотографии наглядно передается характер природы в описании, но и для самого автора значительно облегчается процесс передачи виденного; иногда даже на фотографии потом случалось увидеть какую-нибудь подробность, упущенную при непосредственном нередко спешном, осмотре» [4. С. 5].

Серия фотографий из Алтайской экспедиции, (всего В.В. Сапожниковым было сделано 100 фотографий из них погибло, как он отмечает «по разным причинам» 10; 40 из них были отпечатаны с клише Гусником и Гейслером в Праге и помещены в данной работе), была встречена очень хорошо в среде географов. Снимки был помещены в журналах, сопровождали статьи и заметки автора о проведенной экспедиции. Сапожников, по приглашению Русского фотографического общества, показал свои ландшафты на выставке фотографии в Москве, в 1896 г. Лучшие работы «Телецкое озеро», «Золотая гора» и другие оценивались как удачные пейзажные фотографии [3. С. 101].

Коллекция фотографий Сапожникова росла с каждым годом. Отчитываясь об очередном путешествии летом 1902 г. в Джунгарский Алатау и предгорье Тянь-Шаня, исследователь сообщает о метеорологическом журнале, ботанических и зоологических коллекциях и о пятистах снимках. Как отмечает редактор вышедшего сборника его трудов: «Фотографии в книгах В.В. Сапожникова составляют неотъемлемую часть текста, являясь документальным, а не только иллюстративным материалом, и переплетаются с описанием пути» [3. С. 102–103].

В заключение хотелось бы отметить, что в данной работе рассматривалась деятельность Василия Васильевича Сапожникова на первом этапе работы с горными группами в Сибири. Географическое место, этническое население, момент, запечатленный на фотографии, является теперь важным фотодокументом, при соответствующей интерпретации которого становится возможным прослеживание научной биографии ученого, научной значимости экспедиций.

Даже в наши дни фотографии В.В. Сапожникова представляют немалый интерес для геологов, которые сравнивают расположение ледников (белков) того времени, и современные. Это позволяет более точно оценить степень изменения и продвижения ледников.

Фотографическое наследие В.В. Сапожникова как источник по истории научной биографии ученого является новой, неосвоенной темой,

представляющей большой интерес для создания общей биографии Василия Васильевича Сапожникова.

Примечания

1. Ректоры Томского университета: Биографический словарь (1888–2003). Т. 5. Томск, 2003.
2. Сапожникова Н.В., Сапожникова Н.Н. Сапожников Василий Васильевич (1861–1924 гг.). М., 1983.
3. Морозов С.М. Русские путешественники-фотографы. М., 1953.
4. Сапожников В.В. По Алтаю: Дневник путешествия 1895 г. // Известия Императорского Томского университета. Кн. 2. 1897.

Е.В. Луков

ИСТОЧНИКОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ СИБИРИ)

К нормативным актам правительства Белой Сибири мы относим постановления (законы) Западно-Сибирского комиссариата (ЗСК), Временного Сибирского правительства (ВСП) и Российского правительства адмирала А.В. Колчака, а также подзаконные акты, которые составляли единое целое с законом и были призваны обеспечить практическое осуществление заложенных в нем принципов и намерений.

Среди источников по истории Гражданской войны в Сибири нормативные акты занимает важное место. Нет необходимости доказывать, что изучать историю деятельности любого правительства, в том числе его внутреннюю политику, невозможно без привлечения, прежде всего, законодательного материала. Законодательство составляет правовую основу государства, направляет и регулирует всю повседневную работу государственных и общественных организаций, вводит отношения между гражданами и организациями в определенную юридическую норму. Таким образом, это источник, который отражает явления политической, экономической, социальной и духовной жизни.

Длительное время законодательные акты антибольшевистских правительств Сибири практически не использовались исследователями. В лучшем случае к ним обращались для доказательства «антинародного» характера «белых» режимов. В настоящее время ситуация изменилась, но наметился иной перекос, связанный с тем, что исследователи отождествляют принятый закон и собственно внутреннее положение антибольшевистских режимов (так называемый «юридизм» в исторической науке).

Например, денационализация предприятий на законодательном уровне была начата еще при ЗСК, но в реальности значительное число предприятий не было денационализировано вплоть до падения режима А.В. Колчака. Другой пример – постановление Российского правительства «О введении учреждения суда присяжных заседателей в губерниях Енисейской, Иркутской и областях Забайкальской, Якутской, Амурской, Приморской и Сахалинской, а так же в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги» [1], которое подается как свидетельство

демократичности «белого» режима в Сибири. В действительности вопрос о введении такого суда обсуждался с конца XIX в., и принятию соответствующего закона помешала лишь начавшаяся первая мировая война. В то же время, в чрезвычайных условиях Гражданской войны в России и всевластия военных, подобная мера осталась на бумаге.

Таким образом, необходимо помнить, что нормативные акты, прежде всего, несут информацию о формально-правовых аспектах принимаемых решений. Поэтому зачастую понять закон, используя лишь его текст, невозможно. Принятие нового постановления – это скорее декларация о намерениях правительства, которые еще необходимо реализовать, что происходит не автоматически, а в течение какого-либо времени. Например, 17 сентября 1918 г. Сибирское правительство приняло положение о сибирской милиции, однако реализовывалось оно с большим трудом. В конце октября 1918 г. газета «Свободная Сибирь» писала: «Наша милиция в массе недисциплинированна и не знает своих обязанностей. [...] В некоторых городах и уездах до сей поры милиция не имеет наружных отличительных знаков, и поэтому днем и ночью является для граждан невидимой» [2]. Следовательно, для извлечения всей информации, которую несет закон, требуется серьезная комплексная контекстная проработка.

Говоря в целом о законодательстве антибольшевистских правительств, необходимо отметить одну особенность, которая проистекала из их главной программной установки – «сначала военная победа над большевиками, затем реформы». Когда же Гражданская война приобрела затяжной характер, то на повестку дня были поставлены задачи, требующие немедленного разрешения. Таким образом, принимаемые законы являются для исследователя показателем назревшей проблемы, с которой столкнулись антибольшевистские правительства и которую надо было решать, не откладывая. В то же время, изучение нормативных актов позволяет выяснить, какими средствами располагало правительство для решения насущных проблем, и насколько велика оказалась возможность для маневра.

При работе с нормативными актами необходимо учитывать тот факт, что государство (власть) является самостоятельным субъектом исторического процесса. Его интересы не всегда совпадают с интересами отдельных слоев общества. Закон обладает высшей юридической силой, он воздействует на все слои населения, на общественную жизнь в целом. Следовательно, нормативные акты позволяют судить о том, какими инструментами воздействия на общество пользовались «белые» режимы. Анализ законодательства позволяет говорить о сочетании мер принудитель-

но-репрессивного характера (введение чрезвычайного положения, смертной казни за тягчайшие преступления) и ограниченно-реформаторского (привлечение общественных и частных организаций к решению государственных проблем).

Нормативные акты позволяют установить идеологические установки и программы правительства. Наиболее информативны в этом отношении индивидуальные законодательные акты (грамоты, обращения, воззвания и т.д.). Так, на начальном этапе определяющими в этих документах были идеалы партии эсеров – возобновление работы Учредительного собрания; защита «народовластия»; право на землю и труд; ответственность власти перед представительным органом. При ВСП, а в большей степени при правительстве А.В. Колчака, речь уже шла о восстановлении незыблемого правопорядка и мощной государственности; оживлении частного капитала и инициативы; объединении России.

В то же время нормативные акты несут информацию и об общественных настроениях, которые оказывали влияние на законодателей. Так, все антибольшевистские правительства отрицательно относились к национализации и ставили целью восстановить частную собственность. В частности, ВСП постановлением «О возвращении владельцам их имений» [3. Ст. 22.] восстановило права собственников на их земельные владения до решения вопроса Сибирским Учредительным собранием. Однако, в условиях полномасштабной Гражданской войны, которая требовала постоянного пополнения армий, воюющих на фронте и в основном состоявших из сибирских крестьян, колчаковское правительство на законодательном уровне признало за крестьянами, захватившими земли, права арендаторов, но не более того. В итоге, сопоставление задач, которые ставило правительство, с требованиями общества позволяет выяснить, насколько цели власти и общества совпадали.

Законодательные акты отражают личные и групповые интересы и настроения. Признание самостоятельной роли государства не исключает того, что закон – это также показатель того, в чьих интересах действует правительство и интересами каких слоев общества оно готово пожертвовать. То есть, нормативные акты – это показатель своего рода пределов, до которых готово дойти правительство в целях поддержания социального мира, что было особенно актуально в условиях Гражданской войны. Законы позволяют говорить о том, что права общества в целом были урезаны. Вместе с тем подобная практика была характерна даже для стран с давними демократическими традициями. Однако в постановлениях антибольшевистских правительств проявлялась двойственность. Принятие за-

конов о введении военного положения на железных дорогах и водных путях оправдывалось военной необходимостью [3. Ст. 18], когда же речь зашла об отказе от государственного регулирования торговли, законодатели указали на то, что война закончилась, и необходимо переходить к нормальному функционированию рынка.

Источниковый потенциал нормативных актов может быть раскрыт лишь во взаимосвязи самого закона не только с конкретно-историческими условиями его появления, но и с правовой культурой и правовым сознанием, как законодателя, так и общества в целом.

Примечания

1. Правительственный вестник (Омск). 1919. 30 янв.
2. Свободная Сибирь. 1918. 26 (13) окт.
3. Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. Омск, 1918. № 2.

Д.Н. Шевелев

ОФИЦИАЛЬНАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ БЕЛОЙ СИБИРИ: ОСОБЕННОСТИ ПРОПАГАНДИСТСКОГО ДИСКУРСА И РИТОРИКИ

Главной задачей пропаганды является завоевание и удержание симпатий населения, внедрение в массовое сознание определенных идеологических установок и ценностей, которые начинают восприниматься людьми как нечто естественное и истинное. Властвующей элите необходимо постоянно поддерживать в обществе убеждение, что именно она является наиболее последовательной выразительницей его интересов. Очень часто этого нельзя достичь путем разумной и конкретной аргументации. В этих случаях большую помощь политику оказывает целенаправленное использование языковых средств. Язык является тем инструментом, с помощью которого формируются, распространяются или видоизменяются идеи, формулируются, обосновываются или защищаются решения.

Гражданская война окрасила российское общество в полярные «красно-белые» цвета, а дуальная форма организации пропагандистского дискурса подчеркивала непримиримый характер противоречий. В условиях идеологического противостояния важным средством политической идентификации выступает политический миф. Упрощая многомерность и сложность политической реальности, миф служит удобной формой снятия и преодоления социальных противоречий. Посредством мифа конституируется общность «мы», отделяемая от враждебного «они». В пропаганде этот принцип абсолютизируется, доводится до bipolarного видения мира.

Идеологам белого движения большевизм казался некой темной, злой силой, чуждым, инородным для России явлением, привнесенным извне. «Точно ядовитые газы, пущены в нашу страну, в народ, злое безбожное мучение. Привезли его из-за границы подкупленные чужими деньгами, бессовестные, подлые люди», – писала новониколаевская «Надежда России».

Первоначально, зло «большевистского ига» казалось вождям белого движения столь явственным, что доказывать населению необходимость борьбы с ним, по их мнению, просто было необязательным. «Сначала, – отмечает американский исследователь Гражданской войны П. Кенез, – до-

вольно глупо, они полагали, что зло их врагов, большевиков, очевидно, и потому все добропорядочные русские будут считать своим долгом оказывать им сопротивление». Отсюда стойкая убежденность, что большевизм явление временное, мимолетное, «максимум на две недели» и достаточно легковесное отношение к долговременным пропагандистским стратегиям. Периодическая печать белой Сибири, априорно исходившая из данной установки, возможно даже не подозревала, что, добровольно вводя себя, таким образом, в заблуждение, она выдавала желаемое за действительное. Тем самым снижался уровень восприятия, поскольку пресса разговаривала со своей читательской аудиторией на разных языках.

Однако по мере нарастания вооруженного конфликта, усиления идеологического противостояния лидеры контрреволюции пришли к выводу о необходимости целенаправленной пропаганды и разъяснительной работы среди населения.

Противопоставляя себя красным, участники белого движения идеализировали свои мотивы и поступки, создавая вокруг себя легендарный образ борцов за правое дело, окружая свою армию героическим ореолом подвигничества. «Все честное, все благородное давно борется с большевиками, видя в них разрушителей и предателей России»: резюмировала в октябре 1919 г. «Надежда России».

Именно на этой антитезе строилась работа органов антибольшевистской пропаганды. Противостояние «белые – красные», либо персонифицировалось: «Заштитник Святой Руси Адмирал Колчак» – «Ленин Кровавый», либо представлялось в виде метафорических образов: «Сибирские Орлы» – «красные стервятники» или контрастных альтернатив: «Русь Православная» – «Россия Бронштейна».

В свою очередь глобальное противопоставление «Белые – Красные» аналитически можно расчленить на ряд более мелких бинарных оппозиций (патриотический – интернациональный, цивилизованный – варварский, верующий – безбожный, созидающий – разрушающий, благородный – низменный, правовой – беззаконный). В основе последних лежали качественные характеристики, позиционируемые как противостояние Добра и Зла.

Для усиления воздействия на читательскую аудиторию в прессе используются определенные стратегии речевого воздействия и риторические приемы. Стремясь к мобилизации риторическими приемами общественного мнения, официальная сибирская периодика нередко подавала разворачивающиеся события в несколько драматизированном виде, а сложившуюся обстановку – как сложную, требующую принятия решительных мер. Вот как, например, характеризовала создавшуюся летом

1919 г. ситуацию газета «Русская Армия»: «Кровью залита Русь. Темные силы советской России, собрав подонки русского народа, ведут на штурм твердыни, хранящей заветы предков о дорогой Родине, о народе-великане, грозном хранителе славянской культуры. Бешеные атаки противника с целью сокрушить последний оплот здравого государственного национального бытия, ставший на пути эгоистическим замыслам заплечных дел мастеров из кампании продавшихся и продавших Россию, всевозможных Троцких-Бронштейнов, достигли величайшего напряжения. Внимание всего восставшего на мир и порядок большевистского гнезда России направлено на жесточайшую борьбу на восточном фронте, где наша грозная армия зло ощетинилась, чтобы в нужный момент эластично принять и отразить решительный удар темной силы. Грозная минута решения судеб России и будущего народов всего мира настала». В пропагандистских текстах заявления подобного рода служили либо преамбулой, либо фоном для изложения конкретных проблем, выступали средством сплочения аудитории перед лицом общей опасности, побуждая ее на выполнение определенных действий.

Для пропагандистского дискурса восточной контрреволюции было весьма характерно употребление иронии – контраста скрытого и видимого смысла высказывания, создающего эффект насмешки по отношению к противнику. Так, Ленин иронически именовался «Владимиром Красное Солнышко», а СНК – «рабоче-крестьянским правительством».

Частым приемом колчаковской пропаганды выступал также риторический вопрос – утверждение с заведомо известным для говорящего ответом. Такой вопрос, как бы задаваемый аудитории по поводу действий воображаемого противника (большевиков, эсеров, тыла), в зависимости от направленности высказывания мог служить нескольким целям. В одних случаях он применялся для того, чтобы эффективнее представить отрицательные свойства, присущие противнику: а) «Советское правительство только и твердит, что оно правительство народное. А между тем, что дало оно народу, кроме обид, притеснений, поборов и убийств? Где земля, где порядок, где благополучие и справедливость?» б) «Что сделал тыл для армии? Одета, обута она, не нуждается ли в чем необходимом? Исполнил ли тыл свой долг по отношению к тем, кто, борясь за идею возрождения России, прежде всего своей грудью оберегает жизнь и безопасность оставшихся в тылу?» В других – служил для преодоления сомнений у аудитории: «Подумайте сами, может ли существовать долго государство (о Советской России. – Д. Ш.), окруженнное со всех сторон, не могущее, в случае стойкости своих врагов, ни откуда найти спасения?»

Очень часто колчаковские пропагандистские издания стремились сыграть на патриотизме, национальной гордости, чувстве долга, ответственности, стыда, а также возможных страхах и ксенофобии. «Чувство патриотизма и долга перед родиной, – писала «Русская Армия», – чувство горя и обиды за прошлое, наконец – чувство стыда и раскаяния выводят нас из революционно-большевистского тупика на прямой путь здоровой, трезвой и честной новой жизни».

Еще одним весьма распространенным риторическим приемом было психологическое запугивание обывателя «страхами» о Советской России. «Вы думаете, вырвавшаяся голодная, злая свора комиссаров пощадит ваши хутора, ваши стада? Нет, все это ваше добро будет отдано на разграбление и жадное съедение! Вы останетесь ни с чем, будете каяться, но поздно – власть советская крепко сожмет вас в своих ужасных клешнях и, как паук из муhi, высосет из вас все соки. А потом, когда из вас высасывать будет нечего, выбросит вас, как негодную тварь, и не ждите вы тогда от этой власти ничего, кроме расстрела!» – писала 4 сентября 1919 г. «Надежда России».

Как средство политической идентификации можно рассматривать характерный случай использования синекдохи (особый стилистический оборот, состоящий в употреблении названия целого в значении части, большего в значении меньшего) – «мы наступаем» вместо «наши войска наступают», весьма распространенный в военных сводках. Все это служило для создания положительного образа правительственные войск, а также с целью добиться от читателей того, чтобы они связывали собственные интересы с интересами правящего режима, что в конечном итоге должно было вести к усилению воздействия на них передаваемой информации.

Важнейшим условием понимания смысла высказывания является установление причинно-следственных связей между событиями. Пресса же обрушивала на «человека с улицы» множество противоречивших друг другу и неподдающихся проверке сведений и объяснений происходивших процессов и явлений. Искаженные и ложные причинно-следственные связи между отдельными событиями и явлениями, продуцируемые колчаковской пропагандой, порождали среди населения, помимо слухов и сплетен, не редко довольно искусно использовавшийся красными, эффект «каузальной атрибуции», когда люди начинали приписывать непосредственно воспринимаемым ими фактам причины, скрытые от непосредственного наблюдения. Следует подчеркнуть, что каузальная атрибуция не была качеством, присущим лишь обывательской психологии. К этому приему зачастую обращались политические деятели. Он был распространен в периодической

печати и пропаганде. В соответствии с собственным пониманием ситуации и руководствуясь «здравым смыслом», вина за негативные общественные явления приписывалась либо конкретным лицам, социальным или этническим группам (персонифицированная атрибуция), либо особенностям «объективной» ситуации (ситуативная атрибуция). В колчаковской пропаганде первая разновидность была характерна для создания «образа врага», которому при подаче событий в качестве побудительных мотивов приписывались коварные злодейские замыслы и низменные инстинкты. При этом наблюдалась тенденция к редукции смысла, когда для достижения «ясного» объяснения событий выбиралась какая-то однозначная причина. Так, первопричиной Октябрьской революции назывались «жидовский заговор» и «немецкие деньги», успехов Красной Армии – репрессивно-карательные меры и пропаганда, а собственные военные неудачи объяснялись моральным разложением собственного тыла.

Ко второму варианту чаще всего прибегали политические деятели омской элиты, особенно в тех случаях, когда было необходимо объяснить причины их собственных неудач, невыполнения целей, предпринимаемых ими мер. Деятели сибирской контрреволюции обосновывали провалы своей политики целым рядом «объективных» причин – экономической неразвитостью Сибири, отсутствием достаточных материальных и финансовых средств, низким культурным уровнем населения и т. д.

В тоже время, скрытие и искажение причинно-следственных связей, породившие каузальный дефицит, были обоюдоострым оружием. С одной стороны, они использовались идеологическим аппаратом Колчака для формирования «образа врага» («Германии», «большевиков», «тыла», «реакционеров») и объяснения собственных неудач. С другой стороны, замалчивание слабых сторон в деятельности Омского правительства, стремление антибольшевистской пропаганды представить белое движение исключительно в «розовом цвете», оборачивалось против самих колчаковцев. Каузальный дефицит давал людям возможность широкой интерпретации текущих событий. В итоге, бездействие и неповоротливость власти, если и не вменялись лично Колчаку, то связывались с созданным им коррумпированным бюрократическим аппаратом, алчными и продажными чиновниками, самоуправством местных начальников, бесчинствами и произволом «атаманчины». Этим умело пользовалась большевистская пропаганда. Население, которое видело разницу между тем, что говорилось в официальной печати, и тем, что происходило у них на глазах, теряло доверие не только к правительенным органам информации, но и, в конечном счете, к самому режиму.

Е.И. Яркова

**ДОКУМЕНТ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ. МАТЕРИАЛЫ
ФЕДЕРАЛЬНЫХ АРХИВОВ О РЕГИОНАЛЬНОЙ
И МЕСТНОЙ ИСТОРИИ НАЧАЛА 1920-х гг.
(НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Современное определение документа имеет три аспекта в зависимости от сферы применения:

- 1) правовой;
- 2) управленческий;
- 3) исторический.

Информационная функция присуща всем документам без исключения. Все остальные функции документа, такие как социальная, коммуникативная, культурная, управленческая, правовая, учетная, функция исторического источника, можно трактовать как подфункции информационной. Нет документов только с одной из перечисленных функций. Документ всегда полифункционален. Однако полифункциональность документа не исключает доминирование какой-либо одной функции. В представленном сообщении мы рассмотрим документы в историческом аспекте. То есть проследим, каким образом документы реализуют, в нашем случае, доминирующую функцию, – функцию исторического источника.

О политическом и экономическом положении Екатеринбургской губернии были изучены документы двух федеральных архивов – Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). В РГАСПИ упор делался на исследование документов фонда № 17 – Центрального комитета РКП(б), описи № 84 (документы бюро секретариата ЦК).

В РГАСПИ были выявлены документы о деятельности Первой Трудовой армии и ее взаимоотношениях с местными партийными и хозяйственными органами [1. Л. 8]. Значительный пласт информации предоставляют нам источники РГАСПИ о деятельности партийных структур Екатеринбургской губернии и Уральской области. Например, материалы по обследованию уральских парторганизаций [2. Л. 4–4 об.]. Выписки из протоколов заседаний Оргбюро и Секретариата ЦК РКП(б) позволяют точно определить кадровый состав Уралбюро ЦК РКП(б) [2. Л. 10, 13, 20, 21], чего не удавалось сделать, основываясь только на источниках местных архивов.

Интересный обобщенный материал о таком явлении как «красный бандитизм» также представлен в фонде № 17 РГАСПИ. В обобщающих докладах о «красном бандитизме» выявлены новые документы по «егоршинскому делу» [3. Л. 49–49об.], когда осенью 1921 г. на Егоршинских копях по приговору волостного комитета РКП(б) были расстреляны три техника-специалиста. Об этом случае, как факте спецеедства, писали некоторые уральские историки [4. С. 18.]

Новые источники о Красноуфимском восстании 1920 г. также найдены в описи № 84 фонда № 17. Так, в «Меморандуме ЧК о красном бандитизме» описывается деятельность отряда председателя Торговицкого волисполкома Антонова, который боролся не с «дезертирством, а с мирными гражданами, устраивая самоуправство, бесчинство, избиение граждан и даже убийства с издевательствами, не считая грабежей, производимых под видом конфискаций» [3. Л. 15].

Показательные документы о проведении хлебозаготовительной кампании 1921 г. в Шадринском уезде отложились в результате обращения партийного работника М.Н. Поповой в адрес В.И. Ленина с жалобой на действия секретаря Шадринского укома РКП(б) В.С. Воронкова, который во время сбора продналога бил крестьян. Кроме самого заявления в деле находятся рукописные объяснения по этому поводу секретаря Екатеринбургского губкома РКП(б) Н.И. Уфимцева и докладная записка ответственного работника Екатеринбургского губкома РКП(б) В.Л. Горохова о расследовании этого инцидента [3. Л. 19–29 об.]. В данном случае документы РГАСПИ перекликаются с документами местных архивов. Так, в Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) находится партийно-следственное дело секретаря Шадринского укома РКП(б) В.С. Воронкова, «обвиненного в принятии недозволенных репрессивных мер против граждан Шадринского уезда» [5].

В Государственном архиве Российской Федерации в фонде Р-393 Народного комиссариата внутренних дел содержится информация о формировании и деятельности советских органов. Например, содержатся статистические сведения о составе советов и исполнкомов некоторых уездов Екатеринбургской губернии, сформированных после выборов в 1923 г. [6. Л. 91–93].

Много новой и уточняющей информации об изменениях в административно-территориальном делении Урала можно почерпнуть из документов ГАРФ. Так, опираясь на источники из фонда НКВД, удалось установить точные даты фактического и юридического образования Екатеринбургской губернии [7. Л. 91–93]. Теме административно-территориаль-

ного деления целиком посвящены документы фонда Р-5677 – Административной комиссии при Президиуме ВЦИК. В этом фонде находятся документы, касающиеся образования и ликвидации уездов внутри Екатеринбургской губернии. Документы фонда позволяют определить основные методы и направления деятельности центральных органов власти в области административно-территориальной политики.

Таким образом, мы видим, как исследование документов центральных архивов позволяет нам реконструировать региональную историю. Вместе с тем, объективное исследование требует привлечения всего комплекса исторических источников, то есть нуждается в анализе документов как федеральных, так и местных хранилищ.

Примечания

1. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 30.
2. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 301.
3. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344.
4. Делицой А.И. От «красного бандитизма» – к «спецеедству»: антиинтеллигентские настроения на Урале в первые годы НЭПа // Интеллигенция России в конце XX века: система духовных ценностей в исторической динамике / Тезисы докладов и сообщений Российской научной конференции, посвященной памяти профессора В.Г. Чуварова. Екатеринбург, 1998.
5. ЦДООСО. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 79.
6. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 40. Д. 7.
7. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 11. Д. 322.

Л.А. Авдонина

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ТЕХНОЛОГИИ ТРУДОУСТРОЙСТВА БЕЗРАБОТНЫХ ГРАЖДАН ТОМСКОЙ БИРЖЕЙ ТРУДА В 1920-е гг.

Трудоустройство безработных граждан, зарегистрированных на биржах труда России, было одним из основных направлений всей работы бирж труда. Эта работа включала в себя регистрацию безработных с целью поиска работы, сбор вакансий на предприятиях, отбор и подбор кандидатов из числа безработных на вакантные рабочие места.

Регистрация безработных на Томской бирже труда проводилась ежедневно. При регистрации преимущественно пользовались подростки, демобилизованные красноармейцы и члены союзов. Их регистрировали и посыпали на работу вне очереди.

Условия регистрации безработных на бирже труда время от времени пересматривались и изменялись. До 1924 г. была обязательная регистрация всех ищущих труд. Наем работников на предприятия и учреждения как советских, так и частных, допускался только через биржу труда. В отношении посылки на работу проводилась жесткая борьба с протекционизмом. В 1924 г. в связи с переходом Томской биржи труда на посреднические услуги [1. Л. 29] она отошла от системы обязательного найма, и услуги Томской биржи труда стали добровольными для нанимателей. В связи с этим могли зарегистрироваться на бирже труда квалифицированные рабочие, чернорабочие с трудовым стажем не менее 3-х лет, служащие с трудовым стажем не менее 5 лет к моменту регистрации. При этом промежуток между регистрацией на бирже труда и окончанием их трудовой деятельности не должен был превышать одного месяца для служащих и чернорабочих, 3-х месяцев – для квалифицированных работников. Пропустившие этот срок регистрации на бирже труда не подлежали. Кроме того, регистрации подлежали женщины, не имеющие трудового стажа и ищущие труд впервые, и пенсионеры после заключения врачебно-экспертной комиссии об их трудоспособности. На выпускников высших и специальных учебных заведений и школ фабзавуча требования о трудовом стаже не распространялись [1. Л. 29].

Вместе с тем переход бирж труда на посреднические услуги исключил возможность органов Наркомтруда влиять на снабжение промышленно-

сти рабочей силой. Добровольное трудовое посредничество было извращено нанимателями, которые проводили наем рабочей силы «от ворот», стало развиваться кумовство и протекционизм. А биржи труда выполняли спрос только на временные работы. Кроме того, неорганизованность регистрации безработных, предлагавших свой труд, и возможность бирж труда направлять безработных только на общественные работы и в трудовые коллективы из безработных, привели к тому, что на бирже труда были сконцентрированы, главным образом, неквалифицированные рабочие и лица, прикрывавшие свое социальное положение регистрацией на бирже труда. Поэтому, перед НКТ был поставлен вопрос о пересмотре условий регистрации безработных. В соответствии с директивой НКТ СССР от 20.03.1927 г. право зарегистрироваться на бирже труда получали только лица, проживающие в районе деятельности биржи труда. Это – члены союзов (а не члены союзов со стажем не менее 1 года работы по найму); дети рабочих и служащих в возрасте до 21 года; выпускники высших и специальных средних учебных заведений (при условии обращения их на биржу труда не позднее 1 года после окончания учебного заведения); изобретатели; члены производственных артелей (входивших в систему промышленной кооперации), а также лица, ранее работавшие в общих мастерских и имевшие право регистрации на бирже труда до поступления на работу. Кроме того, регистрировали уволенных из военизированной охраны (имеющих стаж не менее одного года службы), «квалифицированных сезонников» (только во время сезона) и «неквалифицированных сезонников» (при условии работы в прошлом сезоне) [3. Л. 186].

Для регистрации на бирже труда необходимо было предоставить следующие документы: паспорт или удостоверение личности (вид на жительство); личную военную карточку – для военнообязанных; документ о стаже работы по найму (с указанием места последней работы и причины увольнения); членский билет для членов профсоюзов и документ об образовании. Кроме того, предоставлялась справка домкома об имущественном и социальном положении и квитанции об уплате общегражданского налога. В справке домкома указывалось, чем занимался безработный до обращения на биржу труда, из каких источников получал средства к существованию, платил ли за коммунальные услуги (если не платил, то, с какого времени), а также сведения о составе семьи безработного и количестве работающих в ней. Справка подписывалась домовладельцем или управдомом, заверялась печатью [4. Л. 1172]. Безработные, которые по каким-то причинам не могли вовремя зарегистрироваться на бирже труда (например, по болезни), должны были представить документы,

подтверждавшие данную причину (например, больничный лист) [5. Л. 1172]. При отсутствии у безработных документов, подтверждающих их профессию (специальность), безработные отправлялись экспертной комиссией на предприятия или трудколлективы для безработных, где путем испытаний подтверждали свою квалификацию [3. Л. 186]. Более успешно проводилась экспертиза квалификации безработных на предприятиях, т.к. трудовые коллективы не всегда имели необходимое оборудование и инструменты.

Отказ безработным в регистрации на бирже труда рассматривался комитетом биржи труда персонально [2. Л. 120].

На зарегистрированного безработного заводилась профкарточка, в которой отмечалось: «имеет право на пособие и льготы», «имеет право только на льготы» и «без права на пособие и льготы». Кроме того, каждому безработному выдавался «Билет безработного», и он ставился на очередь для получения работы [4. Л. 1172]. Билет безработного был двух видов: для «ищущих труда» и для безработных с пособием [4. Л. 1172]. В нем были перечислены основные правила для безработного, отражены даты явок на перерегистрацию и результаты посылки на работу. Кроме того, в билете безработного с пособием были отражены и отметки страховых касс о размере и дате выдачи пособия.

В зависимости от потока безработных на биржу труда, частота явок безработных на перерегистрацию изменялась. До 1923 г. явки безработных на биржу труда были ежедневными [1. Л. 17], затем – по профессиям (например, 1 ноября 1923 г. на перерегистрацию приглашались торговые служащие, а 2, 3, 5, 8 ноября – только совработники) [1. Л. 17], в 1925 г. безработные являлись на регистрацию только по понедельникам, средам и пятницам [2. Л. 120], а в 1926–1927 гг. ежемесячно отмечали с 10 по 25 число каждого месяца [2. Л. 120]. Были введены и талоны на явку [3. Л. 13].

Сбор информации о вакансиях на рабочие места сотрудники биржи проводили по телефону или путем личных переговоров с работодателями. На поступившие вакансии заполнялись «Карточки требования» [3. Л. 13]. В них указывались требования работодателей к специалистам и условия работы. Право первоочередности при направлении на работу имели члены профсоюзов, демобилизованные из РККА и подростки. При равной квалификации предпочтение отдавалось безработным, первыми зарегистрированным на бирже труда. Женщины, ввиду незначительного спроса на женский труд, в основном направлялись в трудовые коллективы, а прибывшие из сельской местности – на работу в качестве чернорабо-

бочих, т.к. в большинстве своем это были не члены профсоюзов и не имели специальности [3. Л. 13]. Другой формой спроса и предложения на рабочую силу были регулярные посещения сотрудниками биржи труда предприятий и учреждений города. Во время таких посещений работодатели могли познакомиться со списками безработных, зарегистрированных на Бирже труда, и сами выбрать из их числа требуемого специалиста. Информация о безработных и их специальностях публиковалась в местной прессе [3. Л. 13].

При направлении на работу безработному выдавался «Листок исполнения». В течение 3-х дней безработный должен был пройти собеседование с работодателем и вернуть листок на биржу труда с отметкой работодателя о результатах переговоров: либо с датой приема безработного на работу, либо с причиной отказа ему в трудоустройстве.

При приеме на постоянную работу или службу безработный мог быть принят с испытательным сроком, продолжительностью 6–12 дней для частных предприятий и от 2-х недель до месяца – в советских учреждениях. По окончании испытательного срока безработный либо принимался окончательно, либо увольнялся с выплатой заработка по день испытания. В последнем случае он не терял очередности на бирже труда [5. Л. 43]. Безработный не терял очередности и при направлении на временные работы продолжительностью более 2 недель.

Спрос работодателей на рабочую силу почти всегда удовлетворялся, но были и случаи невыполнения заявок. Это было связано с работой, которая носила срочный характер (например, выгрузка вагонов), с отсутствием среди безработных требуемых специалистов (например, врачей, токарей по металлу и пр.) [3. Л. 11], а также из-за несвоевременной доставки почтой повесток безработным [1. Л. 46].

Основными мотивами отказа самих безработных от работы были низкая заработка плата и посылка на работу в «отъезд» [3. Л. 11]. Если безработный, получающий пособие, отказывался от предлагаемой ему работы в первый раз, то по решению комитета биржи труда он лишался пособия на три месяца, и получал последний очередной номер при посылке на работу. При отказе от предлагаемой работы повторно безработный снимался с учета [4. Л. 1172]. Однако такая мера наказания проводилась комитетом биржи труда весьма осмотрительно. Принимали во внимание условия, в которых находился безработный, его семейное и имущественное положение, а также то, насколько работа являлась подходящей работой для данного безработного. Неподходящей считалась работа, которая не соответствовала специальности (квалификации) безработного и усло-

виям работы [2. Л. 120]. Были случаи неявок безработных на перерегистрацию без уважительных причин. Такие безработные либо снимались с учета, либо им отказывали в пособии [3. Л. 11].

За 1922–1923 гг. Томской биржей труда было направлено на работу 12693 чел. На учете оставалось 3 987 безработных [1. Л. 17]. За 9 месяцев 1927 г. на работу Томской биржей труда было послано 11 759 безработных, из них женщин – 2549, подростков – 115 человек, демобилизованных красноармейцев – 202. За 1926–1927 гг. в отъезд было направлено 4 врача, 2 фельдшера, 2 медсестры и 2 электромонтера, а в пределах Томского округа – 10 человек секретарей и 4 счетовода [3. Л. 13].

Таким образом, архивные документы являются источником знаний по истории отдельного города, области, страны.

Примечания

1. ГАТО. Ф. Р-182. Оп. 1. Д. 855.
2. ГАТО. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 47.
3. ГАТО. Ф. Р-219. Оп. 1. Д. 305.
4. ГАКК. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 225.
5. ГАТО. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 27а.

Ф.П. Тарасенко, Ю.В. Куперт

**ДОКУМЕНТЫ О НАЧАЛЬНОМ ПЕРИОДЕ АВТОНОМНОЙ
ИНДУСТРИАЛЬНОЙ КОЛОНИИ «КУЗБАСС» В СИБИРИ
(1922–1923 гг.)**

Исторический документ (текст, исторический остаток) является основой представлений о прошлом, служит его осознанию. Порой мимолётная встреча с прошлым, даже не подкрепленная в полной мере системным представлением о рассматриваемом историческом времени, вызывает эмоциональное переживание, рефлексию, стремление лучше понять. В этом отношении представляют интерес документы о некоторых страницах истории международной индустриальной колонии в Сибири, созданной в 1920-е гг. по инициативе ряда американских общественных деятелей и рабочих профсоюзов при одобрении Совета Труда и Обороны (СТО), в том числе В.И. Ленина, который принял в её организации непосредственное участие.

Эти документы поступили в Кемеровский краеведческий музей «Красная горка» из англо-американских источников, были любезно предоставлены одному из авторов настоящего сообщения и служат основанием для некоторых размышлений и выводов. Первый документ – Соглашение между Советом Труда и Обороны и инициативной группой американских рабочих, подписанное Председателем СТО РСФСР В.И. Лениным, с одной стороны, и членами группы У.Д. Хэйвудом, Дж.Х. Бейером, С.Дж. Рутгерсон – с другой. Оно было утверждено в октябре 1921 г. после внесения Лениным в текст ряда существенных исправлений и дополнений [3. С. 257]. Исходя из анализа имеющегося в нашем распоряжении текста, можно сделать вывод, что это вариант Соглашения с ленинскими поправками.

Следующий документ датирован 18 ноября 1922 г. Это официальное сообщение Генерального американского консула в Гамбурге Дж.К. Хаддла Государственному секретарю США о ситуации с Автономной индустриальной колонией «Кузбасс» (АИК), некоторые участники которой возвращались в Америку. К нему, как следует из текста, приложен меморандум некоего Гарри Харна, одного из непосредственных участников работы в АИК, написанный по предложению консула Дж. Хаддла весной 1923 г. Автор озаглавил этот опус: «Кузбасс». Знаменитая Русская Социалистическая мечта. Мошенничество и обман», в су-

губо полемической форме разоблачая американских организаторов поездки рабочих в Россию. Он, похоже, надеялся, что проблема заинтересует руководство одной из наиболее влиятельных в США профсоюзных организаций «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ) [1. С. 101]. Отмечая, что 50% колонистов относились к ИРМ (20% были коммунистической ориентации), Харн предостерегал от дальнейшей агитации за поездку в Сибирь новых групп американских рабочих, называя положение колонистов трагедией, считая всю эпопею с концессией и добычей угля в Кузбассе полным провалом. Любопытно, что Г. Харн нисколько не обвинял датского инженера С. Рутгерса, руководителя колонии «Кузбасс» в России, считая его честным человеком.

Наконец, имеется еще одно официально зарегистрированное (№ 252. М. 3581) 26 апреля 1923 г. донесение руководителю Британской коммерческой миссии в Москве, судя по тексту, от постоянного информатора. Обращаясь по титулу «Милорд маркиз» и ссылаясь на собственное донесение от 25 апреля того же года, он информировал о ситуации с концессией иностранных рабочих в Кузбассе, подчеркивая неподготовленность всей этой акции, когда даже Госплан ничего не знал о заключенной сделке и критиковал правительство «за передачу кооперативной ассоциации, не имеющей капитала, прав на наиболее ценные угольные месторождения в Сибири».

Сравнивая текст Соглашения с меморандумом Г. Харна, поневоле вспоминаешь античную мудрость – «*Audiatur et altera pars*» («Да будет выслушана и другая сторона»), чтобы приблизиться к истине, которая связана с ситуацией в России и США.

В конце 1920 г. в США был избран президент-республиканец У. Гардинг, к которому весьма негативно относились левые крыло политического спектра. Весной 1921 г. президент и конгресс в очередной раз ответили отказом на обращение ВЦИК РСФСР об установлении деловых связей и дипломатическом признании советской России [2. С. 345]. В этой политической обстановке активизировалась Лига друзей советской России, заметным влиянием в которой обладали американские социалисты, опиравшиеся на поддержку социалистов ряда стран Европы и английских лейбористов. Возникшая фактически только в 1921 г. компартия США существенной роли в политической жизни страны не играла. После оживления периода мировой войны началось снижение производственной активности, торговли; промышленность вступила в полосу застоя. Безработица достигла невиданных до этого размеров. В середине 1921 г. она составила 5735 тыс. человек. Падал жизненный уровень трудящихся [2. С. 342]. Приглашение рабочих к выезду в Россию, где остро необхо-

димы рабочие руки, и где можно хорошо заработать, помимо прочего носившее еще и характер политической акции, попало на благодатную почву. Проявили большую активность С Рутгерс и профсоюзы. С чисто американской деловитостью, получив согласие советского руководства на создание в России колонии иностранных рабочих и специалистов в форме концессии, С. Рутгерс с группой единомышленников совершил поездку на Урал и в Кузбасс. Затем был предложен проект концессии для Кузбасса, на предприятиях которой будут трудиться иностранные специалисты. После утверждения проекта развернулась широкая вербовочная кампания, которая, надо полагать, проходила вполне в духе рекламных кампаний, свойственных странам рыночной экономики, с приглашением чуть ли не в страну обетованную. Как следует из упомянутого выше меморандума обиженного специалиста Г. Харна, не верить которому вообще-то нет оснований, будущим колонистам обещали четырехкомнатные коттеджи с водопроводом и всеми удобствами на 500 человек, акции самой концессии и солидные дивиденды, работу по специальности, землю для ведения подсобного хозяйства, бесплатное обеспечение всем необходимым для жизни и работы, так что деньги сверх вступительного взноса даже предлагалось сразу передать в фонд концессии «Кузбасс». Встреча с жизнью, естественно, привела к жестокому разочарованию.

В свете сказанного становится в основном понятно, какие же правки внес Ленин в проект концессии. Не будем забывать, что вся эта эпопея развертывалась в обстановке ужасной разрухи в стране, наступившей после окончания гражданской войны, при колossalной инфляции, когда деньги считали на миллионы. Нужно было срочно восстанавливать народное хозяйство на новой индустриальной основе. Необходимы были специалисты. Отсюда такая щедрость, выделение в распоряжение АИК Надеждинских заводов со всем комплексом их обслуживания; месторождений угля в Кемерове со всем оборудованием, коксовыми печами, цехами, кирпичным заводами, лесопилками и т.д.; кирпичных заводов и кожевенной мастерской в Томске; еще целого списка предприятий. Так как «концессионеры» не могли выполнить роль инвесторов, их вклад должен был состоять в следующем. Они должны были привезти из Америки в Россию 2800 квалифицированных рабочих и специалистов, технический реквизит для Кузнецкого бассейна и 3000 человек для Надеждинских заводов; закупить за границей технику и инструменты (на эти и другие нужды Советское правительство давало 300 тыс. долларов). Вместо коттеджей, обещанных в Америке, Соглашение об организации АИК упоминало лишь о выделении для строительства домов необходимого количества го-

товых брёвен, цемента и т.п. От колонии «Кузбасс» ожидали выполнения обязательств, большого труда, удвоения производственных показателей, а за 10 тыс. га земли для сельскохозяйственной обработки должны были дать 50% добывшего в Кемерове сверх намеченной программы угля и пр. Ни о молочных реках и кисельных берегах, ни о льготах, ни о возможности понимать и эксплуатировать русских рабочих, создавать собственное дело в подписанном Соглашении не было и речи.

Более того, АИК рассматривалась как советское государственное предприятие, продукция которого принадлежит Советскому государству. Особо оговаривалось, что «члены колонии персонально и колония в целом должны без исключения подчиняться всем законам РСФСР».

Конечно, жизнь приехавших в Россию из Америки и других стран людей труда была тяжелой. Они столкнулись с перенаселенностью, плохим питанием, клопами, трудностями водоснабжения, болезнями и прочими «прелестями» тогдашнего российского лихолетья. Многие уехали. Приезжали другие специалисты, только теперь уже не случайные люди, как в первом заезде. С 1923 г. по настоянию Советского правительства отъезжавшие на работу в АИК «Кузбасс» подписывали специальную декларацию о том, что им известны тяжелые условия страны, в которую они едут. Колония получила от СТО 500 тыс. рублей золотом на приобретение оборудования, активизировалась добыча угля, развёртывалось промышленное строительство [3. С. 259]. И совершенно неожиданно постановлением СТО от 27 июня 1927 г. АИК «Кузбасс» была ликвидирована, так как эта форма организации якобы «себя изжила». Представляется более вероятным, что в условиях начавшегося с 1926 г. форсирования сталинского плана индустриализации, обострения противостояния с Англией как «оплотом империализма», что именно в это время Сталин, ставший уже практически безраздельно господствующим вождем партии, высказал желание «отбросить нэп к черту», колония «Кузбасс» с ее, хотя номинальной автономией, но все же более свободной в своих действиях, нежели другие производственные объединения, стала казаться опасной.

Примечания

1. Современные Соединенные Штаты Америки. Энциклопедический справочник. М.: Политиздат, 1988.
2. Всемирная история. Т. VIII. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961.
3. Угольная промышленность Кузбасса. 1721 – 1996. Кемерово: АО Кемеров. кн. изд-во, 1997. О внесении поправок самим Лениным сообщал С. Рутгерс. Упомянутый в тексте Г. Харн был, безусловно, прав, что эти поправки следовало обсудить с членами АИК, чего явно не было сделано.

Н.А. Грик

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА 1920–1930-х гг. КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Еще в середине 1980-х гг. И.Д. Ковальченко настаивал на необходимости историкам в исследовании прошлого «вживаться» и «сопереживать» целое и индивидуальное, расширяя для этого круг источников, признавая правомерным использование художественно-литературных произведений [1. С. 120, 257]. Художественная литература является одним из системообразующих элементов мировоззрения, сочетающим рациональное и образное восприятие действительности. Поэтому понятен интерес исследователей, пытающихся найти подходы и методы использования этих произведений в качестве исторического источника [2]. Указанный источник может помочь, на наш взгляд, преодолеть существующий ныне заметный разрыв между социально-экономическими структурами общества, с одной стороны, и духовными, ментальными, с другой.

В 1920-е гг. начала складываться новая советская идентичность, которая к концу 1930-х гг. обрела зримые черты. Весомую роль в этом играла советская художественная литература. Она воздействовала на общество, формируя в ней новые идеалы, интересы, потребности, стандарты и стереотипы. Поэтому обращение к произведениям 1920–1930-х гг. помогает историку повысить историческую грамотность. С другой стороны, образность художественного мышления составляет важный информационный источник, в котором можно обнаружить «живые черты времени». Литература сама является «идеальным историком», позиция которого воплощается во взглядах автора, главного героя [3. С. 49]. Писатель часто на бессознательном уровне улавливает существующие в обществе настроения. Субъективность литературы не препятствует, а, напротив, помогает увидеть в художественном произведении элементы ментальности, для выявления которых вполне правомерно использовать метод психологической реконструкции, где главную роль играет вживание в образ, в изучаемую эпоху, во внутренний мир создателя источника [4. С. 164].

Важным источником изучения советского общества 1920-х гг. могут стать сатирические рассказы М.М. Зощенко, которые рисуют портрет «маленького человека». Сам сатирик исповедовался в 1930 г.: «Я взял если не типичного обывателя, то, во всяком случае, человека, которого

можно найти во множестве» [5. С. 111]. У М. Зощенко тонко, но точно раскрывается особенность нэповской эпохи, когда многие оказывались «новыми людьми» лишь по форме, а изнутри оставались прежними, мало в чем изменившимися. Но именно эти люди с энтузиазмом отнеслись к задаче разрушения «плохого старого» и построения «нового хорошего». Они претендовали на роль хозяев жизни. Поэтому монтер в одноименном рассказе полагает, что именно он фигура номер один в театре, а не тенор или дирижер. Существенным является то, что персонажи М. Зощенко не осознают, что их строительство «нового» через разрушение «старого» привело к деформации нравственных ценностей, к смешению всех представлений о «своем» и «чужом», дозволенном и недозволенном и т.п.

К числу самых известных широкой публике «знаковых» литературных памятников конца 1920-х – начала 1930-х гг. относятся романы И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Авторы негативно относятся к нэпу и описывают его в отрицательных, сатирических образах. Однако их произведения помогают глубже понять противоречивую повседневность 1920-х гг., которая подтасчивала нэп и готовила «великий перелом» 1930-х гг.

Особое значение в качестве источника исследования советского общества имеют произведения А. Платонова. Он обладал неисчерпаемым художественным видением, нутром переживавшим перипетии первых десятилетий советской власти. Его произведения помогают осмысливать глубинную суть происходивших в обществе процессов в 1920–1930-е гг. Действительно можно согласиться с А.К. Соколовым, что «Котлован» является подлинным символом первой пятилетки, индустриализации и колLECTIVизации [3. С. 65]. Писатель пишет о том, что бывает. Его герои самозабвенно верят в социализм и поэтому им кажется, что стоит построить «единый общепролетарский дом», «ликвидировать кулаков вдали», как сразу начнется прекрасная жизнь. Платоновский язык помогает во многом раскрыть существо происходивших процессов, вжиться в изучаемую эпоху. Народное сознание подменяет реально существующие явления иллюзорными, принимаемыми на веру. У Платонова это связано с темнотой, забитостью, непросвещенностью, с суевериями, тяжелейшими социальными условиями жизни народа. Рабочие у писателя верят и поэтому без остатка отдают себя работе: «До вечера долго... чего жизни зря пропадать, лучше сделаем вещь. Мы ведь не животные, мы можем жить ради энтузиазма».

Действительность индустриализации потрясала и озадачивала даже партийных функционеров. Так, секретарь Новосибирского горкома

ВКП(б) С. Шварц, побывав зимой 1932 г. на строительстве завода горного оборудования и увидев переполненные немногочисленные бараки, где все спали вповалку, где свирепствовали эпидемии тифа и холеры, где грязь и антисанитария были ужасающими, удивлялся: «Странно, что рабочие не бузят» [6. С. 81–82]. Мир платоновского «Котлована» раскрывает важную сторону национального характера – силу веры, которая в условиях советских новых смыслов становилась краеугольным камнем-фундаментом советской модернизации. А. Платонову удалось уловить существующие в молодом советском обществе настроения, которые, окрепнув, станут впоследствии одной из причин кризиса конца 1980-х гг. Поэтому его творчество подверглось грубой оценке со стороны И. Сталина и представителей официальной литературы [7].

Н.А. Островский и его произведение «Как закалялась сталь», занесенное в классику советской литературы, являло собой реальное воплощение поэтики платоновского «Котлована». Н.А. Островский, неграмотный са-моучка-красноармеец, слепо верит в идею, превращающую чудесным образом, подчас вопреки здравому смыслу и очевидности, черное в белое. Его сила – именно в этой религиозной одержимости. Веру Н. Островского в социализм можно сравнить со знаменитым изречением Тертуллиана: «Верую, ибо абсурдно». Роман Островского помогает осмысливать природу социалистической идентичности, ведь веру писателя в чудо социализма демонстрировали как вожди (И.В. Сталин, В.В. Куйбышев, Г.К. Орджоникидзе и др.), так и многие советские люди, своим трудом реализовавшие индустриальный скачок 1930-х гг. Поэтому героям советской литературы 1930-х гг. присущи «социальная устремленность» с большим оттенком фанатизма, верность партии и рабочему классу, ненависть к врагам социализма.

Использование художественных произведений, которые создавались в 1920–1930-е гг., на наш взгляд, никоим образом не искаивает реальности прошлого, но позволяет почувствовать и осмыслить внутренний подтекст происходившего. На первый план с конца 1920-х гг. выходили люди, «живущие в идее», в сознании которых должно и сущее едины. Художественная литература дает ключ к пониманию массового сознания, формирования новой советской идентичности (главным образом у молодежи), ощущения слитности собственной судьбы с судьбой страны.

Примечания

1. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

2. Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы науч. конф. М., 1998; История России XIX–XX века: новые источники понимания. М., 2001.
3. История и литература // Отечественная история. 2002. № 1.
4. Зверев В.В. Новые подходы к художественной литературе как историческому источнику // Вопросы истории. 2003. № 4.
5. Зощенко М. Как я работаю // Литературная учеба. 1930. № 3.
6. Исаев В.И. Коммуна или коммуналка? Изменения быта рабочих Сибири в годы индустриализации. (Вторая половина 1920-х – 1930-е гг.). Новосибирск: Наука, Сибирская изд-я фирма РАН, 1996.
7. Авербах Л. О целостных масштабах и частных Макарах // На литературном посту. 1929. № 21–22; Фадеев А. Об одной кулацкой хронике // Красная новь. 1931. № 5–6.

И.В. Ильиных

**СОЦИОНИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ «ПРОЛЕТАРСКИХ
ВЫДВИЖЕНЦЕВ» РУБЕЖА 1920–1930-х гг.:
ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАССОВЫХ
УНИФИЦИРОВАННЫХ ДОКУМЕНТОВ**

Трансформация механизма взаимодействия властных структур и населения, вызванная социально-экономическими преобразованиями рубежа 1920–1930-х гг., привела к изменению социального, демографического, профессионального состава центральных и местных органов управления. Наряду с «новым советским гендером», «новым советским рабочим» правительством ставилась задача создания «новых людей власти» – «пролетарских выдвиженцев», которые бы обеспечивали социальную базу поддержки политического курса, формировали лояльное общественное мнение в отношении политики государства. Управленческим инструментом реализации на местах принятых центральной властью решений были городские и сельские советы рабочих и крестьянских депутатов и их исполнительные комитеты. Низовой депутатский корпус являлся в советской политической иерархии коммуникативным звеном между избирателями (народом) и правящей номенклатурой.

Одним из наиболее адекватных технических приемов исследования первичных черт социального портрета депутатов городского совета является создание базы данных (далее БД) на основе массовых унифицированных документов – личных карточек, с последующим применением количественных методов обработки информации.

Проектирование БД позволяет найти соотношение количественных и качественных показателей – не только описать элементы общественной системы, в нашем случае это «депутаты представительного органа власти (горсовета)», – но и измерить силу взаимосвязи между факторными показателями, характеризующими систему, т.е. предоставить информацию о качественном своеобразии депутатского корпуса в виде количественных характеристик, поддающихся измерению [1. С. 373].

Для решения поставленной исследовательской задачи нами была выбрана источнико-ориентированная модель базы данных, при использовании которой в отличие от проблемно-ориентированных и методо-ориентированных моделей в меньшей степени подвергается модифика-

ции структура источника-документа. В основу БД были положены личные карточки депутатов городского совета Нижнего Тагила за 1928–1932 гг., относящиеся к группе ограниченно-массовых анкет, являющихся общими только для определенных подсочиумов исследуемого социума. Оптимальный вариант структуры БД определялся, исходя из структуры личной карточки, которая была полностью воспроизведена в таблицах БД. Содержание информационных граф, представленных в анкетах, переносилось в информационные поля с учетом принципа агрегирования.

Одна из трудностей проектирования БД связана с субъективностью анкеты. Поскольку анкетные формы заполнялись самим депутатом или работником исполнкома со слов члена городского совета, биографические данные в отдельных случаях были изменены в угоду политической конъектуре. В основном это касалось таких категорий, как «социальное положение», «национальность», «служба в армии», и требовало проверки достоверности содержащихся в анкетах сведений.

Интерпретация полученных данных производилась с помощью методов описательной статистики (группировки, табличного и графического представления, определения средних величин), корреляционного анализа парных зависимостей, которые позволили проанализировать демографические, политические, социально-экономические составляющие социального портрета депутата городского совета Нижнего Тагила, выявить взаимосвязь между показателями и особенности институциональных фильтров (партийно-профессиональных, половозрастных), определить наличие контроля в системе социального представительства через факторы, влиявшие на формирование состава низового депутатского корпуса.

Первые 7 информационных полей, расположенные в последовательности с соответствующим макетом кодировок, характеризуют социально-демографический портрет депутатов. Согласно инструкции о выборах 1926 года, социальное положение, включавшее происхождение и род занятий, являлось одним из первичных признаков, определяющих облик депутата [2. Л. 13]. Изменение социальной структуры региона существенно повлияло на распределение депутатского корпуса. Превалирование среди депутатов представителей от рабочих (66% в 1929 г. и 60% в 1931 г.) [3], незначительный процент служащих и крестьянства закономерно объясняются производственной спецификой региона, реализуемой программой форсированной индустриализации с перераспределением рабочей силы из деревни в город, высокой социально-профессиональной мобильностью населения, установкой партийного руководства на избрание в советы «рабочих от станка».

При перечисленных факторах анализ динамики изменения состава депутатского корпуса показывает, что к концу первой пятилетки существенно увеличился рост числа лиц, не утративших связь с землей и продолжающих заниматься сельским хозяйством. Рассмотрение половозрастного состава совета на начало и завершение «великого перелома» фиксирует превалирование среди депутатов мужчин (83 и 65, 58% соответственно). Активности женского населения региона препятствовало сохранение традиционно-патриархального представления об участии женщин в общественно-политической жизни, которое к рубежу 1920–1930-х гг. претерпело изменения, благодаря планомерной работе по вовлечению домохозяек в производственную и общественную сферы.

При анализе таблиц БД прослеживается четкая корреляционная зависимость между категориями «возраст», «образование», «национальность». Треть депутатов, из которых 95,5% были русскими, что соответствовало доминированию данной национальности в регионе, были в возрасте 26–32 лет (при оптимальной величине интервала в 7 лет в возрастных границах от 19 до 61 года). Из них 78% имели низшее образование (для сравнения, высшее образование было у 3% депутатов, среднее – 16%). То же процентное соотношение сохранялось и для других возрастных групп. Существенный уровень корреляции отмечается между «партийностью», как социально-значимой чертой облика депутата, и категориями «возраст» и «социальное положение». Вопреки устоявшемуся мнению, членство в партии не являлось обязательным для депутатского корпуса. Прослеживается тенденция увеличения числа беспартийных депутатов по мере повышения возраста народных представителей, большинство из которых были рабочими по социальному положению.

Для рассмотрения «вторичных черт» социального облика депутата (согласно терминологии советского периода): культурно-эстетических интересов, ценностных ориентаций, материального и бытового положения народных избранников; помимо анализа соответствующих категорий БД («самоидентификация себя как ударников труда», «секция для работы», «служба в армии»); необходимо привлечение других пластов источников: протоколов собраний депутатов совета; материалов отчетно-избирательных кампаний; автобиографий; заявлений; публикаций результатов кампаний по самокритике; в периодических изданиях. В этом случае количественные методы реконструкции социального портрета депутата применительно к перечисленным группам массовых документов позволяют выделить 3 типа представителей «новой местной власти» – «пролетарских выдвиженцев», у которых в основу мотивации для работы

в советах положено восприятие «депутатства»; «лифта социальной мобильности»; средства защиты идеалов «своего» государства; либо умеющих пользоваться адаптацией к изменившимся жизненным условиям.

Примечания

1. Подгаецкий Б.В. О категориях «массовости» и «самодостаточности» в источниковедении (автодидактические размышления) // Проблемы источниковедения и историографии: Материалы II научных чтений памяти И.Д. Ковальченко. М.: РОССПЭН, 2000.
2. Отдел по делам архивов администрации г. Нижний Тагил (ОДААНТ). Ф. 70. Оп. 1. Д. 1041.
3. Здесь и далее приведены результаты обработки базы данных «Депутаты», составленной по материалам ОДААНТ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 114, 188, 189, 226, 227.

О.Я. Гутак

К ВОПРОСУ О ЗОЛОТОДОБЫЧЕ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВОВ НОВОСИБИРСКОЙ И ТОМСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

В последние годы история развития российской золотопромышленности привлекает внимание историков, проводящих исследования как на общероссийском, так и на региональном уровнях. В большой мере этому способствовало открытие ранее недоступных для ученых архивных материалов.

Вопрос развития золотопромышленности Западной Сибири после 1917 г. практически не освещался в исторической литературе. В качестве одной из основных причин такого положения дел можно указать на отсутствие доступа к источникам по данной проблеме. Снятие в середине 1990-х гг. режима секретности с ряда документов сегодня позволяет проводить серьезные исследования по истории развития золотопромышленности региона в советский период.

Материалы государственных архивов Новосибирской и Томской областей являются источником ценных сведений по истории развития отрасли после 1917 г. Основной массив документов по данному вопросу представлен в фондах государственного золотопромышленного треста Запсибзолото [1], управления Томско-Алтайского горного округа [2], Томского районного управления золотыми приисками Западной Сибири [3] и Томской золотопромышленной конторы [4]. Эти организации в разное время являлись хозяйствующими субъектами или курировали золотодобычу на территории южной части Западной Сибири.

Указанные архивные фонды содержат несколько групп источников. В фондах предприятий отложились административные документы: директивы, приказы и распоряжения вышестоящих организаций, главков, наркоматов и министерств, курировавших золотопромышленность на разных этапах (Главзолото, Наркомтяжпром, Минцветмет, МВД), приказы и распоряжения директоров предприятий и объединений, планы экономического и социального развития. В них сохранились как опубликованные в сборниках и центральной печати документы, так и распоряжения, выходившие под грифами «секретно» и «для служебного пользования», а потому не получавшие широкой огласки.

Очень ценная и подробная информация представлена в текущих отчетных документах. В этой группе представлены технические отчеты о работе золотопромышленных предприятий, справки и докладные записки руководителей о положении дел на рудниках и приисках, сведения о количестве рабочих и служащих, бухгалтерская отчетность, сведения об объемах золотодобычи. Ввиду того, что основная часть этих документов направлялась в высшие инстанции, представленную в них информацию можно считать достоверной и реально отражавшей положение дел в отрасли. Из переписки с органами государственной власти становится очевидным, что в сфере регулирования золотопромышленности уже с начала 1920-х гг. стала складываться строгая система отчетности. Высшие руководящие органы и региональные власти требовали от золотопромышленных предприятий предоставления полной и детальной информации об их деятельности, поэтому сохранившиеся в указанных фондах документы позволяют составить представление о положении золотодобывающих предприятий юга Западной Сибири, их специфике и основных проблемах.

Особенно ценные документы периода Великой Отечественной войны и послевоенной пятилетки, поскольку в это время сведения о золотопромышленности почти полностью исчезли со страниц периодической печати и специальных изданий. Большое значение также имеют материалы конца 1920-х – 1930-х гг., представленные в фондах треста Запсибзолото. Эти документы позволяют в деталях рассмотреть процесс индустриального освоения и развития золотоносных районов юга Западной Сибири в 1930-е гг. В документах 1920-х гг., отложившихся в фондах управления золотыми приисками Западной Сибири и Томской золотопромышленной конторы, содержится ценный материал о масштабах разрушения и запускания золотых рудников и приисков и результатах первых попыток их восстановления.

Несомненный интерес для исследователя представляют также документы областных и краевых государственных и партийных органов, руководивших работой золотопромышленности на местах. Фонды региональных советских и партийных органов содержат декреты, постановления, решения, распоряжения органов верховой власти о золотой промышленности, решения региональных властей относительно работы золотодобывающих предприятий, акты их обследования, а также отчеты и сводки с мест. Советские и партийные органы в регионах несли ответственность за работу промышленных предприятий, расположенных на подведомственной им территории. В этой связи можно упомянуть материалы Томского губисполкома советов и Томского окружного исполнкома сове-

тов [5]. В их фондах отложились распорядительные документы по золотопромышленности, в частности протоколы и постановления о национализации приисков Марийинской системы.

Материалы перечисленных архивных фондов существенно дополняют информацию, которую можно почерпнуть из других источников: статистических сборников, где, впрочем, информация о золотопромышленности в указанный период была чрезвычайно скудной, специализированной периодической печати («Горное дело», «Горный журнал», «Золотая промышленность», «Советская золотопромышленность», «Цветные металлы»), региональной периодики («Красная Сибирь», «Жизнь Сибири», «Сибирские огни», «Социалистическое хозяйство Западной Сибири» и др.), воспоминаний руководителей и работников отрасли [6], опубликованных отчетов советских и партийных органов [7].

Работа с указанными архивными фондами и содержащимися в них материалами требует от исследователя не только аккуратности анализа источника, его структуры и формы, но и наличия базовых представлений о технологических процессах, владения терминологией золотого дела, знание основных принципов построения экономической отчетности.

Несомненно, материалы региональных архивов являются серьезным источником информации по истории освоения отдельных золотопромышленных районов России. Их всестороннее изучение и использование в исторических исследованиях наряду с материалами центральных архивов и другими источниками поможет создать более полную и многомерную картину развития отечественной золотопромышленности.

Примечания

1. ГАНО. Ф. Р195. Оп. 1а
2. ГАТО. Ф. Р-788. Оп. 1.
3. ГАТО. Ф. Р-1071. Оп. 1.
4. ГАТО. Ф. Р-787. Оп. 1.
5. ГАТО. Ф. Р-96. Оп. 1; Ф. Р-195. Оп. 1.
6. Серебровский А.П. На золотом фронте. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 423 с.
7. Отчет о деятельности Сибирского революционного комитета с 1-го января по 1-е августа 1921 г. Новониколаевск, 1921. С. 33–34; Западная Сибирь от первого до второго краевого съезда Советов (отчет Запсибкрайисполкома второму краевому съезду Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов). Новосибирск, 1934. С. 32–33.

Л.Н. Приль

НОВО-АРХАНГЕЛЬСКИЙ СКИТ ПО ДОКУМЕНТАМ ТОМСКИХ АРХИВОВ

Ново-Архангельский скит – одна из белокриницких старообрядческих обителей, существовавших в начале XX в. на территории нынешней Томской области. В течение двадцати лет своего существования (1910–1931 гг.) история скита связана с личностью Афанасия Семеновича Журавлева, известного в старообрядческой среде как епископ Амфилохий. Отсутствие документов о его жизнедеятельности после 1917 г. стало причиной появления домыслов и неправдоподобных версий [1. С. 22–23; 2. С. 165]. Из истории скита в советское время известен только один факт – печатания антибольшевистских листовок в 1921 г. [3. С. 7–8]. Но ни последствия этих событий, ни дата прекращения существования скита не были известны исследователям.

Задача данной статьи – обозначить основные вехи истории Ново-Архангельского скита и жизни епископа Амфилохия, сделав акцент на событиях 1918–1931 гг., сведения о которых отсутствуют в литературе. Ключевые источники для раскрытия темы – архивно-следственные дела 1922–1923 гг. и 1933 г. Нам уже приходилось говорить о специфике и уникальности информационного потенциала этого рода источников [4]. Выявленные сведения требуют перепроверки другими видами источников, поэтому публикация новой информации необходима для ее дальнейшей верификации исследователями (подтверждения или опровержения).

Ново-Архангельский скит – самая поздняя, по времени возникновения, старообрядческая обитель на территории Александровской волости. С 1880-х гг. здесь существовали Михаило-Архангельский монастырь, затем Успенский мужской и Покровский женский монастыри. В 1910 г. к отшельникам на р. Большая Юкса подселились насельники шамарского Вознесенского монастыря – иноки Амфилохий (Афанасий Журавлев), Пафнутий (Петр Акиншин) и послушник Николай Блинов, считающиеся основателями скита [2. С. 165; 5. Л. 292]. Амфилохий хорошо знал «затомскую» тайгу, так как почти десять лет (с 1892–1893 гг.) прожил в Михаило-Архангельском монастыре [6. Л. 114].

Ново-Архангельский скит удалось официально зарегистрировать по ходатайству игумена Амфилохия и скитской братии в январе 1914 г. То-

гда в обители проживало 10 насельников [7. Л. 11]. 20 сентября 1916 г. в Томске Амфилохия рукоположили во епископа Уральско-Оренбургской епархии, и разрешили ему, по его просьбе, в дальнейшем наблюдать за жизнью молодой обители и посещать её [8]. В начале 1917 г. Амфилохий уехал в г. Уральск, но в 1918–1919 гг. ежегодно посещал Ново-Архангельский скит. В 1918 г. епископ вместе с Нионтом и другими иноками построил для себя уединенную келью в 1–1,5 версте от основных построек обители [5. Л. 298].

В это время Амфилохий, будучи епископом урало-оренбургским, в связи со смертью пермского епископа Антония (сентябрь 1918 г.), на съезде в Миассе был временно избран управляющим Пермско-Тобольской епархии. Похоронив в ноябре 1919 г. брата, томского епископа Иоасафа, «по просьбе Совета Епархий уже с приходом Соввласти принял временное управление Томской епархией» [5. Л. 307; 6. Л. 114]. Таким образом, на короткий промежуток времени под его началом оказались три старообрядческих епархии – собственная урало-оренбургская, пермско-тобольская и томская. Эта ситуация была чрезвычайной, так как в случае смерти единственного епископа могли остаться вдовствующими епархии всего урало-сибирского региона. И уже к концу 1920 г. Амфилохий рукоположил двух епископов – Тихона и Иоанникия, Тихона (Сухова) на томскую кафедру, Иоанникия (Иванова) на пермско-тобольскую епархию. Сам же остается на своей, уральской [5. Л. 309, 310; 6. Л. 114]. Когда Амфилохий возглавлял новые для себя епархии, то управление ими осуществлялось из Томска и из Ново-Архангельска. В 1933 г. он сказал об этом так: «После его [Антония] смерти … я в 1920 г. из Перми свою резиденцию перенес в Томскую епархию, находясь большее время в монастыре» [5. Л. 307].

В архивно-следственном деле Томского губернского суда выявлены подробности событий 1921 г., когда в Ново-Архангельском скиту печатались антисоветские листовки [3. С. 65–66]. Инициаторами издания были московский начетчик, апологет старообрядчества Ф.Е. Мельников и бывший священник Д.И. Суворов. Их кипучая энергия, опыт участия в общественной жизни подталкивали к идеиной борьбе с большевиками. Первая прокламация, напечатанная на машинке, по выражению Амфилохия, была «нравственного содержания, тихого плана» [6. Л. 115]. В дальнейшем Д.И. Суворов уговорил Ф.Е. Мельникова продолжить работу по изготовлению листовок, используя привезенный типографский шрифт. Тексты листовок от имени «Агитационного отдела Сибирской боевой организации» писал Ф.Е. Мельников, печатал «каточком по рамочке» Д.И. Суворов [6. Л. 115].

Остальные жители скита не разделяли взглядов на необходимость активной борьбы с советской властью. Священник Иоанн (Юрков) и инок Нифонт (Блинов) были против изготовления листовок, считая, что «это не наше дело» [6. Л. 115]. Не разделял идею активной борьбы и епископ Тихон [6. Л. 203].

Амфилохий занял компромиссную позицию, он пытался «отсоветовать», но все же не запретил печатание листовок: «Я говорил им, что не надо, указывал, что даже если весь Томск восстанет, и то толку не будет» [6. Л. 115]. Однако, черновик одной листовки («Самодержавным комиссарам») написал он сам, затем Ф.Е. Мельников ее «перевел по-своему», то есть существенно отредактировал [6. Л. 115]. По мнению екатеринбургских исследователей, творчество Ф.Е. Мельникова отличают такие черты, как «литературность» и «политизированность» [2. С. 161], это характерно и для томских текстов.

С начала 1921 г., от того момента, когда в скит приехал Д.И. Суворов, и до конца марта, когда был арестован епископ Тихон, в уединенной келье были напечатаны тиражи восьми различных листовок в количестве от 60 до 100 экземпляров [6. Л. 119, 170]. Д.И. Суворов распространял листовки, рассыпая их по почте знакомым старообрядцам, в том числе епископу Андриану (Бердышеву); были отправлены конверты в Иркутскую и Алтайскую губЧК и Л.Д. Троцкому. Всего было разослано 30 конвертов [6. Л. 40, 57].

Часть тиража Амфилохий отвез в город Тихону, но из-за ареста тот ничего не успел распространить, а возможно, и не собирался этого делать. После недолгого ареста Тихона изготовление и распространение листовок прекратилось. С весны по сентябрь 1921 г. скит порознь покинули Ф.Е. Мельников, затем Амфилохий, и осенью Д.И. Суворов. Эпизод с изготовлением листовок, основная часть тиража которых осталась в скиту, возможно, так и был бы забыт, но в декабре 1921 г. в томском военкомате был арестован Д.И. Суворов, а 13 июня 1922 г. и Амфилохий. Следствие по делу длилось больше года. Арестованные получили опыт проживания в тюрьмах Уральска, Новониколаевска, Томска и Москвы. В июне 1923 г. в Томске состоялся открытый судебный процесс. За контрреволюционную работу подсудимые А.С. Журавлев и Д.И. Суворов были приговорены к расстрелу. Позже ВЦИК, по ходатайству томской общины, заменил его на 5 лет заключения [6. Л. 256–257].

Находясь в томском Доме принудительных работ, Амфилохий мечтал вернуться в скит, о чем говорил посещавшему его Нифонту. Срок заключения окончился в августе 1926 г., и уже осенью он возвратился в оби-

тель [6. Л. 376]. В это время население скита уменьшается. В октябре 1926 г. священник Иоанн (Юрков) уехал в соседний Покровский женский монастырь, вел там службы и обслуживал приход на р. Чулым. Год спустя уезжает Нифонт, напутствуемый Амфилохием; путь его лежит на р. Парбиг [5. Л. 326 об.].

Сам Амфилохий в это время живет в скиту «пустынником». Руководство Уральской епархией в это сложное время находилось в руках Иоанникия [5. Л. 309 об.], как вероятно, и во время тюремного заключения епископа-отшельника. В 1930 г. умер Иоанникий. В связи с этим в Ново-Архангельский скит приехали депутаты от Омско-Свердловской епархии с просьбой занять освободившуюся кафедру. Амфилохий согласился служить временно, до избрания нового епископа [5. Л. 309, 311об., 316]. Из скита в Свердловск он уехал в декабре 1930 г. [5. Л. 311]. С его отъездом ликвидация старообрядческих обителей пошла быстрее. Предварительно можно сказать, что процесс осуществлялся в два этапа: 27 ноября 1930 г. из Горшковского сельсовета было выселено 37 «лишенцев», то есть лишенных избирательных прав. Среди них были 31 монах, 2 священнослужителя, 1 торговец, 2 кулака [9. Л. 13]. А в 1930 и 1931 гг., по словам монахини Покровского монастыря Н. Шмагриной, женский монастырь обложили непосильным налогом. Чтобы заплатить «преподнесенный» налог, монахини распродали имущество монастыря и разъехались [5. Л. 108].

В 1931 г. Амфилохий приехал в скит на несколько дней «по делам своей кельи». Но уже никого не нашел, келью «совершенно опустошили, а послушника, старичка Терентия, арестовали и послали куда-то на работы» [5. Л. 325 об.].

Так, в 1931 г. прекратили существование «затомские» старообрядческие обители, – Ново-Архангельский скит и при нем келья Амфилохия, а также Покровский монастырь. Жизнь самого епископа-отшельника, тесно связанная с историей Ново-Архангельского скита, оборвалась осенью 1937 г. в г. Тара Омской области.

Примечания

1. Вургафт С.А., Ушаков И.А. Старообрядчество: Лица, события, предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: Изд-во «Церковь», 1996.
2. Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. 182 с.
3. Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. 128 с.

4. Приль Л.Н. Информационный потенциал источников УФСБ РФ по Томской области и проблемы изучения жизнедеятельности старообрядческих общин // Документ в меняющемся мире. Томск, 2004. С. 211–215.
5. УФСБ РФ по ТО. Д. П-3844.
6. ГАТО. Ф. Р-117. Оп. 1. Д. 216.
7. ГАТО. Ф. 3 Оп. 77. Д. 63.
8. Сибирская жизнь. 1916. 20 сент.
9. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 45.

П.В. Соловьёв

**ГАЗЕТА «ДИНАМОВЕЦ» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
ФИЗКУЛЬТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ
В НАЧАЛЕ 1930-х гг.**

Изучение истории физкультуры и спорта в Сибири требует выявления и введение в научный оборот новых источников. Немалый интерес в этом отношении представляет периодика, в частности, специализированное издание «Динамовец». Под таким названием в начале 1930-х гг. одновременно выходили две разные газеты, одна – орган Барнаульского пролетарского спортивного общества «Динамо», другая – орган Новосибирского пролетарского спортивного общества «Динамо». В Научной библиотеке Томского государственного университета сохранилось лишь несколько номеров изданий 1931–1932 гг., что не позволяет сделать выводы о продолжительности выхода газеты. Издания выходили на четырёх полосах, как правило, два раза в месяц – иногда строго по 1-м и 15-м числам, иногда – по мере накопления материала.

Большая часть каждого отдельного номера издания обычно содержала информацию о положении дел в региональном отделении Всесоюзного физкультурно-спортивного общества «Динамо», основанного в 1923 г. Ф.Э. Дзержинским [1. С. 396]. Основное внимание газеты уделялось физкультурным успехам и неудачам членов этого общества: помещались сообщения о спортивных состязаниях, участии динамовцев в общественной жизни городов.

Практически в каждом номере издания печатались материалы по теории и методике физкультуры, советы и рекомендации о том, как нужно правильно заниматься физической культурой, о пользе конкретных видов спорта. Так, в барнаульском издании в рубрике «Совет динамовцу» за подписью «Из «Спартака» был помещён материал, в котором объяснялось, как правильно заниматься лыжным спортом, чтобы нагрузка на организм не превысила допустимых пределов [2]. Вообще, в зимнее время публикации о полезных свойствах занятий лыжами и коньками появлялись практически в каждом номере. «Сибирь – страна неисчерпаемых возможностей для лыжного спорта», – констатировал новосибирский «Динамовец» и призывал активно им заниматься [3].

На страницах газеты уделялось внимание и технической стороне того или иного вида спорта. Так, доходчивое описание техники ходьбы на

лыжах приняло форму рассказа, напечатанного в двух номерах новосибирского издания. Материал «На первой лыжной прогулке» рассказывал о том, как следовало начинать ходить на лыжах – методика давалась в мельчайших подробностях [4].

Будучи органом печати государственной структуры, «Динамовец» выполнял функцию мощного пропагандистского орудия. Со страниц газеты не сходили разнообразные лозунги и призывы. Первая полоса номера обычно состояла из коротких призывных статей, содержание которых было мало связано со спортом, зато напоминало читателям-динамовцам об их социальной ответственности: «Оказать практическую помощь совхозу»; «Ликвидировать недочёты в подшефном пимзаводе»; «Сохранить здоровье чекистов-динамовцев» [5]. Газета использовалась для организации «социалистического соревнования». Так, некто вносил, например, в фонд мировой спартакиады определённую денежную сумму и «вызывал» на соревнование своих коллег, список которых обычно прилагался [5]. В Томске в тот период подобным образом собирались средства на постройку дирижабля, о чём также упоминалось на страницах издания [6]. Иногда Томск даже приводился в пример как город, в котором любое подобное начинание находило понимание и отклик среди населения [7].

В свойственной советской периодике манере «Динамовец» подвергал критике и разоблачению случаи бесхозяйственности, небрежного отношения к спортивному имуществу. Так, в фельетоне, опубликованном в новосибирском издании, сообщалось, что томское «Динамо» на стадионе городского совета профсоюзов «из летнего душа сделало помойную яму» [8]. Таким образом, выпуски «Динамовца» содержат важную информацию о состоянии и развитии физкультуры и спорта в Сибири, материальном и методическом обеспечении, достижениях и недостатках.

Материалы газет «Динамовец» обладают достаточной степенью достоверности, так как в них содержалась информация о конкретных людях, событиях, тенденциях физкультурной жизни Сибири 1930-х гг., отсутствовали примеры опровержений на опубликованные материалы. Вместе с тем многие из публикаций весьма субъективны, отражают «злобу дня», задачи и интересы органов пропаганды, а не спортсменов или спортивных обществ. С одной стороны, это требует строго критического отношения к источнику. С другой стороны, в случае использования специальных методов обеспечивает возможность извлечь скрытую информацию о месте и роли физкультурного движения в жизни общества, об отношении государства и государственных органов к физкультуре и спорту.

Примечания

1. Советский энциклопедический словарь. М., 1989.
2. Динамовец (Барнаул). 1932. 8 фев.
3. Динамовец (Новосибирск). 1931. 4 дек.
4. Там же. 1932. 10 янв.
5. Там же. 1932. 26 фев.
6. Там же. 1931. 15 дек.
7. Там же. 1931. 20 июля.
8. Там же. 1932. 1 авг.

В.А. Демешкин

ДОКУМЕНТЫ ФОНДОВ ОГУ ГАТО КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СПЕЦПРЕСЕЛЕНЦЕВ НАРЫМА

Выход в свет сборников документов, как в центре [1], так и регионах [2], раскрывающих практику осуществления государственного насилия по отношению к крестьянскому населению страны, создал предпосылки для углубленного изучения этой проблематики. С учетом того обстоятельства, что до сих пор архивные документы силовых структур, осуществлявших политику раскрепощения, фактически недоступны, освоение материалов государственных архивов в регионах имеет большое значение.

Архивные фонды ОГУ ГАТО хранят комплекс документов, позволяющих воссоздать трагические страницы истории Нарыма, ставшего местом ссылки для десятков тысяч крестьянских семей. Обозначился довольно значительный круг вопросов, изучение которых невозможно без основательного расширения имеющейся источниковой базы. Изучение жизни спецпереселенческого населения Нарыма в местах его расселения, борьба за выживание, особенно в первый период, последующее хозяйственное обустройство и многое другое, несомненно, весьма актуально.

Материалы фондов Нарымского округа позволяют решить широкий круг исследовательских задач. Значительное расширение круга источников и вовлечение их в научный оборот позволяет конкретизировать особенности осуществления политики и практики различных государственных структур по отношению к спецпереселенцам. Документы зафиксировали все многообразие проводимой политики как на уровне округа, так и районных и участковых комендатур, сельских советов. В исторической литературе справедливо отмечено, что эта политика была противоречивой и непоследовательной [3. С. 7], но спецпереселенцы всегда рассматривались как особая категория населения, находившегося под контролем комендатур. Реальная практика взаимоотношений комендатур ОГПУ и местных органов государственной власти Нарыма отражена в документах многих фондов. Они показывают роль и характер руководства и контроля власти при решении вопросов организации и использования труда спецпереселенцев, их медицинского обслуживания, работы образовательных и культурно-просветительных учреждений и многих других. Следует от-

метить наиболее информационно насыщенные фонды окружного уровня: земельного управления Нарымского окрисполкома (Ф. Р-589), отдела здравоохранения (Ф. Р-590), отдела народного образования (Ф. Р-591) и другие.

Редкие, зачастую уникальные, документы сохранились в фондах районного уровня, материалах сельских советов. К примеру, в фонде отдела здравоохранения Парабельского райисполкома (Ф. Р-1020), находится документ, написанный в декабре 1930 г. рукой Д.Д. Донского [4], заведующего Парабельской районной больницей. Он обращался с просьбой к председателю РИКА Гудкову отпустить для нужд больницы «две туши скотского мяса, которые райбольница будет хранить в виде фонда до весны» [5. Л. 21]. Продуктов питания в больнице не было, многие больные просто голодали. Уже в январе 1931 г. инспектор здравоохранения Григорьева телеграммой в краевой отдел здравоохранения просила восстановить плановые поставки продовольствия, которые прекратились. Не было ни круп, ни овощей. Положение с питанием больных действительно складывалось «нетерпимое» [5. Л. 57]. С учетом того обстоятельства, что в округе с ноября 1930 г. продолжалась эпидемия тифа, снабжение продовольствием для многих спецпереселенцев стало вопросом жизни или смерти. В январе 1931 г. Д.Д. Донской принял активное участие в локализации вспышки сыпного тифа среди спецпереселенцев [5. Л. 40]. Вплоть до ухода из жизни талант врача он отдавал служению населения Нарыма.

В короткие сроки население округа увеличилось до 300 тыс. человек. Властные структуры поддерживали атмосферу классовой нетерпимости. Но вместе с тем они вынуждены были выстраивать определенную образовательную и культурно-просветительскую инфраструктуру. Это зафиксировано в фондах различного происхождения. Так, документы Пудинского сельсовета (Ф. Р-741) сохранили переписку с комендатурой по вопросам хозяйственной жизни, организации школ. Финансовые документы раскрывают механизм уничтожения старожильческих «кулацких» хозяйств в 1932 г. в местах расселения спецпереселенцев (Ф. Р-741. Оп. 1. Д. 20). Документы дел Шерстобитовского сельсовета (Ф. Р-743) дают возможность проследить, как выстраивались отношения местной власти с комендатурой и спецпереселенцами. Протоколы заседаний сельсоветов, сельских сходов, женских собраний, групп бедноты, материалы судебных органов отразили атмосферу нетерпимости низового звена советского госаппарата по отношению к спецпереселенцам. Всеми методами пытался он настроить и старожильческое население против них.

Вместе с тем сфера взаимоотношений была такова, что комендатуры, сельские советы и старожильческое население вынуждены были искать точки соприкосновения в совместной деятельности. Это в первую очередь вопросы организации школьного обучения и культурно-просветительной работы среди спецпереселенцев. Материалы отдела народного образования Нарымского окрисполкома (Ф. Р-591), отделов народного образования Парабельского (Ф. Р-990), Каргасокского (Ф. Р-956), Бакчарского (Ф. Р-1243), Александровского (Ф. Р-1430) районов позволяют проследить непростой процесс создания школ спецпереселенческого сектора, укрепление их учебно-методической базы, формирования педагогических коллективов.

На начало 1930-х годов пришлось создание основной массы школ округа. Документы отразили становление ряда школ Бакчарского, Парабельского, Каргасокского и других районов. В них зафиксировано также отсутствие учителей для школ спецпоселков комендатур. В первое время привлекались грамотные из числа спецпереселенцев. Особое внимание уделялось тому, чтобы педагоги из спецпереселенцев подвергались постоянному идеологическому контролю. Директивные документы ГУЛАГА ОГПУ предписывали в кратчайшие сроки заменить этих учителей советскими кадрами. Репрессии 1930-х годов, по сути, уничтожили кадровый потенциал школ округа. Так, в Парабельском районе в 1937/38 учебном году 16 учителей женщин не были допущены к преподавательской работе с формулировкой «как жена арестованного врага народа», 5 педагогов-мужчин были «изъяты органами НКВД» [6. Л. 243–244].

В целом информационный потенциал фондов ОГУ ГАТО позволяет исследователям решать существенные проблемы истории спецпереселенцев Нарыма.

Примечания

1. Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939. В 5 т. М., 2000.; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД: Документы и материалы. М., 2003.
2. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 гг. Новосибирск, 1992; Т. 2. Весна 1931 – начало 1933 г. Новосибирск, 1993; Т. 3. 1933–1938 гг. Новосибирск, 1994; Т. 4. 1939–1945 гг. Новосибирск, 1996; Нарымская хроника 1930–1945. Трагедия спецпереселенцев. Документы и воспоминания. М.: Русский путь, 1997.
3. Маргиналь в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004.
4. Донской Дмитрий Дмитриевич – член ЦК партии социалистов-революционеров. Сослан в Нарым в 1924 г.
5. ГАТО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 4.
6. ГАТО. Ф. Р-990. Оп. 1. Д. 30.

А.С. Шевляков

ДОКУМЕНТЫ АРХИВОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОРГАНОВ ПАРТИИ В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ (1930–1940-е гг.)

В январе 1933 г. по личной инициативе И.В. Сталина объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) принял решение о создании в машинно-тракторных станциях и совхозах страны чрезвычайных партийно-государственных органов – политотделов. В МТС политотделы действовали до ноября 1934 г., а в совхозах – до марта 1940 г. Второй раз в советский период истории чрезвычайные органы управления МТС и совхозов были созданы на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) 17 ноября 1941 г. и работали до лета 1943 г.

В состав политотдела «первого призыва» входили: начальник, заместитель по партийно-массовой работе, заместитель по ОГПУ, помощник по комсомолу, сотрудник по работе с женщинами (женорганизатор), редактор газеты. Политотдел «второго призыва» не имел в штате должности заместителя по НКВД, женорганизатора и редактора газеты.

Двукратное образование в сельском хозяйстве чрезвычайных органов управления нельзя назвать исторической случайностью. С момента прихода большевиков к власти теоретическая мысль правящей партии предполагала и обосновывала необходимость применения «комбедовских» мер и использования чрезвычайных органов управления при строительстве социализма. Политотделы МТС и совхозов дважды создавались в критических ситуациях. Первый раз в условиях тяжелого социально-экономического кризиса и голода на рубеже первой и второй пятилеток в обстановке острой борьбы советской власти с крестьянством. Второй раз, когда мобилизации коммунистов в армию в начале Великой Отечественной войны привели к резкому ослаблению партийного влияния в деревне при одновременно усилившейся необходимостью снабжения фронта и тыла продовольствием и сырьем, с одной стороны, а с другой – при явном недоверии и подозрительности власти к колхозному крестьянству.

Конкретно-исторические условия детерминировали цели и задачи политотделов на каждом периоде деятельности. В 1933 г. задача подавления сопротивления крестьянства коллективизации и заготовительной политике государства представлялась руководству ВКП(б) первоочередной. В связи

с этим карательно-административная функция стала стержнем работы политотделов – чистка МТС, колхозов и совхозов по классовым мотивам, насижение социалистической дисциплины труда, судебные репрессии и администрирование при проведении хлебозаготовок и пр. В период Великой Отечественной войны задача карательной деятельности так не стояла, упор делался на развертывании партийно-организационной, хозяйственной и политико-массовой работы в сочетании с жесткими административными мерами по укреплению трудовой дисциплины.

Трагедию коллективизации, ликвидации зажиточной части крестьянства (кулачества) как класса, жертвенный подвиг колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны и дальнейшую судьбу колхозно-совхозного строя в СССР невозможно представить без анализа деятельности чрезвычайных органов управления.

Источники изучения политотделов МТС и совхозов отличаются многообразием: опубликованные документы, периодическая печать, статистические данные, опубликованные и неопубликованные воспоминания и другие. Основной фактический материал о деятельности политотделов содержится в фондах бывших партийных архив.

Особое значение имеют фонды политуправлений Наркомзема и Наркомсовхозов СССР, хранящиеся в РГАСПИ (Ф. 112; Ф. 349). В них содержатся приказы и распоряжения высшего звена в системе политорганов в сельском хозяйстве страны. Наиболее важные решения политуправления согласовывали с ЦК ВКП(б). Приказы политуправлений были адресованы, как правило, политотделам всей страны и подлежали обязательному исполнению.

Нормативные документы по вопросам деятельности политотделов МТС и совхозов Сибири и в 1930-е гг., и в период Великой Отечественной войны сохранились в фондах политсекторов краевых (областных) земельных управлений (отделов) и совхозных трестов, например, в фонде политсектора Западно-Сибирского краизу за 1933–1934 гг. (ГАНО. Ф. П-175), в фонде политсектора Читинского облзо за 1941–1943 гг. (ГАЧО. Ф. П-97), в фонде политсектора Иркутского облзо за эти же годы (ЦДНИ ИО. Ф. 448) и других.

Нельзя не обратить внимание на протоколы заседаний пленумов, бюро крайкомов и обкомов ВКП(б) Сибири, позволяющие проследить работу по созданию политотделов в регионе, подбору кадров для них, контролю деятельности чрезвычайных органов управления. Решения парторганов краевого (областного) уровня были для политотделов в части, их касавшейся, обязательными для исполнения.

Совместные приказы краевых и областных земельных органов и политсекторов дают возможность представить общую картину развития сельского хозяйства Сибири, содержат сведения о наличии техники в МТС и совхозах, о подготовке кадров механизаторов, состоянии полеводства и животноводства и т.д.

Документы исполнительного характера включают стенограммы совещаний сотрудников чрезвычайных органов управления, политдонесения, отчеты, справки, докладные записки политотделов и политсекторов в вышестоящие органы. Эти материалы находятся в фондах политуправлений Наркомзема и Наркомсовхозов СССР, а также в фондах крайкомов (обкомов) ВКП(б) Сибири. Архивы региона сохранили отдельные фонды некоторых политотделов, например, фонд политотдела Ермаковского совхоза Красноярского края за 1934–1940 гг. (КЦХИДНИ Ф. 1135.) или фонд политотдела Усольского совхоза Иркутской области за 1934–1940 гг. и 1942–1943 гг. (ДДНИ ИО. Ф. 689.) и другие. Как правило, это небольшие фонды, насчитывающие не более 10 архивных дел.

Определенную часть документов исполнительного содержания исследователь находит в фондах сельских райкомов партии, так как политотделы в соответствии с указаниями ЦК ВКП(б) обязаны были информировать райкомы о своей деятельности, и направляли туда копии политдонесений за подписью начальника.

Политдонесение (политинформация) – это установленная ЦК ВКП(б) и политуправлениями форма обязательных и периодических отчетных докладов политотделов о работе за месяц, квартал, год, либо об отдельных массово-политических и хозяйственных кампаниях. Особую ценность для исследователя представляют годовые отчетные доклады, содержащие обобщенные сведения о работе политотделов. Спецификой этой группы источников является то, что документы исходят от самих начальников политотделов, отсюда многие из них весьма субъективны, носят излишне оптимистический тон, нередко содержат явные приписки по тем показателям, которые трудно проверить (число выпущенных стенгазет, количество ударников производства и др.). В то же время политдонесения – богатейший источник информации о конкретной деятельности чрезвычайных органов управления, требующий критического осмысления.

Отдельно следует сказать о документах сельских райкомов ВКП(б) Сибири. Протоколы заседаний бюро и пленумов райкомов партии позволяют увидеть роль политотделов в масштабе района, характер взаимоотношений чрезвычайных и традиционных органов партии.

Важные сведения о деятельности политотделов могут быть извлечены из протоколов собраний первичных организаций МТС, колхозов и совхозов. Часть таких протоколов в архивах выделена в самостоятельные фонды, но в основном протоколы первичных парторганизаций сосредоточены в фондах райкомов ВКП(б). Документы первичных партийных организаций свидетельствуют о непосредственном воздействии политотделов на общественно-политическую и хозяйственную жизнь трудовых коллективов.

Таким образом, изучение разнообразных материалов центров хранения документов новейшей истории позволяет воссоздать цельное представление о деятельности чрезвычайных органов управления в аграрном секторе Сибири в указанный период.

М.В. Грибовский

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПО ИСТОРИИ ТОМСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА 1931–1945 гг.

При обращении к сюжетам локальной истории большое значение приобретают источники личного происхождения. Они позволяют ощутить «дух времени», восстановить некоторые факты и события, не нашедшие отражения в других источниках.

Современная историография знает различные классификации источников личного происхождения. Обычно выделяются мемуары, дневники и письма.

Часть подобного рода источников по истории Томского медицинского института осела в личных фондах, хранящихся в Государственном архиве Томской области архивов (ГАТО), а также в фондах Центра документов новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Для исследователей истории медицинского образования и науки в Томске представляют ценность записные книжки академика А.Г. Савиных, которые им велись на протяжении 1920–1960-х гг. (ГАТО. Ф. Р-1584).

К сожалению, круг архивных мемуарных источников, в которых освещалась бы жизнь Томского медицинского института, довольно узок. Необходимо отметить, что в достаточно многочисленных личных фондах преподавателей-медиков, хранящихся в государственном архиве Томской области (С.П. Карпова, Д.И. Гольдберга, Н.В. Вершинина, В.Т. Сереброва, С.П. Ходкевича, Е.И. Неболюбова, В.И. Сузdalского, П.М. Нагорского, К.Н. Черепнина, Н.П. Федотова, К.М. Гречищева, И.А. Клейтмана, Д.Д. Яблокова и др.) источники личного происхождения фактически отсутствуют.

Вместе с тем, большой интерес представляет коллекция «Томичи о времени и о себе», сформированная архивистами центра документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО. Ф. 5666). В этом фонде отложились воспоминания бывших студентов и преподавателей института В.И. Черняевой, В.С. Ляликовой, О.И. Далингер, К.В. Лавровой. Заслуживают внимания воспоминания профессора Е.М. Думеновой о Н.В. Вершинине, а так же Т.Ф. Мариной – о Н.В. Вершинине и Е.М. Думеновой (ЦДНИ ТО. Ф. 5651).

Помимо воспоминаний, обнаруженных в архивах, известен ряд опубликованных изданий. Частино материалы упомянутой коллекции воспоминаний вошли в публикации «Томичи о времени и о себе» и «Томские женщины. ХХ век» [1].

Любопытны воспоминания, вошедшие в 3-й выпуск сборника документальных материалов «Моя малая родина» (Томск, 2005). Его составители собрали обширный материал об эвакогоспиталах Томска в годы Великой Отечественной войны. Там же опубликованы воспоминания врачей В.И. Астафьевой, М.Г. Сергиевой, бывшего первого секретаря Кировского райкома ВКП(б) П.В. Кашуткина, а так же бывшего пациента А.Л. Торопа [2]. Большинство этих воспоминаний были записаны еще в 1970–1980-е гг. и полные их варианты хранятся в ЦДНИ ТО (Ф. 4204).

Сохранились интересные воспоминания и письма члена Центрального комитета партии социалистов-революционеров Д.Д. Донского, который, находясь первой половине 1930-х гг. в ссылке в с. Парабель, оставил заметки о А.Г. Савиных, возглавлявшим в те годы хирургические отряды на Севере [3].

Воспоминания о профессорах и преподавателях ТМИ (В.П. Миролюбове, А.А. Опокине, А.М. Хлопкове, К.Н. Черепнине и др.) публиковались в разные годы на страницах многотиражной институтской газеты «За медицинские кадры» [4].

После окончания Великой Отечественной войны вышли воспоминания профессора-хирурга В.М. Мыши, начинавшего работать в Томском университете еще в дореволюционный период. Значительная часть его мемуаров посвящена профессиональной деятельности, в том числе и в советский период. Он, однако, почти совсем не касается вопроса об отношении профессоров и преподавателей к революции и советской власти. Воспоминания В.М. Мыши несут на себе и сильный отпечаток того времени, когда они писались [5].

В воспоминаниях профессора Томского медицинского института Л.Н. Березнеговской, выпускницы ТГУ, начавшей работать ТМИ в конце Великой Отечественной войны, имеется ряд сюжетов, касающихся жизни и деятельности профессоров и преподавателей в довоенный период [6].

Особого рассмотрения требует такой источник личного происхождения, как письма. В распоряжении исследователей есть публикации профессоров и преподавателей института 1930–1940-х гг. на страницах томской газеты «Красное знамя». Это письма в редакцию и статьи, имевшие нередко в своей основе личностный характер.

В них преподаватели выражали свое отношение к вопросам внутриинститутской жизни. Так, весной 1936 г. профессор И.Р. Ломакин высту-

пил в «Красном знамени» со статьей «Какой толк в таком “стабильном” расписании». Но чаще профессора и преподаватели института выступали в местной прессе со статьями научно-популярной и просветительской тематики. К таким можно отнести статьи С.А. Адамова «Не отдадим великих завоеваний Октября», Д.И. Гольдберга «Над чем работают ученые медицинского института», И.Н. Осипова «О воспитании будущего врача» и др. [7].

Кроме архивных и опубликованных источников, у современного исследователя есть возможность использовать материалы «устной истории». Речь идет о зафиксированных воспоминаниях участников событий. Устная история дает историку совершенно новую возможность создавать свидетельства. При этом историк в ходе интервью может воссоздать исторический контекст и создать атмосферу доверия, что и придает источникам «устной истории», те качества, которые немыслимы в архивных документах.

На сегодняшний момент имеются задокументированные воспоминания профессора СибГМУ В.С. Лавровой, сделанные в 2005 г. [8]. В.С. Лаврова (р. 1918 г.), окончив ТМИ в 1939 г., стала аспирантом кафедры патологической физиологии, с началом Великой Отечественной войны работала в одном из томских эвакогоспиталей, затем служила в действующей армии. В известном отношении путь Валентины Степановны типичен для своего времени, но материалы интервью с ней дают возможность уловить личное отношение современника к историческим событиям.

В целом, источники личного происхождения могут быть рассмотрены как важный информационный элемент всей массы источников, позволяющий осветить отдельные страницы истории Томского медицинского института 1930–1940-х гг., по-новому взглянуть на известные страницы прошлого.

Примечание

1. Томские женщины. ХХ век: Сборник документов и материалов / Отв. ред. Н.Д. Дмитриенко. Томск, 2003. 365 с.
2. Моя малая родина: Из истории Заистокта. Вып. 3. Солдатские судьбы: Сборник документов и материалов об эвакогоспиталах Томска. Томск, 2005. 236 с.
3. Дмитрий Дмитриевич Донской. Томск, 2000. 377 с.
4. За медицинские кадры. 1969. 25 июня; 1975. 18 июня; 1987. 11 декабря; 1989. 24 февраля и др.
5. Мыши В.М. Мой путь врача-специалиста. Новосибирск, 1945. 101 с.
6. Березнеговская Л.Н. Из моих воспоминаний. Томск, 2002.
7. Красное знамя. 1941. 6 июля; 1942. 8 января; 1942. 29 января; 1943. 20 марта; 1943. 14 июня; 1944. 12 июня; 1944. 23 сентября; 1945. 16 марта; 1945. 31 марта.
8. Музей истории ТГУ. Воспоминания В.С. Лавровой. Магнитная запись.

Л.В. Липунова

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ВУЗОВ КУЗБАССА

Преобразование системы высшего образования в соответствии с новыми историческими реалиями не может происходить в отрыве от предшествующей исторической практики и полученного опыта воспроизведения интеллектуальной мощи страны. Нормативно-правовая база становится отправной точкой в этом процессе, задает общие правовые контуры деятельности вузов, условия и ограничения их функционирования.

Ориентируясь на принцип иерархичности, являющийся одним из основополагающих в рамках системного подхода, представляется целесообразным выделить два уровня нормативно-правовых документов: первый уровень иерархии формируют документы, которые регламентировали становление высшего образования в стране в целом, второй – документы, которые касаются учреждения отдельных вузов, прежде всего в городе Новокузнецке и в городе Кемерово.

Обобщение имеющегося в наличии нормативно-правового материала, обеспечивавшего развитие высшего образования в СССР, дает возможность выделить по предмету регулирования следующие группы документов: документы, регламентировавшие организацию руководства высшими учебными заведениями; документы, регламентировавшие организацию работы самих высших учебных заведений; группа нормативно-правовых документов, регламентировавших прием в высшие учебные заведения и перевод; документы, определявшие организацию учебной работы в высших учебных заведениях СССР.

Во исполнение решений центральных органов власти на уровне Кузбасса принимались соответствующие нормативно-правовые документы, нацеленные на формирование и развитие высшего образования. Следует отметить, что законодательство Кузбасса в области высшего образования к настоящему времени практически не только не изучено, но даже не систематизировано, в то время как оно регулировало весьма широкий круг вопросов.

Высшее образование в Кузбассе первоначально возникло как инженерно-техническое. 30 июня 1930 г. ЦИК и Совет Народных Комиссаров СССР приняли решение о создании ряда отраслевых институтов на базе отдельных факультетов Томского технологического института, в том числе и Сибирского института черных металлов в городе Новосибирске,

который должен был находиться в ведении объединения «Сталь» Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) СССР. Осенью 1931 г. Сибирский институт черных металлов переехал в город Сталинск Западно-Сибирского края, а в 1933 г. решением правительства институт был переименован в Сибирский metallurgical institute (СМИ) [2. Л. 1].

Однако открытие СМИ ненадолго разрешило проблему подготовки квалифицированных кадров инженерно-технических работников (ИТР). К середине 1950-х гг. в связи с бурным развитием угольной промышленности Кузбасса вновь возникли трудности с нехваткой высококвалифицированных инженерных кадров. Распоряжением № 13718-р от 30 августа 1950 г. Совет Министров СССР принял решение о создании Кемеровского горного института [8. С. 9].

Несмотря на то, что приоритеты в формировании вузов Кузбасса были связаны прежде всего с решением задач промышленного развития, немалое значение придавалось социальной сфере. Для реализации перехода от всеобщего семилетнего к всеобщему восьмилетнему образованию нужны были кадры с высшим педагогическим образованием. В соответствии с распоряжением Совета народных комиссаров СССР № 9730-р от 3 мая 1944 г. и приказом Народного комиссара просвещения РСФСР № 346 от 8 мая 1944 г., Сталинский учительский институт был преобразован в Сталинский государственный педагогический институт [3. С. 5].

Следующей отраслью, призванной обеспечить развитие социальной сферы стало здравоохранение. Для обеспечения широкой сети больниц и поликлиник Кузбасса кадрами врачей в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР № 7586 от 2 ноября 1955 г. и Совета Министров РСФСР № 4037-р от 5 ноября 1955 г. в городе Кемерово был организован Медицинский институт [1. Л. 3].

Продолжением социальной политики стало развитие системы вузов для сферы искусства и культуры. 11 июля 1969 г. было принято постановление № 417 Совета Министров РСФСР об открытии Кемеровского государственного института культуры [4. С. 319]. При этом перед новым институтом ставилась задача подготовки кадров культурно-просветительных работников не только для Кузбасса, но и для Алтайского и Красноярского краев, Томской и Новосибирской областей.

В 1960–1970-е гг. сфера высшего образования в стране стала рассматриваться как важнейший элемент развития отдельных отраслей, поэтому в Кузбассе возникла необходимость открытия института пищевой промышленности. Важность института данного профиля сознавалась на государственном уровне. 6 января 1972 г. вышло постановление правитель-

ства СССР «Об организации Технологического института пищевой промышленности в городе Кемерово» [7. С. 68].

Завершающим этапом и своеобразным подведением итогов становления высшего образования в Кузбассе явилась организация университетского образования. Документами, регламентировавшими создание Кемеровского государственного университета, стали постановление Совета Министров СССР от 22 февраля 1973 г. [5. С. 107] и постановление правительства РСФСР от 2 марта 1973 г. [6. С. 143], согласно которым, Министерство просвещения РСФСР было обязано передать по состоянию на 1 января 1974 г. в установленном порядке Кемеровский педагогический институт в ведение Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР.

В целом, характеризуя становление высшего образования в Кузбассе (его нормативно-правовую базу), можно отметить, что оно проходило в соответствии со структурной политикой государства в сфере высшего образования. Местные органы, хотя и пытались добиваться решения насущных проблем, путем обращения в Министерства, не могли повлиять на сложившийся в верхних эшелонах власти отраслевой метод формирования высшей школы.

Примечания

1. Историческая справка Кемеровского государственного медицинского института за 1956–1957 гг. // ГАКО. Ф. Р.-1010. Оп. 1. Д. 355.
2. Историческая справка СМИ // НФ ГАКО. Ф. Р.-86. Оп. 1.
3. КузГПА. Страницы истории. Кемерово, 2002. 224 с.
4. Об организации государственного института культуры в городе Кемерово: Постановление правительства РСФСР // Собрание постановлений правительства РСФСР 1969 г. № 18.
5. Об организации Кемеровского государственного университета: Постановление правительства СССР // Собрание постановлений правительства СССР. 1973. № 6.
6. Об организации Кемеровского государственного университета: Постановление правительства РСФСР. 1973. № 9.
7. Об организации Технологического института пищевой промышленности Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР в городе Кемерово: Постановление Совета Министров РСФСР // Собрание постановлений правительства РСФСР. 1972. № 5.
8. Страницы истории Кузбасского государственного технического университета. Кемерово, 2000. 248 с.

В.И. Голиков

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ РЕЗЕРВОВ ДЛЯ ФРОНТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Одной из важнейших тем отечественной исторической науки более 60 лет является история Великой Отечественной войны. При наличии огромного комплекса работ по этой проблематике можно отметить неравномерную степень её разработки. В данной статье предпринимается попытка привлечь внимание научной общественности к некоторым аспектам использования архивных источников при разработке проблемы создания и использования стратегических резервов для фронта в Сибирском военном округе накануне и в начале войны.

К 1941 г. в СССР сложилась стройная система военной подготовки населения в целях создания военнообученных резервов для пополнения Вооружённых Сил. Позднее это сыграло важную роль при проведении воинской мобилизации в невиданных ранее масштабах. В литературе получила известное освещение тема создания воинских частей и соединений, особенно после объявления мобилизации в связи с нападением фашистской Германии на Советский Союз, и их включения в состав действующей Армии. Значительно слабее раскрыт процесс формирования и обучения на местах новых воинских соединений и частей, деятельность местных органов власти и управления, в том числе аппарата военных округов, в частности, Сибирского, Забайкальского, Дальневосточного [1].

К сожалению, до сих пор отсутствует собранная воедино полная и достоверная информация обо всех стрелковых бригадах и дивизиях, убывших на фронт из Сибири, их состоянии к концу войны, о военных училищах. Обращение к литературе и опубликованным источникам свидетельствует о настоятельной необходимости самой тщательной проверки степени достоверности данных, опубликованных в книгах и статьях, в том числе и тех материалов, которые уже включены в систему массовых представлений о периоде Великой Отечественной войны. Действительно, к примеру, даже монумент Славы сибиряков в центре г. Новосибирска и статья в газете «Советская Сибирь» под названием «Обелиск “Новосибирск-фронту”» [2] содержат около 20, на наш взгляд, существенных ошибок. Так, в их содержании не упомянута 91-я стрелковая дивизия,

сформированная в сентябре 1939 г. в г. Ачинске. Приняв участие в войне с Финляндией, она с 15 июля 1941 г. вошла в состав Действующей Армии и при выполнении боевой задачи погибла в районе Вязьмы-Смоленска, после чего была расформирована [3. С. 374]. А вот отмеченная в перечне 166-я стрелковая Краснознамённая дивизия прославляет ратный подвиг не сибиряков, а воинов-уральцев (которые этого, конечно, заслуживают), поскольку эта дивизия, уже второго формирования, была создана в январе 1942 года. Сибирская же 166-я стрелковая дивизия была сформирована в соответствии с директивой СибВО от 19 августа 1939 г. в г. Томске. Её во время боёв под Москвой постигла та же участь, что и 91-ю стрелковую дивизию. Так и не успев стать Краснознамённой, она была расформирована в декабре 1941 г. [4].

К сожалению, не указана 178-я стрелковая Кулагинская Краснознамённая дивизия, сформированная в г. Славгороде, Алтайского края в декабре 1939 года [5], а вот её почётное наименование присвоено другой, также сибирской, 175-й стрелковой дивизии второго формирования, созданной в г. Барабинске в январе 1942 г., но не дошедшей до дня Победы, так как её расформировали в июле 1942 г. [6. С. 10]. Аналогичная картина наблюдается и при освещении вопроса о запасных бригадах. Так, в книге «Они вернулись с победой», выпущенной в г. Томске в 2005 г., указано пребывание в г. Канске 25-й, а в г. Ачинске 27-й запасных стрелковых бригад, которые на самом деле находились соответственно в Ташкенте и Хабаровске [7. Л. 1–36].

Не очень повезло с точки зрения сохранения исторической памяти о них военно-пехотным училищам, решавшим важнейшую задачу подготовки офицерских кадров для воюющей армии. Порой приводится о них довольно-таки поверхностная информация. Например, часть исследователей сообщают о том, что в СибВО было во время войны 15 военно-пехотных училищ [8], другие приводят цифру 10 [9].

Думается, такое отношение к освещению тех или иных сторон истории Великой Отечественной войны, знание которой особенно важно для сохранения исторической памяти народа, объясняется несколько пренебрежительным отношением к скрупулёзному сбору и анализу исторических источников, их сопоставлению и проведению их научной экспертизы и критики. Это необходимо отметить потому, что в архивах хранятся миллионы документов, без использования которых невозможно сколько-нибудь правдиво раскрыть историю нашего государства [10].

Поскольку не все документы полно и правильно отображают ход событий, необходимы сопоставление разнообразных типов и видов источ-

ников, их проверка и максимально точная интерпретация. В этом отношении большую помощь оказывают в научной работе воспоминания фронтовиков, которые силами исследователей и архивистов должны быть превращены, пока есть время, в массовые источники.

Нужно решительно встать на позицию фактов, культивировать глубокое уважение к ним. В конечном счёте от этого зависит долговечность наших работ, их способность выдержать испытание временем.

Примечания

1. См.: В пламени и славе. Очерки истории Сибирского военного округа. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1969; Забайкальский военный округ. Краткий военно-исторический очерк. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972; Краснознамённый Дальневосточный. История Краснознамённого Дальневосточного военного округа. 3-е изд., исправленное и дополненное. М.: Воениздат, 1985.

2. Советская Сибирь (Новосибирск). 2005. 6 мая; Перечень объединений и соединений Советских Вооружённых Сил, входивших в состав действующей армии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Справочник. М.: Воениздат, 1993. С. 26–80; Директива Генерального штаба 1970 г. № Д-043. Перечень № 5 стрелковых, мотострелковых и моторизованных дивизий, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Министерство обороны, 1970. С. 9–207, 217.

3. Всё для фронта, всё для победы. Красноярская краевая партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Документы и материалы. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1973.

4. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 1405. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–42; Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 25893. Оп. 1. Д. 356. Л. 1–4; Молохов И.П. Боевой путь сибирских дивизий в Великой Отечественной войне. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. С. 140–143; Герасимов В., Осокин Е. Уходил на войну сибиряк... Томичи на фронтах Великой Отечественной. Томск: Томск. кн. изд-во, 1992. С. 11, 14, 19–24, 26–28.

5. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 362. Л. 1–5; ЦАМО РФ. Ф. 1426. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3; Таланов М.М. Кулагинская краснознамённая. Барнаул: Алтайское кн.изд-во, 1987. С. 3–126.6. ЦАМО РФ. Ф. 1422. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–4.

6. Они вернулись с победой. 1941–1945. Вспомним всех поимённо. Томск, 2005.

7. РГВА. Ф. 40442. Оп. 1-а. Д. 56.

8. Петров И. Сибирь стояла за Москвой // Омская правда. 1994. 24 янв.; Долгих В.И. Вклад Сибири в разгром немецко-фашистских войск под Москвой // Ваш подвиг будет жить в веках. М., 2002. С. 18.

9. Пусеп А.Ю. Вклад воспитанников военно-пехотных училищ Западной Сибири в разгром фашистской германии. Автореф дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1977. С. 6; Богуцкий А.В. Алтайские части и соединения в годы Великой отечественной войны. Барнаул, 2005. С. 10.

10. См., например, Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Российский государственный военный архив (РГВА), Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО, ведомственный), республиканские, краевые, областные государственные архивы.

Н.С. Головань

ПАСПОРТ ГОРОДА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ (1945–1950-е гг.)

Завершение Великой Отечественной войны позволило советскому правительству приступить к реализации жилищной программы. Вопросам участия государства в решении жилищной проблемы в послевоенные годы в отечественной историографии уделялось довольно много внимания. Однако одностороннее изучение этого вопроса, которое сводилось к исследованию роли коммунистической партии в улучшении «культурно-бытового обслуживания населения», «материального обеспечения рабочих», не позволяло исследователям обратиться к такому источнику как паспорт города.

Населенному пункту, получившему статус города, присваивался паспорт. Паспорт является письменным источником, в котором содержится статистический материал, позволяющий проанализировать многие аспекты жилищной политики. В паспортах городов периодически (в 1939 г. и 1950 г.), а с 1955 г. ежегодно, фиксировалась численность городского населения. Проследив динамику демографического роста или спада, можно сделать вывод, насколько остро стояла жилищная проблема в данном городе, поскольку обострение жилищного вопроса напрямую зависело от увеличения численности горожан.

Эффективность жилищной политики зависела от степени реализации ее основного направления – жилищного строительства. В паспортах городов регистрировались показатели ввода жилой площади, которые дают возможность сравнить долю государственного и индивидуального жилищного строительства. Кроме того, статистический материал, содержащийся в паспортах городов, позволяет определить вклад в жилищное строительство местных советов, министерств и ведомств, чьи промышленные предприятия, организации и заведения размещались на территории города, как по количеству введенной жилой площади, так и по объемам капиталовложений в жилищное строительство.

Значимость паспорта города, как источника в исследовании жилищной политики в период 1945–1950-е гг., состоит еще и в том, что в нем содержится информация о степени благоустройства городского жилого фонда. Таблицы «Благоустройство обобществленного фонда», заполняв-

шиеся в 1945, 1948, 1950, 1953, 1956, 1950 гг., позволяют увидеть динамику жилищно-бытовых условий горожан. Наряду с этим данные паспортов позволяют реконструировать характер жилищной застройки городов, так как в этом источнике содержатся данные об «этажности и материале стен» жилого фонда.

Достаточно репрезентативные выводы можно сделать о результатах и последствиях реализации государственной жилищной программы, поскольку паспорта городов содержат данные о численности горожан – владельцев домашнего скота. Высокая доля населения, занятая домашним хозяйством, позволяет, например, сделать вывод о том, что жилищная политика, которая поощряла индивидуальное жилищное строительство, в какой-то мере законсервировала деревенский образ жизни в городах.

Несмотря на то, что паспорт города – это официальный статистический документ, в котором возможны количественные погрешности, тем не менее содержащаяся в нем информация позволяет выявить общие тенденции развития жилищной политики в 1945–1950-е гг.

А.С. Ульянов

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИКАЗОВ ПО ТОМСКОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ УНИВЕРСИТЕТУ ЗА ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Приказы по учреждениям являются весьма интересным историческим источником, который, к сожалению, пока нечасто привлекается исследователями. Приказы представляют собой систему делопроизводственной документации, которая, несмотря на сухость формулировок, на специфический язык несет в себе много информации. Этот вид источников позволяет, например, нарисовать картину жизни Томского университета в годы Великой Отечественной войны. Главное, что привлекает в данном виде источников, это то, что в них содержится информация, которая имеет точность по времени и своему внутреннему содержанию.

Следует сказать, что в связи с тем, что положение в стране было в период войны не легким, приказы напечатаны на бумаге плохого качества, некоторые очень плохо пропечатаны на обрывках листов или на документах дореволюционного периода.

Приказы подразделяются на приказы по профессорско-преподавательскому составу, студентам, рабочим и служащим и общегосударственные.

По приказам мы можем проследить движение личного состава: мобилизация, демобилизация, прием и увольнение эвакуированных преподавателей, научные командировки, набор студентов, перевод с курса на курс, отчисление, прохождение производственной практики, окончание вуза и т.п.

Особенно этот процесс ярко виден в начальный период войны. На фронт уходили не только преподаватели, но и студенты, аспиранты, ассистенты кафедр, а также рабочие и служащие. Только первыми приказами ректора доцента Я.Д. Горлачева от 23 июня в связи с мобилизацией в РККА было отчислено 77 преподавателей и студентов. В числе тех, кто отправился на фронт в первые дни войны, были доценты С.М. Петров, А.А. Сивков, ассистенты Ю.В. Чистяков, П.Н. Коханенко, И.В. Новик, С.Г. Маковский, А.И. Портнягин, Н.С. Тяпкин. Из преподавателей первыми добровольцами были профессор В.Н. Кессених, доценты А.Б. Са-

пожников, В.В. Поттосин, В.П. Поддубный, Н.М. Скробов и многие другие. Целые курсы выражали желание добровольно ехать на фронт [1. С. 8].

Начиная с 1942 г. в приказах встречается формулировка «восстановлен как прибывший из РККА». Изучая приказы, можно выявить фамилии преподавателей, которые уходили на фронт, когда они возвращались и т.д.

Через приказы прослеживается и формирование морального духа. Это подтверждается тем, что студенты и научные работники участвовали в проведении уборочных кампаний, строительстве различных промышленных предприятий, путем организации многочисленных субботников и воскресников, значительная группа студентов работала на оборонных предприятиях. Производилась мобилизация всех сил для обеспечения победы.

В приказах отражена и повседневная жизнь университета, учебная работа. В приказах отражены такие события, как передача в ведение эвакуированных предприятий и госпиталей и возвращение учебных корпусов, условия, в которых проходили занятия и т.д. По плану мобилизации университет должен был освободить общежития № 1 и № 4, а студенты должны были переселиться на частные квартиры по ордерам [2. Л. 150]. Несмотря на наличие неблагоприятных условий для работы в связи с изъятием у университета основных учебных помещений, учебный процесс происходил организованно. Правда, были и сложности. Так, например, были проблемы с поставкой электроэнергии в корпуса. И встречаются приказы ректора, связанные с пересмотром расписания и времени проведения занятий. В приказе № 36 за 1943 г. говорится о том, что занятия с 17 декабря 1943 г. следовало начинать с 9 ч. 30 мин. утра, изменить расписания звонков, административно-управленческому аппарату и стройсектору установить рабочий день с 9 час. до 5 ч. 30 м. с 30 мин. перерывом на обед [3. Л. 2]. Были отменены очередные и дополнительные отпуска всем научным работникам, лаборантам, препараторам, рабочим и служащим ТГУ, научно-исследовательских институтов ТГУ, Ботсада и Научной библиотеки, за исключением лиц, нуждающихся в отпуске по болезни; были вызваны все сотрудники ТГУ [2. Л. 138]. Здание БИНа было передано горздраву [4. Л. 121]. Главный корпус был освобожден под оборонный завод № 355. В приказе № 360-с по ТГУ от 17 октября 1941 г., в частности, говорилось: «§ 8. Работу по освобождению университета проводить ежедневно, включая в выходные дни, с 8 час. Утра до 11 час. вечера, с перерывом на обед с 1 часа до 3 часов дня» [5. Л. 122–123].

Но уже с 1943 г. начинается возвращение университету его корпусов. Так, в 1943 г. был возвращен учебный корпус по ул. Никитина, 17

[6. Л. 254], общежитие по ул. Никитина, 4, а летом 1943 г. был освобожден главный корпус, но в плохом состоянии.

Приказы отразили и преподавательскую деятельность. Преподавание ряда дисциплин увязывалось с событиями Великой Отечественной войны. В условиях военного времени были пересмотрены учебные планы и программы. Вводился ряд дисциплин, которые были обусловлены требованиями военного времени. Преподаватели читали научно-популярные лекции на политические, исторические и военно-оборонные темы [7. Л. 510–513]. В период войны особое внимание уделялось военной подготовке.

Университет провел значительную перестройку своей научно-исследовательской работы. Темы приобрели актуальный для того времени характер. Многие выполняемые работы имели большое значение и применение в отраслях промышленности, медицины и т.д. Профессор В.Д. Кузнецов, проводивший исследования в области физики твердого тела, предложил оригинальный метод пробивания брони, сверхскоростное резание металлов. Доцент А.Б. Сапожников разработал шуп для поиска металлических осколков в теле. Профессора В.А. Хахлов, А.Я. Булынников и И.К. Баженов занимались изучением природных богатств Западной Сибири. Л.П. Сергиевская, В.В. Ревердатто занимались поиском источников лекарственного растительного сырья в Сибири.

В годы войны университет поддерживал тесные контакты почти с 40 промышленными предприятиями. Научно-исследовательская работа велась на протяжении всего периода войны. Ученые Томского университета сделали много открытых, которые так необходимы были на фронте.

Следовательно, информационный потенциал приказов позволяет представить картину жизни университета в это нелегкое для всей страны время. Приказы носили директивный характер и отражали все стороны работы университета. Именно поэтому они вместе с другими видами источников (архивные документы, воспоминания, периодическая печать и т.д.) дают возможность воссоздать полную картину жизни университета в годы войны.

Примечания

1. С верой в Победу!: Томский университет в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов и воспоминаний. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 232 с.
2. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 17. Д. 274.
3. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 4.
4. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 17. Д. 272.
5. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 17. Д. 275.
6. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 2.
7. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 1.

Ю.А. Русина

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «САМИЗДАТ»

Не вызывает сомнений тот факт, что успех исторических научных изысканий в первую очередь связан с качеством разработки, упорядочения и анализа источниковой базы. Особенно это важно в тех условиях, когда исторический сюжет определяется как малоисследованный.

История инакомыслия в СССР 1960–1980-х гг. – тема многогранная и сложная. Без научной разработки ряда понятий и терминов, а также теоретических проблем диссидентского движения невозможно научно обоснованное историческое и источниковедческое построение и осмысление проблемы. Интересно, что в решении этих вопросов правозащитники идут впереди профессиональных историков, а последние нередко заимствуют их выводы, обогащая ими свои академические исследования.

Так, в публицистике конца 1980-х гг. и более позднего периода выделяются работы двух участников правозащитного движения – Л.И. Богораз и С.А. Ковалева [1, 2, 3, 6]. В их интервью и авторских статьях анализируется суть диссидентского движения, раскрывается содержание понятий «диссидент», «инакомыслиций», «правозащитник», «политзаключенный», «самиздат»; рассматриваются формы правозащитной активности и социальный состав движения, его периодизацию, цели и т.д.

Традиционно под самиздатом принято понимать, прежде всего, литературные произведения, запрещенные к публикации официальной цензурой. Однако в форме самиздата появлялись не только стихи и художественная проза. Видовой состав коллекции документов, хранящейся в Архиве «Открытое общество» в Будапеште (Open Society Archives, Budapest, Hungary) и насчитывающей около 7 тыс. документов за 1968–1991 гг., чрезвычайно разнообразен. Это открытые письма и заявления протesta, материалы политических процессов, списки политзаключенных, очерки и философские эссе, дневники и записки политзаключенных, журнальная и газетная периодика и т.д.

Не подцензурная литература существует столько же, сколько и сама цензура. Хотя автором термина часто называют московского поэта Николая Глазкова, чьи стихи и прозаические миниатюры абсурдистского толка распространялись в 1950-е гг. в машинописных сборниках, подписанных «самсебяздат».

Содержание понятия «самиздат» сегодня трактуется по-разному. Владимир Буковский, например, в своих воспоминаниях определяет этот термин лаконично и очень образно: «Сам сочиняю, сам цензурирую, сам издаю, сам распространяю и отсиживаю за это» [4. С. 126.].

Интересна точка зрения Александра Даниэля [5], который под словом «самиздат» подразумевает не сам текст, а, скорее, способ его бытования. В связи с этим, по его мнению, не все тексты, не прошедшие цензуру, могут называться самиздатом.

По его определению, «самиздат – это специфический способ бытования общественно значимых не подцензурных текстов, состоящий в том, что их тиражирование происходит вне авторского контроля, в процессе их распространения в читательской среде» [4. С. 96].

Кроме того, самиздат являлся механизмом реализации свободы слова и стремления «...быть свободным человеком в несвободном обществе», а также основным инструментом инакомыслия.

Самиздат, действительно, если говорить об инакомыслии в СССР и диссидентском движении, в частности, начинался с распространения в списках стихов и художественной прозы. Одно и то же произведение могло последовательно пройти путь от самиздатской литературы к официальной («По ком звенит колокол» Э. Хэмингуэя) и наоборот (рассказы А. Солженицына). Позже в такой форме начали «ходить» мемуарные произведения, работы философов начала XX в. и другие. Во второй половине 1960-х гг. в самиздате выделяется еще одно направление – диссидентские тексты с правозащитной тематикой.

Одними из первых документов, получивших широкое нелегальное «хождение», стали стенограмма обсуждения Л. Пастернака на общем собрании московских писателей в 1958 г. и запись процесса над И. Бродским в 1964 г. Распространению диссидентских текстов способствовало включение их в самиздатские тематические сборники или периодические издания оппозиционного толка. Так, пионерами этих жанров были: «Белая книга по делу Синявского-Даниэля» (1966), изданная А. Гинзбургом, «Хроника текущих событий» и другие.

Не всякий документ диссидентского движения есть факт самиздата, считает А. Даниэль, так как многие письма протesta не имели достаточного тиражирования, но всякий текст самиздата, в том числе, относящийся к традиционному его толкованию, есть факт диссидентства. И любой оппозиционный документ имеет самостоятельную научную ценность, не зависимо от широты его известности в оппозиционной среде.

Примечания

1. Без баррикад (Беседа с Л. Богораз и С. Ковалевым) // Век XX и мир. 1988. № 9.
2. Богораз Л., Даниэль А. В поисках несуществующей науки (Диссидентство как историческая проблема) // Проблемы Восточной Европы. 1993. № 37–38.
3. Богораз Л. Мы только начинаем этот путь // Московские новости. 1991. 8 дек.
4. Буковский В. И возвращается ветер. Нью-Йорк, 1978.
5. Даниэль А. История самиздата // Госбезопасность и литература на опыте России и Германии. М., 1994.
6. Лариса Богораз – правозащитник (политический портрет) // Общественные науки и современность. 1991. № 3.

Д.В. Хаминов

**ДОКУМЕНТЫ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО (ИСТОРИЧЕСКОГО)
ФАКУЛЬТЕТА ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Документация партийных организаций как вузов в целом, так и отдельных факультетов, содержит обширнейшую источникющую базу для изучения истории становления и развития науки и высшего образования в советский период. В партийной документации нашли отражение события, которые не были зафиксированы в других видах исторических источников как, например, в периодической печати. Это касается преподавательской и научной деятельности не только тех преподавателей и научных работников, которые состояли в КПСС, но и беспартийных. Протоколы заседаний партийных бюро факультетов и вузовских парткомов содержат информацию о тех проблемах, с которыми сталкивались вузовские коллективы, о поиске путей их решения. В силу своего положения в обществе партийные организации занимались также работой со студентами, организацией обучения быта, досуга и т.п. Нередко партийные организации активно вмешивались и в личную жизнь студентов, преподавателей, научных сотрудников и учебно-вспомогательного персонала, занимаясь разборкой так называемых персональных дел. В центре внимания партийных организаций была и общественная активность членов вузовского коллектива. Следует иметь в виду, что этим не ограничивается источниковый потенциал партийных документов.

Попытаемся продемонстрировать информационные возможности партийных документов на примере первичной партийной организации исторического (историко-филологического) факультета Томского государственного университета. Она была создана одновременно с восстановлением факультета в 1940 г. Вначале в первичной ячейке коммунистов было немного. На 10 мая 1941 г. на учете в ней стояло всего 6 человек, причем трое были студентами. В числе первых студентов исторического факультета было несколько уже взрослых и состоявшихся в своей профессиональной деятельности людей – директора школ, некоторых томских и областных организаций и работников партийного и комсомольского аппарата. Все они нуждались в получении высшего образования, и с открыти-

ем исторического факультета они поступили на него для обучения [2. Л. 1]. С началом Великой Отечественной войны, когда в Томск были эвакуированы студенты, преподаватели и научные сотрудники из вузов, расположенных в Европейской части страны, факультет, а он к тому времени стал историко-филологическим, и его партийная организация пополнились новыми членами. Когда исторический факультет вновь стал самостоятельным (1974 г.), численность партийной организации выросла с 5 в 1941 г., до 56 членов и 4 кандидатов в члены КПСС в 1974 г. [4. Л. 1], причем в 1974 г., историко-филологический факультет разделился на два – исторический и филологический (на котором тоже была довольно многочисленная партийная организация).

В делопроизводстве партийной организации историко-филологического факультета был довольно большой документооборот, состоявший в основной своей массе из протоколов заседаний партгруппы факультета, а затем партбюро, партячеек кафедр, партийных собраний и т.д. В партийной документации содержатся сведения по личному составу, включая характеристики на членов и кандидатов в члены ВКП(б)–КПСС, об учебно-воспитательном процессе, научной деятельности и общественной работе.

В данном сообщении попытаемся остановиться на одном сюжете, характеризующем информационные возможности партийных документов.

После XX съезда партии, прошедшего в феврале 1956 г., и секретного доклада на нем первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева о развенчании культа личности Сталина по всей стране прокатилась волна собраний и диспутов, на которых обсуждались основные пути дальнейшего развития жизни в партии, комсомоле, советском обществе в целом. Особую актуальность эти диспуты имели в вузах страны, где училась будущая советская интеллигенция, и работали преподаватели, как в то время говорили, бойцы идеологического фронта. Не остался в стороне от диспутов и Томский университет. В конце 1956 г. в университете прошел диспут по вопросу о демократизации комсомольской жизни. Он состоялся в зале областного лектория (ныне органный зал областной филармонии) [6].

В диспуте активное участие приняли студенты разных факультетов, некоторые преподаватели, в основном молодые. Студент геолого-географического факультета Г. Швейник, заместитель председателя спортивного клуба в своем выступлении говорил о формализме, за организованности в комсомоле. Среди выступавших был и выпускник историко-филологического факультета Н.С. Черкасов, заместитель секретаря комитета ВЛКСМ Томского университета, кандидат в члены КПСС, ассистент ка-

федры диалектического и исторического материализма [1. Л. 7]. Этот молодой человек сделал неплохую по тем временам карьеру в комсомольской организации, был довольно перспективным в своей научной и преподавательской деятельности. Но все в его жизни изменило одно обстоятельство.

Он поддержал высказывание Швейникона на диспуте о необходимости большего развития самодеятельности комсомола, о том, чтобы студенты помогали строительству в городе, указывал на то, что многие студенты лишь формально числятся в ВЛКСМ, о необходимости пересмотра приема в комсомол в школе и т.д. [3. Л. 5]. Все эти вещи были совершенно правильными и своевременными. Черкасов, поддержавший замечания Швейникона, уже после, на партийном комитете по поводу диспута, на котором рассматривалось его персональное дело, говорил, что он согласился не со всеми тезисами докладчика, а лишь с теми, которые являлись, по его мнению, идеологически верными. Но один из членов парткома заявил, что «даже в речах Черчилля и Даллеса есть положительные высказывания по отношению к СССР» [3. Л. 7].

Член парткома, зав. кафедрой русской литературы, доцент Н.Ф. Бабушкин назвал этот диспут «антисоветчиной, махровым сборищем всего антисоветского, где партия была оклеветана, а Хрущев был поставлен в один ряд с Эйзенхауэром» [3. Л. 10]. 9 января 1957 г. было принято решение Томского обкома КПСС «О политико-воспитательной работе среди студентов ТГУ». В отношении некоторых участников диспута были приняты не только партийные, но и административные меры. Н.С. Черкасов был исключен из кандидатов в члены КПСС и уволен с работы [1. Л. 7]. После этого он вынужден был несколько лет проработать на ТЭМЗе. Будущий академик РАН А.Э. Конторович, в то время ассистент кафедры экспериментальной физики, также был исключен из кандидатов в члены КПСС и уволен «в связи с непригодностью к педработе в вузе», как говорилось в приказе ректора.

Что касается историко-филологического факультета, то события, развернувшиеся вокруг диспута, не оставили его в стороне. В комнатах общежития, где проживали студенты факультета, обсуждались выступления на диспуте. Тема, затронутая на диспуте, нашла продолжение и на факультетском комсомольском собрании. Многие сочувствовали Н.С. Черкасову и даже собрали деньги на подарок, когда его уволили с работы. 17 января 1957 г. состоялось закрытое партийное собрание парт-организации ИФФ, на котором присутствовало 49 членов и кандидатов в члены КПСС. Доклад о решении обкома КПСС сделала секретарь парт-

кома ТГУ Л.С. Фирюлина. В ЦДНИ ТО сохранилась лишь протокольная запись выступлений коммунистов. Все выступавшие поддержали решение обкома партии. В постановлении собрания было записано, что «партийное бюро факультета допустило серьезную ошибку, разрешив проведение диспута, не осуществив должного контроля за его подготовкой и проведением». Было подчеркнуто, что секретарь партбюро М.Е. Плотникова «допустила политическую близорукость, санкционировав демагогические выступления студента Ткаченко на комсомольском собрании».

Далее в постановлении партсобрания указывалось на то, что «серьезные ошибки в своем поведении во время диспутов и после них проявили ряд коммунистов нашей парторганизации (Налобина, Киселев, Могильницкий, Моисеенко и другие), а Черкасов оказал откровенную поддержку вредным демагогическим выступлениям...»

Ценность подобного рода информации, содержащейся в партийной документации, состоит в том, что она дает возможность представить более полно картину жизни факультета в условиях так называемой «хрущевской оттепели», показать ее ограниченность, когда коверкались судьбы людей, пытавшихся выйти за рамки дозволенного официальной коммунистической идеологией.

Таким образом, на примере протокольных записей заседаний партийной организации историко-филологического факультета Томского университета можно проследить историю факультета. И не только историю, но и судьбы студентов и преподавателей факультета.

Примечания

1. ГАТО ТО. Ф. Р-815. Оп. 29. Д. 735.
2. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 4. Д. 20.
3. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 9. Д. 72.
4. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 10. Д. 404.
5. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 10. Д. 568. Л. 4.
6. 1956: год не состоявшихся надежд: круглый стол в редакции «За советскую науку» // За советскую науку. 1989. 12 мая.

Ю.А. Иванова

**РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОЦЕССА РЕФОРМИРОВАНИЯ
ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРВЬЮ
(конец 1980-х – 1990-е гг.)**

История развития образования в России является одной из интересных и в то же время спорных проблем отечественной истории, требующих постоянного изучения и пересмотра интерпретаций. Особенно сложным представляется исследование развития образования в последние десятилетия, когда оно подверглось серьезной трансформации. Сложность обусловливается тем, что многие произошедшие процессы до сих пор продолжаются, вызывая неоднозначность оценки, а также многоаспектностью и разнонаправленностью реформирования школы.

Традиционными источниками для изучения хода школьной реформы выступают архивные и газетные материалы: протоколы собраний первичных партийных организаций образовательных структур; доклады к ним; протоколы коллегий органов управления образования; отчеты образовательных учреждений и органов управления всех уровней; протоколы заседаний экспертных комиссий по экспериментальной деятельности; заметки в региональной и центральной прессе о новых типах образовательных учреждений; статьи, посвященные направлениям реформы школы, содержащие их оценки; материалы интервью с видными деятелями образования, опубликованные в прессе; заметки в стенных и многотиражных школьных газетах и пр. Однако при изучении хода реформы школы в Томской области по данным источникам обнаружились некоторые затруднения: вышеперечисленные документы не в полном объеме содержатся в материалах томских архивов, часть из них была утеряна, часть документов носит фрагментарный характер, содержит недоработки и ошибки в оформлении, не позволяющие адекватно реконструировать то или иное событие. В силу того, что представленные источники в основном официальные, они не несут на себе эмоционального отпечатка, плохо отражают настроения педагогической общественности, ее отношение к тем или иным изменениям в школе.

В связи с этим в исследовании хода реформы школы значительно возрастает роль такого источника, как материалы интервью с непосредственными участниками событий. Учитывая всю широту процесса рефор-

мирования школы во второй половине 1980-х – 1990-х гг. (реализация реформы 1984 г., развитие общественно-педагогического движения в Томской области в конце 1980-х гг., возникновение системы альтернативного школьного образования, вхождение школы в рыночную экономику, переход к аттестации педагогических кадров, стандартизация содержания образования и др.), следует отметить, что объектов интервьюирования может быть множество.

Условно их можно разделить на несколько групп по ряду критериев. Прежде всего, выделяется несколько категорий экспертов по принципу функциональной специализации. Внимание уделяется персонам, причастным преимущественно к реализации конкретных направлений реформы (комсомольские организаторы и профориентаторы, осуществлявшие профессионализацию школы с 1984 г., педагоги-новаторы Томской области, разработчики авторских моделей школ, члены аттестационных комиссий и экспертно-методических советов, сотрудники профсоюзной организации педагогов и активные участники забастовочного движения учителей середины 1990-х гг. и т.д.).

Вместе с тем для выяснения эффективности реализации всех обозначенных направлений, их новаторского потенциала и отношения к ним в обществе необходимо опросить представителей всех категорий субъектов образовательного процесса: – учащихся старших классов второй половины 1980-х – 1990-х гг. (сегодня выпускники школ); родителей, чьи дети учились в школах в данный период времени; рядовых учителей массовой и альтернативной школы. Наконец, третий принцип группировки респондентов – принцип иерархии в системе управления образованием. Здесь мы выделяем заместителей директора школы и директоров школ, сотрудников методических служб и Института усовершенствования учителей, глав районных органов управления образования, руководителей городского и областного отделов народного образования.

Особенностью контингента интервьюированных является принадлежность одной персоны сразу к нескольким интересующим категориям. Например, Людмила Николаевна Смолякова работала учителем в школе в 1982–1984 и в 1994 гг., стала включенным наблюдателем создания новых моделей школ в начале 1990-х гг., одновременно являясь родителем учащегося альтернативной школы; Наталья Ильинична Усанова во второй половине 1980-х гг. работала учителем в СШ № 15, 44, а также являлась методистом по воспитательной работе городского отдела образования, с 1990 г. работает в гимназии № 1 сначала школьным психологом, затем и заместителем директора по научно-методической работе. Выбор экспер-

тов осуществляется не только исходя из значимости и личного вклада эксперта в реализацию какого-либо направления реформирования (например, Г.Н. Прозументова, стоявшая у истоков создания новых моделей школ и выступившая автором модели школы № 49; Р.К. Ларичев, руководивший городским отделом народного образования в интересующий период), но и из необходимости восполнить те или иные информационные пробелы, возникшие по причине недостатка источников.

Специфика профессиональных, должностных, статусных позиций, а также личностных характеристик интервьюированных заставляет отказаться от формализованного интервью со стандартным набором вопросов. Для каждой персоны составляется индивидуальный перечень вопросов в зависимости от рода деятельности в обозначенный период; лишь незначительная часть вопросов дублируется в каждом интервью.

Как правило, беседа с экспертом начинается с вопросов о состоянии советского школьного образования в 1980-х гг., его восприятии и оценке в обществе. Особый акцент ставится на реализации школьной реформы общеобразовательной и профессиональной школы 1984 г., ее отражении в сознании педагогической общественности и эффективности, а также на восприятии Педагогики сотрудничества и опыта педагогов-новаторов, получившего в то время широкое распространение. Важным вопросом является причастность эксперта к общественно-педагогическому движению в Томской области, его наблюдения и воспоминания о первых педагогических экспериментах и попытках трансформации массовой школы изнутри.

Вторым блоком вопросов выступают проблемы реализации кардинальной реформы образования, начавшейся с 1990-х гг., в рамках которого выясняются отношение и причастность эксперта к созданию альтернативных моделей обучения учащихся, опытно-экспериментальной работе в школе, процессам демократизации и гуманизации школы, регионализации и стандартизации образования. Особо обсуждаются вопросы, связанные с выживанием школы в условиях рынка, в частности с отражением экономической ситуации на материальном и социальном положении учительства и с его реакцией на эти перемены.

Все интервью полностью записываются на магнитный носитель, сопровождаясь рукописными комментариями, а затем расшифровываются, превращаясь в электронный документ. Электронная форма расшифровки позволяет довольно быстро и просто использовать цитаты из беседы в литературно обработанном варианте.

Следует отметить, что данные документы имеют большое значение для реконструкции процесса реформирования школьного образования в

Томской области, не смотря на свой субъективный характер. Во-первых, во время интервью беседа велась с непосредственными участниками изучаемых событий, которые пережили, «пропустили» это время через себя. Во-вторых, материалы интервью позволяют получить реальные оценки тех или иных процессов экспертами, что не всегда можно увидеть в официальных документах. Более того, оценки процессов даются дифференцированно в зависимости от времени их осмыслиения (отношение в период протекания процесса и его оценка с высоты времени чаще различны). В-третьих, материалы интервью позволяют проследить эмоциональное отношение эксперта к тому или иному сюжету реформы, что является бесценным для определения его истинного значения, того следа, который был им оставлен в истории школы. Практически ни один официальный бумажный источник этим потенциалом не обладает.

Таким образом, материалы экспертного интервью с участниками процесса реформирования школьного образования второй половины 1980-х – 1990-х гг. выступают наиважнейшим звеном в его реконструкции.

В.П. Андреев

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СТАТИСТИКА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Демография в России традиционно развивалась в рамках статистической дисциплины и опиралась на соответствующие методы исследования, базировалась на статистической основе. Правда, до конца XIX в. данные о демографическом развитии страны были скучны и отрывочны, часто несопоставимы. Только Всероссийская перепись 1897 г. предоставила достаточно полную информацию о половозрастном и брачно-семейном составе населения страны. Перепись убедительно продемонстрировала богатейшие возможности данного источника социально-демографической информации. После Октябрьской революции традиция их проведения была продолжена – переписи 1926, 1959, 1970 и 1989 гг. (перепись 1937 г. – особый разговор).

К числу основных характеристик состава населения, значимых с точки зрения динамики социальных процессов, относятся такие: образование, квалификация, профессия, занятие, а также источники средств существования, отношение к собственности, экономической нагрузке в семье и др. Для оценки динамики социальных процессов необходимы группировки населения по территориальной принадлежности – город, село, а также демографические характеристики – пол, возраст, брачность, состав семьи.

Основным источником данных о составе населения являются переписи 1989 и 1999 годов. Помимо переписей в России введен новый вид учета – микропереписи – выборочные социально-демографические обследования населения. Первая такая микроперепись была проведена в 1985 г., вторая – в феврале 1994 г. Программа социально-демографического обследования 1994 г. содержала следующие вопросы: пол, дата рождения, национальность (этническая принадлежность), образование, источник средств существования, основное место работы, сумма доходов за январь 1994 г., включая дополнительные заработки и другие. Как видим, программа микропереписи, мягко говоря, небезупречна – мало, кто признается о своих дополнительных заработках и поступлениях средств.

Тем не менее, материалы переписей и микропереписей дают богатейший статистический материал по стране в целом, по отдельным регионам о социально-демографическом составе населения.

Кроме того, по мере необходимости проводятся единовременные обследования. Полученные сведения дают достаточно полную информацию о ходе социально-демографических процессов. Некоторые характеристики состава населения может предоставить статистическая отчетность соответствующих региональных и федеральных органов статистики. Совокупность всей этой статистической информации позволяет дать достаточно полную картину о развитии человеческого потенциала в России 1990-х гг. В конце концов, главное богатство любой общественной системы – именно человеческий потенциал, который в конечном счете и определяет могущество страны. Это положение никем в современной России не оспаривается, но фактически игнорируется в социальной политике «либеральных реформ».

Отчасти это связано с исключительно стойкой исторической традицией недооценки человеческой жизни в России, однако в гораздо большей степени это связано с повседневной практикой осуществления либеральных преобразований в нынешних условиях. Именно реформы спровоцировали острейший демографический кризис в стране. С 1992 г. наблюдается депопуляция – отрицательный естественный прирост населения в масштабах страны. Феномен депопуляции обнаружился именно в 1992 г. (пересечение тенденций смертности и рождаемости) и продолжается до сих пор.

Уровень естественной убыли населения в 1992 г. составил 1,5% и достиг в 2002 г. 6,5%. В Европе имеется 14 стран с естественной убылью населения, включая 11 бывших союзных республик СССР. Сравним. Естественная убыль населения в Германии – 0,8%, Италии, Швеции по 0,3%. За 1992–2002 гг. естественная убыль населения России составила 8708,8 тыс. Частично эти потери были компенсированы положительным сальдо миграции. Тем не менее, население России за указанные годы сократилось по данным официальной статистики с 147662 тыс. в 1990 г. до 143954 тыс. в 2000 г., т.е. на 3 млн человек.

В зависимости от идеинных позиций и политических пристрастий учёные и политики дают происходящему диаметрально противоположные объяснения. Одни склонны связывать происходящие процессы с действием универсальных закономерностей демографического развития, другие возлагают ответственность за депопуляцию исключительно на реформаторов. Конечно, имеет место действие тенденции общемирового характера, но нельзя игнорировать кризисогенную роль социально-экономических факторов, связанных с радикальными реформами 1990-х гг., что привело к обвальному падению жизненного уровня, утверждению атмосферы страха и не уверенности в завтрашнем дне.

Постсоветский демографический кризис, несомненно, детерминирован остротой трансформационных процессов, которые осуществляются без надлежащих социальных амортизаторов. Абсолютное сокращение численности населения России обусловлено существенным сокращением рождаемости, ростом смертности, постоянным сокращением миграции из стран ближнего Зарубежья.

Динамика демографических процессов постсоветского времени характеризуется заметным падением рождаемости. Так, показатель числа родившихся на 1000 человек в 1990 г. составлял 13,4 чел, а в 2000 г. – 9,1 чел. Социологи и демографы выделяют следующие причины падения рождаемости: уменьшение численности женщин репродуктивного возраста (в детородный возраст вступили «дети детей войны»); реакция на существенное ухудшение условий жизни. Относительная стабилизация в стране в начале нового столетия, некоторое ослабление перманентного страха и напряжения первых лет реформ, определенная адаптация населения к новым социально-экономическим условиям несколько изменила репродуктивные установки. Статистика начала века отметила некоторый рост рождаемости. Отчасти это связано со вступлением в детородный возраст молодых женщин большей численности (1980–1985 гг. рождения).

Исключительно быстро росла смертность населения, пик которой пришелся на середину 1990-х гг. Коэффициент общей смертности в 1994 г. превысил 15,7%, уровня, не наблюдавшегося со временем Великой Отечественной войны. Затем произошло некоторое снижение значений этого показателя, но с 1998 г. смертность вновь выросла, достигнув в 2000 г. 16,3%.

Данные статистики свидетельствуют об особом влиянии именно социально-экономических факторов на рост смертности. В частности, рост смертности по причине злокачественных образований мало чем отличается от индустрально-развитых стран. Зато резко растет кривая смертности от сердечно-сосудистых, желудочно-кишечных заболеваний, туберкулеза, СПИДа, а также несчастных случаев, травм и отравлений. Так, в 1994 г. 62 тыс. человек покончили жизнь самоубийством, 55 тыс. – умерли в результате алкогольных отравлений, 42 тыс. – от всех видов транспортных травм, 48 тыс. человек были убиты. Исключительно высокой является младенческая смертность.

Среди других печальных демографических особенностей постсоветской России отметим сверхсмертность мужчин трудоспособного возраста. Они и в советское время не отличались долголетием, а теперь абсолютное большинство мужчин не доживает до пенсионного возраста.

Средняя продолжительность жизни мужчин в 1990 г. составляла 64 года. Через 10 лет – 58–59 лет, продолжительность жизни женщин за этот период уменьшилась с 74 лет до 71 года. В мирное время такое снижение наблюдается лишь при массовом голоде или катастрофических эпидемиях. По показателям продолжительности жизни нас обошли египтяне, индонезийцы, парагвайцы.

Любые «розовенькие» оценки результатов реформ могут быть развеяны демографической статистикой. Статистические данные о смертности и продолжительности жизни россиян говорят о катастрофе, равной которой не знала история в мирное время. Ее можно сравнить разве что с массовым голодом и геноцидом, катастрофическими последствиями стихийных бедствий. По контрасту, в первую мировую войну Россия потеряла 1,7 млн человек.

Раньше срока ушли из жизни тысячи и тысячи пожилых людей, чьи сбережения поглотила «шокотерапия», а пенсии утратили покупательную способность. Фактор резкого увеличения смертности пожилых (трудно поддающийся учету) – стресс, вызванный либеральными реформами. В одночасье старики оказались в неведомом и исключительно жестоком мире. Их страх вполне понятен: трудно на закате жизни, когда нет уже сил и былой энергии оказаться в мире, где все перевернулось, привычные жизненные подпорки рухнули. Не подлежит сомнению, что смертность резко выросла по причине развала системы здравоохранения, но это отдельная и специальная тема исследования.

Д.М. Каракаков

**НОВЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ ТЫВЫ,
ГОРНОГО АЛТАЯ И ХАКАСИИ – ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
БАЗА ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РЕГИОНОВ
В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

В социально-экономических, исторических исследованиях широко использовались и в настоящее время используются статистические сборники, изданные в 1960–1980-е гг. Понятно, почему в учебниках по источниковедению, в монографических исследованиях дается анализ этого вида исторического источника, подчеркиваются его роль и значение в различные периоды отечественной истории. В постсоветский период в связи с переходом к рыночной экономике, реорганизацией системы управления изменилась и работа государственных статистических органов. Соответственно другим стало и содержание опубликованных ими статистических сборников.

Целью нашего сообщения является характеристика статистических сборников, изданных в последние пятнадцать лет в регионах Южной Сибири, как документальной базы изучения их истории. При этом мы освещаем только наиболее важные и характерные, на наш взгляд, особенности опубликованных в постсоветский период статистических материалов.

Во-первых, необходимо отметить, что по сравнению с советским периодом в 1990-е гг. и в начале XXI в. резко увеличилось количество издаваемых в Тыве [1], Горном Алтае [2] и Хакасии [3] сборников. Кроме указанных выше, в регионах издаются и тематические сборники [4], а также статистические бюллетени, обобщающие материалы в целом по Сибирскому федеральному округу [5].

Во-вторых, важно подчеркнуть и другой момент: несмотря на увеличение в целом количества издаваемых в последние годы статистических сборников из-за высокой их цены и отсутствия в открытой продаже они все же остаются недоступными для большей части исследователей и тем более для массового читателя. В библиотеках учебных заведений, научных учреждений Абакана, Кызыла, Горно-Алтайска они обычно отсутствуют. Продаются статистические сборники самими органами государственной статистики, которые пытаются рекламировать свою продукцию и заключают с организациями и учреждениями договоры по предоставлению информационно-статистических услуг.

Отсутствие статистических сборников в библиотеках научных и учебных учреждений объясняется многими причинами, в том числе и утверждаемым самими статистическими органами порядком пользования предоставляемой статистической информацией. Так, в бланке заказа на информационное обеспечение, подготовленном работниками органа статистики в Горно-Алтайске, указывается, что заказчик берет обязательство «не передавать и не разглашать содержание статистической информации, полученной от территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Алтай и являющейся их собственностью, другим организациям (предприятиям, учреждениям), либо частным лицам» [6. С. 42]. Как видим, получается парадоксальная ситуация. Библиотеки имеют право приобретать статистические сборники, но по условиям договора не должны выдавать их своим читателям.

И третий, не менее важный вопрос, о содержании издаваемых в постсоветский период статистических сборников. В этом отношении сборники стали намного интереснее, содержат информацию по тем вопросам, о которых раньше не принято было писать в открытой печати. Таковы, например, показатели преступности, смертности населения, доходов отдельных социальных групп и другие.

Начиная с середины 1990-х гг., региональные статистические сборники стали отражать процесс перехода к рыночным отношениям в экономике. Так, в статистическом сборнике, изданном в 2004 г. в Тыве, уже были показаны результаты приватизации государственной собственности. По данным этого сборника, на начало года государственных предприятий во всех отраслях народного хозяйства осталось 199 и они составили только 4,2% от общего числа юридических лиц республики, муниципальных предприятий соответственно 170 (3,6%); частных – 313 (6,6%) [7] и т.д. Примерно такие же данные содержат статсборники, изданные в то время в Горном Алтае и Хакасии.

Во второй половине 1990-х гг. уже почти все публикуемые в регионах Южной Сибири статистические сборники включали новые разделы, например, «Рыночная инфраструктура», «Изменение отношений собственности», «Малые предприятия по основным видам деятельности «Рынок труда» и другие. Соответственно с изменениями в реальной жизни обновилось содержание всех традиционных разделов статсборников.

Итак, изложенный в сообщении материал позволяет сделать следующие выводы:

1. На современном этапе развития российской исторической науки предъявляются новые требования к оценке и критике различных видов ис-

торических сборников как документальной базы изучения социально-экономических, исторических проблем. Это связано с переходом к рыночной экономике и созданием принципиально новой информационной среды.

2. В последние пятнадцать лет увеличилось количество издаваемых в России и южносибирских регионах статистических сборников. Обогатилось их содержание в соответствии с потребностями практики и науки. В них находят отражение современные, противоречивые процессы в экономическом развитии и в социальной сфере.

3. Если раньше режим секретности ограничивал публикацию в открытой печати необходимых для исследователей данных, то в постсоветский период возникли новые трудности в обеспечении доступности статистических материалов. Библиотеки, текущие архивы научных учреждений, учебных заведений перестали получать необходимую для ученых, рядовых читателей статистическую информацию.

4. На общероссийском и региональном уровне пока еще не проведен серьезный анализ структуры содержания, возможности использования издаваемых в последние годы статистических сборников.

Примечания

1. Республика Тыва в цифрах. Статистический сборник. Т. I. Кызыл, 2000; Республика Тыва в цифрах. Статистический сборник. Т. II. Кызыл, 2000; Социально-экономическое развитие Республики Тыва (1997–2001 гг.) Кызыл, 2002; Социально-экономическое положение Республики Тыва за январь – декабрь 2003 года. Кызыл, 2004 и др.
2. Республика Алтай в 1994 году. Статистический ежегодник. Горно-Алтайск, 1995; Республика Алтай в 1996 году. (Статистический ежегодник). Горно-Алтайск, 1997; Республика Алтай в 2001 году (Статистический ежегодник). Горно-Алтайск, 2002.
3. Республика Хакасия в 1991 году (Краткий статистический сборник). Абакан, 1992; Республика Хакасия в цифрах в 1995 году (Краткий статистический сборник). Абакан, 1996; Экономика Республики Хакасия в 2000 году. Абакан, 2001.
4. Здравоохранение Республики Хакасия. Статистический сборник. 1995–2005 годы. Абакан, 2003; Сельскохозяйственная деятельность хозяйств, населения Республики Хакасия. Статистический сборник. Абакан, 2001; Положение на рынке труда Республики Хакасия в 2002 году. Аналитическая записка. Абакан, 2003.
5. Социально-экономический мониторинг регионов Сибирского федерального округа. Бюллетень. Абакан, 2002.
6. Каталог статистических изданий и информационных услуг на 2005 год. Горно-Алтайск, 2005.
7. Социально-экономическое положение Республики Тыва за январь–декабрь 2003 года. Статистический сборник. Кызыл, 2004.

Н.Д. Каракакова

ДОКУМЕНТЫ АРХИВОВ ТЫВЫ, ГОРНОГО АЛТАЯ И ХАКАСИИ О РАЗВИТИИ КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РЕГИОНАХ

В архивных фондах Российской Федерации и ее регионов отражается развитие всех ведущих отраслей народного хозяйства. Не является исключением и развитие капитального строительства. Так, в архивах Тывы, Горного Алтая и Хакасии отложились документы о крупном промышленном строительстве в этих регионах. Например, в архиве Республики Алтай наибольшую ценность для изучения данной темы представляют фонды по делам строительства и архитектуры Горно-Алтайского облисполкома (Ф. 424), по делам строительства и архитектуры горисполкома (Ф. 434) и райисполкомов (Майминского (Ф. 492), Турачакского (Ф. 466), Усть-Канского (Ф. 535), Усть-Коксинского (Ф. 546)). Документы о планировании строительных объектов народного хозяйства, образования, культуры, здравоохранения, жилищного строительства сосредоточены в фонде капитального строительства Горно-Алтайского облисполкома (Ф. 389).

Не менее важные сведения находятся в фондах отдельных строительных организаций: строительно-монтажного треста «Горно-Алтайсксельстрой» (Ф. 425) и Горно-Алтайской областной межколхозной строительной организации «Облмежколхозстрой» Алтайского краевого межколхозного объединения (Ф. 355). Такие же фонды можно найти и в архивах республик Тывы и Хакасии.

Огромный интерес для исследователей представляют отчеты, протоколы, решения, планы, докладные записки и другая документация. Здесь содержится важнейшая информация по вводу в действие новых промышленных мощностей, обеспечению строительных объектов необходимыми стройматериалами, индустриальными кадрами и т.д.

Годовые отчеты насыщены богатым фактическим материалом и всесторонне освещают важнейшие направления работы организаций и предприятий. В них также содержится анализ деятельности, показаны достижения, вскрыты недостатки и сделаны оперативные выводы о ходе дальнейшей работы.

Так, в отчетных докладах руководителей строительным производством республик [1] было выявлено, что планы капитального строительства

постоянно не выполнялись. Главной причиной срыва пуска объектов в срок, как показывают документы архивов, являлись ощутимый недостаток в строительных материалах, лесе и несвоевременная их доставка. В архивных материалах были отмечены и другие отрицательные явления в строительном производстве. Это слабая механизация процессов труда, недостаточное использование новой техники и имеющихся средств производства, медленное внедрение новых методов работы, что приводило к невыполнению качественных показателей, прежде всего, по производительности труда. Отчеты также содержат большой обобщающий статистический материал.

Однако данный исторический источник не может полностью подменять собой другие материалы: информационные сводки, докладные записки, материалы обследования строящихся объектов, переписку, которые содержат достаточно интересную и важную информацию по тому или иному вопросу.

Например, серьезный интерес вызывают акты обследования строящихся объектов, справки о результатах проверки качества строительно-монтажных работ, экспертные заключения по технико-экономическим проектам. Так, при обсуждении вопроса «О строительстве гостиницы в г. Горно-Алтайске» отдел по делам строительства горисполкома выявил серьезные недостатки в подготовке проектно-сметной документации, что привело к остановке хода строительных работ [2. Л. 20].

Изучение и анализ этих видов исторических источников позволяют представить ход строительства объектов во всей сложности и насытить работу интересным фактическим материалом.

Политическая и социально-экономическая ситуация 1990-х гг. не могла не отразиться на комплектовании и хранении документов. В Тыве, Горном Алтае и Хакасии, как и в России в целом, в первой половине 1990-х гг. осуществлялась передача государственной собственности в частное владение. Этот процесс коснулся и предприятий строительного производства.

В ходе разгосударствления исчезли некоторые крупные строительные организации. Этому способствовала приватизация трестов по отдельным подразделениям. Самостоятельность обрели транспортные предприятия, строительные управления, заводы железобетонных изделий и другие, производственные подразделения. Например, в Хакасии были разукрупнены такие тресты, как «Саянгражданстрой», «Абаканвагонстрой», «Хакасгражданстрой». Оставшиеся подрядные организации были реорганизованы. Они лишились отделов контроля качества, производственно-технических

отделов, исчезли стройлаборатории. Поэтому процесс приватизации нашел свое отражение в документах Государственного комитета республик по управлению государственным имуществом, Комитета по управлению муниципальным имуществом городов Горно-Алтайска, Кызыла и Абакана.

Архивный фонд Тывы, Горного Алтая и Хакасии стал формироваться за счет документов, поступивших на хранение как из государственных предприятий и организаций, так и из негосударственных (акционерные общества, общественные объединения, профессиональные союзы и др.).

Негосударственная часть архивного фонда данных регионов подвержена наибольшим изменениям. Меняется состав документов и их количество. Например, в номенклатуру дел производственного объединения «Абаканвагонмаш» за 1988 г. было внесено 776 дел, из них 62 – дела постоянного хранения, а в 1998 г. в номенклатуру этого, теперь уже акционерного общества, включено лишь 301 дело, из них только 15 дел поступят на госхранение [3. С. 45].

Изменения в общественной жизни также повлекли за собой появление новых документов: протоколов собраний акционеров, заседаний советов или правлений директоров и др. Видоизменилась, а кое-где исчезла совсем в делопроизводстве планово-отчетная документация.

Итак, изложенный в сообщении материал позволяет сделать ряд следующих выводов:

1. Архивные документы являются ценным историческим источником сведений о развитии народного хозяйства регионов, в том числе и о капитальном строительстве.

2. Политические и социально-экономические процессы 1990-х гг. отразились на вопросах комплектования и хранения документов. Ряд предприятий и организаций строительного производства обанкротился. Распались крупные строительные тресты. Часть строительных организаций была приватизирована, что отразилось в документах комитетов по управлению имущества национальных регионов. Началось формирование архивных фондов негосударственных предприятий и организаций. Меняются состав и количество документов.

Примечания

1. ФЦГА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1669. Л. 14–20; ГАС РА (отдел хранения специальных документов). Ф. 1. Оп. 64. Д. 2. Л. 3–4.

2. ГАС РА. Ф. 424. Оп. 1. Д. 6.

3. Материалы научно-практической конференции «Архивы и современность», посвященной 80-летию образования Государственной архивной службы РФ. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 1998.

М.А. Телешева

**«ТОМСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ»
О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ (1990–2005 гг.)**

С конца 1980-х гг. в условиях гласности в СССР появилась возможность открыто говорить о многих скрытых ранее сторонах жизни, в частности, о жизни православной общины. Формирование нормативной базы, обеспечившей религиозные свободы в стране, позволило РПЦ создавать свои СМИ. С 1990 г. томские православные возобновили выпуск газеты «Томские православные ведомости».

«Ведомости» представляют важнейший источник, наиболее полно отражающий деятельность православной церкви в Томской области с 1990 по 2005 г. Его значение особенно велико в связи с тем, что в местных светских периодических изданиях религиозная тематика представлена фрагментарно. Другие православные СМИ (телепередача «Храм. Город. Человек», сайты Томской епархии и Богородице-Алексеевского монастыря) появились лишь в конце 1990-х гг. и также освещают отдельные аспекты темы.

Еще одна особенность данного источника связана с его целевым назначением. Церковь использует «Ведомости» для православного просвещения населения. В связи с этим газета представляет интерес для изучения этого направления деятельности. Анализ «Ведомостей» имеет большую научную значимость. Но при этом до сих пор отсутствует исследование этой газеты как исторического источника.

До 1996 г. «Ведомости» издавались Томским благочинием православных церквей Новосибирской епархии, затем учредителем газеты стала Томская епархия, возрожденная в 1997 г. Изначально она называлась «Томские православные ведомости», с 2003 г. – «Томские епархиальные ведомости» (в соответствии с названием газеты, издававшейся в Томске в досоветский период).

Со времени возобновления издания сменилось 3 главных редактора. (благочинный томских церквей Л. Хараим, священники О. Безруких, С. Зулин).

Постоянными авторами газеты выступают местные священнослужители и студенты духовной семинарии. Часто в газете размещаются материалы из других православных периодических изданий.

До середины 1990-х гг. объем газеты составлял 8 страниц (формат А2). Затем – 16 (формат А4), с 2000 г. – 4 (формат А2). Сегодня «Ведомости» включают 12 страниц (формат А2). В начале 1990-х гг. «Ведомости» выпускались практически ежемесячно в количестве 10 тыс., сейчас – примерно 1 раз в 2 месяца тиражом 3 тыс. экземпляров.

В настоящее время «Томские епархиальные ведомости» продаются только в церквях.

В центре внимания авторов газеты в течение всего времени издания находились такие темы:

- реконструкция храмов, монастырей, часовен, Томской Духовной семинарии и других православных учреждений;
- обретение Томской епархией христианских святынь, в частности, мощей святого старца Феодора Кузьмича, Николая Чудотворца, Казанской иконы Божьей Матери;
- жизнь Томской Духовной семинарии (вступительные экзамены, первые выпускки и т.п.);
- открытие в области воскресных школ, православных курсов, лекционных для населения;
- работа православных научно-практических конференций, а также Духовно-исторических чтений, которые периодически проводятся в Томске во время празднования Дней славянской культуры и письменности;
- учреждение православных церковно-общественных организаций в области, в частности, православного братства русской культуры и Томского регионального православного общественного фонда «Фавор». Первое было создано в начале 1990-х гг. с целью исследования отечественной культуры, возрождения народных традиций, обычаем, зодчества и помочи православной церкви; второй учрежден в 2002 г. для организации просветительной работы в масштабах области, христианского воспитания детей и поддержки духовного образования;
- внутренняя жизнь епархии, в частности, ее возрождение, назначение епископов, приезд известных священнослужителей и деятелей;
- крестный ход, православные богослужения в местных храмах;
- биографии томских священнослужителей.

Эти темы нашли отражение в заметках информационного характера и постоянной рубрике, включающей хронологический перечень всех значимых событий в области за определенный период (1–2 месяца). Название рубрики периодически менялось – «Хроника Томского благочиния», «Новости», «Жизнь Томской епархии», «Новости Томской епархии».

Одной из важнейших тем является внутрицерковная жизнь. Специальный выпуск был посвящен конфликту, происходившему в Томске в 1997–1998 гг., когда в светских СМИ появились негативные высказывания в адрес епископа Томского и Асиновского Преосвященного Аркадия. В номере опубликованы документы, принятые на Епархиальном совете, в которых осуждаются действия иерея А. Классена и диакона Р. Штаутдингера, обвиняемых в разжигании конфликта и стремлении сместить епископа.

Весь объем деятельности Церкви за год освещается в годовых обзорах, представляющих аналитические статьи о состоянии просветительской, миссионерской, образовательной, издательской деятельности Церкви, литургической жизни, количестве православных учреждений, кадровом составе, о взаимоотношениях томского духовенства с местными органами власти, научными кругами и общественными организациями. В газете оцениваются результаты и выявляются проблемы в реализации этих направлений работы Церкви, ставятся дальнейшие цели и задачи. Следует отметить, что обзоры публикуются в газете нерегулярно.

Интерес для изучения представляют статьи, в которых подчеркивается значимость православия по сравнению с протестантизмом, акцентируется внимание на том, что именно православие является исконно русской религией, сформировавшей русскую культуру, дается критика гербалайфа, который рассматривается как коммерческий культ, а не забота о здоровье людей, разоблачаются секты, в первую очередь наиболее криминогенные католические. Эти статьи носят аналитический характер с привлечением большого количества аргументов. Появление таких материалов в газете можно рассматривать как реакцию Церкви на деятельность миссионеров других конфессий области.

РПЦ стремится воздействовать на жизнь людей, участвовать в их духовном воспитании. В газете поднимается проблема религиозного воспитания детей, которое рассматривается как важнейшая задача общества, подчеркивается, что в ее решении должны объединиться такие институты, как православная церковь, светская школа и семья. Неслучайно в «Ведомостях» публикуются статьи о преподавании в школах «Основ православной культуры», например, дается положительная оценка учебника, разработанного для такого предмета А.В. Бородиной, преимуществом которого состоит в том, что он не только расширяет кругозор ребенка, но и способствует морально-нравственному воспитанию и формированию личности.

Составной частью просветительской деятельности Церкви является размещение в газете материалов, затрагивающих различные аспекты ве-

роучения. В частности, на основе Священного Писания раскрывается духовный смысл православных праздников, постов, таинств церкви, объясняются церковные обряды, значение креста и крестного хода в православной традиции, рассказывается о православных иконах, описывается жизнь и деятельность людей, которые посвятили себя служению Богу. Как правило, эти материалы содержат цитаты из Священного Писания и высказывания Святых. Периодически в газете публикуются жития Святых, молитвы, проповеди томских священнослужителей. В середине 1990-х гг. в газете печатались редкие издания произведений богословов.

Таким образом, «Ведомости» являются богатейшим источником, который может быть привлечен региональными исследователями, изучающими различные аспекты деятельности РПЦ в Томской области в 1990–2005 гг.

М.А. Кильчичакова

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2002 г. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РЕГИОНОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. – важный исторический источник. Он имеет большое политическое, хозяйственное и научное значение. Результаты Всероссийской переписи населения важны при изучении динамики абсолютной численности индустриальных кадров, их половозрастного, национального состава, уровня образования, распределения по отраслям народного хозяйства, промышленности и т.д.

Предварительные сведения Всероссийской переписи населения 2002 г. представлены в статистических сборниках регионов [1]. В них отражено административно-территориальное деление республик, представлена группировка населенных пунктов по численности, половозрастному, национальному составу. Также можно почерпнуть сведения о брачном состоянии, уровне образования, домохозяйствах, источниках средств существования и занятости граждан. Кроме того, впервые были опубликованы данные о гражданстве и занятиях граждан. Полные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г., как известно, будут опубликованы в 14 тематических томах официальных публикаций Госкомстата России. Ценность проведенной переписи заключается и в том, что ее результаты войдут составной частью в итоги мировой переписи населения, проводимой по программе ООН раунда 2000 г.

Как уже было отмечено ранее, Всероссийская перепись населения 2002 г. является источником объективной информации о численности и составе населения. Например, в опубликованном статсборнике «Основные итоги переписи населения 2002 г. по Республике Тыва» содержится информация о том, что численность постоянного населения республики Тыва составила 305,5 тыс. человек, что на 4,8 тыс. человек меньше текущей оценки численности населения. По сравнению с переписью 1989 г. численность населения уменьшилась на 3,0 тыс. человек, в том числе в сельской местности – на 16,0 тыс. человек, а в городских поселениях увеличилась на 13,0 тыс. человек [2. С. 5].

Также интересны сведения о брачном состоянии населения. В сравнении с переписью населения 1989 г. численность мужчин и женщин, со-

стоящих в браке, уменьшилась. Мужчин, состоявших в браке на 2002 г., стало 606 на 1000 чел. против 656 по переписи 1989 г., а женщин – 520 против 618. Выросло число разводов: из 1000 человек в возрасте 16 лет и старше число разведенных составило 43 (в 1989 г. – 41) [2. С. 7–8]. Впервые даны сведения о числе незарегистрированных брачных союзов. Из общего числа супружеских пар 15 тыс. или 25,9% (по России – 10%) состояли в незарегистрированном браке [2. С. 7].

Наибольший интерес представляет информация об источниках средств существования населения. В Республике Хакасия из общей численности населения указали один источник средств к существованию 363907 или 66%, два источника – 170239 или 31%, три – 11420 или 2%, четыре и более – 337 или 1% [3. С. 42–43] Основными источниками доходов граждан все же являются доход от трудовой деятельности, личное подсобное хозяйство, пенсии (кроме пенсий по инвалидности) и пособия (кроме пособий по безработице).

Таким образом, итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. ценны прежде всего тем, что они содержат новейшие объективные сведения о численности населения и его размещении по территории республик, социально-демографических характеристиках.

Примечания

1. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Республике Хакасия. Статистический сборник. Абакан, 2005. 67 с.; Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Республике Тыва. Статистический сборник. Кызыл, 2004. 29 с.; Численность населения Республики Тыва: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Кызыл, 2004. 32 с.

2. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Республике Тыва. Статистический сборник. Кызыл, 2004.

3. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Республике Хакасия. Статистический сборник. Абакан, 2005.

А.В. Суставова

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО РАДИКАЛИЗМА 1980–1990-х гг. В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Проблема, которой посвящена данная статья, является актуальной, особенно если вспомнить проходящие с определенной периодичностью сообщения в СМИ о нападениях скинхедов на иностранных студентов российских вузов. Проблема ксенофобии, радикального национализма не обошла и Томск, по сведениям СМИ, он входит в первую десятку городов, где весьма развито движение скинхедов.

К сожалению, источников, которые можно было бы использовать для изучения праворадикальных движений в современной России, как впрочем, и в других странах, в частности в Германии, сравнительно немного. Материалы, относящиеся к этой теме, чаще всего носят публицистический характер, и даже серьезные работы, в которых ставится проблема правого радикализма, опираются в основном на сведения открытой прессы.

В качестве примера для рассмотрения указанного политического направления проанализируем издания информационно-исследовательской группы «Панорама». В частности, рассмотрим работу «Политическая ксенофобия. Радикальные группы. Представления лидеров. Роль церкви» А. Верховского, Е. Михайловской, В. Прибыловского, опубликованную в 1999 г. [3]. В её основе – открытые источники, в большей степени периодические издания как неэкстремистского характера, так и непосредственно прессы радикальных организаций.

В работе дан сравнительно полный обзор организаций националистической ориентации в форме кратких характеристик.

Справки следуют в алфавитном порядке, авторы не делают попытки классифицировать националистические политические группы по степени радикальности взглядов и методов, идеологическим различиям, позиционируя их как национал-патриотические. В рамках заданной тематики интерес представляет раздел книги, посвященный противоправной активности членов Русского национального единства (РНЕ) и скинхедов.

Особую ценность представляет часть исследования, где авторы обращаются к анализу националистических тенденций в Русской Православной Церкви. Идеологическая связь Церкви и национал-патриотов основа-

на на том, что фундаментом идеологии различных националистических групп, в том числе радикальных, является православие.

Для части радикалов, в основном нацистской ориентации более свойственно обращение к неоязычеству, нежели православию, так как языческая мифология играла большую роль в Третьем Рейхе. Анализу политизированного неоязычества, имеющего характер этнонационалистической ксенофобии, посвящена значительная часть исследования.

Интересной работой центра «Панорама» является книга В. Лихачева «Нацизм в России», опубликованная в 2002 г. [7]. Основой его работы являются открытые источники – пресса, телевидение, Интернет, аутентичные материалы исследуемых организаций, а также информация, полученная в ходе многолетнего общения с представителями национально-радикальных движений. Автор отмечает, что правый радикализм в его разнообразных проявлениях, в том числе и неонацистском, занял прочное место в общественно-политической жизни постсоветской России. Подтверждая данный тезис, Лихачев предлагает информативный обзор радикальных организаций нацистской ориентации. Подробно рассмотрено Русское национальное единство А. Баркашова, Национал-большевистская партия Э. Лимонова, движение скинхедов и ряд других экстремистских групп. По его мнению, не все из них в полной мере можно назвать нацистскими. Для Национал-большевистской партии характерен уход от идеологии неогитлеризма, Лимонов считает её трудноприлагаемой к российской действительности и малоэффективной для привлечения избирателей. Идеология НБП – это своеобразный синтез национализма и социализма в его первоначальном варианте – большевизме. Термин «нацизм» неприменим к НБП, его следует употреблять по отношению только к тем идеологиям, которые используют элементы программ германского фашизма. Лихачев считает это выражение оправданным, поэтому во вступлении он оговаривается, что термин «нацизм» употребляется в «самом общем смысле, как короткое и приемлемое определение национал-радикализма с явными элементами политического экстремизма» [7. 50].

В работе Лихачева следует обратить внимание на то, что автор по минимуму использует документы праворадикальных организаций, не приводит их разбора, он лишь дает общую интерпретацию их концепции, ссылаясь на сведения прессы. Трудно оценивать работу и как историографический факт, она в значительной степени повторяет то, что было опубликовано ранее.

Непосредственным источником по рассматриваемой тематике является книга лидера Национал большевистской партии Э. Лимонова «Анато-

мия героя» [6]. Она представляет интерес прежде всего потому, что изнутри можно познакомиться с новым явлением в общественно-политической жизни демократической России – феноменом национального большевизма. Лимонов создал политическую и идеологическую структуру абсолютно нового типа, решив синтезировать национализм и большевизм. Для эффективного противостояния демократам, Лимонов считает необходимым объединение важных элементов русского политического сознания – правых и левых радикалов. Однако неоднократные попытки националистов консолидироваться с представителями левой оппозиции реального результата не принесли. Радикальность взглядов Лимонова отражена в заявлениях и предложениях, адресованных общественности. К примеру, содержатся призывы поддержать национал-революционное движение в борьбе с демокапитализмом, обращения с требованиями поддержки отечественного производителя путем бойкота иностранных товаров; требования о присоединении бывших союзных республик, заявления о запрете бывшим чиновникам КПСС заниматься политикой, требования отмены абортов и др.

В заключении автор предлагает вниманию сценарий вооруженного восстания с целью смены власти в Москве.

Взгляды лидера Русского национального единства А. Баркашова ещё более радикальны. Они сравнительно полно представлены в его работе «Азбука русского националиста» [2]. В основу этого сборника легли статьи лидера РНЕ, печатавшиеся в газете «Русский порядок» в период с 1992 по 1994 гг.

В центре идеологии Баркашова идея заговора транснациональной финансовой олигархии с целью истребления русского народа. Октябрьская революция и «перестройка» оцениваются как преступные преобразования. Истинная цель демократизации, считает Баркашов, состоит в попытке завоевания западной цивилизацией жизненного пространства русского народа. В соответствии с внутриполитической и внешнеполитической ситуацией, в сборнике приводятся цели и задачи движения, даются рекомендации по формированию региональных организаций РНЕ, идет речь о методах противодействия прозападным политикам. В заключении автор предлагает построить национальное государство и приводит принципы его построения.

Работа Баркашова представляет несомненный интерес для исследователей, занимающихся темой радикального национализма хотя бы потому, что в ней очерчена идеология и программные ориентиры формирования.

Кроме вышеперечисленных источников, информацию, необходимую для исследования, можно почерпнуть из телепередач, Интернета, а также

периодической печати, как неэкстремистского характера, так и прессы рассматриваемых организаций. К прессе радикалов относятся газеты: «Лимонка» НБП, «Русский порядок» РНЕ, «Штурмовик» Русского национального союза, «Русская правда» Русского национально-освободительного движения, газета «Родные просторы» и журнал «Волхв» Союза венедов, газета «Черная сотня» одноименного движения, журнал «Атака» (до 1993 года называвшийся «К топору») Право-радикальной партии и др.

К сожалению, большинство вышеперечисленных изданий недоступно, поэтому прессу радикальных организаций приходится изучать по работам других исследователей. В частности, необходимо отметить бюллетень «Антисемитизм и ксенофобия в Российской Федерации» Антидиффамационной лиги Российского еврейского конгресса [1], в одном из номеров которого представлены выдержки из печати радикальных организаций.

Основным источником по истории германского правого радикализма является приложение «Aus Politik und Zeitgeschichte» немецкой еженедельной газеты «Das Parlament» [10, 11]. В статьях немецких исследователей правый радикализм представлен как самостоятельное явление, имеющее определенную политическую силу, и лишь отчасти, как угроза западноевропейским демократиям. Исследователи не пытаются преувеличивать опасности этого явления, как это часто бывает, они излагают сравнительно объективные выводы на основе конкретных фактов.

С середины 1980-х годов, по справедливому замечанию публицистов, начался подъем правого радикализма. Его появление и распространение было связано с социально-экономическими и политическими проблемами европейских стран. Для привлечения избирателей правые радикалы активно использовали недовольство общественности существующими проблемами. В Германии, к примеру, на основе внутренних проблем конструировались образы врага. Внутренними врагами считались беженцы, переселенцы и представители демократическо-либеральной культуры, внешними – любая политическая линия, пытающаяся закрепить страну в европейском сообществе.

Выбранная стратегия не принесла желаемых результатов, достижения немецких праворадикальных партий на выборах были менее значительными по сравнению с другими европейскими странами. Одна из главных причин заключается в том, что немецкая общественность, начиная с середины 1970-х гг., старалась избегать тем, касающихся нацистского прошлого своей страны, поэтому близкие к нацистским программы праворадикальных партий не нашли массовой поддержки у населения.

Статьи в газете «Aus Politik und Zeitgeschichte» информируют читателей не только о предпосылках появления и развития, стратегии и тактики праворадикального движения, также идет речь об идеологии, организационных формах, о политической и террористической деятельности правых радикалов в европейских странах, в том числе и Германии.

Брошюра отдела по защите Конституции Управления Сената [13], в отличие от газеты немецкого парламента, не предлагает детального анализа правого радикализма. Однако она не менее важна для исследования проблемы. В брошюре основное внимание уделяется описанию внешнего облика немецкого правоэкстремистского движения. В экстремистские неполитизированные организации в основном входит молодежь, поэтому яркие атрибуты в одежде, эпатажные партийные приветствия, эмблемы с нацистской символикой имеют первостепенное значение.

В брошюре встречаются наиболее распространенные лозунги правоэкстремистских групп, к примеру, «Народ, рейх, фюрер», «Все для Германии», «Кровь и честь», а также тексты песен откровенно расистского содержания.

Ккосвенным источникам по истории немецкого правого радикализма можно отнести немецкие журналы «Basis-info», часть которых переведена на русский язык [4, 5, 8, 9]. Немецкие публицисты рассматривают внутриполитические проблемы страны, такие как миграция, нелегальная занятость, безработица в контексте их влияния на отношение к иностранцам. В связи со сложной социально-экономической ситуацией враждебность к иностранцам могла стать причиной перехода части населения, особенно молодежи, в лагерь правых радикалов.

Один из выпусков «Basis-info» целиком посвящен проблеме правого экстремизма [12]. Движение рассматривается с точки зрения его опасного влияния на современную немецкую молодежь и как угроза германской демократии.

В связи с тем, что материалов и документов по истории российского и немецкого национального радикализма сравнительно немного, а часть из них еще и труднодоступна, представленные в данной статье источники являются чрезвычайно важными для исследования проблемы ультранационализма, правого радикализма и экстремизма. К сожалению, ни один из источников не дает целостного представления о праворадикальном движении. С другой стороны, источники взаимодополняют друг друга, сопоставляя их, можно получить относительно цельную картину исследуемого явления.

Примечания

1. Антисемитизм и ксенофобия в Российской Федерации // Бюл. Антидиффамационной лиги Российского еврейского конгресса. М., 2000. № 1, 7; 2001. № 12; 2002. № 14.
2. Баркашов А. Азбука русского националиста. М.: Слово-1, 1994. 104 с.
3. Верховский А., Михайловская Е., Прибыловский В. Политическая ксенофобия. Радикальные группы. Представления лидеров. Роль церкви. М.: Панорама, 1999. 190 с.
4. Исследование компании «Шелл», посвященное молодежи в Германии // Базис-инфо. Социальная политика. Молодежь. Берлин. 2000. № 18.
5. Кнутом или пряником? Попытки профилактики детской и молодежной преступности в Германии // Базис-инфо. Общество. Берлин. 2000. № 18.
6. Лимонов Э. Анатомия героя. Смоленск: Русич, 1998. 480 с.
7. Лихачев В. Нацизм в России. М.: Панорама, 2002. 159 с.
8. Экономика. Нелегальная занятость и её последствия для социальных систем и рынка труда Германии // Базис-инфо. 2001. № 25.
9. Auslaender in Deutschland – Vom Gastarbeiter zum Mitbuerger. // Basis-Info. Goete institut Inter Nationes / 2002. № 11. 16 с.
10. Pollack D. Nationalismus und Europaskepsis in den postkommunistischen Staaten Mittel und Osteuropas. // Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung «Das Parlament». 2004. 13 september. S. 30–37.
11. Pfahl-Traughber A. Die Entwicklung des Rechtstremismus in Ost –und Westdeutschland; Schroeder B. Rechtsextremismus im Internet. // Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung «Das Parlament». 2000. № 39.
12. Rechtsextremismus mobilisiert Gegenkraefte. // Basis-Info. Sonderthema. Goete institut Inter Nationes 2000. № 8. 13 с.
13. Sumbole und Kennzeichen des Rechtsextremismus. Berlin. Senatsverwaltung fuer Inneres, Abteilung Verfassungsschutz. 28 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИС** – автоматизированная информационная система
БД – база данных
БТИ – бюро технической инвентаризации
БЭСМ – быстродействующая электронная счетная машина
ВВС – Военно-воздушные силы
ВДНХ – Выставка достижений народного хозяйства
ВИНИТИ – Всероссийский институт научной и технической информации
ВСП – Временное Сибирское правительство
ВЦ – Вычислительный центр
ВЦИК – Всероссийский Центральный исполнительный комитет
ГААК – Государственный архив Алтайского края
ГАКО – Государственный архив Кемеровской области
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области
ГАПО – Государственный архив Пермской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСО – Государственный архив Свердловской области
ГАТО – Государственный архив Томской области
ГАЧО – Государственный архив Читинской области
ГЖУ – Губернское Жандармское Управление
ГИБДД – Государственная инспекция безопасности дорожного движения
ГИВЦ МК – Государственный информационно-вычислительный центр Министерства культуры
ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации
ГОС ВПО – Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования
ДОУ – документационное обеспечение управления
ДП – Департамент полиции
ЖКХ – жилищно-коммунальное хозяйство
ЖЭУ – Жилищно-эксплуатационное управление
ЗАГС – Запись актов гражданского состояния
ЗСК – Западно-Сибирский комиссариат
ИКТ – информационно-коммуникационные технологии
ИПС – информационно-поисковая система
ИПЯ – информационно-поисковый язык
ИС – информационная система
ИСИ – Институт систем информатики
ИТР – инженерно-технические работники
ИФФ – историко-филологический факультет
ИЯФ – Институт ядерной физики

КЛАДР – Классификатор адресов
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КСЭ – Комплексная самодеятельная экспедиция
КЦХИДНИ – Красноярский центр хранения и использования документов новейшей истории
МВД – Министерство внутренних дел
МНС – Министерство по налогам и сборам
МТС – машинно-тракторная станция
НБ ТГУ – Научная библиотека Томского государственного университета
НБП – Национал-большевистская партия
НГУ – Новосибирский государственный университет
НГГУ – Нижневартовский государственный гуманитарный университет
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКМК – Новокузнецкий металлургический комбинат
НКПиТ – Народный Комиссариат почт и телеграфа
НК РФ – Налоговый кодекс Российской Федерации
НКТ – Народный комиссариат труда
НСА – научно-справочный аппарат
НТГСПА – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия
ОГПУ – Объединенное главное политическое управление
ОДААНТ – Отдел по делам архивов администрации г. Нижний Тагил
ОЗЕТ – Общество по земельному устройству трудящихся евреев
ОЛЕАЭ – Общество любителей естествознания антропологии и этнологии
ОО – Охранное отделение
ООМИИ – Омский областной музей изобразительных искусств
 ООН – Организация объединенных наций
ОРД – организационно-распорядительные документы
ПБ – Политбюро
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА – Российский государственный военный архив
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РНЕ – Русское национальное единство
РПЦ – Русская православная церковь
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СибВО – Сибирский военный округ
СибГМУ – Сибирский государственный медицинский университет
СКЗИ – средства комплексной защиты информации
СМИ – Сибирский металлургический институт
СНК – Совет народных комиссаров
СО РАН – Сибирское отделение Российской Академии наук
СЭД – система электронного документооборота
ТГЖУ – Томское губернское жандармское управление
ТГУ – Томский государственный университет

ТМИ – Томский медицинский институт
ТИСИ – Томский инженерно-строительный институт
ТЭМИИТ – Томский электромеханический институт инженеров транспорта
ТЭМЗ – Томский электромеханический завод
УИК – участковая избирательная комиссия
УОБК – Уральское областное бюро краеведения
УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания
УрГУ – Уральский государственный университет
ХГУ – Хакасский государственный университет
ЦАМО РФ – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации
ЦА ФСБ – Центральный архив Федеральной службы безопасности
ЦДНИ ОО – Центр документации новейшей истории Омской области
ЦДНИ ТО – Центр документации новейшей истории Томской области
ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области
ЦХАФ АК – Центр хранения архивного фонда Алтайского края
ЭВМ – электронно-вычислительная машина
ЭВТ – электронно-вычислительная техника
ЭД – электронный документ
ЭКА – электронный каталог архива
ЭПК – экспертно-проверочная комиссия
ЭЦП – электронная цифровая подпись

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдонина Людмила Александровна – ведущий архивист ОГУ «Центр документации новейшей истории Томской области», г. Томск.

Акимова Юлия Анатольевна – преподаватель кафедры документоведения факультета политических наук Алтайского государственного университета, г. Барнаул.

Андреев Валерий Павлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета.

Андреева Елена Анатольевна – старший научный сотрудник Томского областного краеведческого музея, г. Томск.

Арышева Галина Анатольевна – студентка исторического факультета Томского государственного университета.

Берг Анна Андреевна – студентка отделения документоведения социально-гуманитарного института Нижнетагильской социально-педагогической академии.

Боброва Виктория Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и экономической теории Новосибирской государственной академии водного транспорта в Омском филиале НГАВТ.

Быкова Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения Томского государственного университета.

Голиков Валерий Иванович – полковник, начальник факультета военно-го обучения Томского государственного университета.

Головань Наталья Сергеевна – аспирант кафедры истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета.

Гололобов Евгений Ильич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Сургутского государственного педагогического института.

Грибовский Михаил Викторович – старший преподаватель кафедры современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета.

Грик Николай Антонович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и социальной работы Томского университета систем управления и радиоэлектроники.

Гутак Ольга Ярославовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и политологии Новокузнецкой государственной педагогической академии.

Гуторова Лилия Евгеньевна – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой прикладной информатики социально-гуманитарного института Нижнетагильской социально-педагогической академии.

Демешкин Василий Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения Томского государственного университета.

Дмитриенко Надежда Михайловна – доктор исторических наук, профессор кафедры музеологии Института искусств и культуры Томского государственного университета.

Ерёмина Наталия Леонидовна – кандидат технических наук, доцент кафедры информационных технологий в управлении и экономике международного факультета управления Томского государственного университета.

Есипова Виктория Анатольевна – доктор исторических наук, заведующая сектором отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета.

Жеравина Ольга Александровна – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой библиотечно-информационной деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета.

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Томского государственного университета.

Зленко Константин Васильевич – аспирант кафедры современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета.

Иванов Анатолий Андреевич – студент исторического факультета Томского государственного университета.

Иванова Юлия Александровна – аспирант кафедры истории и документоведения Томского государственного университета.

Иваненко Галина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Челябинского государственного педагогического университета.

Ильиных Ирина Викторовна – преподаватель Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

Кайер Екатерина Васильевна – соискатель кафедры истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета.

Казакова Евгения Александровна – аспирант кафедры истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета.

Кан Галина Исааковна – главный хранитель фонда ОГУ «Центр документации новейшей истории Томской области», г. Томск.

Караваева Анастасия Геннадьевна – заместитель директора Государственного архива Томской области, г. Томск.

- Карачаков Дмитрий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, в.н.с. Гуманитарного научно-исследовательского института Хакасии, г. Абакан.
- Карачакова Намира Дмитриевна** – лаборант-исследователь Гуманитарного научно-исследовательского института Хакасии, г. Абакан.
- Кильчичакова Майя Александровна** – лаборант Гуманитарного научно-исследовательского института Хакасии, г. Абакан.
- Кисельникова Татьяна Валентиновна** – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Кузбасской педагогической академии, г. Новокузнецк.
- Крайнева Ирина Александровна** – ведущий инженер отдела научно-технической информации Института систем информатики СО РАН, г. Новосибирск.
- Красильников Сергей Александрович** – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института истории СО РАН, г. Новосибирск.
- Круглыхина Екатерина Александровна** – специалист II категории организационного отдела аппарата управления Думы г. Томска.
- Кузнецов Семен Николаевич** – студент социально-гуманитарного института Нижнетагильской социально-педагогической академии.
- Куперт Юрий Васильевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета.
- Куренкова Анастасия Юрьевна** – аспирант Томского государственного архитектурно-строительного университета.
- Куперштог Наталья Александровна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН.
- Ларьков Николай Семенович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и документоведения Томского государственного университета.
- Липунова Лариса Викторовна** – старший преподаватель Новокузнецкого филиала-института Кемеровского государственного университета.
- Лобанов Виктор Викторович** – студент историко-географического факультета Томского государственного педагогического университета.
- Лобанова Анастасия Доржсэвн** – студентка исторического факультета Томского государственного университета.
- Лукина Нэнси Петровна** – доктор философских наук, профессор философского факультета Томского государственного университета.
- Луков Евгений Викторович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета.
- Мазур Людмила Николаевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры документационного и информационного обеспечения управления Уральского государственного университета, г. Екатеринбург.

- Макурина Галина Афанасьевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кемеровского государственного университета.
- Мартынова Елизавета Васильевна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры технологии документальных коммуникаций Кемеровского государственного университета культуры и искусств.
- Марчук Александр Гурьевич** – доктор физико-математических наук, профессор, директор Института систем информатики СО РАН, г. Новосибирск.
- Меркулов Сергей Александрович** – студент исторического факультета Томского государственного университета.
- Морев Владимир Алексеевич** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета.
- Наздрachev Роман Борисович** – кандидат экономических наук, начальник отдела комплексного развития налоговых органов УФНС РФ по Алтайскому краю, г. Барнаул.
- Некрылов Сергей Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета.
- Несторович Юрий Владимирович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, БелНИИДАД, ученый секретарь Археографической комиссии Белкомархива, г. Минск.
- Николаева Татьяна Юрьевна** – заведующая отделом документального фонда и ведомственного архива Омского областного музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля, г. Омск.
- Острова Елена Анатольевна** – заведующая отделом учета ГУК «Омский областной музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля», г. Омск.
- Плешкевич Евгений Александрович** – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала Российского государственного гуманитарного университета в г. Саратове.
- Попова Екатерина Сергеевна** – студентка социально-гуманитарного института Нижнетагильской социально-педагогической академии.
- Попова Людмила Львовна** – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Томского государственного политехнического университета.
- Поршинева Ольга Сергеевна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России УГТУ-УПИ.
- Привезенцев Алексей Иванович** – аспирант Томского университета систем управления и радиоэлектроники.
- Приль Людмила Николаевна** – кандидат исторических наук, заведующая сектором использования и публикации документов Центра документации новейшей истории Томской области, г. Томск.

Разинков Сергей Львович – кандидат исторических наук, доцент кафедры управления и права Нижнетагильской социально-педагогической академии.

Репина Оксана Петровна – заведующая сектором информационно-поисковых систем и автоматизированных архивных технологий Центра документации новейшей истории Томской области, г. Томск.

Родимова Ольга Борисовна – доктор физико-математических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИОА СО РАН, г. Томск.

Рожнева Жанна Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета.

Русина Юлия Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Уральского государственного университета, г. Екатеринбург.

Рынков Вадим Маркович – кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, г. Новосибирск.

Рысков Олег Игоревич – кандидат исторических наук, заведующий отделом документационного обеспечения управления Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела, г. Москва.

Савин Валерий Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и организации архивного дела Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва.

Сбитнева Галина Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры технологии документальных коммуникаций, заместитель декана факультета информационных технологий Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

Сизова Екатерина Викторовна – ведущий библиотекарь отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета.

Скипор Инна Леоновна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры технологии автоматизированной обработки информации Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

Смирнов Валерий Николаевич – руководитель отдела по работе с архивами корпорации «Электронный архив», г. Москва.

Соколов Виктор Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета.

Соловьев Павел Владимирович – аспирант кафедры музеологии Института искусств и культуры Томского государственного университета.

Стебенева Анна Владимировна – ведущий библиотекарь Научной библиотеки Томского государственного университета.

Степанова Вероника Владимировна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой документоведения и всеобщей истории гуманитарного факультета Нижневартовского государственного гуманитарного университета.

Суставова Анастасия Владимировна – соискатель кафедры истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета.

Тараада Валерий Викторович – кандидат исторических наук, руководитель межрайонной инспекции по налогам и сборам № 1 по Алтайскому краю, г. Барнаул.

Тарасенко Феликс Петрович – доктор физико-математических наук, профессор, декан международного факультета управления Томского государственного университета.

Телешева Мария Александровна – студентка исторического факультета Томского государственного университета.

Томилова Наталья Александровна – старший преподаватель кафедры истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета.

Торощина Наталья Витальевна – научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета.

Уварова Ольга Александровна – старший преподаватель кафедры документоведения и всеобщей истории гуманитарного факультета Нижневартовского государственного гуманитарного университета.

Угрюмова Мария Викторовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры документоведения и всеобщей истории гуманитарного факультета Нижневартовского государственного гуманитарного университета.

Ульянов Андрей Сергеевич – аспирант кафедры современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета.

Фадеев Константин Викторович – аспирант кафедры истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета.

Фазлиев Александр Зарипович – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник ИОА СО РАН, г. Томск.

Федорова Мария Анатольевна – научный сотрудник отдела использования и публикации документов Центра документации общественных организаций Свердловской области, г. Екатеринбург.

Хаминов Дмитрий Викторович – студент исторического факультета Томского государственного университета.

Харусь Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета.

Хмельницкая Ольга Евгеньевна – кандидат исторических наук, начальник отдела использования и публикации документов ОГУ ГАТО, г. Томск.

Черемнов Александр Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент Томского филиала Восточного института экономики, гуманитарных наук, управления и права, г. Томск.

Чернов Константин Анатольевич – ведущий специалист Архивного управления Администрации Томской области, г. Томск.

Чернова Ирина Владимировна – старший преподаватель кафедры музеологии Института искусств и культуры Томского государственного университета.

Шевелев Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета.

Шевляков Александр Семенович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета.

Шевцов Вячеслав Вениаминович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета.

Ярков Юрий Михайлович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уральского института Государственной противопожарной службы МЧС России.

Яркова Елена Ивановна – научный сотрудник отдела использования и публикации документов Центра документации общественных организаций Свердловской области, г. Екатеринбург.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

ДОКУМЕНТ КАК СПОСОБ КОДИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

Н.П. Лукина 3

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДОКУМЕНТА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ: ОБЪЕКТНО-ПРЕДМЕТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В.А. Савин 9

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

О.И. Рысков 13

О ПРЕДМЕТЕ И ОБЪЕКТЕ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ КАК МЕДИСЦИПЛИНАРНОГО НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Н.С. Ларьков 17

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ

О.Е. Хмельницкая 26

Часть I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ

О ТРАКТОВКЕ ДОКУМЕНТА КАК ИНФОРМАЦИИ

Ю.В. Нестерович 31

К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ «ДОКУМЕНТ»

В.С. Боброва 35

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДОКУМЕНТНОЙ ПАРАДИГМЫ

Е.А. Плещкевич 39

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ВСЕРОССИЙСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ И АРХИВНОГО ДЕЛА

О.И. Рысков 44

АДЕКАВТАНОЕ ПРОЧТЕНИЕ ДОКУМЕНТА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Г.С. Иваненко 49

БУМАГА КАК МАТЕРИАЛЬНЫЙ НОСИТЕЛЬ ДОКУМЕНТА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В.А. Есипова 52

ИЗУЧЕНИЕ ТЕКСТОВ КАК ИНФОРМАЦИОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ДОКУМЕНТОВ (по материалам специальной печати)

Е.В. Мартынова, Г.И. Сбитнева 56

БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ КАК ДОКУМЕНТ

А.Д. Лобанова 60

МЕЖФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ПРОЕКТИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИОННО-ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	
О.А. Харусь	64
ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО КОМПЛЕКСА ТОМСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ И МЕРЫ ПО ЕГО РАЦИОНАЛИЗАЦИИ	
Е.А. Круглыхина	68
ПРОБЛЕМЫ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ	
Н.Л. Ерёмина	72
ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЗЕРВА КАДРОВ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К РЫНКУ	
А.Е. Черемнов	76
ДОКУМЕНТ В ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ	
В.В. Степанова	81
РОЛЬ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ НОВОГО ВРЕМЕНИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН	
М.В. Угрюмова	85
ОСОБЕННОСТИ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ БЕЛОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	
О.А. Уварова	88
МЕСТО АВТОДОКУМЕНТОВ В ПОРТФОЛИО УЧЕНИКА	
В.Ю. Соколов	92
ДИСЦИПЛИНЫ ДОКУМЕНТОВЕДЧЕСКОГО ЦИКЛА В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ИНФОРМАТИКОВ	
И.Л. Скипор	96
ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ» В АЛТАЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ	
Ю.А. Акимова	100
ИЗ ОПЫТА ПРОВЕДЕНИЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ-ДОКУМЕНТОВЕДОВ	
Т.А. Быкова	103
ОПЫТ ПОГРУЖЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ДОКУМЕНТОВЕДОВ В ПРОЦЕСС СБОРА ИНФОРМАЦИИ	
В.В. Степанова, О.А. Уварова	107
СПЕЦИАЛИСТЫ-ДОКУМЕНТОВЕДЫ НА РЫНКЕ ТРУДА	
Л.Н. Мазур	109

Часть II. ДОКУМЕНТНЫЕ РЕСУРСЫ, КОММУНИКАЦИИ, ТЕХНОЛОГИИ

ПРИНЯТИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ АРХИВНОМ ДЕЛЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» И РАБОТА ИНСПЕКЦИИ АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ	
К.А. Чернов	115

ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО АРХИВА НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ КОМПЛЕКСНОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ	
А.Г. Караваева, А.Г. Марчук, В.А. Привезенцев, О.Б. Родимова, А.З. Фазлиев	119
ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ООМИИ им. М.А. ВРУБЕЛЯ. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	
Т.Ю. Николаева	123
ИЗ ОПЫТА СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ КОЛЛЕКЦИЙ В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА	
А.В. Стебенева	127
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТОВ ЦЕНТРА ДОКУМЕНТАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЛЕКЦИЙ И ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ С ПЕДАГОГАМИ	
М.А. Федорова	131
ЭЛЕКТРОННЫЙ ФОНД ПОЛЬЗОВАНИЯ	
В.Н. Смирнов	134
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ «МУЗЕЙ-3» В ПРАКТИКЕ РАБОТЫ ОТДЕЛА УЧЕТА ГУК «МУЗЕЙ им. М.А. ВРУБЕЛЯ»	
Е.А. Острова	138
БИБЛИОТЕКА САЛАМАНКСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В XV–XVI вв.	
О.А. Жеравина	142
АРХИВ АКАДЕМИКА А.П. ЕРШОВА КАК ИСТОЧНИК ПО СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА	
И.А. Крайнева	146
ИСТОРИЯ СИБИРСКОЙ ШКОЛЫ ИНФОРМАТИКИ АКАДЕМИКА А.П. ЕРШОВА	
Н.А. Куперштох	150
ФОНДЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА (ПО ДОКУМЕНТАМ, ХРАНИЩИМСЯ В ЦДНИ ТО)	
О.П. Репина	156
ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ФОНД КАК ЭЛЕМЕНТ ДОКУМЕНТНОГО РЕСУРСА	
Л.Л. Попова	163
ПРОБЛЕМА АВТОРСКОГО ПРАВА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ	
В.В. Лобанов	167
ОПЫТ РАЗРАБОТКИ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫМИ ДОКУМЕНТАМИ ВУЗА	
А.А. Берг, Л.Е. Гуторова, С.Н. Кузнецов, Е.С. Попова, С.Л. Разинков	170
ИНТЕРНЕТ КАК ДОКУМЕНТНАЯ СРЕДА	
Ж.А. Рожнёва	174
ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ СО СТОРОННИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ	
В.В. Тарада	179
ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ НАЛОГОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ ПО ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫМ КАНАЛАМ СВЯЗИ	
Р.Б. Наздрачев	183

Часть III. ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОКУМЕНТОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

О.С. Поршнева 186

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ КАК ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Ю.В. Куперт 190

ДОКУМЕНТ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ОСНОВА РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОШЛОГО

Ю.М. Ярков 194

УСТНАЯ ИСТОРИЯ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДА (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ОГУ «ЩДНИ ТО» ПО ИНИЦИАТИВНОМУ ДОКУМЕНТИРОВАНИЮ)

Г.И. Кан 198

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ: ПРОБЛЕМА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ И ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

В.М. Рынков 203

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ДИАЛОГОВОГО ХАРАКТЕРА В РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЙ РОССИЙСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ РУБЕЖА XIX–XX вв.

Т.В. Кисельникова 208

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX вв.): РЕКОНСТРУКТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Е.И. Гололобов 211

ИЗ ОПЫТА ПОДГОТОВКИ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО СЕРИЙНОГО ИЗДАНИЯ «АРХИВЫ КРЕМЛЯ»

С.А. Красильников 214

МЕТОДИКА КОНТЕНТ-АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИИ ГАЗЕТНОЙ РЕКЛАМЫ

Г.А. Арышева 218

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СЕМЬИ

В.П. Зиновьев 222

ТОМСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Н.М. Дмитриенко 225

НЕЗАКОНОРОДЖЕННЫЕ В ТЫМСКОМ ПРИХОДЕ: ПОЗДНЯЯ РЕГИСТРАЦИЯ БРАКА ИЛИ СВОБОДА ОТНОШЕНИЙ

Н.В. Торошина, И.В. Чернова 228

ПЕРЕПИСКА РОДИТЕЛЕЙ УЧЕНИКОВ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ГИМНАЗИЙ С МЕСТНЫМИ ВЛАСТЯМИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ГИМНАЗИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Е.В. Сизова 235

КРИТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РУССКОМ МАРКСИЗМЕ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Н.А. Томилова 239

ТРУДЫ П.И. НОВГОРОДЦЕВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ВОПРОСАМ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА	
Е.В. Кайер	242
МЕМУАРЫ ВИКТОРА МИХАЙЛОВИЧА ЧЕРНОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЯХ МОРАЛИ	
А.Ю. Куренкова	244
«ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» СИБИРИ КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ	
В.В. Шевцов	247
ЖУРНАЛЫ СТРОИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ИМПЕРАТОРСКОГО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА	
С.А. Некрылов	251
ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1890-е – 1917 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)	
К.В. Фадеев	255
ПРОБЛЕМА МЕНТАЛЬНОСТИ СИБИРСКИХ ГОРОЖАН КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в. И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ	
Е.А. Андреева	259
АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ РАДИО ГОРОДОВ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX вв.	
В.А. Морев	263
СЕКРЕТНАЯ АГЕНТУРА В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ	
Г.А. Макурина	267
ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ТОМСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА (НА МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЙ СТУДЕНТ»)	
А.А. Иванов	271
АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА (НА ПРИМЕРЕ БИОГРАФИИ П.В. ВОЛОГОДСКОГО)	
Е.А. Казакова	275
ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА П.Н. КРЫЛОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БОТАНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СИБИРИ	
К.В. Зленко	279
ФОТОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В.В. САПОЖНИКОВА КАК ИСТОЧНИК ПО НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ УЧЕНОГО	
С.А. Меркулов	285
ИСТОЧНИКОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ СИБИРИ)	
Е.В. Луков	289
ОФИЦИАЛЬНАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ БЕЛОЙ СИБИРИ: ОСОБЕННОСТИ ПРОПАГАНДИСТСКОГО ДИСКУРСА И РИТОРИКИ	
Д.Н. Шевелев	293

ДОКУМЕНТ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ. МАТЕРИАЛЫ ФЕДЕРАЛЬНЫХ АРХИВОВ О РЕГИОНАЛЬНОЙ И МЕСТНОЙ ИСТОРИИ НАЧАЛА 1920-х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ)	298
Е.И. Яркова	298
АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ТЕХНОЛОГИИ ТРУДОУСТРОЙСТВА БЕЗРАБОТНЫХ ГРАЖДАН ТОМСКОЙ БИРЖЕЙ ТРУДА В 1920-е ГГ.	301
Л.А. Авдонина	301
ДОКУМЕНТЫ О НАЧАЛЬНОМ ПЕРИОДЕ АВТОНОМНОЙ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ КОЛОННИИ «КУЗБАСС» В СИБИРИ (1922–1923 гг.)	304
Ф.П. Тарасенко, Ю.В. Куперт	304
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА 1920–1930-х гг. КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА	310
Н.А. Грик	310
СОЦИОНИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ «ПРОЛЕТАРСКИХ ВЫДВИЖЕНЦЕВ» РУБЕЖА 1920–1930-х гг.: ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАССОВЫХ УНИФИЦИРОВАННЫХ ДОКУМЕНТОВ	314
И.В. Ильиных	314
К ВОПРОСУ О ЗОЛОТОДОБЫЧЕ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВОВ НОВОСИБИРСКОЙ И ТОМСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)	318
О.Я. Гутак	318
НОВО-АРХАНГЕЛЬСКИЙ СКИТ ПО ДОКУМЕНТАМ ТОМСКИХ АРХИВОВ	321
Л.Н. Приль	321
ГАЗЕТА «ДИНАМОВЕЦ» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ФИЗКУЛЬТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ В НАЧАЛЕ 1930-х гг.	326
П.В. Соловьёв	326
ДОКУМЕНТЫ ФОНДОВ ОГУ ГАТО КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НАРЫМА	329
В.А. Демешкин	329
ДОКУМЕНТЫ АРХИВОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОРГАНОВ ПАРТИИ В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ (1930–1940-е гг.)	332
А.С. Шевляков	332
ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПО ИСТОРИИ ТОМСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА 1931–1945 гг.	336
М.В. Грибовский	336
ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ВУЗОВ КУЗБАССА	339
Л.В. Липунова	339
К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ РЕЗЕРВОВ ДЛЯ ФРОНТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	342
В.И. Голиков	342
ПАСПОРТ ГОРОДА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ (1945–1950-е гг.)	345
Н.С. Головань	345

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИКАЗОВ ПО ТОМСКОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ УНИВЕРСИТЕТУ ЗА ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)	
А.С. Ульянов	347
К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «САМИЗДАТ»	
Ю.А. Русина	350
ДОКУМЕНТЫ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО (ИСТОРИЧЕСКОГО) ФАКУЛЬТЕТА ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	
Д.В. Хаминов	353
РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОЦЕССА РЕФОРМИРОВАНИЯ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРВЬЮ (конец 1980-х – 1990-е гг.)	
Ю.А. Иванова	357
ФЕДЕРАЛЬНАЯ СТАТИСТИКА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ	
В.П. Андреев	361
НОВЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ ТЫВЫ, ГОРНОГО АЛТАЯ И ХАКАСИИ – ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ БАЗА ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РЕГИОНОВ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	
Д.М. Каракаков	365
ДОКУМЕНТЫ АРХИВОВ ТЫВЫ, ГОРНОГО АЛТАЯ И ХАКАСИИ О РАЗВИТИИ КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РЕГИОНАХ	
Н.Д. Каракакова	368
«ТОМСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ» О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ (1990–2005 гг.)	
М.А. Телешева	371
ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2002 г. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РЕГИОНОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ	
М.А. Кильчакова	375
ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО РАДИКАЛИЗМА 1980–1990-х гг. В РОССИИ И ГЕРМАНИИ	
А.В. Суставова	377
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	383
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	386

Научное издание

**ДОКУМЕНТ
В ПАРАДИГМЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО
ПОДХОДА**

*Материалы Второй Всероссийской
научно-практической конференции
(г. Томск, 27–28 октября 2005 г.)*

Подготовка рукописи к изданию

И.Е. Косых, Е.А. Казакова

Редактор Н.С. Ларьков

Оригинал-макет В.К. Савицкий

Дизайн обложки В.Г. Караваев

Подписано к печати 08.01.06 г. Формат 60x90/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Times. Ризография.

Печ. л. 25. Усл. печ. л. 23,25.

Тираж 250 экз.

Заказ № .

Отпечатано на участке оперативной ризографии

Редакционно-издательского отдела

Томского государственного университета

634050, Томск, пр. Ленина, 36

Тел. (8+3822)+52-98-49

ISBN 5-94621-163-3

9 785946 211635